

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(ИФЛ СО РАН)
ФГБУ ВПО «НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(НГУ)
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
(СО РАН)
РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(РФФИ)**

Предложение как единица языка и речи

**Материалы Всероссийского научного симпозиума
с международным участием
«Предложение как единица языка и речи»,
посвященного 95-летию со дня рождения М. И. Черемисиной
(Новосибирск, 8–11 октября 2019 гг.)**

Новосибирск – 2019

Сборник издается при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-012-20089 Всероссийский научный симпозиум с международным
участием «Предложение как единица языка и речи»,
посвященный 95-летию со дня рождения М. И. Черемисиной

УДК 81'367.2(063)
ББК 81.052.2я431
П 711

Предложение как единица языка и речи. Всероссийский научный симпозиум (с международным участием): Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием «Предложение как единица языка и речи», посвященного 95-летию со дня рождения М. И. Черемисиной. Новосибирск, Академиздат, 2019. – 208 с.

ISBN 978-5-6043238-4-7

В настоящем сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников Всероссийского научного симпозиума с международным участием «Предложение как единица языка и речи», посвященного 95-летию со дня рождения М. И. Черемисиной. В статьях нашли отражение актуальные вопросы исследования языков Сибири.

Сборник представляет интерес для специалистов, работающих в области ареальной лингвистики и сравнительно-типологического языкознания.

Ответственный редактор:

Тюнтешева Е. В.

Редакционная коллегия:

Кошкарева Н. Б., Шамина Л. А., Селютина И. Я., Шагдурова О. Ю.,
Озонова А. А., Федина Н. Н., Добринина А. А., Рыжикова Т. Р.,
Уртегешев Н. С., Тазранова А. Р., Либерт Е. А.

Рецензенты:

д.ф.н. Широбокова Н. Н.,
д.ф.н. Ооржак Б. Ч.

ISBN 978-5-6043238-4-7

© ИФЛ СО РАН

**FEDERAL STATE BUDGET SCIENTIFIC INSTITUTION
INSTITUTE OF PHILOLOGY OF THE SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
(IP SB RAS)
FEDERAL STATE BUDGET INSTITUTION
OF PROFESSIONAL HIGHER EDUCATION
NOVOSIBIRSK NATIONAL RESEARCH STATE UNIVERSITY
(NSU)
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
(SB RAS)
RUSSIAN FOUNDATION FOR BASIC RESEARCH
(RFBR)**

Sentence as a Unit of Language and Speech

Materials of the All-Russian International Academic Symposium
Sentence as a Unit of Language and Speech
Dedicated to the 95th Anniversary of Maya Cheremisina
(Novosibirsk, October 8–11, 2019)

Novosibirsk, 2019

This anthology is financially supported by RFBR, project № 19-012-20089
“All-Russian International Academic Symposium *Sentence as a Unit of Language and Speech* dedicated to the 95th anniversary of Maya Cheremisina”

UDC 81'367.2(063)
LBC 81.052.2я431
P 711

Sentence as a Unit of Language and Speech: Materials of the All-Russian International Academic Symposium *Sentence as a Unit of Language and Speech* dedicated to the 95th anniversary of Maya Cheremisina (Novosibirsk, October 8–11, 2019). Ex. ed. E. V. Tyuntesheva. Novosibirsk, Akademizdat, 2019. 208 p.

ISBN 978-5-6043238-4-7

The following anthology presents the theses of participants of the All-Russian International Academic Symposium *Sentence as a Unit of Language and Speech* dedicated to the 95th anniversary of Maya Cheremisina. These works reflect the relevant issues of research of Siberian languages.

This anthology may be of interest for experts in areal linguistics, comparative and typological linguistics.

Executive Editor:

E. V. Tyuntesheva

Editors:

N. B. Koshkareva, L. A. Shamina, I. Ya. Selyutina, O. Yu. Shagdurova,
A. A. Ozonova, N. N. Fedina, A. A. Dobrinina, T. R. Ryzhikova,
N. S. Urtegeshev, A. R. Tazranova, E. A. Libert

Reviewers:

Doctor of Sciences N. N. Shirobokova
Doctor of Sciences B. Ch. Oorzhak

ISBN 978-5-6043238-4-7

© IP SB RAS

Майя Ивановна Черемисина
(1924–2013 гг.)

«Язык всегда представлялся мне чудом. Я так и не могу понять, как люди могли создать его, а тем самым и самих себя, – совсем как барон Мюнхгаузен, которому удалось за волосы вытащить из болота себя самого вместе с конем».

Состояние языка как показатель состояния духовной культуры народности¹

Русские пришли в Сибирь как завоеватели. Наш «уровень возможностей» несопоставим с тем, что имели аборигены Сибири – ни в военном, ни в хозяйственном отношении, ни в смысле современно понимаемой культуры. Это делает процесс ассимиляции неотвратимым, а потому и закономерным. Но остается открытым имеющий огромное значение вопрос о том, как именно будет протекать этот процесс: по возможности мягко и человечно или путем насилия и подавления?

В 20-е годы принципиальное решение этого вопроса было однозначным – в пользу гуманного, а значит, и медленного, естественного, ненасильственного пути. В 30-е годы, когда многое в стране уже перевернулось в связи с контрреволюционным переворотом 29 года, в области национальной политики в Сибири продолжалась линия 20-х годов. В военные годы по причинам, которые тогда не требовали объяснения, как бы вынужденно, работа в заданном направлении была, по сути дела, прекращена – и после войны, вплоть до 70-х годов, ничто восстановлено не было. Наступила эпоха административной русификации и борьбы с «пережитками» национального самосознания, которое интерпретировалось как национализм.

Проявилось это очень наглядно, конкретно и «просто». Если в 20–30-е годы для многих народностей была создана письменность, напечатаны буквари, учебники для начальных классов, переведены и изданы книги для детского чтения (рассказы о Ленине Кононова, рассказы Гайдара, иногда сказки), Конституция и др., то в военные и послевоенные годы литература на национальных языках перестает издаваться, запасы учебников ветшают, ранее изданное гибнет, «списывается» в библиотеках – а тем самым неизбежно приходит в упадок преподавание родных языков. А это неизбежно ведет к тому, что люди, для которых эти языки были родными, начинают осознавать себя – и, что еще печальней, действительно становятся «людьми 2-го и 3-го сорта».

... Идет массовый отсев учащихся – не только из средней, но и из начальной школы. Теряет престиж родная культура, а русская остается чужой. Разрушаются моральные устои, рядовым явлением становится не только браконьерство, «контрабанда» мехами внутри страны, – даже убийство «входит в обычай» и не слишком карается (пример – Игорь, эвенк, убивший 5 человек; 2 класса школы; оправдан выездным судом. Об убийстве сразу после события сам рассказал кое-кому в селе). Уязвленное национальное чувство толкает на злостные выпады против представителей других, прежде всего малых народов (с русскими связываться страшновато).

В 40 гг. вступает в силу «лозунг» о том, что национальные языки (и все национальное) изжили себя: все уже вполне владеет русским, и не надо поощрять «возврат к прошлому». Такие утверждения очень живучи, поэтому важно понять, в чем их вред и антигуманность, как соотносятся они с реальным положением дел.

По моим представлениям, почти все население современной Сибири умеет говорить по-русски. Есть уголки и в Якутии, и в Туве, и в Бурятии, и в некоторых других местах, где по-русски не говорят и не понимают, но число их неизменно сокращается, билингвизм (или полилингвизм) становится все более общим. Но очень важным, острым – я бы сказала – болезненным является вопрос о том, что такое тот русский язык, на котором говорит основная масса представителей иных народов Сибири.

На эту тему есть только одно серьезное исследование – кандидатская диссертация О. И. Гордеевой. Между тем, этот предмет заслуживает самого пристального внимания. Заслуживает потому, что, говоря «русский язык», подразумевают обычно «язык Пушкина, Тургенева, Чехова, Толстого», язык, способный передавать тончайшие оттенки мысли и чувства. Но ЭТИМ русским языком не владеют сейчас выпускники большинства самых наи-великорусских школ. Дети же нанайцев и эвенков, бурят и алтайцев, ханты и селькупов получают от своего окружения куций, всесторонне урезанный, плоский – псевдорусский, «бэйсик-рашен», не язык, а паллиатив. Он не приспособлен для выражения мысли и чувства – но лишь для посредственного пересказа почувствованного и увиденного.

Хорошо при этом, если он и выполняет эту «функцию перевода», если человек думает на родном языке, родной язык слышит во сне, на нем выражает душевные чувства – а по-русски их переводит:

¹ Статья является неопубликованной рукописью из архива Майи Ивановны и приведена здесь в авторской редакции. В качестве названия статьи нами взята строка из рукописи, которая, на наш взгляд, передает главную мысль этой работы.

«в переводе автора»... Но самое печальное происходит тогда, когда этот псевдорусский, язык без соли, без юмора, без образа, без фразеологии – без всякой «игры и воли» – становится первым и единственным языком ребенка...

«Переход» целой народности на такой «укороченный» русский – не прогресс, а регресс. Это нужно понять и усвоить. Постоянно говорят о том, что владение русским «открывает доступ к мировой культуре». У этого бесспорного на первый взгляд утверждения есть очень спорная сторона. Для постижения мировой культуры нужны не только «языковые очки» плюс словарь – нужны ум и душа, способные к ее постижению. «Псевдоязык» как второй позволит человеку, опираясь на словари, постигать и Толстого, и Аристотеля, и Голсуорси. Но если он первый и единственный, он не сформирует личности, которая захочет и сможет их постигать.

Ассимилятивный процесс идет, и если человечество будет существовать в XXI веке, то он будет продолжаться еще долго. Растворение одного этноса в другом происходит медленно и постепенно, под влиянием многих и разных причин и условий. Это и миграция, и смешанные браки, и внутренняя ориентация отдельных личностей, и окружение, и др. Искусственное ускорение этих процессов наносит личностям тяжелый ущерб. Выпадая из среды своего народа, люди рискуют не быть принятыми на равных в состав другой, «большой» нации. Это в полной мере относится к русским в их отношении к представителям сибирских народностей. Вопреки лестному мнению русских о себе как о великих интернационалистах, на деле вовсе не редко приходится сталкиваться с проявлениями мелкого великодержавного шовинизма («косоглазые», «вот эти» – с мимическими жестами, «вместо морды тарелка» и т. п. хамские эпитеты).

В действительности русский этнос на протяжении всей своей истории впитывал разнообразные «восточные» племена, растворяя в себе их антропологические признаки и частично их принимая. Мы давно антропологически «не славяне», особенно сибиряки. Так что не чистая внешность создает эффект «отторжения чужеродного белка». И не сам по себе склад характера – русские характеры сами крайне разнообразны. Очень важна, первостепенна в процессе общения роль языка: и чистота произношения, и правильность грамматических форм, и лексическое богатство, и способность понимать и порождать «живую» речь с ее незаготовленной образностью. Именно в этом смысле «псевдорусский» оказывается тем опознавательным признаком, который порождает не ощущение единства, а стремление к противопоставлению «наших», «своих» – чужакам.

«Промышленное освоение» Сибири и его вклад в национальный вопрос... Бывает освоение – и «освоение», равносильное грабежу. Национальные окраины Сибири – это хранилища природы. Бурятия – Байкал... Хакасия, Тува, Алтай, Горная Шория... Якутия... Север – Таймыр, Ямал, Васюганский озерно-болотный край... Природа – это богатство. Мы не можем «освоить» того, что построено. Много строим зря, не продумав. Губим природу, край, среду обитания. БАМ – зачем? Химия, целлюлоза на Байкале – зачем? Я видела их продукт: грубая, грубей некуда, полукартон, но прямо с опилками, бумага, из нее делают пакеты под продукты на один раз, 15 копеек шт. И еще год назад была надпись на пакете: «Защитим Байкал»...

Стыд. Слезы...

Сейчас «на очереди» – погубить Байкал, запрудить Катунь, и где?! В районе мертвого озера «горных духов», где выходы ртути... отравить Катунь – отравить Обь...

Есть ли вопрос – как отзывается на это национальное чувство алтайцев? «Обком – за», потому что им пойдут деньги и ордена, они укрепятся в креслах. Для них не то что «после нас хоть потоп», они и против «при нас потопа» ничего не имеют, лишь бы не дошло до их дома на горе...

Так что освоение освоению рознь. И лучше бы с ним не торопиться, – оставить место воды напиться.

Нельзя, не имеет права большой народ и его государство разорять среду обитания малого народа, называя этот раззор благодеянием, «промышленным освоением».

2. Национальная интеллигенция, культура и язык

Интеллигенция – это интеллектуальная и духовная сила нации, народности, ее творческий потенциал. Это группа людей, в наибольшей мере представляющих самосознание нации. В каждый данный момент истории этноса интеллигенция воплощает в себе, представляет «материально» живую культуру народа на ее сегодняшнем уровне.

Культуру любого народа, будь он большим или малым, я представляю себе как некую целостность, являющуюся, тем не менее, через множество «поворотов», «срезов», реализаций. Это, с одной стороны, сохраненное народной памятью прошлое. Оно может быть запечатлено в памятниках пись-

менности и материальной культуры, но если этнос живет, то его духовная культура обязательно представлена в духовном мире ныне живущих людей. Более того, если этнос живет, то его духовная культура в каждый момент находится в состоянии движения и развития.

Важнейшим выразителем состояния культуры любого народа является его язык, потому что именно в языке получают выражения, запечатлеваются все движения духа и мысли народной. Именно интеллигенция использует «готовый», «вчерашний» язык, чтобы выразить с его помощью мысли и чувства, которые рождаются сегодня, под влиянием сегодняшних событий и забот о завтрашнем дне. И в той мере, в какой эти мысли и чувства действительно являются сегодняшними, а не вчерашними, они воздействуют на язык, меняя, преобразуя его в некотором направлении. Новый смысл всегда требует новой формы – и всегда находит ее.

Национальная интеллигенция современных народов Сибири находится в сложной языковой (и шире – культурной) ситуации. Впрочем, сейчас на Земле трудно найти такие ареалы, где положение интеллигенции можно было бы назвать «простым»... Сибирская ситуация характеризуется национально-русским билингвизмом, а также достаточно определенным и относительно единообразным распределением функций между родным языком и русским. За родным языком остаются «традиционные» сферы материальной и духовной жизни, к числу которых, кроме традиционных промыслов и быта, относится вся или почти вся художественная деятельность. Русский язык обслуживает «новые и современные сферы»: это язык деловой жизни, язык власти, язык партии, язык производства, не говоря о межнациональном общении. Это язык школьного знания, вузовской науки, специальных областей знания, технического и научного.

Соответственно тому, как распределяются по своим сферам русский и родной языки, в душе человека тоже проходит какая-то граница, черта, водораздел, разделяющая душу на вовсе не равные части. У каждого она проходит по-разному, то есть в составе каждой народности есть люди, «русифицированные» в разной степени. А вот какое соотношение этих сфер и индивидов с разным развитием той и другой можно считать для настоящего момента оптимальным – и, следовательно, желательным, – это пока вопрос, требующий раздумья.

Ясно, что в наши дни представитель любой народности Сибири не может быть назван интеллигентом, если он не владеет, или очень плохо владеет русским, – не читает, не пишет по-русски. Не является подлинным национальным интеллигентом и тот, кто овладел русским – и оставил родной язык, не говорит на нем и не думает. Такой человек, даже если он работает на благо своего народа, уже не принадлежит ему в подлинном смысле слова. «Национальным интеллигентом» можно, по-видимому, назвать человека, владеющего русским в сфере своей профессиональной и общественной жизни, но использующего родной язык в качестве первичного средства формирования мысли и выражения чувства. Иначе говоря, родной язык должен оставаться для него родным, первым – русскому же отводится очень широкая, но «вторичная» сфера.

При этом условии национальная интеллигенция сохраняет свою национальную специфику, а тем самым приобретает и особую функцию в жизни народности: она «отвечает» за производство и за потребление национальных духовных ценностей.

Я говорила выше, что показателем состояния духовной культуры народности является состояние языка. Но судить о состоянии языка и извне, и изнутри народа очень трудно. Здесь нужны и специальные знания, подготовка, и кроме того, специальные данные о предыдущих состояниях языка, без чего невозможно судить о направлениях и темпах движения. «Абсолютные» же характеристики языка с этой точки зрения как раз мало интересны: ведь речь идет не об уровне развития данной народности «как таковой» – без всякого анализа ясно, что уровень культуры нганасан несопоставимо ниже, чем якутов, а уровень якутской культуры ниже армянского или грузинского. Речь о том, куда движется язык, что произошло в нем в течение 10, 20, 50 лет.

Более наглядное, живое представление об этих процессах духовного развития народности дает ее художественная литература, – если, конечно, она развивается, если выходят в свет новые произведения писателей. Этот показатель духовной жизни я считаю исключительно важным. Далеко не все народы Сибири имеют художественную литературу, но о тех, которые имеют и пополняют ее, можно уверенно говорить, что их дух жив. Развивается духовная культура якутов, алтайцев, тувинцев, бурят, о чем свидетельствует систематическое пополнение корпусов художественной литературы этих народов. Медленнее, слабее протекают эти процессы в Хакасии. Не имеют художественной словесности, а по существу дела, и письменности вообще, ханты и манси, шорцы, долгане, эвенки, нанайцы, все самодийцы, кеты.

Говоря о художественной литературе, о возможностях и о темпах ее развития, нужно иметь в виду, постоянно помнить о том, что литературно-художественный процесс возможен и всегда осуществ-

вляется как процесс взаимодействия создателей и потребителей «художественного продукта». Писатель не может творить, если нету читательской массы, которая ждет его произведения. Но читательская масса не может сформироваться, если нету писателя, нету произведений, которые можно читать и обсуждать. Поэтому первые шаги национальной литературы всегда тяжелы, и первый роман может долго оставаться единственным.

В наших условиях национально-русского билингвизма немаловажным обстоятельством является то, что средняя школа формирует, плохо ли хорошо ли, «кадры читателей» русскоязычной литературы. Казалось бы, что «тем самым» оказывается «сам собой» подготовлен и круг читателей для авторов, пишущих на родном языке. Однако это не так. Нам самим приходилось беседовать с молодыми бурятами, которых мы спрашивали, читают ли они бурятский журнал «Байгал». «Нет, – смеялись они, – не читаем. Ждем, когда эти рассказы и повести выйдут на русском». А это были билингвы, вполне владеющие бурятским и уверенно называющие родным именно его.

В чем же дело? ...Конечно, не последнюю роль здесь играет инерция, известная лень мысли: по-русски молодежь читает много и регулярно, на своем языке – меньше и изредка. Но есть и еще один очень важный мотив: нужен специальный стимул, нужны особые качества, которые сделают литературу на родном языке нужной и незаменимой. Я думаю, что это качество очевидно: родная литература должна говорить о родном, о том, о чем не говорит и не может сказать русскоязычная. Она должна иметь не просто «свои сюжеты» – из алтайской, из якутской, тувинской, бурятской жизни. У нее должен быть свой особый глаз, своя душа – и тогда она займет особое место в душах читателей.

Если литература будет отражать состояние души своего народа, его мысли, надежды и опасения, это немедленно найдет отражение в языке: появятся ранее не бывшие формы, выйдут из запасников потенциальные конструкции, родятся образы, метафоры и сравнения, и все это будет вспоминаться и усваиваться читателями, развивая и понимая их.

Стоит заметить, что языки народов Сибири, – как алтайские, т. е. тюркские, тунгусо-маньчжурские и бурятский, так и угорские, и самодийские, очень богаты потенциально. У них огромные пока еще не востребованные резервы, позволяющие при первом требовании жизни образовывать множество новых слов, прозрачная внутренняя форма которых дает ключ к их правильному пониманию в контексте, грамматических форм и конструкций. Все эти средства выражения мыслей и чувств проснутся, если придет на них спрос. Но придет ли он, и когда?..

Чтобы он пришел, должен сложиться сильный отряд писателей и поэтов. А он не складывается, если не сложился читатель. А для того, чтобы сложились читательские круги, кроме созданных писателями текстов, о чем речь уже была, нужно также уметь читать, думать над прочитанным, соотносить с жизнью. А для этого нужна школа.

3. Школа, вуз и формирование кадров национальной интеллигенции

Формирование и воспроизведение национальной интеллигенции малых народов, застигнутых историей на пред- и дописьменной стадии культурно-исторического развития, процесс не простой и вполне естественный. Советская власть провозгласила принципом своей национальной политики ускорение естественного исторического процесса применительно к этим народам и в 20–30-е годы начала претворять этот принцип в жизнь, к началу войны достигнув в этом направлении вполне определенных результатов.

Важнейшей характеристикой этой политики было первоначальное обучение детей на родном языке. На родном языке сравнительно легко постигается детьми вовсе не очевидный принцип буквенного, фонематического письма. Дело в том, что фонема, т. е. звукотип, различитель звуковых оболочек слов и морфем, с точки зрения фонетической, звуковой – «материальной» реальности речи есть фантом, фикция. Это научный конструкт, позволяющий создать предельно экономную систему письма. Фонетической реальностью является слог, т. е. единство согласного и гласного. «Звук М» в слове Машка не равен «звуку М» в словах мошка и мушка. Не случайно арабские филологи времен халифата много десятилетий бились над расщеплением слога, т. е. решали задачу, уже решив которую наши дети в школе постигают искусство письма. Арабское письмо так и остается консонантным, фиксирующим только согласные звуки, и потому оно не позволяло и не позволяет «увидеть» гласные. А того, чего мы не видим, оказывается, мы нередко и «не слышим», точнее – слышим, но не распознаем.

Наше звуковое письмо «показывает» нам и гласные, и согласные звуки как равноправные. Мы научаемся слышать их, потому что сначала видим их написанными на доске: в слове *мама* 4 звука, два согласных и два гласных: м-а-м-а.

Ребенок легко выполняет эту работу, как игру, на родном языке. Легко подбирает другие слова, где есть м+а, м+и, м+о, а затем н+а, р+а, к+а и т.д. Если же это надо делать на чужом, плохо освоенном языке, когда запас слов невелик, да и нет уверенности, что в памяти они хранятся точно, – ведь сплошь и рядом акустические образы искажаются, а артикуляторный аппарат, приспособленный к родной речи, искажает слова еще более, – задача оказывается чрезвычайно трудной, для многих неразрешимой.

С этого, первого школьного шага, начинается отставание, которое вскоре, весьма вероятно, перерастет в стойкую неуспеваемость и закончится либо «отсевом» из средних классов, либо еще в младших классах к переводу в школу для умственно отсталых детей. А ведь дети нормальные.

В 60–70-е гг. отсев детей из нормальной школы за счет малых народностей возрос чрезвычайно, и не из 7, 8, 9 классов, а из младших, не исключая даже и первого. Очень яркая, трагическая картина была у нанайцев, но немногим лучше и у других малых народов.

Социальные и культурные следствия такого положения очень разнообразны. Одно из них – это чувство своей неполноценности, которое прививается нерусскому населению, и негативная оценка интеллектуальных возможностей этого населения со стороны русских. В том числе, – это я хочу особенно подчеркнуть! – со стороны районных руководителей и работников просвещения. Говорю это, основываясь на собственном опыте, на реакциях работников РК, РИК, отдела школ – русских – на наш интерес к национальным школам, к преподаванию на родном языке и родного языка: удивленно поднятые брови, пожимание плечами, а иной раз словесно – «и на что вам эти дикие языки?».

Конечно, эти реакции характеризуют прежде всего культурный уровень «местного начальства» и «местных просветителей»: это отнюдь не Кириллы, не Мефодии, не Стефаны Пермские... Но ведь именно они вершат сегодня судьбы национального просвещения, и иного пока не дано. Почему не дано и что надо сделать, чтобы стало дано – это вопрос другой, и о нем позже.

Вернемся к школьному обучению. Школа, и даже национальная (таких осталось очень мало, явно меньше, чем нужно), не закладывает учащимся подлинного владения родным языком, не прививает желания и умения читать, писать, красиво говорить на родном языке. И происходит это прежде всего потому, что страшно мало настоящих преподавателей, которые сами свободно владели бы языком и кроме того хотели бы и умели передать это владение детям.

Система подготовки учителей поставлена очень слабо. Кроме Якутии я не могу назвать ни одного ареала в Сибири, где дело с подготовкой кадров преподавателей родных языков обстояло бы не то что хорошо, но просто благополучно. В Бурятии, Туве, на Алтае, в Хакасии есть пединституты со специальными факультетами или отделениями. Но кадры преподавателей недостаточны и количественно, и качественно. Кадры высокой квалификации – доктора, профессора – если и есть, то они на кануне пенсии или уже ушли (Ш. Ч. Сат в Кызыле, Ц. Ц. Цыдыпов в Улан-Удэ). Новых докторов, к сожалению, почти не появляется, а те, которые есть, не преподают. Это относится и к лучшим специалистам без докторской степени (Д. А. Монгуш в Туве, А. Т. Тыбыкова в Горно-Алтайске).

Еще более неблагоприятно обстоит дело в автономиях меньшего масштаба. Угорские народы не имеют вуза, нет ханто-мансийского отделения ни в Тюменском ГУ, ни в Тобольске. Есть лишь педучилище, где преподают те же учителя. Со смертью Н. И. Терешкина остались только одна Е. И. Ромбандеева и А. И. Сайнахова, манси по национальности, имеющие ученую степень кандидата наук. Два специалиста есть по экспериментальной фонетике хантыйского языка, – обе русские, работающие преподавателями английского языка в Новосибирске. Ни один специалист высокой квалификации не живет и не работает в Ханты-Мансийске, не ведет преподавания, почти не принимает участия в подготовке новых квалифицированных кадров.

Нисколько не лучше обстоят дела у нанайцев, – довольно крупной народности, у эвенков, еще хуже у других тунгусо-маньчжурских народностей (кроме, пожалуй, эвенов Якутии) и у самодийских народов. Так что, куда ни глянь, всюду беда, всюду дыры, которые срочно нужно латать.

Я считаю, что в современных условиях безотлагательно нужно наладить, с учетом всех возможностей и резервов, прежде всего, в сибирских университетах: НГУ, Тюменском, Красноярском, Якутском ГУ, а также в национальных (в автономиях) педвузах «индивидуальную», личную подготовку кадров преподавателей, заранее продумав и законно оформив решение о наиболее целесообразном использовании этих кадров по завершении подготовки. Специалисты нужны, необходимы – но рабочих мест для них запросто может не оказаться, поскольку, как известно, свято место пусто не бывает, и если оно занято обросшим мхом пнем, то скосырнуть этот пень не трудно, а невозможно. Если так, надо создать рядом новое рабочее место...

Новые кадры должны получать широкую филологическую подготовку. Они должны теоретически освоить русский язык – а значит, и теоретический аппарат русистики. Должны уметь теоретически

осмысливать факты и формы родного языка. Должны научиться чувствовать его своеобразие на фоне других языков Земли, должны научиться любить его и ценить. Должны проникнуться горячим желанием прививать эту любовь детям, студентам – всем.

Сейчас слово «интеллигенция» подразумевает людей умственного, творческого труда разного конкретного содержания. Это и врачи, и инженеры, и учителя всех предметов, и научные работники, и художники, артисты, писатели. Когда говорим об интеллигенции национальной, в фокусе должны быть те группы работников, которые самым непосредственным образом связаны с родным языком: писатели и поэты, сказители, учителя-преподаватели языка и литературы, а также истории, включая историю своего народа. Эти люди – основа, без которой само понятие «национальной интеллигенции» лишается смысла. Инженер – как профессионал! – думает по-русски: если он вносит вклад, – усовершенствование, изобретение, – то в культуру страны, а не своего народа. Национальным интеллигентом он является лишь постольку, поскольку читает свой журнал, альманах, своего писателя, свою газету, поскольку помнит наизусть родные стихи, родные сказания и легенды, родные песни; поскольку говорит на родном языке... Поскольку на родном языке видит он сны...

Именно поэтому о филологических, гуманитарных кадрах должны мы специально заботиться, если не на словах, а на деле хотим помочь малым народам вернуть уважение к себе, чувство собственного достоинства, без которого погибают они, топя горе в вине.

...Когда к эвенкам, в глубоко спившееся село, приезжал специалист, который начинал говорить с ними – русский – по-эвенкийски, слушал их, записывал на магнитофон, переспрашивал, уточнял, – пьянство в селе если не прекращалось, то сокращалось, для людей наступал праздник, расцвет души, хоть ненадолго...

Не могу не сказать – как по-доброму встречали и нас, наши экспедиции, всюду, куда мы приезжали «за языками»... Отвечали на наши вопросы, – а вопросники большие! – за счет своего досуга. Писали – часто совсем непривычной к карандашу рукой. Приходили к нам в гостиницу, торжественно, принаряженно, – в самом деле, как на праздник, – и листки принести, и объяснить, чего не сумели. Мне теперь внутренне неловко перед ними из-за того, что, бывало, задавали им лишнюю работу, не умея найти кратчайшего пути к цели. И, конечно, я пожизненно благодарна всем тем, – а этих людей сотни, – кто помогал нам при изучении бурятского и эвенкийского, тувинского, алтайского, хакасского, хантыйского, мансийского, нганасанского, селькупского, нанайского языков. И я уверена, что у них самих осталось в душе чувство удовлетворения от того, что они принесли свою лепту, чтобы их язык продолжил жить на Земле.

Это отступление от темы, конечно. Возвращаясь к теме и завершая данный ее фрагмент, скажу, что формирование национальной интеллигенции невозможно мыслить себе как единую кратковременную акцию, – но только как замкнутый процесс, где нет конца и начала, все взаимно связано и обусловлено. Школа не может выполнять своих функций, если нет учителей, способных учить, и детей, которые хотят и могут воспринимать, учиться. Учителя должны быть хорошими, и тогда, как следствие, будут становиться лучше, добрее, умнее ученики, и слово учителя будет падать на мягкую почву. А из добрых учеников вырастут новые учителя и писатели, а те, кто станут врачами, инженерами, звероведами и пастухами, будут уметь и любить читать.

Хороших учителей должны готовить в вузах хорошие специалисты. Учебники и учебные пособия должны писать знающие и понимающие дело люди... Это так просто и тривиально, – смотрите кинофильмы в кинотеатрах, летайте самолетами Аэрофлота... Элементарно, – и именно потому выглядит детской сказочкой, которая в действительной жизни неисполнима... Вероятно, потому, что в обществе есть силы, которым выгодно и удобно, чтобы все оставалось так.

Очень много уже сделано для того, чтобы представители малых народов потеряли веру в ценность своих этносов и себя самих как частиц чего-то своеобразного, достойного существовать в собственном качестве. Однако убить волю к такому самостоятельному существованию у народа, оказывается, нелегко. Примером и доказательством тому может быть национальная ситуация в Горной Шории.

Шорцы – тюркоязычный народ, родственник алтайцам, хакасам, тувинцам. Небольшой, но и не очень малый: около 18 тысяч. Для них была создана письменность, были учебники, литература для чтения, что-то печаталось. Перед войной вышла Грамматика шорского языка Н. П. Дыренковой и подготовленный ею же 1-й том шорского фольклора. Был готов и 2-й том, и даже, по слухам, он набирался в Ленинграде перед блокадой, но после освобождения в типографии ни набора, ни рукописи не нашли.

Так что начиналось все хорошо, да продолжалось плохо. Как-то вышло, что преподавание родного языка в школах прекратилось, учебники сгинули, книги стали библиографической редкостью, а специалистов по шорскому языку, кроме Н. П. Дыренковой, умершей в 1941 году в Ленинграде, и вооб-

ще подготовлено не было. А потом по непонятной причине сам язык оказался «на нелегальном положении»: говорить по-шорски шорцам, мягко говоря, не рекомендовалось, а если проще, то в общественных местах запрещалось.

Однако волю к жизни этого языка запреты не подавили. В середине (начале?) 70-х годов в Новокузнецком ГПИ возникла группа преподавателей, и шорцев, и русских, изучающих шорский язык. Инициатором и руководителем группы был шорец Э. Ф. Чиспияков. Его ученица А. В. Есипова поступила в аспирантуру под руководство проф. Е. И. Убрятовой, которая в течение ряда лет приезжала в Новокузнецк из Новосибирска и консультировала начинающих тюркологов. Сейчас А. В. Есипова уже давно к.ф.н., аспирантуру заканчивает, защитила кандидатскую диссертацию. ...Готовятся к поступлению в аспирантуру и к написанию диссертаций как соискатели еще несколько человек. Заслуживает внимания и то, что целый ряд шорцев, которые в прежние годы говорили только по-русски, сейчас восстанавливают и уже восстановили забытый с детства родной язык и, как бы компенсируя ему свою измену, изучают его с утроенной энергией.

Этот пример, как мне кажется, очень поучителен. Если национальная политика станет иной, – т.е. если не на словах, а на деле наше общество пойдет навстречу малым народам, проявляя в этом вопросе и гуманизм, и широту взгляда и понимания (на что, честно говоря, надежд у меня немного), то малые и средние, или точнее, средне-малые и средние, незамедлительно откликнутся на эти изменения.

...Я внутренним ухом слышу многоголосый вопрос: «А зачем это надо? А что это даст нам?».

На этот вопрос так же трудно ответить, как если спросят – зачем лечить больного, особенно если он не молод, зачем ставить очистные сооружения, зачем протестовать против вивисекции, зачем Красные книги... Зачем все, что не дает прямой практической пользы и не приносит непосредственного удовольствия? Стоящим на этой позиции мне отвечать нечего, – разве что пожелать хоть во сне побывать в положении тех, о ком речь. А исчислять в тысячах рублей выгоду, которая может произтечь от того или иного шага – сплошь и рядом это чистое шарлатанство. Пока мы стоим на позиции, будто рабский труд материально выгоден, все меры, направленные на формирование свободных людей, будут восприниматься как «невыгодные».

4. Язык как абсолютная ценность для человечества

До сих пор мы говорили «с позиций сегодняшней ситуации», имея в виду не столько языки, сколько говорящих на них людей. Но язык, каждый человеческий язык, и даже не человеческий: язык муравьев, пчел, – представляет собой непреходящую ценность, как продукт особого рода творчества. Язык – не только средство общения, – это всегда средство познания мира. В каждом языке, в его словаре и грамматике запечатлен весь исторический опыт народа, весь пройденный им путь. Запечатлен качественно иначе, чем в эпосе и в корпусе художественных произведений, но не менее, а даже более глубоко и полно.

Много языков исчезло бесследно – как и множество видов животных и растений – в те века, когда еще не осознавалась тяжесть таких потерь, не было средств удержать уходящее, не было тех, кто хотел сохранить что-то «на память». Но теперь время иное. Мы начинаем понимать цену потерь и их безвозвратность. Начинаем думать о том, как сохранить для будущего память, значимые следы того, что во всей своей полноте реальности обречено на исчезновение.

С этой точки зрения глядя на языки малых народов Сибири, надо четко понимать, что жизнеспособны из них не все. Есть языки, – ительменский, тофский, юкагирский, – которые уже не наследуются молодым поколением и, следовательно, не войдут в XXI век. Есть такие, которые войдут в следующее столетие, но все равно у них нету шансов удержаться, окрепнуть, расширить свои социальные функции, стать литературными языками. Таких в Сибири немало: это и нганасанский, энецкий, селькупский, – самодийские; и многие тунгусо-маньчжурские, по сути дела, едва ли не все; и нанайский, и эвенкийский заметно сдали свои позиции. Обско-угорские языки, хантыйский и мансийский, находятся в таком состоянии, когда дальнейшая их судьба трудно предсказуема: еще есть шанс, чтобы удержаться им «на плаву», но вероятность того, что этот шанс не будет упущен, трезво говоря, очень невелика.

Какую же позицию мы, ученые, а шире – наше общество, с нашей точки зрения, должно занимать в отношении языков, которые вряд ли имеют или заведомо не имеют перспективы дальнейшего развития и процветания?

Я полагаю, во-первых, что эта позиция должна быть близка к позиции врача, который обязан помогать больному до последнего его вздоха. Мы должны исходить из того, что каждый язык имеет

право на жизнь – но при этом каждый человек тоже имеет право на ту жизнь, которую он выбирает, включая право выбора родного языка для своих детей и основного языка для себя самого. Там, где ассимиляция уже произошла, назад пути нет. Помогать выжить надо тем языкам, носители которых хотят выжить как этническая отдельность. Но нужно помнить, что культурно-историческую ценность представляют абсолютно все языки.

Перед человечеством стояла задача познания мира, которая могла быть решена лишь на основе открытия знаковой формы хранения информации о мире и оперировании ею. Каждый язык – это особая знаковая система. Человек, с помощью своей мыслительной способности, единой для всего человечества, создал не один язык, а великое множество языков. И мы знаем, что если расходятся в пространстве коллективы людей, говоривших на одном языке, то языкотворческие процессы в каждом коллективе уводят языки в разные стороны. Языки исчезают, умирают – а в других местах возникают новые языки; и никогда не возникают такие языки, какие уже были однажды. Все языки разные, – и в то же время был глубоко прав Ж. Вандриес, который сказал, что на Земле есть только один язык – человеческий.

Перед языкознанием как наукой стоит много задач. Среди них есть практические, направленные на то, чтобы помочь языкам обслуживать общество, помочь школе обучать языку, помочь мастеру слова оттачивать язык, делать его совершенней – а для этого создавать грамматики, словари и выполнять много других очень важных работ. Есть и более теоретические задачи, связанные с изучением истории языка, т.е. конкретных путей их формирования и развития. Историческое и сравнительное языкознание, как известно, проливают свет и на историю народов, на их происхождение, на контакты с другими народами в те времена, когда письменной истории еще не было. Историческое и сравнительное языкознание позволяет народу, достигшему сравнительно высокой ступени развития, подняться на новую ступень самосознания своей особенности и неповторимости, увидеть свое историческое место среди народов мира: чей ты сын, чей ты брат, кто друзья твои были в далеком и ближнем прошлом? Откуда идешь ты и куда направлен твой путь?

Но и над этой задачей есть еще более теоретическая, уже общечеловеческая задача: что такое язык как знаковая система, позволяющая нам познавать окружающий мир и самих себя? В чем состоит инвариантное качество, общее для всех человеческих языков Земли, – качество, присущее каждому языку, поскольку он есть язык, но невидимое нам непосредственно, потому что непосредственно мы видим пестроту, видим то, что различает языки мира, а не то, что их сближает и роднит между собой.

...Что такое инвариант – и какие самые крупные, самые принципиально важные варианты есть у него? Или иначе: сколько разных принципиальных решений нашло человеческое «решающее», мыслительное устройство применительно к одной, неизменной задаче познания мира? Представим себе весь огромный мир – и против него темное, еще не говорящее существо, – все еще предстоит. И теперь: решено, создан тот, кто мыслит и познает мир, создана наука, которая знает мир достаточно, чтобы уничтожить и его, и себя, создано великое средство познания – тысячи разных человеческих языков... Но пока неизвестно, что такое язык в самой глубинной сути своей, что есть единый инвариант языков, сколько вариативных решений нашло человечество. Уже ясно, что их немного, совсем немного. Но с этой точки зрения особенно острой является необходимость сохранить для науки все языки, всех уходящих, малых, особых народов. Сохранить последние осколки некогда богатых и многочисленных языковых семейств.

Юкагиры были некогда главными хозяевами сибирской тайги, жили от Тихого океана до Урала... Потом их вытеснили эвенки. И вот уже сто с небольшим человек, сохранивших родную речь, осталось от этого большого народа... Надо спешить записать от этих людей все, что они могут рассказать о себе нам и человечеству, все, что помнят и знают. Изучая их язык, мы многое поймем относительно их происхождения, их прошлого, их судьбы. Но увы, нет специалистов, которые способны поехать на север, пожить там, записать материал. Нет у нашего общества средств, чтобы оплатить эти расходы. А очень скоро снимется и сам этот вопрос, потому что записывать будет нечего, не от кого. И не только юкагиров это касается, но также и нганасан, и энцев, и негидальцев, и ульчей, и ороков, и орочей, и нивхов...

Пора спохватиться, развернуть эту работу, найти для этого деньги, штатные ставки, рабочие места. Если будет существовать человечество, велика будет наша вина перед ним. Ну а не будет – о чем тогда говорить... Только как обществу жить, если оправдание его в том, что все равно конец света не за горами?

Майя Ивановна Черемисина

В разные периоды моей жизни Майя Ивановна Черемисина была для меня учителем, наставником, коллегой.¹ Не хотелось бы, чтобы это мое утверждение звучало выпендренно и пафосно, но она была одним из самых интересных ученых, встреченных за мою – уже долгую – научную жизнь, и одной из самых интересных личностей. Она умела думать. На самом деле, это редкое человеческое свойство. Большинство людей вырабатывает в процессе жизни – если вообще вырабатывает – определенную систему взглядов и потом чаще всего только ее и придерживается. Но Майя Ивановна думала всегда; вы могли это наблюдать даже в процессе обычного разговора с ней, на любую тему: научную, философскую или просто бытовую. И всегда это была очень необычная точка зрения, которая поднимала разговор на иной уровень. «А если посмотреть на эту проблему под иным углом зрения», – это был именно ее подход к любой ситуации, и это выражение превратилось в *мем*, как бы теперь сказали, повторяемый коллегами, которые работали с ней, или людьми, которые просто с ней общались. Я этим свойством ее личности всегда восхищалась и понимала его исключительность, – явление настолько редкое и истинно настоящее, как, например, уникальное произведение искусства, музыки ли, живописи ли, или нетронутая человеком природа. Процесс рождения мысли – за ним наблюдать и присутствовать при нем – это невыразимое удовольствие.

Очень точно, хотя несколько иначе, сформулировала эту же мысль моя однокурсница и коллега Майи Ивановны по институту канд. ист. наук Н. Н. Александрова: «Майя Ивановна нарушала нормы везде – не только в науке. Идеалом было (и есть) благополучие и довольство, а она говорила ученикам и коллегам про реальные проблемы, часто нарушая мои (тут я бы сказала – наши <Л. Г.>) мещанские стереотипы».

Но не следует думать, что Майя Ивановна Черемисина была таким сухим бескомпромиссным аналитиком, – совсем нет. Эмоционально ее легко было, что называется, «завести», и этим какие-то люди пользовались. Особенно резко она реагировала на любые проявления несправедливости по отношению к любому человеку, на ложь, на некомпетентность в любой сфере, на попытки манипулировать ею. Но это была сиюминутная реакция, вслед за которой немедленно включался аналитический аппарат и все подвергалось анализу. И горе было тому человеку, который попадал под ее гнев, который мог быть и яростным и долговременным, – на такие вещи память у нее была отличная. Подобного рода случаи я тоже наблюдала.

Вместе с тем Майя Ивановна была человеком, что называется, «камерным». Ее невозможно было себе представить произносящей речи с трибуны, на большую аудиторию, если это только был не Ученый совет при институте или не конференция, которых было множество в ее научной деятельности и на которых она блистала своим умом, неиссякаемым количеством новых идей и умением их формулировать. Это свойство она и сама прекрасно осознавала и говорила мне об этом в личных беседах. Их у меня с ней было много, и всегда ее суждения поражали меня своей неординарностью и благородством. Это была школа разума, никогда не злословия. Как сказала моя однокурсница и однокурсница канд. пед. наук А. Г. Перцева (Вебер) о нашем школьном учителе проф. Э. Н. Горюхиной, «она задавала систему измерений человеческих ценностей», и это утверждение в полной мере должно отнести и к личности Майи Ивановны Черемисиной.

Майя Ивановна была человеком увлекающимся и способным увлекать людей, – харизматичность ее была удивительна. Она всех вокруг заряжала творческой энергией, и, хотя никогда ни на кого не давила, сила ее убеждения была потрясающая. Вокруг нее всегда роились аспиранты, ее часто можно было видеть в окружении преподавателей различных вузов Новосибирска и других городов Сибири. Приезжали за советами, за научными идеями, которых было множество, – и они не иссякали. Все знали ее интеллектуальную щедрость, и кое-кто этим недобросовестно пользовался, не делая фор-

¹ Эти мои записки не представляют собой ни подробную биографию Майи Ивановны, ни анализ ее научных предпочтений и достижений (существует множество публикаций, которые отражают и то и другое), но являются личной попыткой осмыслить степень влияния, которое она оказала на мою жизнь, и попробовать сформулировать свое представление о масштабе ее личности, как в общечеловеческом, так и научном аспектах. Кроме того, оставляю за собой возможность говорить о том, о чем хочу, и умалчивать о том, о чем не хочу рассказывать широкой публике. Именно поэтому какая-то часть наших бесед с ней останется исключительно во мне.

мальных ссылок, хотя бы и на личную беседу. Как-то я заметила в разговоре с ней, что многие ее идеи разлетаются по миру, приобретая совсем иных авторов, на что Майя Ивановна мне ответила, что она совсем об этом не жалеет; сколько убыло, столько и прибудет, а если какая-то мысль будет развита и превратится в хорошую работу, – так чего же может быть лучше. Многие ее научные идеи становились достоянием лингвистической публики, и уже пойдя, поищи, кто их первый высказал. Совсем с другим отношением к персональным идеям (каковы бы они ни были) я столкнулась в Институте востоковедения РАН, когда пришла туда в первый день на работу. Не буду упоминать имя сотрудника, к тому же его давно уже нет в живых, который меня немедленно отвел в уголок и строго предупредил, чтобы я никому не рассказывала о своих неопубликованных работах, поскольку утащат же все интересные результаты немедленно! Для меня это был шок; ну, не привыкла я к такому в Сибирском отделении. Справедливости ради надо сказать, что впоследствии никто из сотрудников мне такого не советовал. Однако – да! – со временем некоторые идеи становились «народным достоянием» без всяких ссылок. Случайно обнаружив это, я тут же вспоминала Майю Ивановну и говорила себе «не жалко, все пошло в дело».

В годы моей учебы на гуманитарном факультете (Гумфак) Новосибирского государственного университета (1966–1971 гг.) М. И. Черемисина работала, в основном, в области русистики.² Поскольку я училась в малочисленной группе студентов (нас было всего пятеро), которая изучала тунгусо-маньчжурские языки, то основное знакомство с Майей Ивановной как с лектором, пришлось на старшие курсы, когда она читала нам лекции по общему языкознанию, включая теоретический синтаксис. Со стороны Майи Ивановны это был фейерверк идей, в том числе и пересказ тех, которые пришли к нам из-за рубежа, и блестящее их изложение, а с нашей – с моей уж точно – это был огромный интерес к новизне, хотя, строго говоря, эти идеи давно уже не были совершенно новыми в мировой лингвистике, как я потом уже поняла, но в нашей стране – были.³ Майя Ивановна была первым преподавателем, который в явной форме донес до меня идею, что мир, в котором функционирует море различных языков, – огромен, и что в мировой лингвистике равноправно существуют разные подходы к исследованию языкового материала. И это обстоятельство, в свою очередь, является правомерной основой для формирования многообразия лингвистических теорий. Это более или менее становилось понятным уже и из лекций выдающегося ученого северокавказца член-корр. АН СССР В. А. Аврорина, который читал нам курс «Введение в языкознание», и в основе его лекций лежал учебник А. А. Реформатского «Введение в языковедение», первое издание которого относится к 1950 г. В 1967 г., когда я уже училась в НГУ, было выпущено пятое издание, но книга, конечно, не могла – по определению – включать тот материал, который можно было бы отнести к новым направлениям в лингвистике, тем более, к зарубежным. Безусловно, В. А. Аврорин добавлял в своих лекциях определенную информацию о новых направлениях в области исследований – в большей степени – алтайских языков, поскольку именно они составляли его непосредственный научный интерес, но все же это были лекции для студентов начальных курсов.

Лекции Майи Ивановны предназначались для студентов уже другого, более высокого, уровня, а потому ложились на более подготовленную почву. Меня особенно привлекал структурный подход к лингвистическому материалу; видимо, сказывался тот факт, что я закончила математическую школу и предпочитала подходить ко всему с позиций математической логики.⁴ Майя Ивановна в начале своей карьеры в НГУ преподавала на отделении математической лингвистики, и это, конечно, чувствовалось в лекциях, которые она читала и на филологическом факультете. Логика, структурные методы исследования, формализованность определений, – это было то, что меня особенно привлекало тогда в ее лекциях.

Конечно, в те годы я не знала о том, что после известных событий 1968 г. Майя Ивановна была формально отлучена от преподавания в университете, в котором она работала с 1965 г. (по совмести-

² 25 мая 2016 г. на базе Гумфака был создан Гуманитарный институт как структурное научно-образовательное подразделение НГУ.

³ Первый выпуск книги неперiodической серии *Новое в лингвистике*, включающей наиболее значительные труды зарубежных лингвистов по вопросам общего языкознания, появился в издательстве «Иностранная литература» под редакцией В. А. Звягинцева в 1960 г. (Москва, 1960).

⁴ 10-я общеобразовательная школа г. Новосибирска (в 1996 г. она получила статус гимназии № 10), директором которой в 1963–1981 гг. был Ефим Наумович Варшицкий. Школа была экспериментальной площадкой Новосибирского пединститута. В 1961-м году был открыт первый класс математиков-программистов, введено углубленное изучение английского языка, развивалось производственное обучение. Это было время расцвета нашей «десятки».

тельству) и в котором смогла возобновить занятия со студентами только в 1975 г.⁵ Спасало только то, что негласно у нее была все-таки возможность вести занятия, поскольку деканат Гумфака и Институт, место основной работы Майи Ивановны, закрывали глаза на эту «подпольную» деятельность, о чем она сама потом рассказывала.⁶ В 1968 г. В. А. Аврорин тоже был вынужден покинуть НГУ, в котором он работал с 1962 г., был организатором и первым деканом гуманитарного факультета, и вернуться в Ленинград, где работал в институте Языкознания АН СССР до переезда в Новосибирск.⁷ Нас покинула и канд. филол. наук Е. П. Лебедева, супруга В. А. Аврорина, которая преподавала нашей группе маньчжурский язык и вела занятия по фольклору и этнографии тунгусо-маньчжурских народов. Мы сильно обеднели.

Большой удачей было то, что проф. Е. И. Убрятова, выдающийся тюрколог, начала читать нашей группе курс общей тюркологии, а В. М. Надеяев, фонетист высочайшего уровня, специалист в области экспериментальной фонетики сибирских языков, а также монголистики и тюркологии, обучал нас монгольским языкам, классическому и халха. Осталась и Л. М. Бродская, которая вела у нас эвенкийский язык и с которой мы ездили в различные экспедиции в районы проживания эвенков, где собирали языковой материал; она же руководила моей дипломной работой.⁸ Впоследствии она присоединилась к работе синтаксической группы, которую возглавляла Майя Ивановна в Отделе филологии Института истории, филологии и философии (ИИФФ),⁹ написала несколько статей по синтаксису эвенкийского языка, а также участвовала в написании двух коллективных монографий.¹⁰

Когда я думаю о том, чего нам недодал университет, то становится безумно жаль безвозвратно потерянного времени, потраченного на изучение таких предметов, как, например, история КПСС. Не могу сказать, что мы были очень усердны, но все же наличествует сожаление о том, сколько иностранных языков, например, мы могли бы освоить, но не освоили, когда по молодости память была очень хорошая и все запоминалось мгновенно. Однако, смею надеяться, что наши уникальные преподаватели научили нас критически относиться к научным идеям и самим добывать информацию, – далеко не все университеты ни в нашей стране, ни в какой другой могут это предъявить в качестве своих достоинств. Теперь, когда мне самой пришлось заниматься с аспирантами, которые закончили лингвистические факультеты в различных университетах мира, я особенно ясно это понимаю.

Три года после окончания Университета я провела в Москве. Это было время, когда я не общалась с Майей Ивановной, поскольку поступила в аспирантуру, где вполне самоуверенно демонстрировала знание современных лингвистических представлений, которые получила от нее.

⁵ 27 марта 1968 г. газета "New-York Times" опубликована так называемое "Письмо 46-ти", в котором ряд преподавателей из НГУ и ученых из научно-исследовательских институтов новосибирского Академгородка (что очень часто совпадало в одних лицах, поскольку многие сотрудники институтов одновременно преподавали и в НГУ как совместители) выступили в поддержку правозащитников Гинзбурга, Галанскова, Добровольского и Лашковой, которые были арестованы за опубликование закрытых материалов суда над диссидентами А. Д. Синявским и Ю. М. Даниэлем. Об этом стало известно из «Голоса Америки», радиостанции, которая вещала на СССР и которую многие академгородковцы, конечно же, слушали, невзирая ни на какие официальные запреты. Однако это произошло уже позднее, после того как письмо попало в Верховный Суд СССР, которому и было предназначено. Вслед за этим последовали репрессии: кто-то был исключен из КПСС, кто-то уволен с работы, кто-то эмигрировал. Так называемая хрущевская оттепель закончилась и в Академгородке, хотя она там длилась дольше, чем в центре страны. И только 12 июня 1990 года Бюро Советского РК отменило постановление 16 апреля 1968 года, в котором осуждались действия «подписантов» (история этого события и связанных с ним фактов, включая документы, подробно изложена в книге проф. истории НГУ И. С. Кузнецова «Новосибирский Академгородок в 1968 году: «письмо сорока шести». Документальное издание. Новосибирск, 2007). Майя Ивановна вспоминала, что «подписанты» по-существу требовали немного – открытого и честного суда над правозащитниками, но и это был уже такой прецедент, который требовал от властей немедленных репрессивных мер.

⁶ Директором Института истории, филологии и философии (ИИФФ) в то время был акад. А. П. Окладников, а ректором университета – акад. С. Т. Беляев.

⁷ Думаю, что для этого была целая совокупность причин; может быть, это было большое число «подписантов» с гумфака НГУ (М. С. Качан: <https://www.proza.ru/2018/10/06/625>) в совокупности с тем фактом, что в январе 1968 г. несколько студентов написали лозунг «Свободу Гинзбургу», который считался антисоветским, на зданиях Академгородка, а потом спрятались в общежитии Гумфака (Л. Ф. Лисс. Из воспоминаний об истории гумфака НГУ // Идеи и идеалы № 2(16). Т. 2. 2013). С 1968 г. и до самой смерти В. А. Аврорин работал в Ленинграде старшим научным сотрудником Ленинградского отделения Института языкознания АН (1968–1977 гг.).

⁸ В то время Л. М. Бродская была аспиранткой Института, но впоследствии защитила и кандидатскую и докторскую диссертации.

⁹ В настоящее время самостоятельный Институт филологии СО РАН.

¹⁰ Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984; Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986.

Второй этап моего научного и человеческого общения с Майей Ивановной Черемисиной пришелся на то время, когда я поступила на работу в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, в сектор языков народов Сибири (1974–1980 гг.). Это были годы, когда эпоха оттепели в стране была далеко уже позади, но в Академгородке она все еще сохранялась, и коллектив ученых в нашем секторе подобрался такой, что мы могли говорить о многом и выражать свое отношение ко многим вещам, которые происходили в стране в то время, и так, как мы это тогда понимали.

В середине 70-х гг. Майя Ивановна Черемисина защитила докторскую диссертацию «Сложные сравнительные конструкции русского языка» (1974 г.) и в 1975 г. стала профессором кафедры общего и русского языкознания НГУ. Книга, изданная на основе диссертации, подводила определенный итог ее исследованиям, как лингвиста, который работал в разных областях русистики. Она увлекалась (как увлекалась языком вообще и восхищалась русским языком в любых его проявлениях) лексикологией русского языка, и лексической семантикой, в том числе и явлениями синонимии, и фразеологией, и синтаксисом сложных конструкций, – все эти направления как бы стекались в одной книге и получали в ней интересное и совершенно неожиданное осмысление.

Именно в это время Майя Ивановна стала интересоваться алтайскими языками. Возможно, этот ее интерес был вызван влиянием Е. И. Убрятовой и В. М. Наделяева, которые были большими энтузиастами в своих областях, и Майя Ивановна со свойственной ей языковой интуицией поняла, насколько обращение к материалу сибирских языков, которые принадлежали к разным языковым семьям (тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской), способно расширить лингвистическое (научное) пространство любого языковеда.¹¹ Представляется, и об этом уже много говорилось, что фундаментальная идея Е. И. Убрятовой о том, что для установления связей как между словами, так и между единицами более высоких языковых уровней, а именно, словосочетаниями и предложениями, тюркские языки используют одни и те же языковые средства, нашла у Майи Ивановны не только глубокое понимание, но получила дальнейшее развитие. Так называемый «алтайский тип» подчинительных конструкций обусловил также появление возможности взглянуть на устройство синтаксиса сложных конструкций в европейских языках под другим углом зрения.

Эта идея помогла ей увидеть возможность уточнения и расширения теории простого, сложного (и усложненного) предложений (конструкций) в общем языкознании. Структурным элементом, минимальным строительным кирпичиком, на основе которого строятся более сложные конструкции, послужило введенное Майей Ивановной понятие предикативной единицы. Другим фундаментальным понятием стало понятие элементарного простого предложения. Этот период научной деятельности Майи Ивановны я очень хорошо помню.

К этому времени я защитила диссертацию (по эвенкийскому языку), и естественно возник вопрос о том, что же делать дальше. Предложение Майи Ивановны заниматься синтаксисом сложного предложения в эвенкийском языке в составе синтаксической группы, которой она планировала руководить, поступило как нельзя своевременно. Собственно, группы как таковой еще не было, ее еще нужно было создать.

Если иметь в виду научную деятельность, я вспоминаю это время, как самое счастливое. С радостью я бежала в институт, тогда Отдел филологии, а если удавалось обнаружить какую-нибудь интересную синтаксическую конструкцию в эвенкийском языке, то было двойной радостью обсудить ее с Майей Ивановной; конечно, за дверью сектора, в коридоре, чтобы не мешать работе других сотрудников, ведь у каждого из них была своя тема исследований. Майя Ивановна радовалась вместе со мной, и каких только лингвистических проблем мы тогда не обсуждали, и я ловила каждое ее высказывание. За любым из них стоял большой смысл и интересная лингвистическая философия.

Помню, что с гордостью увидела таблицу, которую я придумала к одной из своих статей и которую Майя Ивановна повесила в своей комнате над диваном, где часто отдыхала. Эта таблица отражала на материале конкретных языковых форм факты происхождения в эвенкийском языке деепричастных показателей из причастных суффиксов в определенных падежах, и мне самой она очень нравилась, как и сама статья, но я не ожидала, что она настолько может понравиться и Майе Ивановне. Ее энтузиазм был совершенно искренне равен моему.

Если кто-то думает, что группа в том расширенном составе, который она приобрела в годы расцвета научной деятельности Майи Ивановны в институте и секторе, появилась сразу и одновременно приобрела широкую известность на научных просторах Сибири, тот сильно ошибается. Все начина-

¹¹ С 1966 г. Е. И. Убрятова руководила Отделом филологии *Ин-та истории, филологии и философии СО АН СССР*. С 1968 г. она также была заведующей Сектором языков народов Сибири.

лось постепенно, с появлением новых аспирантов, с привлечением к работе сотрудников других сибирских университетов и научно-исследовательских институтов, с организации первых научных синтаксических конференций, с публикации первых сборников научных статей.¹² В 1976 г. у Майи Ивановны появилась первая лаборантка, Л. А. Шамина, которая сразу же включилась в работу и стала заниматься тувинским языком¹³, защитила сначала кандидатскую диссертацию, а потом и докторскую, опубликовала несколько монографий, а затем уже и сама воспитала несколько кандидатов наук, – вот яркий пример того, как росли специалисты под влиянием и руководством Майи Ивановны. Будучи аспиранткой Майи Ивановны, присоединилась к работе группы Е. К. Скрибник, которая после защиты кандидатской диссертации стала в 1980 г. членом Сектора языков Сибири и выросла в крупного специалиста по монгольским языкам, а потом и финно-угорским; защитила докторскую, получила звание профессора. И это совсем не единственные примеры, – таких примеров множество. Постепенно к работе стали присоединяться аспиранты и уже состоявшиеся исследователи из числа представителей коренных народов Сибири. К середине 80-х гг. тематика исследований обрела вполне определенное название «Синтаксические исследования языков народов Сибири (сопоставительно-типологические исследования строя сложного предложения в алтайских языках Сибири)» и итоги уже проведенной работы нашли свое отражение в двух упомянутых выше коллективных монографиях по теории синтаксиса сложного (и усложненного) предложения.

Здесь уместно сказать о том, что Майя Ивановна расширила представление о типологическом направлении в языкознании. Чаще всего в типологических работах применяется дедуктивный метод: на основе материала какого-то ограниченного числа языков постулируется некая теория, и уже в ее рамках начинает рассматриваться материал других языков. При этом зачастую те факторы, которые обуславливают специфику каждого отдельного нового языка, рассматриваемого в рамках постулируемой теории, не получают необходимого анализа и учета. Много раз я имела возможность наблюдать, как эта специфика ускользала из описания какого-то языка, и тогда он становился неотличимым от большинства других, которые вполне отвечали этому отработанному подходу. Майя Ивановна настаивала на сочетании дедукции и индукции. Такой подход требовал не просто общего представления о конкретных языках, а внимательного и досконального знания каждого и его основных характеристик. Только при этих условиях любой язык, попадающий в сферу анализа, может не только вписываться в какую-то типологическую теорию, но понимание его специфических черт поднимает эту теорию на другой, более высокий, теоретический уровень.

Отдельно хотелось бы сказать о сборниках научных статей, которых было опубликовано множество.¹⁴ Я очень хорошо помню работу над первыми из них. Мы были и авторами, и составителями, и корректорами, и редакторами. Но, конечно, главным редактором была Майя Ивановна.¹⁵ Она читала и правила все тексты, – кто понимает, тот знает, что это за кропотливый труд. К сожалению, эти сборники издавались небольшим тиражом, и по большей части не выходили за пределы Сибири. И хотя сейчас они собраны в обширной библиотеке Института филологии, куда вошли частные библиотеки Е. И. Убрятовой и В. М. Наделяева, но даже и аспиранты института не всегда знают о тех статьях, которые вошли в эти сборники и могли бы быть им полезны. Конечно, многие научные результаты, полученные в ходе исследования языков Сибири и Дальнего Востока и изложены в этих сборниках, получили свое обобщение в ряде изданных монографиях. И все-таки жаль, что эти книжечки, внешне такие невзрачные, но по-существу очень содержательные, в каком-то смысле преданы забвению. Там можно найти интересные мысли и идеи.

Майя Ивановна была центром притяжения сибирской (и не только) научной публики. Вспоминаются *brain storming*, которые проходили в доме Майи Ивановны, когда собирались аспиранты и сотрудники, задействованные в теме, и всем сообществом обсуждались насущные научные проблемы. Посылали кого-то в магазин, делали салат из морковки, Майя Ивановна пекла вкуснейшие лепешки, заваривался чай, и все научное собрание получало дополнительный импульс, – возникало чувство команды и коллектива. Больше такой атмосферы я нигде не встречала.

¹² Ежегодные конференции под названием «Сложное предложение в языках разных систем» начали проводиться в Отделе филологии с 1978 г.

¹³ Тувинский язык относится к тюркской семье языков.

¹⁴ Таких сборников было опубликовано более двадцати.

¹⁵ М. И. Черемисина была ответственным редактором моей книги «Категория вида в эвенкийском языке». Изд-во «Наука», Сибирское отд-ние, 1979.

В 1980 г. я переехала в Москву и была принята на работу в Институт востоковедения АН СССР.¹⁶ Пришлось – чему я очень рада – расширить свою специализацию в области тунгусо-маньчжуроведения; я стала плотно заниматься изучением маньчжурского языка, а потом пошла дальше на восток, – и китайским. Однако наши научные и человеческие контакты с Майей Ивановной на этом не закончились. Я присылала Майе Ивановне результаты своих исследований в области маньчжуристики и непременно получала ее заинтересованный отклик, – ей это было так же интересно, как и мне. Мои научные статьи печатались в новосибирских синтаксических сборниках. Иногда получалось приезжать в Академгородок для участия в научных конференциях. Время от времени Майя Ивановна прилетала в Москву сама, – там жила и работала ее сестра акад. Т. И. Заславская, и мы встречались и в Москве. Либо я приезжала в академический санаторий «Успенское», где она отдыхала вместе с сестрой, либо она приезжала в гости в мой дом, либо мы встречались где-то в других местах, однажды вместе ходили слушать оперу Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» (*The Legend of the Invisible City of Kitezh and the Maiden Fevroniya*) в Большой театр.¹⁷ До сих пор помню свое впечатление от увертюры к опере, где тема девицы звучала на фоне мелодии, изображающей музыку пустыни-леса, пение птиц, шелест листвы (как известно, пустыней раньше назывались любые необжитые места). Возвращались из театра поздно, в пустынном метро, в котором как бы еще продолжала еще звучать фантастическая музыка, и увлеченно обсуждали наши впечатления, и, как всегда, меня поражала неординарность суждений Майи Ивановны.

Вспоминаю наши встречи с Майей Ивановной в Академгородке в ее доме. Постепенно они стали традиционными, и к нам часто присоединялись Н. Н. Широбокова и Л. А. Шамина.¹⁸ К тому времени Майя Ивановна стала прибавлять, чем дальше, тем больше, оставила свое заведывание Сектором языков народов Сибири, сохранив за собой позицию главного научного сотрудника, и уже редко посещала Институт. Конечно, к ней продолжали приходиться аспиранты, с которыми она по-прежнему много работала, приезжали коллеги из других городов Сибири, но было очевидно, что ей не хватало общения. Она очень радовалась нашему приходу; ее дочь Танечка, несмотря на свою занятость, радушно нас принимала, всегда готовила вкусное угощение, и мы проводили долгие часы за разговорами обо всем на свете.¹⁹ У меня сохранились фотографии этих встреч, датируемые разными годами. На них видно, что Майя Ивановна была довольна и счастлива (на тот момент). Она просила нас приходиться еще, и это приглашение, как мне всегда казалось, не было данью простой вежливости.

Я в это время много времени проводила в Окленде (Новая Зеландия), но мы с Майей Ивановной переписывались по интернету, – я храню много ее писем. У нее был прекрасный слог, особая образность – недаром она писала стихи, сложный синтаксис и отсюда своя, скажем, авторская пунктуация, которую она могла себе позволить (изобрести?).²⁰ Одно из них, в котором так ясно и ярко выражены и ее физическое и психологическое состояние, и ее отношение к существующей на тот момент ситуации в стране, и ее представления о мире, точнее, его философия, я хочу сейчас опубликовать, хотя и с несколькими купюрами (датировано 21 июня 2002 г.):

«Дорогая Лилечка! < ... >. Ваше письмо я прочитала с сильными чувствами, оставляя в стороне интерес. Надо бы как-то лучше выразить, но не хочется пышности. С грустью, с болью, с волнением. Да, вот так судьба и эпоха испытывает людей на разрыв: голова и руки востребованы, или – может быть – находят себе применение где-то в одном месте, чужом и далеком. А душа и сердце остаются в другом, где жить очень трудно и как-то даже оскорбительно. И мысли. Где мысли? Они вне пространства, но в то же время в пространстве.

У меня сейчас мало времени и сил. Сегодня мы с Таней <дочь Майи Ивановны – Л.Г.> решили купить билеты из Москвы, – в Москву уже давно куплены, – потратили полдня. Потом заехали в сберкасса, снять деньги на отпуск (больничных и отпускных я, конечно, получить не успеваю, а все

¹⁶ Сейчас Институт востоковедения РАН.

¹⁷ Тогда билеты в Большой можно было только «доставать» и их «достала» Т. И. Заславская.

¹⁸ К тому времени проф. Н. Н. Широбокова стала заведующим Сектором языков народов Сибири, а потом и зам. директора Института филологии СО РАН.

¹⁹ Т. П. Черемисина, канд. эконом. наук, в настоящее время является старшим научным сотрудником Института экономики и организации промышленного производства СО РАН и преподавателем НГУ (доцент кафедры менеджмента).

²⁰ В книге «Язык и его отражение в науке о языке» (Новосибирск, 2002. С. 5). Майя Ивановна писала: «Язык всегда представлялся мне чудом. Я так и не могу понять, как люди могли создать его, а тем самым и самих себя, – совсем как барон Мюнхгаузен, которому удалось за волосы вытащить из болота себя самого вместе с конём. Ведь именно так должно было происходить, когда неразумные еще наши предки создали орудие мысли, которое вывело их на дорогу разумной жизни».

заранее собранное как-то улетучилось за время болезни и лечения в нашей родной бесплатной Академической клинике).

Лилечка! Вряд ли вы теперь можете представить себе, что такое эта наша больница. Впервые, прооперировали меня самым примитивным образом, шов через весь живот, и пока рана еще не зажила. Оперировали по существу без разрешения родственников – поскольку я сама была под наркозом и мало соображала. Когда Таня пришла решать – и решать против операции – я уже была в палате без камней. <...> Ну, а что такое «бесплатная медицина» – про это лучше никогда не вспоминать, вычеркнуть из памяти навсегда. Но теперь дело сделано и надо забыть и поправляться. После первой операции из день была в реанимации и десять дней в палате – и даже мысли у меня не было о последствиях наркоза. Сделали укол в спинной хребет, я все слышала, только дремала, и врач не давал заснуть. А тут какой-то дурной наркоз, от которого, все говорят, полгода надо отходить. Во всяком случае, месяц уже прошел, а я хожу как шальная, все забываю – положила и забыла, хоть очень стараюсь запомнить. Ну, надеюсь, что все-таки отойдет. Устаю очень быстро – свою статью, которую готовила в наш журнал, смогла прочесть только 7 страниц из 27! Но аспирантские труды понемножку читаю и правлю.

Я так подробно Вам пишу и «просто для рассказа» и отчасти как бы в ответ на Ваше письмо. Но то, как я написала, это не то, что я хотела бы сказать, а этого не передашь, слов таких нет у меня. Это ощущение, что так жить нельзя, человеком быть нельзя, себя уважать нельзя. Вот Таня летит в Канаду на Глашкину свадьбу <внучка Майи Ивановны – Л.Г.>. <...> А Глашка – она уже там. У нее уже нет этого раздвоения. Мы – здесь, но у нас, у многих, оно есть и от него никуда не деться.

У нас есть «наше дело», и только оно держит на плаву. Мы учим детей. Они выучиваются, идут в аспирантуру (рвутся), работают, защищаются. Вот в апреле у нас 6 защит, и все очень хорошие. И у нас удалось оставить троих – значит, и я, и Наташа Ш. <Н. Н. Широбокова – Л.Г.> сможем немножко сбросить с себя хоть семинары. Но ведь это такой маленький мирок, наши три комнаты, из которых нас вот-вот выгонят – не выгоняют только потому, что нет денег на ремонт там, куда нас гонят. Как будто воронье гнездо на осеннем дереве, с которого уже облетели листья. Ну, впрочем, это, конечно, если остановиться и оглядеться окрест. А если просто идти и идти, и смотреть только вперед и по бокам на расстоянии метра, то можно сказать, что все хорошо.

Я очень и очень рада, Лилечка, что Ваш труд завершен.²¹ Я понимаю (или мне кажется, что понимаю), какую махину вы своротили – за собственный счет (во всех смыслах этого слова). И мы все Вам признательны и благодарны за то, что Вы доносите до англоязычной публики то, что мы стараемся делать и делаем в меру сил и возможностей. О собственной сути Вашей работы я сейчас не говорю – это ведь надо бы или прочитать (что невозможно) или слышать от Вас. Да, стоимость книги безумная. У меня тут вышла книга «Язык и его отражение в науке о языке», 240 страниц, кажется, и 200 экз. всего, и она 125 рублей! Это по нашим деньгам! Но за два месяца все разошлось. Я из больницы вышла, хотела еще купить – уже «увы». Но для Вас, для Лены <Елена Скрибник – Л.Г.>, для Иры <доктор филол. наук, Ирина Невская, бывшая аспирантка Майи Ивановны – Л.Г.> берегу.

Я понимаю Ваше ощущение пустоты. Правда, мне его редко приходилось испытывать в бытность мою в Новосибирске, точнее, конечно, в Городке <Новосибирский Академгородок – Л.Г.>. Но все равно понимаю – ведь это бывает не только с книгами: было что-то, что делаешь, отдавая все, что в тебе есть, и вдруг кончилось, нету, по той или иной причине. Вроде – воздух один – а дышать как бы и нечем. Но все-таки, Лилечка, жизнь учит, что такие раны человек заживает, находя себе новое дело.

Вот Вы говорите, что ощущаете себя зрителем в театре. А ведь в каком-то смысле мы все, здесь, дома, в России – ощущаем себя похоже на это. С нами, вокруг нас происходит что-то, что, преломленное под многими углами зрения, нам по вечерам показывают по телевизору. Мы соотносим то, что происходит в доступности непосредственному восприятию с тем, что показывают нашим глазам в теле-рамке. И что нам остается, кроме как предаться грустным раздумьям о тишине всего на Земле и о том, что все, что имело начало, будет иметь конец. Выхода, перспективы, не видит, по-моему, никто.

²¹ Речь идет о моей «Грамматике маньчжурского языка», которая вышла на английском языке в известном голландском издательстве Брилль в 2002 г. (*Manchu Grammar. Handbook of Oriental studies. Central Asia. Volume seven.* Brill. Leiden – Boston – Köln, 2002, 600 pp.).

Да, именно «свое дело», то дело, которое ты ощущаешь своей кровью, что оно «твое» – это единственное, что не только дает силы жить, но делает жизнь по-настоящему интересной. Каждый день перед тобой задача – двигаться вперед, думать, искать правильный ответ на висящий вопрос, находить, отвергать, исправлять, наконец, найти – и сразу следующий шаг, иногда легче, иногда труднее. Да, это жизнь, которая имеет смысл, – хотя со стороны может казаться иначе. «Иметь» – это тоже, может, могло бы быть целью, но только в том случае, если ценность «узнать и знать» тебе не дана. Вам она дана.

Что касается финансовых проблем, то понимать-то я их хорошо понимаю, но сказать, в сущности, нечего. Наши зарплат едва хватает на жизнь. Вот, казалось, скопила немного на лето, и даже мечтала купить новый холодильник. Но операция (бесплатная), и вот только на месяц съезжу на дачу к Т.Ив. <акад. Т. И. Заславская – сестра Майи Ивановны – Л.Г.>. Что говорить: мы-то доведены до нищеты. <...> Да, мы ТАК живем.

Да, и не сомневайтесь! Между Вами и Россией КНИЖКА есть, и больше того. Вы сами есть «между собой и Россией». Большая половина Вас – тут. Несмотря ни на что, какая она ни будь. Вот если ее не будет, кому же все тогда будем нужны. Хотя сейчас мы тоже никому не нужны. Но «никому» – это не есть «ничему».

Ой, время мое истекает. Письмо нужно кончить сегодня, чтобы завтра Таня его отправила.

Про страну Вы пишете очень интересно и ново для меня. Последние Ваши вопросы – как живем – я вроде бы написала. Наши и мои личные планы – главное, что они ЕСТЬ. Наташа Широбокова теперь замдиректора, а директор в длительной отлучке. Она «заводит» разные гранты и проекты для молодежи. Я считаю, что и мне, и ей надо постепенно освобождаться от лекционных курсов в НГУ – мне поскорей, ей помедленнее, но передавать курсы ученикам, что модно, а самим готовить и публиковать курсы. Ведь мы набираем ШЕСТОЙ раз – значит, по пять раз каждый курс прочитан уже. Я ставлю задачу – в этом году с помощью Аяны <канд. филол. наук, ведущий научн. сотрудник Айяна Озонава, секретарь Сибирского филологического журнала – Л.Г.>, моей любимой бывшей аспирантки, которая сейчас в Германии, но в августе будет дома, собрать воедино все лекции о простом предложении в тюркских языках и подготовить к печати как пособие. В будущем году – сложное предложение, пред-разработки неплохие, есть на что опираться. Сегодня говорили с Наташей <Широбоковой – Л.Г.> – поступило требование (пожелание) переиздать мою книжонку «Языки коренных народов Сибири». Она была написана при открытии нашего отделения, срочно, я ее не люблю и ею не горжусь, но она существует и используется. Так вот, Нат. Ник. <Широбокова – Л.Г.> предложила развернуть (что она развернет) историческую часть – она же мастер в этом вопросе! И Алла <недавно ушедшая из жизни канд. филол. наук, ведущий научн. сотрудник Алла Мальцева, ученица Майи Ивановны – Л.Г.> про чукотские может что-то добавить. Ну и сама я пересмотрю – дело-то нужное.

Да, Вы знаете, наверное, что у нас утвердили в докторах <наук – Л.Г.> Силантьева, литературоведа. Он близко к Лене <Скрибник – Л.Г.>, кончал НГУ. Это очень важно для докторского Совета. Ну, и Ира Невская обещает в августе приехать и оформиться. Если бы пробить докторский как постоянный!

Ну вот, на этом уж я кончаю. Скоро 12. А у меня еще лежит статья аспирантки.

Лилечка! Очень желаю Вам всего, чего Вы сами по-настоящему хотите! Если вдруг окажетесь в Москве, звоните Заславским, там кто-нибудь будет бывать. <...>

Ваша М.Ч.

Один разговор, который случился только между нею и мной, запомнился мне навсегда. Майя Ивановна была грустна, подавлена и сетовала на то, что она так мало успела в жизни, – имелись в виду, конечно, научные идеи, которые не удалось развить, и планы, которые не удалось осуществить. Я же ее убеждала в обратном: она успела очень много, и помимо конкретных результатов в области типологического и функционального синтаксиса, с учетом возможности представления моделей предложений разного типа в каждом конкретном языке Сибири и Дальнего Востока (ряд тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, финно-угорских), она смогла создать единую синтаксическую теорию, ориентированную на языки разных систем, тем самым сумев расширить границы и методы теоретического языкознания.²² Майя Ивановна очертила направление научной работы для многих аспи-

²² В фундаментальной работе «Очерки по теории сложного предложения» (1987), написанной М. И. Черемисиной совместно с Т. А. Колосовой, сформулированы основные теоретические представления относительно структурного и типологического синтаксиса, и материалом к книге послужили языки разных систем.

рантов и коллег, дала им импульс для дальнейших исследований, участвовала в создании научных кадров из представителей коренных народов для региональных национальных университетов и научно-исследовательских институтов. Тем самым ею было создано новое научное направление, которое получило название Новосибирской синтаксической школы.

Но я не сказала ей, конечно, о том, что считаю ее вклад в мировую лингвистическую науку недооцененным, включенность в которую могла бы быть гораздо более существенной. Почему это произошло? Частично – из-за отсутствия равноценных переводов на иностранные языки, прежде всего, на английский. Конечно, ученики и коллеги Майи Ивановны участвовали в различных международных конференциях, где рассказывали о результатах, полученных в рамках исследований Новосибирской синтаксической школы, а некоторые работали (и сейчас еще работают) в зарубежных университетах, пропагандируя (по возможности) ее основные идеи и достижения. Но тут важно учитывать различия в терминологических системах, лежащих в основе разных теорий. В последнее время мне пришлось писать свои статьи и книги на английском языке, неизбежно обращаясь к иным лингвистическим традициям и, соответственно, к иным терминологическим системам (за которыми стоят соответствующие понятия). Так вот, иногда бывает очень непросто понять, что специалисты исследуют одни и те же лингвистические феномены, но зачастую этого не понимают, поскольку работают в рамках разных терминологических систем. Различия в лингвистических традициях, и особенно в традициях частных восточных языкознаний (если можно так выразиться) по сравнению с европейскими традициями, сильно затрудняют адекватность представления того или иного лингвистического описания. Осознание необходимости перехода (в каждом конкретном случае) от одной терминологической системы к другой могло бы серьезно продвинуть вперед лингвистическую науку. Все это требует адекватности перевода лингвистических терминов, что означает, во-первых, знакомство с ними, а, во-вторых, и это очень важно, возможность «проникновения» в различные теории требует хорошего знания иностранных языков.

Однако хочется надеяться, что масштабное освоение научного наследия профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Майи Ивановны Черемисиной, как выдающегося лингвиста мирового уровня, еще впереди, и специалисты по разносистемным языкам будут открывать для себя в ее работах новые научные горизонты.

Л. М. Горелова
доктор филологических наук

Auckland (New Zealand)
The University of Auckland
May 2019

А. А. Озонова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, ajanao@mail.ru

**Вклад профессора М. И. Черемисиной в изучение синтаксиса
алтайского языка**

В статье рассматривается научный вклад известного лингвиста Майи Ивановны Черемисиной в изучение синтаксиса алтайского языка, а также в подготовку специалистов по алтайскому языку.

Ключевые слова: М. И. Черемисина, алтайский язык, синтаксис, грамматика.

Начало изучения синтаксиса алтайского языка восходит к «Грамматике алтайского языка», составленной членами Алтайской духовной миссии [1869] и «Грамматике ойротского языка» [1940] Н. П. Дыренковой. Это первые систематические описания алтайского языка, выполненные на высоком научном уровне. Первой специальной исследовательской работой в области синтаксиса алтайского языка является монография Е. Н. Чунжековой [1977], посвященная в основном односоставным предложениям. После этих исследований долгое время практически отсутствовали какие-либо работы по алтайскому синтаксису. Между тем давно назрела необходимость синтаксического описания алтайского языка, отвечающем современному уровню науки. Сам алтайский язык претерпел большие изменения за это время. Он стал литературным языком со своим значительным корпусом текстов. В связи с получением статуса государственного языка на территории Республики Алтай, расширились сферы его функционирования.

Активное исследование синтаксиса современного алтайского языка связано с именем доктора филологических наук, профессора Майи Ивановны Черемисиной. Она является автором целого ряда статей и монографий, научным руководителем докторской и кандидатских диссертаций по синтаксису алтайского языка (см. Приложение).

М. И. Черемисина начала с изучения сложного предложения (далее СП) алтайского языка, которое рассматривалось ею наряду со сложным предложением в других тюркских и нетюркских языках Сибири. Теоретическая концепция Е. И. Убрятовой о принципах организации якутского СП легла в основу сопоставительно-типологических исследований сложного (полипредикативного) предложения на материале сибирских языков, которую проводила М. И. Черемисина и руководимый ею коллектив. Они разработали метаязык, методики и процедуры, ориентированные на языки Сибири. Это позволило осмысливать факты разносистемных языков в рамках единой теоретической концепции. При этом исследователям, наряду с сопоставительно-типологическими задачами, пришлось решать задачи первичного описания, поскольку многие сибирские языки на тот момент не имели серьезного синтаксического описания. В результате были выявлены и описаны ведущие принципы организации СП в языках алтайской типологической общности, дано описание основных, базовых структурных типов СП разных языков, в том числе алтайского. При этом особое внимание уделялось синтетическим полипредикативным конструкциям. Специфика этих предложений состоит в том, что для связи частей используются здесь не союзы, а морфологические способы. Сказуемое зависимой части принимает инфинитивную форму, выражая этим свое формальное подчинение главной части [1984; 1986].

М. И. Черемисина является автором целой серии работ, где освещаются актуальные вопросы по синтаксису СП алтайского языка. Эти работы отличаются широтой поставленных проблем, использованием богатого языкового материала.

В своей статье «Общая характеристика сложного предложения алтайского языка» [1988а] она впервые дает структурную классификацию СП. Тип предикативной инфинитивной формы, показатель синтаксической связи она считает основными классификационными признаками алтайского СП. С учетом внутренней организации СП, строения их частей, М. И. Черемисина выделяет два типа СП: бифинитные и монофинитные. Второй тип, монофинитный, для алтайского языка, по ее мнению, более важен, поскольку «основная масса моделей СП, выражающих разнообразные, тонко дифференцированные отношения между событиями, сосредоточена именно в этом типе» [1988: 93]. Оба эти типа СП представлены своими видами и разновидностями.

Бифинитные СП по наличию аналитического показателя связи делятся на бессоюзные и союзные. При этом Майя Ивановна отмечает, что термин «бессоюзные» по отношению к алтайскому языку некорректен, поскольку все монофинитные предложения тоже не содержат никаких союзов.

В монофинитных СП в роли зависимого сказуемого используются инфинитные формы глагола. В зависимости от формы зависимого сказуемого, монофинитные подразделяются на две группы: с причастной и с деепричастной зависимой частью. Монофинитные с причастной зависимой частью далее делятся на несколько подтипов, в зависимости от формы причастия. Причастие может быть во внепадежной форме, в разных формах косвенных падежей и в сочетании с разными послелогом и служебными именами.

Деепричастиям и деепричастным монофинитным СП Майя Ивановна посвящает несколько своих статей [1999а; 1999б; 1999в; 2000]. Она отмечает такие особенности алтайских деепричастий, как способность иметь при себе позицию собственного субъекта (деепричастия на =галы, =гажын), способность спрягаться, «выражая свой субъект самими своими формами, что не исключает и его самостоятельного выражения словоформой существительного или местоимения» (деепричастие на =ганча) [1999а: 83].

Для работ Майи Ивановны характерен обстоятельный и всесторонний анализ собранного автором богатейшего материала. Так, описывая семантику алтайского деепричастия на =n, она указывает на то, что это деепричастие, наряду с основным строго моносубъектным вариантом, допускает вариант, при котором это деепричастие может иметь собственно подлежащее, не теряя при этом свойство моносубъектности. Это такие предложения, «в одной из частей которых подлежащее – человек, а в другой – часть его тела или внутренний орган». Во всех этих случаях название части оформляется притяжательными показателями. В таких предложениях у деепричастия свой субъект-подлежащее, не кореферентное подлежащему главной части. Такие конструкции она рассматривает как разноподлежащие реализации моносубъектных моделей [1999а; 2000].

В своей статье «О подготовке синтаксического описания алтайского языка» [1984] М. И. Черемисина обобщила основные результаты работы на тот момент и наметила задачи дальнейшего исследования. Она отмечает, что для алтайского языка выявлены 160 моделей полипредикативных предложений. Большую часть этого списка составили модели, которые оцениваются как сложные. При этом синтетические модели преобладают над аналитическими, а в числе аналитических моделей, модели союзного «европейского» типа составляют лишь определенную часть. Задачу дальнейшего исследования она видит «в углубленном анализе подсистем функциональных и структурных типов», в «поиске еще не выявленных моделей, а возможно, даже типов моделей сложного предложения в современном алтайском языке».

Некоторые функциональные типы СП стали объектом исследования ее учеников. Полипредикативным конструкциям темпоральной семантики алтайского языка посвящена диссертация ее ученицы Т. П. Филистович [1988]. Сравнительные конструкции алтайского языка стали объектом исследования другой ее ученицы Л. Н. Тыбыковой [1989].

С конца 80-х годов центром исследований М. И. Черемисиной стало элементарное простое предложение (ЭПП). Она разработала новую синтаксическую концепцию изучения тюркского простого предложения. Согласно этой теории, языковой единицей синтаксического уровня является ЭПП. Как знак языка, предложение обладает единством плана выражения и плана содержания. Способом представления ЭПП как абстрактной единицы служит его модель – обобщенный образец, по которому может быть построено бесконечное множество конкретных фраз. М. И. Черемисиной написан целый ряд статей, посвященных теоретическим вопросам моделирования простого предложения и моделированию определенных типов тюркских предложений.

Под руководством М. И. Черемисиной и при ее непосредственном участии впервые были систематизированы и описаны ЭПП с глагольным сказуемым в южносибирских тюркских языках, в том числе в алтайском [2008]. Работа показала, что системы исследуемых моделей в южносибирских тюркских языках сопоставимы и близки. Имеющиеся некоторые отличия между этими языками касаются частных деталей. Это связано с расхождением падежных систем и функциями отдельных падежей. Например, в алтайском языке нет направительного падежа, выделяемого в тувинском и хакасском языках. В этих языках направительный падеж активно участвует в пространственных и непространственных моделях, конкурируя с дательным падежом. В отличие от русского языка, для южносибирских тюркских языков мало характерны идиоматизированные модели. На материале алтайского языка подробное освещение получили простые предложения, строящиеся по структурной схеме $N_1 \leq V_f$ (1999), в кандидатской диссертации ученицы Майи Ивановны Н. Р. Байжановой (1999). Грамматической категории залога в алтайском языке, синтаксическим особенностям залоговых форм и формируемых ими конструкций посвящена кандидатская диссертация другой ее ученицы, Н. Д. Алмадаковой [1993].

Конструктивной, грамматической и семантической вершиной предложения является предикат. Он предопределяет во многом специфику модели. Поэтому Майя Ивановна особое внимание уделяет аналитическим формам глагола, аналитическим сказуемым разных типов.

В своей статье «Основные типы аналитических конструкций сказуемого в тюркских языках Южной Сибири» [1995] М. И. Черемисина впервые на материале южносибирских тюркских языков, прежде всего алтайского, дает структурно-семантическую классификацию глагольных аналитических конструкций (АК). Она выделяет три крупных класса глагольных (АК), «взаимно противопоставленные грамматическим типом формы, предшествующей финитному»: деепричастный, инфинитивный, причастный. Внутри каждого из структурных классов выделяются функциональные типы, а иногда и подтипы форм, первичной функцией которых является функция конечного многокомпонентного сказуемого. С семантической точки зрения, АК выражают аспектуальные, аспектуально-временные и модальные значения. При этом она отмечает, что отсутствует последовательный параллелизм формальных и семантических характеристик конструкции.

Позже М. И. Черемисина в своих статьях подробно рассмотрит бивербальные конструкции с аспектуальной семантикой недлительности [1999в] и аналитические конструкции инфинитивного типа [2002]. Ранее были исследованы алтайские модальные формы сказуемого [1988б; 1991].

Выделенные М. И. Черемисиной структурно-семантические типы АК станут объектом специального исследования в кандидатских диссертациях по алтайскому языку ее учеников. Глагольным аналитическим конструкциям модальной семантики посвящена диссертация А. А. Озоновой [1999], бивербальным конструкциям с бытийными глаголами – диссертация А. Р. Тазрановой [2002], бивербальным конструкциям с аспектуальной семантикой недлительности – диссертация Э. Т. Тохниной [2006].

М. И. Черемисина с исследователями Горно-Алтайского госуниверситета А. Т. Тыбыковой и Л. Н. Тыбыковой активно занималась проблемой осложненного предложения (ОП) в алтайском языке. Понятие ОП является слабо разработанным в синтаксисе тюркских языков. По мнению авторов, ОП занимает промежуточное место между простым, содержащим один предикативный узел, и сложным предложением. В составе таких предложений присутствует осложняющий компонент, который является результатом редукции предикативного звена сложного предложения. Основные типы предложений, которые представляются исследователями как осложненные, получили свое описание в коллективной монографии «Осложненное предложение в алтайском языке» [2009], которая позже была переработана и издана в 2013 году. Эта работа вносит большой вклад в теорию ОП в тюркских языках.

Заслуги М. И. Черемисиной в области изучения синтаксиса алтайского языка огромны. Благодаря ей многие вопросы алтайского синтаксиса получили глубокое и всесторонне исследование.

Под непосредственным руководством Майи Ивановны был написан ряд диссертаций в области лексикологии и словообразования алтайского языка. Так, впервые в диссертационном исследовании Л. М. Гальчук системное описание получили русизмы в алтайском языке, которые рассматривались с точки зрения их лексико-семантической и функционально-стилистической адаптации (1997). В диссертационной работе Б. Б. Саналовой алтайская глагольная лексика, в частности глаголы интеллектуальной деятельности, впервые стали объектом специального исследования (2004). Одной из групп антропонимических прилагательных, обозначающих черты характера человека посвящена диссертация А. А. Добрининой (2006). Параметрические прилагательные зрительного восприятия на материале алтайского языка рассмотрены в диссертации О. М. Альчиковой (2004). А. В. Колесникова в своей диссертации исследовала аффиксальное словообразование глагола в современном алтайском языке в сопоставлении с древнетюркским языком (2004).

Многие годы М. И. Черемисина активно сотрудничала с известным исследователем алтайского языка, профессором Горно-Алтайского государственного университета А. Т. Тыбыковой. Майя Ивановна была научным консультантом ее докторской диссертации по простому предложению в алтайском языке (1989). Они являются соавторами нескольких статей [1988б; 1991; 2001] и коллективной монографии [2009; 2013]. Вместе с другими сотрудниками тогда еще Горно-Алтайского научно-исследовательского института они возглавляли работу по подготовке «Грамматики алтайского языка. Часть II. Синтаксис», но, к сожалению, она была прервана по ряду причин. Был написан план-проспект этой грамматики и некоторые параграфы по сложному предложению [1993].

М. И. Черемисина внесла большой вклад не только в изучение алтайского языка, но и в подготовку научно-педагогических кадров для Горного Алтая. Она постоянно интересовалась исследованиями в области языка, выполняемыми сотрудниками Горно-Алтайского НИИИЯЛ, а теперь Института алтаистики им. С. Суразакова, Горно-Алтайского госуниверситета, консультировала сотрудников и аспирантов этих учреждений по актуальным проблемам тюркологии, подготовила учебное пособие по

синтаксису алтайского языка [2005]. Под руководством М. И. Черемисиной 12 человек защитили кандидатские диссертации по лексикологии, морфологии и синтаксису алтайского языка. Ее ученики-специалисты по алтайскому языку работают в Горно-Алтайском госуниверситете, в Институте алтаистики им. С. Суразакова, в Институте филологии СО РАН в Новосибирске.

Список литературы

Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии. Издание 2-е. Репринтное воспроизведение издания «Грамматика алтайского языка» (1869). Горно-Алтайск: изд-во «Ак Чечек», 2005. 364 с.

Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.; Л., 1940. 303 с.

Черемисина М. И., Бродская Л. М., Горелова Л. М., Скрибник Е. К., Боргоякова Т. Н., Шамина Л. А. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984. 192 с.

Черемисина М. И. О подготовке синтаксического описания алтайского языка // Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск, 1984. С. 104–115.

Черемисина М. И., Скрибник Е. К., Бродская Л. М., Сорокина И. П., Шамина Л. А., Коваленко Н. Н., Оюн М. В. Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1986. 120 с.

Черемисина М. И. Общая характеристика сложных предложений алтайского языка // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1988а. С. 8–100.

Черемисина М. И., Тыбыкова А. Т. О модальных формах сказуемых алтайского языка // Компоненты предложения. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1988б. С. 3–32. (Совм. с А. Т. Тыбыковой).

Черемисина М. И., Тыбыкова А. Т. К описанию модальных слов предикатов в алтайском языке // Якутский язык: семантика, фразеология. Якутск, 1991. С. 99–115.

Черемисина М. И. О работе над новой грамматикой алтайского языка // Язык и культура алтайцев. Горно-Алтайск, 1993. С. 42–50.

Черемисина М. И. Основные типы аналитических конструкций в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 1995. С. 3–22.

Черемисина М. И. Деепричастие как зависимый предикат моносубъектной полипредикативной конструкции (на материале алтайского языка) // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1999а. С. 82–88.

Черемисина М. И. Модели полипредикативных конструкций с деепричастными сказуемыми в форме на =ганча // Res Linguistica. К 60-летию доктора филологических наук, профессора В. П. Нерознака. М: Academia, 1999б. С. 373–385.

Черемисина М. И. Ядро микросистемы бивербальных конструкций с аспектуальной семантикой недлительности в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 5. Новосибирск: ИФЛ СО РАН, 1999в. С. 92–119.

Черемисина М. И. Деепричастие на =n // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Вып. 1. Серия языкознание. Абакан, 2000. С. 74–78.

Черемисина М. И. Аналитические конструкции инфинитивного типа в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 8. Новосибирск: изд-во НГУ, 2002. С. 3–31.

Черемисина М. И., Озонова А. А. Практикум по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. Учебное пособие. Горно-Алтайск, 2005. 92 с.

Тыбыкова А. Т., Черемисина М. И., Тыбыкова Л. Н. Осложненное предложение в алтайском языке. Новосибирск: Изд-во Сова, 2009. 163 с.

Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Любава, 2009. 205 с.

Тыбыкова А. Т., Черемисина М. И., Тыбыкова Л. Н. Синтаксис осложненного предложения в алтайском языке. Издание 2-е переработанное. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2013. 268 с.

Чунжекова Е. Н. Природа простого предложения в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1977. 144 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список кандидатских и докторских диссертаций по алтайскому языку, защищенных под руководством профессора М. И. Черемисиной

Кандидатские диссертации

1. *Филистович Т. П.* Темпоральные конструкции алтайского языка. 1988.
2. *Тыбыкова Л. Н.* Сравнительные конструкции алтайского языка. 1989.
3. *Алмадакова Н. Д.* Грамматическая категория залога в алтайском языке. Новосибирск, 1993.
4. *Гальчук Л. М.* Семантическое освоение русизмов как критерий их заимствованности (на материале алтайского языка). Новосибирск, 1997.
5. *Байжанова Н. Р.* Базовая структурная схема ЭПП $N_1 \Leftrightarrow V_f$ в алтайском языке. Новосибирск, 1999.
6. *Озонова А. А.* Модальные аналитические конструкции алтайского языка. Новосибирск, 1999.
7. *Тазранова А. Р.* Бивербальные конструкции с бытийными глаголами в алтайском языке (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2002.
8. *Колесникова А. В.* Аффиксальное глаголообразование в алтайском языке (в сопоставлении с древнетюркским языком). Новосибирск, 2004.
9. *Саналова Б. Б.* Глаголы интеллектуальной деятельности в алтайском языке (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004.
10. *Альчикова О. М.* Лексико-семантическая группа параметрических имен прилагательных зрительного восприятия в алтайском языке (в сопоставлении с киргизским языком). Новосибирск, 2004.
11. *Добринина А. А.* Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2006.
12. *Тохнина Э. Т.* Бивербальные конструкции с аспектальной семантикой недлительности в алтайском языке (в сопоставлении с шорским). Новосибирск, 2006.

Докторская диссертация

Тыбыкова А. Т. Структурно-семантическая характеристика простого предложения в алтайском языке. 1989.

A. A. Ozonova

Contribution of Professor M. I. Cheremisina to Research of Altai Syntax

The article reviews the scientific contribution of the famous linguist Maya Cheremisina to the research of Altai syntax, as well as to the training of the Altai language experts and researchers.

Keywords: M. I. Cheremisina, Altai language, syntax, grammar.

ВОПРОСЫ СИНТАКСИСА ПРОСТОГО И СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

УДК 811.512.33+223.1

L. M. Gorelova

The University of Auckland, New Zealand, l.gorelova@auckland.ac.nz

T. Wu

*School of Linguistic Sciences and Arts, Jiangsu Normal University, Xuzhou City, China,
twu403@aucklanduni.ac.nz*

A typological comparison of information structures in Classical Mongolian and Manchu

Our analysis shows a striking resemblance between the information structures (topic – focus constructions) in the Classical Mongolian and Manchu languages. Both languages possess an impressive number of special topic markers which historically originated from certain forms of converbs and participles; these infinite verbal forms are derived from the existential verbs as well as from *verbum dicendi*. In addition, both languages have special syntactic constructions which play a significant role in the expression of pragmatic structures. In particular, we investigate constructions which bear close resemblance to *cleft* constructions and extrapositions in European languages.

Keywords: Mongolian, Manchu, pragmatics, topic, focus, *cleft* constructions, extrapositions

1. Introduction

The notions of “topic” and “focus” and other relevant notions and terms are widely discussed in the field of pragmatics [Kuno 1972; Haiman 1978; Dahl 1974; Chafe 1976; Prince 1981; Gundel 1988; Aissen 1992; Lambrecht 1996; Jacobs 2001; Gundel & Fretheim 2004, etc.]. However, it is still difficult to come up with an all-inclusive definition of topic. In this paper, topic is understood as what the speaker is talking about and it is the given information in a sentence; topical expressions occupy a left-dislocated position in the sentence. Comment¹ is defined as “the main predication that is asserted, questioned etc., relative to the topic” [Gundel 1988: 210]. Other later-developed notions are “primary clausal topic” and “secondary clausal topic,” etc. In Mongolic languages direct objects marked by the accusative case play the pragmatic role of secondary clausal topics; and subjects serve as the primary clausal topics of the sentence [Skribnik 2001: 345–364].

In Altaic languages topic can be coded by special markers, which are historically traced back to certain verbal forms; they most often carry the meaning of condition or time. These non-finite forms derived either from existential verbs or from *verbum dicendi*. Such a means of topic-marking can be recognised as a universal device which is commonly adopted in various languages, since it is characteristic not only of the Turkic, Mongolian and Tungus-Manchu languages, but also, for example, of the Japanese language and some others [Martin 2004: 228–230]².

Topic markers are often built by participles in the form of the dative case. Such participle-case forms can function as heads of dependent syntactic constructions, where they express either conditional or temporal meanings [Gorelova 2006b]. When the non-finite forms (converbs and participles) are derived from existential verbs, and the meaning of condition (or time) comes to the fore, they function as predicative heads of the so-called existential-presentative constructions; these constructions are intended to introduce new referents to

□

¹ The terms rheme, comment and focus are treated as equivalents in this study.

² S. Martin [2004: 228–230] notes that the universal topical marker *wa* in Japanese, in a certain sense, is nothing more than a pure condition: “if this is the subject of speech ...” (or something similar). Furthermore, the so-called *quasi*-thematization can be expressed in Japanese in several ways, including the use of the conditional copula *nara*. See the following pair of examples: (1) *gakusei nara benkyoo shinasai* “If you are a student, study!” and (2) *resutoran-nara, Los Incas wo susume-masu* “As for the restaurant, I recommend Los Incas” (these examples were reported to us in a private conversation by Hideki Mori, the Japanese linguist). There is a good reason to think that the topical function of the conditional copula *nara* arose as a result of its use in statements like (1).

the discourse. Over time, the predicative function of such non-finite forms can be neutralised, and these forms begin to diverge from their fully semantic equivalents, undergo grammaticalisation, and ultimately turn into invariant particles that often change their forms towards simplification [Givón 1988: 267–271]. Such a process is presented in many Altaic languages. In some languages, Classical Mongolian and Manchu in particular, there are topic markers that can clearly preserve the connection with the non-finite forms from which they were derived, and thus, they can be fully motivated from semantic and syntactic points of view. Moreover, there exist certain marginal uses of the forms in question when it becomes problematic to determine their grammatical status. Their grammatical properties as dependent predicates are already weakened, but not yet completely lost. As a result, it becomes impossible to analyse these forms in a precise manner at the synchronic level of the language. It is more proper to interpret them as being in the process of development and transformation. In addition, there exist structures that can be called asymmetric: formally, they represent the syntactic form of a dependent predicative construction, because they contain non-finite forms as dependent predicates; but semantically they are redundant, since they do not bring anything new to the content of the main proposition. Their main and only function is to introduce new referents, encoded by nouns or their analogues (even these referents are the predicative constructions).

When the above-mentioned participle-case forms are derived from *verbum dicendi*, in the corresponding topic markers, the literal lexical meaning of the verbs comes to the forefront (when used literally, these markers express the meaning: ‘speaking of ...’, ‘if speaking of ...’).

We noted above that most topic markers derive from non-finite forms in which the semantics of conditions (*if*-clauses) comes to the fore. This point is very important for understanding the meaning of the markers themselves and, more broadly, for understanding the process of topicalisation itself. From a logical point of view, condition is a hypothetical presupposition (or supposition), i.e. the combination of two meanings: presupposition (the information shared by the speaker and the hearer) and hypothesis (conditional proposition which represents one of the possible worlds in which the given proposition – information – is true). In the meaning of topic, the importance of presupposition, rather than supposition, comes to the forefront (for more details, see [Haiman 1978: 580; Gorelova 2006b: 165]). Non-finite forms with a temporal meaning (*when*-clauses) can also express a presupposition (the given information) with respect to the remaining part of the statement; therefore, their semantics is very close to that of the conditional forms. In addition, some analytical non-finite forms can be used in such syntactic contexts, where the meanings of condition and time are neutralised and the semantics of the ‘given’ (*given that*) comes to the fore [Gorelova & Orlovskaya 2010].

Below we will consider information structures in the Classical Mongolian and Manchu languages, in which the topic is marked by special morphosyntactic forms; we will also make some statements concerning the ways of coding foci in corresponding structures. In addition to topic markers, there exist special syntactic constructions that are also used in the expression of pragmatic structures. In our research we will discuss structures that can be understood as analogues of the *cleft*-sentences and extrapositions described in English.

2. Topic markers in Classical Mongolian

In Mongolian there are special topic markers (particles) which are traditionally regarded as subject indicators (designators) [Poppe 1970: 154; Hashimoto 2004: 96]. Particles *bar*, *buigasū*, *bulbal* and *bul*,³ which correspond to *ber*, *bolbal* and *bol* in the majority of works,⁴ can serve as topic markers in Mongolian. Apatóczy [2007] regards the particles *n*, *čin* and *bol* in Khalkha Mongolian as topicalisers instead of subject markers; he argues that these particles are analysed by Street [1963] as possessing the main attributes of topic, and in reality they function as topic markers.⁵ According to Apatóczy [2007], these particles are not focus markers as some scholars have mistakenly analysed them.

In Classical Mongolian, the personal possessive particles (*mini/minu~minü*, *čini/činu~činü* and *ni* ⁶) can function as topicalisers; *mini* and *čini* are originally the genitive case forms of the personal pronouns (<*min*-1SG + *-u* = GEN and *čin* = 2SG + *-u* = GEN).

In contrast to other Altaic languages, in Middle Mongolian, there was a universal particle *ber*, which together with its emphatic function was also used to mark topic. The origin of the particle *ber* is unclear. Some

□

³Janhunen [2003, pp. 51–53].

⁴Poppe, 1970, p. 154; Wu, 2019, pp. 166–184; see also Gorelova, 2006b, pp. 162–164.

⁵The particles *n* and *čin* correspond to *ni* and *čini* [Apatóczy, 2007, p. 27].

⁶According to IMU [2005, p. 390], the form *ni* is treated as a particle and is derived from the genitive case forms *inu* ‘his’ and *amu* ‘their’. Poppe [1954, p. 139] discusses the pronouns *inu* ‘his’ and *amu* ‘their’ and regards them as genitive forms of the personal pronouns **i* ‘he’ and **a* ‘they’ which he reconstructed for the third person, singular and plural.

experts consider it to be a homonym of the instrumental case marker *-bar/-ber*. The use of this particle with nominals in the nominative case is also associated with the Tibetan language, in which the instrumental case (however, in a completely different phonetic form) can appear with the nominative as well as with some other cases.⁷

Yet V. L. Kotvich in his “Lectures on the grammar of the Mongolian language” noted that the particle *ber* should be distinguished from the instrumental case marker (*-ber*) [Kotvich 1902: 133]. Before him, significantly earlier, Al. Bobrovnikov also pointed out that the particle *ber* could be mistaken for the marker of the instrumental case, similar to Tibetan. However, this particle was found in the so-called square script, where it is impossible to treat it as a borrowing from Tibetan [Bobrovnikov 1849: 182].⁸

Most often, nouns (or their analogues) used with the topic marker *ber*, were the subjects (and topics) of the corresponding sentences in Middle Mongolian, for example:

- (1) *qurmusta terigüten ber tegün-e mörgü-müi*
 PN and.other TOP DEM (3SG)-DAT.LOC pray-PRS/FUT
 Note: *terigüten* < *terigün* ‘head’, ‘the first’, ‘initial’, ‘advanced’, ‘main’ + *-ten* = derivational suffix with the meaning of collective plurality.
 ‘Hurmusta and others worship him’ (Orlovskaya, 2010).

When the topic did not coincide with the subject, the topic marker *ber* was used after any constituent of the sentence, including the direct object. Thus, these constituents of the sentence became those referents (pieces of information), whose knowledge should be shared by both the speaker and the hearer:

- (2) *irgen-i ber ülü aljiya-yul-u-n a-juyu*
 people-ACC TOP NEG faint-PASS-CONN-CVB be-PST
 ‘(Somebody) did not bring the people to ruin’ (Orlovskaya, 1999, p. 146).

In Classical Mongolian we have found only one example in our corpus, where *ber* is used as a topicaliser:

- (3) *orqodai ide-kü ber yaγu bayi-n a⁹ ...*
 ginseng eat-FUT.PTCP TOP what be/exist-PRS
 ‘As for eating ginsengs, there is nothing (lit.: what things there exist)’

In (3) the left-dislocated topic is marked by the particle *ber*. The focus is represented by a sentence (a single proposition), i.e. *yaγu bayi-n a* ‘there is nothing’ (lit.: ‘what things there exist’).

In Classical Mongolian there are also topic markers, *bol* and *bolbasu*, which originated from conditional converbs derived from the existential verb *bol-* (*bolbasu* < *bol-* + *-basu* = COND.CVB). The origin of *bol* can be explained at least in two different ways: (1) *bol* < *bolbol* (*bolwol*) < **bol-ba=la* [Sechenbaatar 2003: 187–188]; (2) *bol* < **a-* ‘to be’ + *-bol* = COND.CVB. The verb **a-* ‘to be’ is an ancient existential verb which has disappeared in the course of time [Sanzheev 1953–1964; Gorelova 2006b: 162–163]. Other topic markers are formed from imperfective and conditional converbs: *gejü* (< *ge-* ‘to say’ + *-jü* = IPFV.CVB), *geji* (< *ge-* ‘to say’ + *-ji* = IPFV.CVB), *gebel* (< *ge-* ‘to say’ + *-bel* = COND.CVB), and habitual and agentive participles: *gedeg* (< *ge-* ‘to say’ + *-deg* = HAB.PTCP)¹⁰, *gegči* (< *ge-* ‘to say’ + *-gči* = AGT. PTCP), derived from the verb of speech *ge-* ‘say.’ Here are some examples on all topic markers listed above:

- (4) *ene qoyar kömön bol nige ni idam ge-deg ider*
 this two person TOP one TOP PN say-HAB.PTCP > so.called strong
šalamayai kömön nöögöge ni boroqai gedeg ebügen bile
 quick/agile person the.other TOP PN say-HAB.PTCP > so.called old.man PTCL
 ‘As for these two people, one is a strong and agile person called/named Idam; the other is an old man called Borohai.’

□

⁷The information regarding Tibetan came from a private communication with A. D. Tzendina, a specialist in the Mongolian and Tibetan languages.

⁸Some mongolists give this particle in the form of *bar* for Middle Mongolian [Rybatzki 2003: 79] and for Written Mongolian [Janhunen 2003: 53]. However, in the remaining texts written in the square script, this particle was used only with vocalism *e*, i.e. *ber*, but not *bar*, and it is not related to the form of the instrumental case [Poppe 1941: 51–52].

⁹The underlining sign “_” is used to denote the positional variants of the letters A and E.

¹⁰The habitual participle *gedeg* functions as a topicaliser only when it is followed by the particle *ni* or *čini*.

In (4) the left-dislocated topic *ene qoyar kōmōn* ‘these two people’ is marked by the particle *bol*. The focus consists of two sentences (propositions): the first is represented by the sentence *nige ni idam gedeg ider šalamayai kōmōn* ‘one is a strong and agile person called Idam’; the second is represented by the sentence *nögöge ni boroqai gedeg ebügen bile* ‘the other is an old man called Borohai’. The focus sentences in their turn also contain two topics which are used to express a contrastive meaning; these topics are marked by the particle *ni*.

- (5) *taytay_a ge-deg sibayu bol ür_e tariy_a yum uu borčaytu*
 pigeon say-HAB.PTCP bird TOP seed grain PTCL INTR.PTCL with.beans
urɣumal-I ide-ǰü amidura-day amitan yum siu
 plant-ACC eat-IPFV.CVB live-HAB.PTCP animal PTCL PTCL
 ‘The bird which is called pigeon is an animal which lives by eating seeds, grains or plants with beans.’

In (5) the topic and the subject coincide; the particle *bol* is used to mark both of them. The focus is represented by a nominal with predicative attribute, and includes two predicative particles *yum* and *siu*.

- (6) *mungqay noyan bolbasu olan_a doromjila-γda-yu*
 silly official TOP many-DAT.LOC despise/look.down.upon-PASS-PRS/FUT
 ‘Silly officials are despised by many.’¹¹

In (6) the topic and the subject coincide; the form *bolbasu* is used to mark both of them. The focus is represented by a verbal predication.

The particle *ni* is used to mark topic in three types of utterances. In the first type of utterances, *ni* is used when the topic and the subject coincide:

- (7) *teden-ü kebte-deg bayiri ni singgen buday_a ide-kü*
 3PL-GENlie-HAB.PTCP dormitory 3POSS > TOP congee/porridge eat-FUT.PTCP
čay-tu sulala-ǰu ög-kü-ügei-ber kerki-bečü¹² ülü
 time-DAT.LOC release-IPFV.CVB give (AUX)-FUT.PTCP-NEG-INS what.to.do-CONC.CVB NEG
bol-qu ɣajar-tu bayi-day
 may-FUT.PTCP place-DAT.LOC be/exist-HAB.PTCP
 ‘The dormitory where they sleep is in a place where it is not ever allowed without being released (from handcuffs) when it is time to eat congee.’

In (7) the topic (and subject) is *teden ü kebtedeg bayiri* ‘the dormitory where they sleep’ and *ni* functions a topicaliser. The focus is represented by the existential construction ... *ɣajar tu bayi-* ‘be (in a place)’ modified by the attributive clause ‘where...’.

In the second type of utterances *ni* is used to mark a left-dislocated topic which does not coincide with the subject; the focus is represented by a verbal predication, and in translation the subject of the focusing part can be reconstructed from the topic of the utterance with the help of the pronoun ‘I’ in its referential function.

- (8) *maɣu¹³ aq_a ni eregelel ügei ide-l_e uuɣu-l_a...*
 bad elder.brother 3POSS >TOP politeness/modesty NEG eat-PST drink-PST
 ‘As for your bad elder brother (ie. me), (I) would eat and drink without being modest...’

In (8) the topic is *maɣu aq_a* ‘bad elder brother’; the verbal phrase *idel_e, uuɣul_a* ‘would eat and drink’ serves as the focus of the utterance.

In the third type of utterances *ni* is used to mark two topics with contrastive meanings:

- (9) *jarim ni čai uuɣu-ǰu öröm_e bisilay*
 some 3POSS > TOP tea drink-IPFV.CVB clotted.cream cheese chew-CONN-CVB
kemkel-ü-n ügedelge-n_e.¹⁴ jarim ni temegen-ü čisu uuɣu-ǰu ami

②

¹¹ This example is from Middle Mongolian.

¹² *kerkibečü* ‘no matter what; in any case’; *ülü bol-* ‘may not do sth.; sth. is not allowed’.

¹³ The word *maɣu* ‘bad’ has an extended meaning of ‘cute, likeable, lovely’. In this sentence, it is used by the speaker in a self-effacing way to show respect for the hearer. *eregelel ügei* ‘without being modest’ <*eregelel* ‘modesty’ + *ügei* = NEG.

¹⁴ *üge delge-* ‘chat’ <*üge* ‘word’ + *delge-* ‘unfold’; *ami jalɣa-* ‘to make ends meet’ <*ami* ‘life’ + *jalɣa-* ‘connect; join’

chat-PRS some 3POSS > TOP camel-GEN blood drink-IPFV.CVB
jalʔa-n_a
 make.ends.meet-PRS
 ‘As for some, (they) are drinking tea, chewing clotted cream and cheeses and chatting; as for others, (they) are drinking camel blood and trying to make ends meet.’

In (9) the particle *ni* is used twice, marking topics which coincide with subjects. The double occurrence of *ni* adds a contrastive meaning to the two sentences of the whole utterance. Each sentence includes its own focus which is represented by a verbal predication; in translation, each of them allows us to reconstruct the subject with the help of the pronoun ‘they’ in its referential function.

(10) *köyi ebügen ta čini aru ʔaʃar-iyar kesü-jü orqodai*
 Hey old.man 2SG TOP back place (TN)>Mongolia-INS wander-IPFV.CVB ginseng
ol-o-ʔad ide-čike-gsen yum uu
 get (AUX)-CONN-PRF.CVB eat-PRF.ASP-PRF.PTCP PTCL INTR.PTCL
 ‘Hey, as for the old man, you, have you been able to eat some ginseng while wandering around Mongolia (lit.: the back region)?’

In (10) the topic *ebügen ta* ‘the old man, you’ is marked by the particle *čini*. The focus is represented by a verbal predication which includes the predicative particle *yum* and the interrogative particle *uu*.

(11) *aq_a mini kedün qunday_a arik uuyu-qu dura tai*
 elder.brother TOP several wineglass wine drink-FUT.PTCP like PTCP
 ‘My elder brother likes drinking a few glasses of wine...’

In (11) the topic *aq_a* ‘elder brother’ is marked by the particle *mini*. The focus is represented by a verbal predication.

(12) *ide-kü ʔayum_a ge-jü qamiʔ a-ača ol-da-qu*
 eat-FUT.PTCP thing say-IPFV.CVB >TOP where-ABL find-PASS-FUT.PTCP
aʃi
 PTCL
 ‘Talking about things to eat, from where can (they) be found?’

In (12) the left-dislocated topic *idekü ʔayum_a* ‘things to eat,’ which can also be analysed as a subject, is marked by the topicaliser *gejü*. The focus is represented by a verbal predication which includes a predicative particle *aʃi*. The focus part can be translated like a full sentence where the subject can be reconstructed from the topical part of the utterance with the help of the pronoun in its referential function, i.e. ‘they’ (‘things to eat’).

(13) *tal_a nutuʔ-un kömöš ge-ji de miq_a-ban bayi-ʔad ide-jü*
 grassland-GEN people say-PST>TOP PTCL meat-REF.POSS be-PRF.CVB eat-IPFV.CVB
čiq-a-qu ügei
 enable.to-FUT.PTCP NEG
 ‘As for the people of the grassland, despite having meat, (they) cannot eat (it) properly.’

In (13) subject and topic coincide (*tal_a nutuʔun kömöš* ‘the people of the grassland’); this nominal expression is marked by *geji*. The focus is represented by a verbal predication.

(14) *qurud ge-gči kedüi amtatai bui*
 cheese say-AGT.PTCP >TOP how.much tasty COP
 ‘As for cheeses, how tasty (they) are!’

In (14) subject and topic coincide (*qurud* ‘cheeses’); this nominal expression is marked by *gegči*. The focus is expressed by a nominal predication which includes the copula *bui*.

(15) *sonos-ču ba(y)i-o man-u amidural-du duta-ʔda-ju bolosi ügei*
 listen-IPFV.CVB be-IMP PL.EXCL-GEN life-DAT.LOC lack-PASS-IPFV.CVB be.unable.to
jüil ge-bel ʔooldayu ide-kü uuyu-qu unta-qu

item	say-COND.CVB >TOP	mainly	eat-FUT.PTCP	drink-FUT.PTCP	sleep-FUT.PTCP
<i>ǰerge</i>	<i>bile</i>				
and.so.on	PTCL				

Note: the phraseological expression *bolosi ügei*, which includes the negative particle *ügei*, denotes the meaning: ‘be unable to.’

‘Listen! Talking about things that are indispensable in our life, (they) are mainly eating, drinking, sleeping and so on.’

In (15) subject and topic followed by the form *gebel* coincide in one nominal *ǰüil* ‘things’ modified by attribute *man u amidural du dutaydaǰu bolosi ügei* ‘what is indispensable in our life.’ The focus is represented by a chain of participles which can be treated as nominal analogues with abstract meanings. It also includes the predicative particle *bile*.

(16) <i>üker</i>	<i>qoni</i>	<i>ge-deg</i>	<i>čini</i>	<i>ebesü</i>	<i>noyoy_a</i>	<i>ide-deg-eče</i>
cattle	sheep	say-HAB.PTCP	2POSS >TOP	grass	vegetables	eat-HAB.PTCP-ABL
<i>bisi</i>	<i>čečeg quvar</i>	<i>ide-deg</i>	<i>ügei</i>	<i>yum</i>		
NEG	flower flower	eat-HAB.PTCP	NEG	PTCL		

Note: *Tv-eče bisi...* *Tv-deg ügei* ‘would rather do sth. than do sth.’

‘As for cattle and sheep, (they) would rather eat grass and vegetables than flowers.’

In (16) subject and topic followed by the combination of *gedeg* and *čini* coincide in one nominal phrase *üker qoni* ‘cattle and sheep.’ The focus is represented by a verbal predication which includes the predicative particle *yum*.

To sum up, we came to the following conclusion:

1) If the left-dislocated topic does not coincide with the subject of an utterance and is marked by the particle *ber*, the focus is mostly represented by a sentence.

2) If the particle *bol* is used to mark topic, the topic can or cannot coincide with the subject. In case that the left-dislocated topic does not coincide with the subject, the focusing part is represented by a sentence; when it coincides with the subject, the focus is represented by a nominal predication (which can include a predicative particle).

3) The particle *ni* is used in three types of sentences:

(a) A left-dislocated topic does not coincide with the subject; and the focus is represented by a sentence.

(b) The topic coincides with the subject; and the focus is represented by a verbal predication where the subject position can occasionally be filled by a pronoun in its referential function. In Mongolian examples, the appearance of a pronominal grammatical subject in the focusing part of the whole utterance is a matter of translation, but not an actual feature of the structural pattern itself. However, a lot of constructions with pronominal grammatical subjects in focus can be found in Manchu. In such constructions, the thematic part, expressed mostly by nominals, correlates to the focusing part. The latter is represented by a sentence that includes its own grammatical subject, and it is expressed by a pronoun which is referentially related to the noun/nominal in the topic (see example 23).

(c) There can be a double occurrence of *ni* in the sentence, where the two topics of the whole utterance have the contrastive meaning.

4) All other topic markers (*bolbasu*, *mini*, *čini*, *geǰü*, *geǰi*, *gebel*, *gegči*, *gedeg čini*) are mostly used in such utterances where the subject and the topic coincide; and the focus expressed by a nominal/verbal predication can be followed by the copula *bui*.

3. Topic markers in Classical Manchu

In the Classical (Written) Manchu language, there are a series of special word forms that are regularly used as topic markers: *oci*, *seci*, *seme*. By origin, they are adverbs, conditional in the form *-ci* and imperfect in the form *-me*, derived from the existential *o-* ‘be,’ ‘become,’ and *se-* ‘speak.’ Obviously, these topic markers are built on the basis of dependent predicative constructions having conditional or temporal meanings, in which the corresponding converbs serve as dependent predicates (for more details see [Gorelova 2002: 404–419, 427–435; Gorelova 2006a; Gorelova 2006b]). Here are a few examples:

(17) <i>sektefun</i>	<i>oci</i>	<i>silun</i>	<i>baitala-o</i>
pad.used.for.sitting	TOP	lynx	use-IMP

‘As for a pad, [you should] use lynx’ (Pash.1, p.42).

The left-dislocated topic *sectefun* correlates to the focus expressed by the simple sentence *silun baitala*, which has its own subject ‘you;’ however, it can be only reconstructed from the previous syntactic context.

- (18) *manju bithe hūla-ra niyalma oci urunakū hergen tome*
 Manchu book read-PTCP person/man TOP necessarily etter every
gemu getukeleme sa-ci aca-mbi
 all clearly know-COND.CVB meet-PRS/FUT

Note: Tv-*ci aca-* ‘should, must, ought to know’

‘Everyone who reads Manchu books, should know every letter firmly’ (Pash. 2, p. 69).

The topic *niyalma* with its attribute *manju bithe hūlara* coincides with the subject in this utterance, which correlates to the focus that is represented by verbal predication with subordinate elements *urunakū hergen tome gemu getukeleme saci acambi*.

- (19) *niyalma seme banji-fi buce-rakū-ngge waka*
 people TOP live/be born-PRF.CVB die-IPFV.PTCP (NEG)-NR NEG.PTCL(there.is.not)
 ‘All people live and die’ (lit.: As for people, there is no such a fact that they were born but do not die’) (MT, p. 372).

In this sentence the form *seme* serves as the topic marker of the noun *niyalma*, which can be analysed as the topic of the whole utterance. However, there is the nominalised participle *bucerakūngge*, which functions as the grammatical subject (and the secondary topic) and correlates to the predicative negative particle *waka*.

- (20) *tere seci sin-i deo*
 that/he TOP 2SG (si/sin- SG)-GEN>your younger.brother
 ‘As for him, (he) is your younger brother’ (Orl., p. 137).

The topic *tere* coincides with the subject in this sentence, which includes the noun *deo* in the function of nominal predication, which serves as a focus.

The participle *sere* formed from the verb of speech *se-* ‘say’, is often used as a topic marker:

- (21) *doro be getukele-ki se-re gūnin*
 doctrine ACC explain-OPT say-IPFV.PTCP>TOP thought

Note: Tv-*kise-*: analytical construction which expresses the meaning of desire

‘A desire to explain the doctrine is (his) intention (thought)’ (Pash.1, p. 34).

The word form *sere* performs several functions in this sentence. Firstly, the verb *se-* in combination with the suffix of optative *-ki* is used to denote the modality of desire. Secondly, the participial form *sere* is used to put the whole verbal expression *doro be getukeleki sere* into the nominal position of a subject. It also serves as a topic. The subject and the topic coincide in this sentence, and the position of both sentence constituents is sentence-initial. The focus is expressed by an abstract noun *gūnin*.

The word forms *serengge* and *sehengge*, originally the imperfect and perfect participles derived from the verb *se-* ‘say,’ are very widely used in the Manchu language to code the topic. In addition to the suffixes involved in their linear structure, these word forms also contain the nominaliser *-ngge*. Here are some examples:

- (22) *menggun jiha se-re-ngge ergen be ujire sekiyen*
 silver coin say-IPFV.PTCP>TOP life ACC nourish-IPFV.PTCP source

‘As for silver and (copper) coins, they are the source of nourishing life’ (Zakh., p. 322).

In this sentence the topic coincides with the subject (*menggun jiha*), and the focus is represented by the nominal predicate *sekiyen* (with the predicative actant *ergen be ujire*). The occurrence of the pronoun ‘they’ in its referential function in the focusing part is only the matter of translation.

However, in the following example the focusing part of the utterance includes the pronoun *tere*, which discloses its referential function towards the subject (and the topic) of the whole utterance, *deocin*. The focus is represented by a nominal predication:

- (23) *hiyoošun deocin se-re-ngge tere gosin be yabu-re*
 filial fraternal.deference say-IPFV.PTCP>TOP that mersy ACC act- IPFV.PTCP
fulehe dere
 foundation PTCL

‘As for filial fraternal deference, that is the foundation of displaying mercy’ (Pash.1, p.33).

- (24) *šu be taci-mbi se-he-ngge irgebun bithe be*
 literature ACC study-IPFV.PTCP say-PRF.PTCP>TOP verse book ACC
kice-re be
 be.diligent-PTCP COP

‘As for the study of literature, the diligent study of the Book [of Songs (chin. *shijing*)] is (the most important thing)’ (Pash. 2, p.55).

In sentence (24) the word form *sehengge* is used to put the whole verbal phrase *šu be tacimbi* into the sentence-initial position, i.e. in the position of subject (and topic). The focus is expressed by the nominal predication *kicere* ‘diligent study’ (to be diligent in studying of ...), which in this particular case, being a participle, displays two functions, predicative and nominal. The focus also includes predicative particle, which serves in this sentence as a kind of copula.

There exists the nominaliser *ningge*, which can also be used to mark a topic in the utterance.¹⁵

- (25) *bajen ningge tumen minggan nimari bi*
 landlord TOP ten.thousand thousand one.Chinese.acre COP (there.is)

‘As for landlords, they have thousands of acres of land’ (MT, p. 314).

In this sentence the noun *bajen* is indicated by the topic marker *ningge*, and serves as the subject and topic. The latter correlates to the copula *bi*, which also serves as the predicate of the sentence (on the syntactic level of analysis).

To conclude, it is important to note:

- 1) if an utterance contains a topic marker derived from existential verb *o-* ‘be,’ ‘become,’ the focus (rhematic part) is more frequently represented by a verbal phrase;
- 2) if a topic marker has developed from the verb *se-* ‘say,’ the focus is more often represented by NPs, accompanied by an existential, a predicative particle or without them;
- 3) if the topic is indicated by the formant *ningge*, the focusing part is normally expressed by nouns followed by the copula *bi*.

4. Cleft constructions

In both languages there exist special syntactic constructions which can be put into correlation with such structures, which are called *cleft*-constructions in European languages. As mentioned by some scholars, they play a significant role in expressing pragmatic entities being often used to code topic-focus structures in many languages [Hedberg 1990; Gundel 2002; Gundel & Fretheim 2004; Birner & Ward 2009; Lobo, Santos, & Soares-Jesel 2016; Karssenberg & Lahousse 2018].

In existing literature there are numerous studies concerning English *cleft* constructions [Jespersen 1937; Prince 1978; Hedberg 2000; Lambrecht 2001; Calude 2007, Calude & Delahunty 2011, etc.]. However, a rather limited number of papers are devoted to *cleft*-like constructions in Altaic and *quasi*-Altaic languages [cf. Hiraiwa & Ishihara 2002: 35–54; Saito 2004: 21–50]. There is a limited amount of research based on Mongolian and Manchu data and no convincing definition of *cleft*-like constructions in both languages is provided [Hashimoto 2006; Sakamoto 2012]. The English language is often taken as a starting point in the

[2]

¹⁵ The formant (*n*)*ingge* developed on the basis of the so-called substantive-possessive suffix *-ngge* which was preceded by nouns in the attributive function in the form of genitive *i/ni*. It still preserves a possessive meaning [Gorelova 2002: 153; Roth Li 2010: 314–315].

analysis of clefts in other languages and most definitions of *clefts* are based on existing definitions of English clefts. According to Lambrecht [2001: 463], a cleft sentence is understood as “the expression of a single proposition via biclausal syntax”. Clefts are used for pragmatic purposes/information structuring, and the clefted constituent is often placed at a focused position in the sentence. The well-known cleft types in English are: *it*-clefts, *pseudo*-clefts (*wh*-clefts) and reverse/reversed *pseudo*-clefts (also known as inverted *pseudo*-clefts). Patterns of such cleft constructions can be represented as: *It* + copula *be* + clefted constituent + cleft clause; *wh*-clause + copula *be* + clefted constituent; and clefted constituent + copula *be* + *wh*-clause respectively. These clefts are exemplified in (26) and (27):

(26) *it*-cleft: It was a miracle that Obama hoped for.
wh-cleft: What Obama hoped for was a miracle.
 reversed *wh*-cleft: A miracle is what Obama hoped for.
 (Calude & Delahunty, 2011, p. 308)

(27) *it*-cleft: It is champagne (that) I like best.
wh-cleft: What I like best is champagne.
 reversed *wh*-cleft: Champagne is what I like best.
 (Lambrecht, 2001, p. 467)

As is seen above in *wh*-cleft constructions, the predicative constructions *what Obama hoped for* and *what I like best* are nominalised by the relative pronoun *what*, so they can be treated as nominalisations. These *wh*-clauses can also be regarded as clauses functioning as predicative subjects. On the level of pragmatics, they can be analysed as topics.

In Mongolian and Manchu there exist both non-predicative and predicative nominalisations of participles. Due to the process of nominalisation, the nominalised participle, alone or with dependent words, can function as a subject in polypredicative constructions,¹⁶ which are neither simple nor complex sentences. The predicative nominalisation is such a transformation of a syntactic (and semantic) predicative structure when the given proposition ceases to be a communicative unit on its own right, i.e. it is no longer a predicative sentence structure, despite preserving its predicative features. It becomes a nominal component within a predicative construction (a communicative unit) of a higher rank [Cheremisina et al 1984: 173; Gorelova 2002: 489].

In both languages, the nominalised participles (the forms in *ni* and *-ngge*), alone or expanded with dependent words, participate in building syntactic structures which can be called subject-creative constructions (subject clauses). That is to say, the nominalisations in question serving as the nominal analogues can be promoted to the subject position, which has the highest communicative rank. In this paper we will focus on two types of subject-creative constructions: (1) analogues of *cleft* constructions; (2) constructions of evaluation (extrapositions).

One type of such constructions with the predicative nominalisations, which serve as predicative subjects (clauses) in the constructions of a higher rank, may be seen as the functional equivalents of *cleft* constructions. The predicative nominalisations can be identified with the *wh*-clauses in *wh*-clefts in English. Such *cleft*-like constructions are bipropositional, i.e. one proposition is represented by a subject clause (nominalised predicative construction), and the other one is to relate a predicative subject to its predicate, which is asserted, questioned etc., relative to the subject (see the definition of a *cleft* by [Lambrecht 2001]). The main predicate in such structures is normally expressed by nominals/pronouns which are occasionally followed by (a) existential verbs or (b) existentials alone [Cheremisina et al. 1984; Gorelova 2002: 263–266, 489–493, etc.]. The *cleft*-like constructions in question can be translated according to all the above-mentioned types of *clefts* in English. Note the following example from Mongolian where the *cleft*-like construction can be translated by any of the three types of clefts in English:

[2]

¹⁶ The polypredicative construction is a syntactic unit formed by the combination of several (it is minimally a syntactic binominal) predicative constructions, which are related to each other in various types of semantic and syntactic relationships. Such constructions are based on the notion of the ‘predicative construction’, proposed by M. Iv. Cheremisina, and this notion is understood here as a predicative syntactic form designed to express the semantic structure of a proposition. Each predicative construction has its own predicate which correlates to the subject and reveals its grammatical characteristics of time, modality and person, either free or related (in taxis) [Cheremisina & Kolosova 1987; Cheremisina et al. 1984; Cheremisina et al. 1986; Skribnik 1988; Gorelova 2002: 466–71, 479–80, 482–83, etc; see other works belonging to Novosibirsk syntactic school].

(28) *kömön*¹⁷ *ide-deg* *ni* *minü* *aq_a!*
 human eat-HAB.PTCP 3POSS>NR>TOP 1SG.GEN elder.brother
 ‘It is my elder brother who eats humans!’ (*it*-clefts)
 ‘(The person) who eats humans is my elder brother!’ (*wh*-clefts)
 ‘My elder brother is (the person) who eats humans!’ (reverse *wh*-clefts)
 (CMWM)

Here is an example from Manchu:

(29) *min-i* *eigen* *gai-ha-ngge* *emu* *gurgu* *gasha* *inu*
 1SG (*bi/min*-)-GEN husband take-PRF.PTCP-NR>TOP one wild.animal bird PTCL
 ‘It is a wild animal, a bird in fact, whom I married’ (*it*-cleft)
 ‘(A creature) whom I married is a wild animal, a bird in fact’ (*wh*-cleft)
 ‘A wild animal, a bird in fact is (a creature) whom I married’ (reverse *wh*-cleft)
 (MG, p. 431)

Constructions that we put into functional correlation with clefts display the following characteristics in Mongolian and Manchu:

(i) The predicative subject (clause) in such a construction is often expressed by nominalisation, and the particle *ni* (in Mongolian) and the form *-ngge* (in Manchu) serve as nominalisers.

(ii) From the semantic point of view, nominalisations can denote: 1) an abstract concept of action, 2) an object to which the action is applied; this object may be of material or non-material nature, 3) a person, 4) a situation or any event of the outside world.

(iii) The subject of a *cleft*-like construction is represented by a clause (or a single participle). This clause can be seen as an equivalent of a *wh*-clause (cleft clause) and normally functions as a predicative subject of a sentence of a higher communicative rank.

(iv) The predicate of *cleft*-like constructions is asserted to the subject and serves as a focus (clefted constituent) of the whole utterance. It can be represented by nominals which express semantics of classification or identification (a special case of classification), sometimes followed by the existential, predicative particles or copulae (affirmative or negative). There is another type of *cleft*-like constructions where the predicate (clefted constituent) is expressed by a verbal predication. In Mongolian, it can also be expressed by interrogative pronouns (or nominals modified by interrogatives) followed by a copula.

(v) The predicative subject formed by nominalisation can be analysed as a topic on the pragmatic level.

In the following we will explicate the *cleft*-like constructions at the syntactic level and discuss the same structures at the pragmatic level of analysis.

4.1 Analogues of *cleft*-constructions in Mongolian

The *cleft*-like constructions in Mongolian can be formed according to the following syntactic pattern (a):
 S {Tv-PTCP + *ni*} = P {NP + *yum*+ *siu*}. Note the example below:

(30a) *edeger-i* *ürele-n* *tari-ju* *bayi-qu* *ni* *erelkeg*
 these-ACC sow-CVB plant-IPFV.CVB be-FUT.PTCP NR > TOP brave
ködelmüriči *bayši* *yum* *siu*
 laborious/hard-working teacher PTCL PTCL
 ‘(The ones) who are sowing and planting these are the brave and laborious teachers.’
 ‘It is the brave and laborious teachers who are sowing and planting these.’

In (30a) the subject is formed by the participial construction *edeger iürelen tariju bayiqu* which is nominalised by *ni*. The predicative subject functions as a topic on the pragmatic level. The predicate forming the clefted constituent in the *cleft*-like construction is represented by the nominal phrase *erelkeg ködelmüriči bayši* ‘brave and laborious teachers’ which expresses semantics of classification, followed by the predicative particles *yum* and *siu* (loaded with evaluative semantics). The clefted constituent *erelkeg ködelmüriči bayši* functions as a subject in the canonical sentence¹⁸ (30b) which should be written as below:

[2]

¹⁷ The noun *kömön* ‘human being’ functions as a direct object, which is expressed by the direct case (which coincides with the noun stem).

¹⁸ The logically equivalent, syntactically unmarked, noncleft counterpart of a cleft sentence is called “canonical sentence” [Lambrecht 2001: 467].

- (30b) *erelkeg ködelmüriči bayisi edeger iürele-n tari-ju bayi-qu*
 brave laborious teacher these-ACC sow-CVB plant-CVB be-FUT.PTCP
yum siu
 PTCL PTCL
 ‘Laborious teachers are sowing and planting these.’

Cleft-like constructions in Mongolian can be formed according to the following syntactic pattern (b): S {Tv-PTCP + *ni*} = P {NP/NP+EXIST}. The nominal predicates can denote meanings of (i) classification and (ii) identification. In type (i) a certain object is put into correlation with a particular class of objects; in type (ii) the given object is identified with a particular object. Such predicates are often followed by the existential verb *bayi-*. See the following example:

- (31a) *urtu qubçasu emüsügčid-ündotor a joγso-γ a-bar-ıyan*
 long clothes wearers-GEN in/among stand-IPFV.PTCP-INS-REF.POSS
ariki uuγu-day ni γaγča küng i jii bayi-l a
 wine drink-HAB.PTCP NR >TOP only PN be-PST
 ‘Among those who wear the long-sleeved clothes, the one who drinks wine while he is standing (lit.: by his standing manner) is only Kong Yiji.’

In (31a) the subject clause is represented by the nominalisation *ariki uuγu-day* ‘(the one) who drinks wine’. The clefted constituent is formed by the nominal with semantics of identification, viz. *küng i jii* ‘Kong Yiji’ followed by the existential verb *bayila* ‘was.’ The nominal *küng i jii* serves as a subject in the corresponding canonical sentence (31b):

- (31b) *urtu qubçasu emüsügčid-ün dotor a γaγča küng i jii*
 long clothes wearers-GEN in/among only PN
joγso-γ a-bar-ıyan ariki uuγu-day
 stand-IPFV.PTCP-INS-REF.POSS wine drink-HAB.PTCP
 ‘Among those who wear the long-sleeved clothes, only Kong Yiji drinks wine while standing.’

A special *cleft*-like construction can be formed according to the following syntactic pattern (c): S {Tv-PTCP (NEG) + *ni*} = P {INTR.PRON + N + COP/INTR.PRON + COP}. In such a construction, the interrogative pronoun is involved in expressing the clefted constituent and it is often followed by nominalisers such as *učir* ‘reason’, *yabudal* ‘matter’ and *kereg* ‘thing.’ Note the example below:

- (32) *lama köbegün danjin gedesü-ben yeke bol-qu-du*
 lama boy PN abdomen-REF.POSS big become-FUT.PTCP-DAT.LOC
qoyola eyimü bay a ide-kü böge-tel e gedesü eyin kü
 food such little eat-FUT.PTCP be (AUX)-CVB stomach such PTCL
yeke bol-qu ni yamar učir bui ge-ju
 big become-FUT.PTCP NR >TOP what reason COP say-IPFV.CVB > that
γayıqa-day bile
 wonder/marvel-HAB.PTCP PTCL
 ‘When the lama boy Danzhin’s abdomen grows bigger, (he) is wondering why (lit.: what reason) it is that his stomach gets so big when (he) eats such little food?’

In (32) the subject clause is represented by the nominalisation *gedesü eyin kü yeke bolquni* ‘(the fact that) Danzhin’s stomach gets so big.’ The clefted constituent is formed by *yamar učir* ‘what reason’, i.e. a combination of the interrogative pronoun *yamar* ‘what’ and the nominal *učir* ‘reason’ followed by the copula *bui*.

- (33) *ači-yi mede-gsen ügei ni čoqom ken bui?*
 favour/kindness know-PRF.PTCP NEG NR > TOP on.earth who COP
 ‘As for the one who did not appreciate kindness, who on earth is it?’

In (33) the subject is represented by the nominalisation of the participial construction *ači yi medegsen ügei* ‘the one who did not appreciate kindness.’ The clefted constituent is formed by the interrogative pronoun *ken* ‘who,’ which is modified by an adverb and is followed by the copula *bui*.

Cleft-like constructions can also be formed according to the following syntactic pattern (d): S {Tv-PTCP + *ni*} = P {NP_{adjunct}/NP_{adjunct} + *yum*}. The predicates in such constructions denote the meanings of time or reason. Note the following examples:

- (34) [‘Do (you) drink wine every time when you go to the city to eat food?’] (context)
Ügei öčögedür oroi uuγu-γsan ni angqaduγar uday_a
 NEG yesterday evening drink-PRF.PTCP NR first time
 ‘No, it is the first time when (I) drank (wine) last night’ (lit.: ‘No, (the fact that) (I) drank wine last night was for the first time’).

In (34) the predicate *angqaduγar uday_a* ‘the first time,’ which expresses time, forms the clefted constituent in the utterance.

- (35a) *öngge-yin čečeg delgere-kü ni öggiiyemür qur_a¹⁹-yin*
 colour-GEN flower blossom-FUT.PTCP NR >TOP gentle rain-GEN
ači yum
 favour AFFM.PTCL
 ‘It is (because of) the gentle rain that the colourful flowers blossom’ or
 ‘(The fact that) the colourful flowers blossom is (because of) the favour of the gentle rain.’

In (35a) the subject clause is represented by the nominalisation, *öngge yin čečeg delgerekü* ‘the blossoming of colourful flowers’, in which *ni* serves both as a nominaliser and a topicaliser. The clefted constituent is formed by the nominal phrase *öggiiyemür qur_a yin ači* ‘the favour of the gentle rain’, followed by the predicative particle *yum*. It has the meaning of reason in the canonical sentence (35b) where the instrumental case marker *-bar* is used to mark the clefted constituent:

- (35b) *öngge-yin čečeg öggiiyemür qur_a-yin ači-bar delgere-kü*
 colour-GEN flower gentle rain-GENfavour/grace-INS blossom-FUT.PTCP
yum
 PTCL
 ‘Colourful flowers blossom because of the favour of the gentle rain.’

The following example (36) is functionally an equivalent of a *pseudo*-cleft construction in English, where the focus is formed by a verbal predicate in the syntactic structure built according to the pattern (e): S {Tv-PTCP + *ni*} = P {verbal predication}:

- (36) *qabsai boobo bay_a say_a ög-kü-dü küliye-jü*
 a.long.deep.pastry pastry a.little.bit give-FUT.PTCP-DAT.LOC receive-IPFV.CVB
ab-u-γad nököd-d-tei-ben ide-gsen ni γayča edür-ün
 take-CONN-PRF.CVB friend-PL-COM-REF.POSS eat-PRF.PTCP NR>TOP single day-GEN
dotor_a dayus-čai
 in finish-PST

Note: *küliye-jü ab-* ‘accept; take’ ‘...when (sb.) gave a long piece of pastry to (sb.), after accepting (the pastry) what (sb.) ate with friends finished in one day.’

In (36) the subject is represented by a predicative nominalisation *nököd tei ben idegsen* ‘what he/she ate with friends.’ The verbal predicate *γayča edür ün dotor_a dayusčai* ‘finished in one day’ is represented by the verb form *dayusčai* expanded by a temporal modifier, and serves as the focus of the whole utterance.

The above examples have the following characteristics:

- (a) all these *cleft*-like constructions have predicative subjects that are formed by participles or clauses with participles functioning as heads of predicative constructions;
- (b) subjects (cleft clauses) of such constructions are nominalised with the help of the particle *ni*;

□

¹⁹ *qur_a* ‘a good rain after a long drought; timely rainfall’

(c) predicates (clefted constituents) of these constructions are mostly formed by nominal phrases which can be accompanied by existentials, copulae or predicative particles; in some instances, the predicates are represented by a verbal predication.

4.2 Analogues of *cleft*-constructions in Manchu

In Manchu, the suffix *-ngge*, is normally used to nominalise verbal forms, mostly participles, single or expanded with dependent words.²⁰ When nominalisations are represented by single participles, they can be analysed as non-predicative in most occurrences. Participles extended with subordinate words, especially direct objects, can be considered as predicative. The latter has semantics and a formal structure which refer to those of a simple sentence. Sentences that include such nominalisations can be put in correlation with *cleft*-structures. More often the nominaliser *-ngge* is used to put the predicative constructions with participles as heads into the position of a subject of polypredicative constructions. The nominalisations can also occur in the position of a direct object [Gorelova 2002: 495].

On the level of pragmatics, such nominalisations (subject clauses) function as topics in *cleft*-like constructions. The clefted constituents are formed by nominals, alone or added by existentials or predicative particles. There are structures in which clefted constituents are formed by affirmative or negative copulae. A clefted constituent can also be expressed by a verbal predication.

There are several patterns according to which such structures can be formed:

a) S {Tv-PTCP + *ngge*} = P {NP /NP + EXIST/NP + COP/PTCL}

(37) *tere be muke se-me omi-ha-ngge gemu arki bi-hebi*
 That ACC water say-IPFV.CVB drink-PRF.PTCP-NR>TOP all wine be-PST
 ‘Everything that (he) drank thinking it was water was wine in fact’ (MG, p.491)

In (37) the predicative nominalisation *tere be muke seme omihangge* has a formal structure of a clause and serves as the subject and topic which coincide with each other. However, semantically it may be understood as an object in the broad sense, which is put into correlation with the clefted constituent *arki* ‘wine’ followed by the existential *bihebi*. The whole utterance may be referred to as the construction of classification.

(38) *tere jide-re-ngge men i mama kai*
 that come-IPFV.PTCP-NR>TOP we (be/men-) GEN old.woman PTCL
 ‘The one who is coming is our old woman’ (MG, p.491)

Sentence (38) may be referred to as the construction of identification where the subject (and topic) *tere jiderengge* ‘the one who is coming’ is put into correlation with the clefted constituent (focus) *mama* ‘old woman’ followed by the copula *kai* (assertive predicative particle).

(39) *age i jombu-re-ngge aisin go i gese gisun*
 elder.brother/sir GEN suggest-IPFV.PTCP-NR>TOP gold jasper GEN like word
kai
 COP

‘What the elder brother (or sir) said are the words like gold and jasper’ (MG, p.431).

In (39) the subject clause (and topic) *age i jomburengge* ‘what the elder brother said’ is put to correlation with the noun *gisun* ‘words’ which serves as a clefted constituent (focus). The latter is expanded by two attributes and is followed by the predicative particle *kai*.

b) S {Tv-PTCP + *ngge*} = P {COP/NEG.COP}

(40) *buceli be tunggala-ha se-me golo-fi ergen*
 ghost ACC encounter-PRF.PTCP say-IPFV.CVB be.startled-IPFV.CVB life
jocibu-he-ngge gemu bi
 lose-PRF.PTCP-NR>TOP all COP

‘There were those who having encountered the ghost, were startled to death’ (MG, p.430).

□

²⁰ Historically, the suffix *-ngge* can be specified as possessive [Avrorin 1953: 93–100; Gorelova 2002: 153].

The nominalised participle *jocibuhengge* with dependend elements serves to form the subject and topic which coincide in (40). The clefted constituent is represented by the affirmative copula *bi*.

- (41) *niyalma untuhuri taci-ra be kice-re-ngge waka*
 person in.vain study-IPFV.PTCP ACC tudy-PTCP-NR>TOP NEG.PTCL (there.is.not)
 ‘There is not (such a fact) that a person’s effort to study may be in vain’ (Orl., p. 214).

In (41) the nominalisation is expressed by the participle *kicerengge* with dependent elements and denotes an event of the outside world which is negated with the help of the negative particle *waka* that is used as a clefted constituent.

- (42) *abka i fejergi irgen tumen jaka be haira-rakū-ngge akū*
 heaven GEN under people a.myriadthing ACC be.compassionate-IPFV.PTCP(NEG)-NR>TOP
 NEG.COP (there.is.not)

Note: *abkai fejergi* ‘all under heaven,’ ‘the universe,’ ‘the world’

‘There is not (such a fact/a claim) that people are not compassionate with a myriad of animals in the World’ (Pash. 2, p. 315).

In (42) the event of the outside world which is expressed by the subject clause is negated with the help of the negative copula *akū*. The subject clause is represented by the predicative nominalisation which consists of the expression *abka i fejergi irgen tumen jaka be hairarakūngge* with the nominalised participle as a head. This subject clause serves also as a topic.

c) S {Tv-PTCP + *ngge*} = P {verbal predication}

- (43) *er ebe tuwa-ci mujin bisi-re-ngge baita*
 this ACC look.at-COND.CVB resolution be-IPFV.PTCP-NR>TOP thing/matter
jiduji mute-bu-mbi
 finally can-PASS-PRS

‘If looking at this, the fact that there is a resolution, the thing (that sb. wants to do) can be done’ (Pash. 2, p. 186).

In (43) the nominalised participle *bisirengge* serves as an element which builds the topic *mujin bisirengge* ‘the fact that there is a resolution.’ The latter correlates to the focusing part which is expressed by the verbal predication *baita jiduji mutebumbi* ‘the thing can be done.’

- (44) *bai-re-ngge endurengge ejen morin be*
 request-IPFV.PTCP-NR>TOP divine lord horse ACC
bargiya-ra-o
 accept- IPFV.PTCP-INTR>IMP (honorific form)

‘What (I) request is that his majesty may accept the horses’ (MT, p. 295).²¹

In (44) the nominalised and topicalised participle *bairengge* ‘what (I) request’ correlates to the focusing part which is represented by the verbal predication *endurengge ejen morin be bargiyarao* ‘his majesty may accept.’ The latter is a simple sentence (a proposition).

Participles in the *-ngge* form, alone or expanded with dependent words, are permitted to occupy nominal positions in the sentence, mostly the sentence-initial position, which is the position of subject. Originally possessive, the suffix *-ngge* is closely related to the category of possessivity which deals with referentiality/specificity. The suffix *-ngge* plays an important role in the organisation of the information structures of an utterance. With the help of this suffix, the nominal analogues can be promoted to the position of subject which is characterised by the highest communicative rank. Thus, the nominaliser *-ngge* can be regarded as a means of rank-ordering topic-marking device. The foci of such constructions are normally expressed by NPs, together with or without predicative particles, affirmative or negative. The focus (rhematic part) can also be rendered by a verbal predication (proposition). All these structures can be analysed as analogues of *cleft*-constructions.

21

²¹ In Roth Li, it was translated as ‘that which I request is that his majesty may accept the horses.’

5. Evaluative constructions in Classical Mongolian and Manchu

Notably, in Classical Mongolian and Manchu there exist special constructions with evaluative semantics, which look structurally similar to *cleft*-like constructions. In English, scholars have also attempted to differentiate between evaluative constructions²² and clefts in terms of syntactic features and discourse functions [Calude 2008; Pérez-Guerra 1998]. According to Calude [2008: 9, 13], clefts are used to highlight and contrast “particular bits of information;” extrapositions do not serve a highlighting function (pragmatic purpose), but function to state the speaker’s evaluative comments in an effective way.

The subject of evaluative constructions normally denotes presupposition in Mongolian; it is nominalised and topicalised by the particle *ni*. There is a correlation between the subject clause and the main predicate of the utterance. Main predicates of such constructions are rendered by nominals which have evaluative meanings, e.g. *yariyan ügei* ‘certain,’ ‘undisputable’, *üneker iniyeltei* ‘really laughable’ and *qačın yayıqaltai* ‘strange and wonderful,’ etc. The substantiviser *kereg* ‘matter,’ ‘thing’ often accompanies such evaluative words. The evaluative constructions in Mongolian can be built according to the following syntactic pattern:

S {Tv-PTCP (NEG) + *ni*} = P {NP + (EXIST/*yum*)}. Note the examples below:

- (45) *ayala-n* *yabu-γ_a* *ongγočan* *deger_e möli* *kisuγ_a-yi* *eyimürkü*
travel-CVB go-IPFV.PTCP ship on oyster-ACC such
erkimsüg *narın-iyar* *ide-kü* *arγ_a-du* *min-ü* *ečige*
honourable careful-INS eat-FUT.PTCP method-DAT.LOC 1SG-GEN father
sedkil ködelge-gde-gsen **ni** *yariyan ügei* *kereg*
excite-PASS-PRF.PTCP NR > TOP certain/undisputable matter

Note: *sedkil ködelge-* ‘to get excited/be impressed’ < *sedkil* ‘thought/heart/mind’ + *ködel-* ‘move’ + *-lge=* CAUS;

yariyan ügei ‘certain’ < *yariyan* ‘talk’ + *ügei* = NEG

‘On the traveling ship, it is an undisputable thing that my father has been impressed by the method of eating oysters in such an honourable and careful manner’ or ‘On the ship which is going, traveling, (the fact that) my father has been incited by the method of eating oysters and clams in such an honourable and careful manner is a certain thing.’

- (46) *ede* *yerü ni* *kömön-i* *ide-kü-yi* *küse-kü*
these> 3PL normally human-ACC eat-FUT.PTCP-ACC wish-FUT.PTCP
a-tal_a *basa* *qulang qulang ki-jü* *daru-ju* *daldala-qu-yi*
be (AUX)-CVB >although yet/still act.secretly-IPFV.CVB press-IPFV.CVB hide-FUT.PTCP-ACC
oroldo-ju *siγud* *γar ködel-jü* *čida-day* *ügei* **ni** *üneker*
try-IPFV.CVB directly attack-IPFV.CVB enable(AUX)-HAB.PTCPNEG NR >TOP really
iniyeltei *kereg e*
laughable thing EXCLM

‘(The fact that) although they normally wish to eat humans, yet they are still trying to hide (their thoughts) and cannot attack humans directly, is really a laughable thing.’ or
‘It is a laughable thing that although they normally wish to eat humans, they are still trying to hide and cannot attack humans directly.’

In (45) and (46) the particle *ni* functions as a nominaliser and a topic marker. The main predicates in these structures are nominal predicates with semantics of evaluation, viz. *yariyan ügei kereg* ‘an undisputable thing’ and *üneker iniyeltei kereg e* ‘a really laughable thing.’ Below are some more examples:

- (47) *getel_e* *masi* *olan* *dalai-yin* *amitan* *eyimü* *tangsuy* *sayıqan*
but very many sea-GEN animal such tasty/splendid good
dalai-yin *teγigel-i* *ide-deg* *ügei* **ni** *qarin* *qačın*
sea-GEN nutrition-ACC eat-HAB.PTCP NEG NR >TOP on.the.contrary strange
yayıqaltai *kereg* *yum*
wonderful/marvellous thing PTCL

‘But it is a strange and wonderful thing that quite a lot of sea animals do not eat such tasty good sea nutrients.’

[22]

²² Calude [2008, pp. 7–33] named such constructions as “extraposed clauses”. Clefts and extraposed clauses (extrapositions) are differentiated by [Calude 2008, pp. 20–28] on the basis of “a word order rearrangement test”, i.e. it is ungrammatical for clefts to shift the clefted constituent to the sentence-initial position, whereas extraposition is still grammatical if the extraposed clause is reinstated to the subject position.

In (47) the subject clause *masi olan dalai yin amitan eyimü tangsuy sayiqan dalai yin teǰigel iidedeg ügei* is nominalised and topicalised by the particle *ni*. The main predicate *qačın ɣayıqaltaikereg* ‘a strange thing’ is a nominal phrase with semantics of evaluation, followed by the predicative particle *yum*.

- (48) *jiči* *baysi ta tariyan-u ür_e jımis tömösö ide-deg*
 also/furthermore teacher 2SG crops-GEN seed fruits potatoes eat-HAB.PTCP
keme-gsen inü²³ qudal bol-ju
 say-PRF.PTCP NR>TOP false be/become-IPFV.CVB
 ‘Furthermore, the claim that teacher you eat the seeds of crops, fruits and potatoes, is false...’

In (48) the subject is represented by nominalisation *baysi ta tariyan u ür_e jımis tömösö idedeginü* and *inü* functions both as a nominaliser and a topicaliser; the predicate is formed by the nominal *qudal* ‘false’ with evaluative semantics, followed by an existential verbal form *bolju*.

Evaluative constructions are also very common in Manchu. They are built according to the patterns that are very similar to those in Mongolian. However, instead of the nominaliser *ni*, in Manchu the nominaliser -*ngge*, which also function as a topicaliser, is widely used:

S {Tv-PTCP (NEG) + *-ngge*} = P {NP + (EXIST) + PTCL (COP)}.

The suffix *-ngge* is normally attached to participles, which may occur alone or is expanded with dependent words. On the syntactic level, the nominalised participles are used to form new subjects, which can denote an abstract notion, an action, a person, or any situation (event) of the outside world. The foci are rendered by the nominals having semantics of evaluation. In many occasions these nominals are proceeded with the word *baita* ‘matter,’ ‘thing,’ and propably, some others, which may function as nominalisers (or to be more precise as substantivisers as well), partially losing their lexical meaning. The words with semantics of evaluation may also be followed by existentials, and predicative particles including copulae as well. Note the examples below:

- (49) *weci-re forgošo-ro-ngge umesi hūdun*
 promote-IPFV.PTCP transfer-IPFV.PTCP-NR>TOP very quick
 Note: *wesire forgošoro* ‘promotion’

‘As for promotions, (they) are very quick’ (Zakh., p.76);

- (50) *sin’i ere wesimbu-he-ngge umesi inu*
 2SG-GEN this memorialise-PRF.PTCP -NR>TOP very PTCL
 Note: *umesi inu* ‘quite so,’ ‘very correct’

‘What you have memorialised is very correct’ (MT, p.295);

- (51) *haha hehe tacin de dosika-ngge ududu tanggū bi*
 man woman religion DAT enter-NR>TOP several hundred COP
 ‘The men and women who have joined the religion number several hundreds’ (MT, p. 295);

- (52) *cen-i daha-nji-ha-ngge inengi goida-ha*
 3PL(*ce/cen*)-GEN submit-DErv-PRF.PTCP-NR>TOP day last.for.a.long.time-PRF.PTCP
 ‘Their act of submitting was a long time ago’ (MT, p. 295);

- (53) *suwen-i ji-he-ngge umesi sain baita*
 2PL(*suwe/suwen*)-GEN come-PRF.PTCP-NR>TOP very good matter
 ‘The fact that I came is a very good thing’ (MG, p. 417);

- (54) *han i nime-re-ngge majige sain o-ho*
 khan GEN ill-IPFV.PTCP-NR>TOP a.little good become-PRF.PTCP
 ‘The khan’s illness became a little better’ (MG, p.265).

[2]

²³ The third person singular possessive marker *inü* can function as a nominaliser and a topicaliser in formal literary texts in Middle Mongolian.

All the above examples demonstrate the basic structural and semantic possibilities with regard to constructions of evaluations in Manchu that we have recorded so far.

6. Conclusion

In this paper, we explored information structures in the Classical Mongolian and Manchu languages, revealing the similarities of the two languages in terms of topic-focus structures, *cleft*-like constructions and constructions of evaluation.

Firstly, it can be concluded that the topic in both languages can be marked by special morphosyntactic forms (infinite verbal forms: converbs; participles) which derived from existential verbs (*bol-* in Mongolian and *o-* in Manchu) as well as from *verbum dicendi* (*ge-* in Mongolian and *se-* in Manchu). Depending on the lexical meanings of verbs from which these topic markers are derived, the foci are represented either by nominal predicates or verbal predications.

In addition to topic markers, we concentrated on discussion of subject-creative constructions, namely analogues of the *cleft*-sentences and extrapositions as described in English; such constructions play a crucial role in the expression of pragmatic structures. The nominalised participles formed by *ni* and *-ngge*, alone or expanded with dependent words, participate in building such syntactic structures. The nominalisations in question serving as the nominal analogues, can be promoted to the subject position, which has the highest communicative rank. Foci in these constructions can be represented by nominals which may be followed by existentials or predicative particles/copulae, affirmative and negative.

List of Abbreviations

1 first person	EXCL exclusive	PRS present
2 second person	EXCLM exclamation	PST past
3 third person	EXIST existential	PTCL particle
ABL ablative	FUT future	PTCP participle
ACC accusative	GEN genitive	REF reflexive
AFFM affirmative	IMP imperative	S subject
AGT agentive	IMU Inner Mongolia University	Sb. somebody
ASP aspect	INTR interrogative	SG singular
AUX auxiliary	INS instrumental	Sth. something
CAUS causative	IPFV imperfective/imperfect	Tv stem of the verb
COM comitative	N noun	TN toponym
CONC concessive	NEG negative	TOP topicaliser
COND conditional	NP noun phrase	* reconstructed form
CONN connective	NR nominalizer	[] signals contexts
COP copula	OPT optative	→ governs
CVB converb	P predicate	~ alternates with
DAT.LOC dative-locative	PL plural	> develops into
DEM demonstrative	PN proper noun	< develops from
DERv derivative verb	POSS possessive	= correlates to
HAB habitual	PRF perfective/perfect	
{ } is formed by the syntactic structure enclosed in the curly brackets		

Source Materials

CMWM – The analysed examples come from the 1-million-word Corpus of Modern Written Mongolian (abbreviated as CMWM) developed in the early 1990s by a team of scholars from the Mongolian Language

Studies Institute at Inner Mongolia University in China. The free software AntConc 3.4.3w (Windows) 2014 is applied to extract data from the corpus.

MG – Gorelova, L.M. [2002]. *Manchu Grammar*. Leiden; Boston; Köln: Brill Academic Pub.

MT – Roth Li, Gertraude [2010]. *Manchu. A textbook for reading documents. Second edition*. University of Hawai'i at Mānoa: National Foreign Language Resource Center.

Orl. – Orlov, A. M. [1873]. *Grammatika man'čžurskogo jazyka* [Manchu Grammar]. St. Petersburg.

Orlovskaya 1999 – Orlovskaya, M. N. [1999]. *Jazyk mongol'skikh tekstov XIII–XIV vv.* [The language of the Mongolian texts of XIII–XIV centuries]. Moscow: The Institute for Oriental Studies. Russian Academy of Sciences (in Russian).

Orlovskaya 2010 – Orlovskaya, M. N. [2010]. *Essays on the grammar of the language of ancient Mongolian texts*. Moscow: Vostochnaya literatura [Oriental literature].

Pash.1&2 – Examples from the Classical Manchu language are taken mainly from the manuscript of the doctoral dissertation by B. K. Pashkov's 'Syntax of the Manchu simple sentence' (v. 1-2), which was based on the ancient Manchu manuscripts dating to the late 17–18 centuries. A detailed description of the ancient manuscripts used by Pashkov, is also given in the book "Manchu Grammar" [Gorelova 2002].

Zakh. – Zakharov, Iv. I. [1879]. *Grammatika man'čžurskogo jazyka* [Manchu Grammar]. St. Petersburg.

References

Aissen, J. L. [1992]. Topic and focus in Mayan. *Language*. 68(1). Pp. 43–80.

Apatóczky, Á. B. [2007]. Subject markers in Mongolian. Myth or truth? In G. Ö. Aydın (Ed.), *Uluslararası konferans bildirileri: "Altay hayat"* [Proceedings of the 46th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference (PIAC)]. 46. Ankara, Turkey: Turkish Language Society. Pp. 27–37, p. 11.

Avrorin, V. A. [1953]. *Predikativno-prityazatel'nye formy v nanajskom i drugih tunguso-man'čžurskich jazykach* [The predicative-possessive forms in Nanaj and the other Manchu-tungusic languages]. *Voprosy jazykoznanija* [Problems of Linguistics]. 3. Pp. 93–100 (in Russian).

Birner, B. J., & Ward, G. [2009]. Information structure and syntactic structure. *Language and Linguistics Compass*. 3(4). Pp. 1167–1187.

Bobrovnikov, Al. [1849]. *Grammatika mongol'sko-kalmyckogo jazyka* [Grammar of the Mongol-kalmyk language]. Kazan (in Russian).

Calude, A. S. [2007]. *Demonstrative clefts in spoken English*. (Doctoral dissertation). The University of Auckland, Auckland, New Zealand.

Calude, A. S. [2008]. Clefting and extraposition in English. *ICAME Journal*. 32. Pp. 7–33.

Calude, A. S., & Delahunty, G. P. (2011). Inference in spoken English. *Pragmatics. Quarterly Publication of the International Pragmatics Association (IPrA)*. 21(3). Pp. 307–340.

Chafe, W. L. [1976]. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view. In C. N. Li (Ed.), *Subject and topic*. New York; San Francisco; London: Academic Press, Inc., pp. 25–55.

Cheremisina, M. Iv., Brodskaja, L. M., Gorelova, L. M., Skribnik, E. K. et. al. [1984]. *Predikativnoe sklonenie pričastij v altajskich jazykach* [Predicative declension of participles in the Altaic language]. Nauka: Novosibirsk (in Russian).

Cheremisina, M. Iv., Brodskaja, L. M., Skribnik, E. K. et. al. [1986]. *Strukturnye tipy sintetičeskich polipredikativnykh konstrukcij v jazykach raznykh sistem* [Structural types of the synthetic polypredicative constructions in the languages of different language systems]. Nauka: Novosibirsk (in Russian).

Cheremisina, M. Iv. & Kolosova, T. A. [1987]. *Očerki po teorii složnogo predloženiya* [Essays on the theory of the complex sentence]. Nauka: Novosibirsk (in Russian).

Dahl, Ö. [1974]. Topic-comment structure in a generative grammar with a semantic base. In F. Daneš (Ed.), *Papers on functional sentence perspective*. Mouton: Prague. Pp. 75–80.

Givón, T. [1988]. The pragmatics of word order: predictability, importance and attention. In M. Hammond, E. Moravcsik & J. Wirth (Eds.), *Studies in Syntactic Typology*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, pp. 243–284.

Gorelova, L. M. [2002]. *Manchu grammar*. Leiden; Boston; Köln: Brill Academic Pub.

Gorelova, L. M. [2006a]. Information structures in the Manchu language. In A. Pozzi, J.

Janhunen & M. Weiers (Eds.), *Tumen jalafun jecen aku: Manchu Studies in Honour of Giovanni Stary*, Otto Harrassowitz Verlag: Wiesbaden, pp. 91–106.

Gorelova, L. M. [2006b]. Typology of information structures in the Altaic languages. In E. V. Boikova & R. B. Rybakov (Eds.), *Kinship in the Altaic world: Proceedings of the 48th Permanent International Altaistic Conference*. Otto Harrassowitz Verlag: Wiesbaden, pp. 149–171.

Gorelova, L. M. & Orlovskaya, M. N. [2010]. *Informacionnye struktury v srednemongol'skom i klassicheskom man'chzhurskom jazukakh (tipologicheskii, etnoistoricheskii i areal'nyi aspekty)* [Information structures in the Middle Mongol and Classical Manchu languages (typological, ethnohistorical and areal aspects)]. In *Oriental Studies*. Nauka: Institute for Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (in Russian), pp. 564–612.

Gundel, J. K. [1988]. Universals of topic-comment structure. In M. Hammond, E. A., Moravcsik, & J. R. Wirth (Eds.), *Studies in Syntactic Typology*. Amsterdam; Philadelphia: JohnBenjamins Publishing Company. 17. Pp. 209–239.

Gundel, J. K. [2002]. Information structure and the use of cleft sentences in English and Norwegian. In *Information structure in a cross-linguistic perspective*. Brill Rodopi, pp. 113–128.

Gundel, J. K., & Fretheim, T. [2004]. Topic and Focus. *The handbook of pragmatics*, p. 175.

Haiman, J. [1978]. Conditionals are topics. *Language*. 54 (3). Pp. 564–589.

Hashimoto, K. [2004]. *Mongorugo no kopyura-kobun no imi no ruikai* [The semantic typology of copula sentences in Mongolian]. *Muroran Institute of Technology Academic Resources Archive*. 54. Pp. 91–100.

Hashimoto, K. [2006]. *Mongorugo 3-ninsyo kosetsugo no topikku hyoji/shotenhyoji* [The third person proclitic as topic/focus markers in Mongolian]. *Cognitive Science Research*. 4. Pp. 7–23.

Hedberg, N. [1990]. *Discourse pragmatics and cleft sentences in English*. (doctoral dissertation). University of Minnesota, Minneapolis, US.

Hedberg, N. [2000]. The referential status of clefts. *Language*. 76 (4). Pp. 891–920.

Hiraiwa, K., & Ishihara, S. [2002]. Missing links: Cleft, sluicing, and “no da” construction.

IMU. [2005]. *Odo üy_e yin mongyol kele* [Modern Mongolian]. Hohhot: Inner Mongolia People's Publishing House.

Jacobs, J. [2001]. The dimensions of topic-comment. *Linguistics*. 39 (4; ISSU 374). Pp. 641–682.

Janhunen, J. [2003]. *The Mongolic languages*. Richmond: London; New York: Curzon; Routledge.

Jespersen, O. [1937]. *Analytic syntax*. London: Allen and Unwin.

Karssenber, L. & Lahousse, K. [2018]. The information structure of French *il ya* clefts and *c'est* clefts: A corpus-based analysis. *Linguistics*, 56(3). Pp. 513–548.

Kotvich V. L. [1902]. *Lekciyi po grammatike vongol'skogo jazyka*. [Lectures on the grammar of the Mongolian language]. Saint Petersburg (in Russian)

Kuno, S. [1972]. Functional sentence perspective: A case study from Japanese and English. *Linguistic Inquiry*. 3 (3). Pp. 269–320.

Lambrecht, K. [1996]. *Information structure and sentence form: Topic, focus, and the mental representations of discourse referents*. Cambridge [England]: Cambridge University Press.

Lambrecht, K. [2001]. A framework for the analysis of cleft constructions. *Linguistics*. 39 (3; ISSU373). Pp. 463–516.

Lobo, M., Santos, A. L., & Soares-Jesel, C. [2016]. Syntactic structure and information structure: the acquisition of Portuguese clefts and *be*-fragments. *Language acquisition*, 23 (2). Pp. 142–174.

Martin, S. [2004]. *A reference grammar of Japanese*. Honolulu: University of Hawai'i Press.

Pérez-Guerra, J. [1998]. Integrating right-dislocated constituents: A study on cleaving and extraposition in the recent history of the English language. *Folia Linguistica Historica*. 32. Pp. 7–26.

Poppe, N. [1941]. *Kvadratnaya pis'mennost'* [Square script]. Leningrad (in Russian).

Poppe, N. [1954]. *Grammar of Written Mongolian*. Otto Harrassowitz Verlag: Wiesbaden.

Poppe, N. [1970]. *Mongolian language handbook* (No. 4). Washing D. C.: Center for Applied Linguistics.

Prince, E. F. [1978]. A comparison of *wh*-clefts and *it*-clefts in discourse. *Language*. 54 (4). Pp. 883–906.

Prince, E. F. [1981]. Topicalization, Focus-movement and Yiddish movement: a pragmatic differentiation. In *Proceedings of the 7th Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley, University of Berkeley, pp. 243–264.

Rybatzki, V. [2003]. Middle Mongol. In J. Janhunen (Ed.), *The Mongolic Languages*. Richmond: London; New York: Curzon; Routledge, pp. 57–82

Saito, M. [2004]. Ellipsis and pronominal reference in Japanese clefts. *Nanzan Linguistics*, 1. Pp. 21–50.

Sakamoto, Y. [2012]. *A study of sluicing and cleft in Mongolian: A comparison with Japanese*. (Doctoral dissertation). Tohoku University, Sendai, Japan.

- Sanzheev, G. D. [1953–1964]. *Sravnitel'naya grammatika mongol'skich jazykov* [Comparative grammar of the Mongolic languages]. Vols. 1–2. Nauka: Moscow (in Russian).
- Sechenbaatar, B. [2003]. *The Chakhar dialect of Mongol*. Helsinki.
- Skribnik, E. K. [1988]. *Polipredikativnye predloženiya v buryatskom jazyke* [Polypredicative sentences in the Buryat language]. Nauka: Novosibirsk.
- Skribnik, E. K. [2001]. Variation of noun phrase markers in Siberian languages. In W. Boeder & G. Henschel (Hrsg.) (Eds.), *Variierende narkierung von nominal gruppen in sprachen unterschiedlichen typs* [Variation of nominal groups in languages of different types]. Oldenburg: *Studia Slavica Oldenburgensia*. 4. Pp. 345–364.
- Street, J. C. [1963]. *Khalkha structure*. Bloomington: Indiana University.
- Wu, T. [2019]. *Eating and drinking expressions in Mongolian: A corpus-based study*. (Doctoral dissertation). The University of Auckland, Auckland, New Zealand.

С. Н. Абдуллаев

*Иссык-Кульский государственный университет, Киргизия, abdullaev.sayfullah@gmail.com***Устойчивые синтаксические структуры в уйгурском языке**

Статья подготовлена в контексте системного описания синтаксиса уйгурского языка. Объект описания – устойчивые предложенческие структуры. Они рассматриваются в непосредственной связи с системой моделей элементарного простого предложения. Автором описываются отдельные разряды таких периферийных синтаксических структур. Статья может быть полезна для исследователей синтаксиса алтайских языков.

Ключевые слова: синтаксическая система, модель, устойчивая структура, регулярность.

В данной работе преследуется цель описать крайнюю периферию синтаксической системы современного уйгурского языка с тем, чтобы полнее оттенить и выделить систему структурно-семантических моделей элементарного простого предложения, являющегося центральной и базовой синтаксической единицей языка [Черемисина 1998: 8].

Как известно, в реальной речи чаще представлены не классические «чистые» простые предложения. По словам Н. Д. Арутюновой, за пределами «классических» предложений исследователь попадает в открытое и безбрежное море фраз, составляющих наименее регламентированные в формальном отношении единицы. На полюсе, противоположном «идеальному» предложению, находятся грамматически аморфные фразы, к числу которых относятся диалогические реплики, высказывания, принадлежащие сфере социального этикета, междометийные высказывания [Арутюнова 1972: 320].

Среди таких периферийных структур синтаксиса на материале уйгурского языка можно наметить слова-предложения и примыкающие к ним ответные реактивные реплики в диалогической речи, стереотипные несерийные выражения и формулы речевого этикета. Исходя из основной цели и задач настоящей работы, мы не стремимся к детальному изучению «ипостаси» устойчивых синтаксических структур и их полной регистрации. Такая задача выходит за рамки данной работы. Здесь же мы намерены в сжатой форме показать специфику обсуждаемых периферийных устойчивых синтаксических образований с тем, чтобы подчеркнуть ядро системы структурно-семантических моделей простого предложения, показать их взаимоотношения с устойчивыми стереотипами и полнее представить себе общую картину синтаксического строя современного уйгурского языка.

Устойчивые синтаксические структуры несерийного образования

Первая группа устойчивых синтаксических структур под углом зрения настоящей работы перегруппировывается по своему отношению к основной массе структурно-семантических моделей элементарного простого предложения, находящихся в центре синтаксической системы уйгурского языка.

К первой разновидности относятся устойчивые синтаксические единицы, сохраняющие прозрачные связи со структурно-семантическими моделями элементарных простых предложений, к которым они сравнительно легко могут быть возведены. Во второй группе устойчивых синтаксических единиц такую связь усмотреть трудно.

Итак, обратимся к первой из намеченных нами выше групп. Согласно нашему видению синтаксического строя современного уйгурского языка, мы склонны назвать их звеном перехода от фразеологизированных моделей простого предложения, находящихся на периферии синтаксиса уйгурского языка, к устойчивым схемам-выражениям [см. Лайонз 1978: 190], которые отодвигаются еще далее к крайней синтаксической периферии. К таким «переходным» формам, в частности, относятся высказывательные структуры, построенные по модели, которую можно представить при помощи следующей формулы:

N1 – N билэн/N5 - чаттак // Бар/ Йок Сор

Они передают информацию о наличии или отсутствии, чаще присутствии, желания субъекта быть осведомленным о некотором объекте.

Принципиальная возможность идентификации и моделирования как формы, так и содержания сближает указанные синтаксические структуры с предложениями. Принимая во внимание компоненты-константы *чаттақ // Бар/ Йоқ*, а также «связывающую» тенденцию в употреблении изафетной синтаксической связи, эти высказывательные структуры можно отнести к предложениям частично фразеологизированной структуры. Но, с другой стороны, почти полное отсутствие способности к каким-либо грамматическим видоизменениям, ориентация на употребление в готовом виде, замещение меняющимся лексическим материалом фактически лишь одной синтаксической позиции (*N билән/N5*) при замораживании других позиций-ячеек позволяют интерпретировать подобные структуры как переходящие в разряд устойчивых выражений несерийного образования. Обратимся к примерам:

(1) *Оқушунда мениң чаттигим йоқ* [Наширов 1988: 91] ‘Мне нет дела до твоей учебы (Я не желаю знать что-либо о твоей учебе)’.

(2) *Гүлнарның Хәлмәт билән һеч чаттиги йоқ экән* [Уйғур авази 1992: 3] ‘Оказывается, Гульнар нет никакого дела до Халмата (Гульнар ничего не желает знать о Халмате)’.

(3) *Сән қиливатқан ишиңда чаттиғимиз йоқ* [Уйғур авази 1992: 3] ‘Нам нет дела до того, чем ты занимаешься (Мы не желаем знать, чем ты занимаешься)’.

В последнем примере допускающая лексическое замещение позиция (*N билән/N5*) репрезентирована не падежно-последовательным сочетанием, а словоформой в форме местно-временного падежа. Рассмотренные единицы сохраняют устойчивую связь со структурно-семантической моделью простого предложения:

N5 – N1 – Bar/Yoq Sor «где кто присутствует/отсутствует»

Мы склонны видеть в отходе реализаций этой модели от регулярно воспроизводимого к устойчивому характеру своего употребления постепенный процесс структурно-семантического сдвига, в качестве промежуточного этапа, в котором, в свою очередь, можно видеть и существование таких предложений-высказываний, как:

(4) *Чирайлиқта вапа йоқ* [Тохтэмов 1985: 143] ‘Красивые не верны (букв. У красивой верность отсутствует)’.

Подобные предложения-высказывания употребляются в обобщенном смысле, и в одном этом уже скрывается тенденция к переходу данных структур в разряд устойчивых выражений. Такую же закономерность можно проследить и на примере другого устойчивого выражения, а именно:

(5) *Қалаймиқан күлүшкә рухсәт йоқ* [Уйғур авази 1992: 4] ‘Громко смеяться запрещено (Беспорядочно смеяться разрешение отсутствует)’.

Данное выражение относится к числу штампов. Оно изначально возводится к той же структурно-семантической модели N5 – N1 – Bar/Yoq Sor «где кто присутствует/отсутствует». Здесь в позиции субъектного члена (лежащего) прочно «оседает» компонент *рухсәт* «разрешение, позволение», валентность которого открывает позицию для глагольных или именных форм в дативном оформлении. Но для нас сейчас интересно то, что движение к данной структуре-штампу некогда регулярно воспроизводимых реализаций названной выше структурно-семантической модели свободной структуры шло через ступень своего обобщенно-личного употребления.

Таким образом, выше мы остановились на вопросах грамматической природы устойчивых выражений «переходного типа», выступающих в роли своеобразного буферного звена между фразеологизированными моделями простого предложения и выражениями-схемами, к рассмотрению которых мы и переходим ниже.

Схемы – это выражения, которые грамматически не структурируются или частично структурируются и способны образовывать высказывания по грамматическим образцам [Лайонз 1978: 190]. К примерам схем-выражений относятся такие структуры, как *Яшисун ...; Tv –ишнің һажити йоқ; ... -дин/Tv –иштин худа сақлисун; ... -ни/Tv –ишни ким қоюпту; ... Tv -га бәрикалла (атирин); ... -га/ Tv -ишка мубарәк болсун* и др.

Схемы-выражения образуются по жестко заданным образцам путем простой подстановки лексического материала и употребляются почти как готовые выражения. Например:

(6) *Қиз балига оқушни ким қоюпту* [Аюп 1989: 227] ‘Зачем учиться девочкам’.

(7) *Шу қизимни демисам, отунчилиқни маңа ким қояпту* [Аюп 1989: 227] ‘Если бы не моя дочь, зачем мне это занятие дровосека’.

(8) *Бу ялантөшләрнің йеңишидин Худа сақлисун* [Қапар 1983: 5]. ‘Упаси Бог от вероломства этих голодранцев’.

Схемы употребляются как заранее заданные языковые средства. Их использование активизируется на том или ином этапе развития языка. Так, например, в туркменском языке «начиная с 20-х годов в лозунгах, призывах, здравницах предложения начинались со сказуемого-глагола в повелительном наклонении III лица ед. числа. Например:

Яшасын билмек! Ек болсун жахалат!

Данный тип предложений с инверсионными сказуемыми широко используется и в настоящее время» [Соегов 1991: 171].

Подведем итоги. Синтаксическая система уйгурского языка имеет свое ядро, в котором расположены модели элементарных простых предложений и периферию, где можно видеть различные устойчивые синтаксические структуры [Abdullayev 2018: 31]. Их описание открывает картину динамики синтаксиса языка.

Список литературы

- Abdullayev S.* Models of Simple Sentences in Uyghur and English languages. Karakol, 2018. 55 с.
Арутюнова Н. Д. Синтаксис // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 264–270.
Лайонз Дж. Введение в теоретическое языкознание. М., 1978. 540 с.
Соегов М. Развитие синтаксической системы туркменского литературного языка в советскую эпоху. Ашхабад, 1991. 231 с.
Черемисина М. И. Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 1998. С. 3–31.

Список источников

Аюп 1989	Аюп Т. Отунчиниң қизи // Тарим долқунлири. Алмута, 1989.
Қапар 1983	Қапар А. Или долқунлири. Үрүмчи, 1983.
Тохтэмов 1985	Тохтэмов Т. Виждан азави. Алмута, 1985.
Уйғур авази 1992	Уйғур авази. № 11. Алмута, 1992.
Ҳаширов 1988	Ҳаширов Ө. Нур ана. Алмута, 1988.

S. N. Abdullayev

Stable Syntactic Structures in the Uyghur Language

The article was prepared in the context of systemic description of Uyghur syntax. Stable sentence structures serve as the object of this study. They are considered in direct connection with the system of models of elementary simple sentences. The author describes certain categories of such peripheral syntactic structures. The article may be useful for researchers of the syntax of the Altai languages.

Keywords: syntactic system, model, stable structure, regularity.

Н. Ч. Серээдар*Тувинский институт гуманитарных,
прикладных и социально-экономических исследований. Кызыл, sereedar.62@mail.ru***Фразеологизированные предложения в тувинском языке**

В статье описываются предложения в тувинском языке, которые структурно и семантически неразложимы. Постоянные и переменные (свободные) компоненты, формирующие структуру фразеологизированного предложения, – получают в модели разное представление. К постоянным относятся вопросительные местоимения, которые потеряли свое лексическое значение и перешли в частицы. Они оказываются лишёнными прямой функции – быть конструктивным компонентом вопросительного предложения, а также лексического значения признака. Большой стилистический пласт составляют фразеологизмы из данной фразеологической модели с яркой эмоционально-экспрессивной окраской, которая обусловлена их образностью, использованием в них выразительных языковых средств. Они широко распространены в устной речи, многие принадлежат к просторечию.

Ключевые слова: тувинский язык, модель, фразеологизированные предложения, постоянные компоненты, переменные компоненты.

Несмотря на достаточную разработанность проблематики фразеологизмов в российской лингвистике, фразеологические единицы в структурно-семантическом аспекте изучены недостаточно. Начало изучения синтаксических фразеологизмов (синтаксической фразеологии) относится к 60-м годам XX в. В этой связи следует назвать в первую очередь работы Н. Ю. Шведовой, Д. Н. Шмелева и А. В. Величко. Н. Ю. Шведова положила начало систематическому исследованию фразеологических конструкций как характерных синтаксических построений разговорной речи. Она выявила отличие устойчивых, фразеологизированных конструкций от построений «свободных» структур, дала теоретическое обоснование этого разграничения и описала большое количество фразеологизированных конструкций [Шведова 1956; 1958]. Синтаксическим фразеологизмам большое внимание уделяет Д. Н. Шмелев [Шмелев 1958, 1959, 1960]. Он говорит о лексикализации отдельных синтаксических конструкций, имеющих фразеологический характер [Шмелев 1976, 1977]. В. А. Белошапкова рассматривает фразеологизированные структурные схемы, сравнивая их со свободными структурами [Белошапкова 1981]. Она отмечает, что такие схемы характеризуются нечеткостью синтаксических связей между компонентами; они уникальны, их значение складывается по принципу создания значения у фразеологизмов [Белошапкова 1981]. А. В. Величко исследовала фразеологизированные структуры в русском языке [Величко 2007, 2009, 2012, 2013, 2014].

В работах Л. Л. Иомдина объектом анализа являются конструкции малого синтаксиса, т. е. не являющиеся предложениями [Иомдин 2007]. Он исследует синтаксические фраземы с вопросительными словами. Его интересует лингвистическая специфика двух классов фразем: с начальной позицией вопросительного слова и с вопросительным словом в конце (какой угодно, как угодно, кого попало, где придется, кто бы то ни был, с кем надо, кто хотел; мало кто, мало где, хоть кого, хоть о чем, бог знает чем).

Фразеологизированные предложения строятся по определенной структуре, как и все предложения, однако эта структура имеет фразеологизированный характер, так как связи компонентов, образующих их структуру, необъяснимы с точки зрения действующих грамматических правил и закономерностей, т. е. компоненты «связаны идиоматически» [Русская грамматика 1980].

С. М. Хуболов в карачаево-балкарском языке исследовал одноместные фразеологизированные предложения [Хуболов 1997], затем многоместные фразеологизированные предложения [Улаков, Хуболов 2014]. З. Р. Аглеева рассматривает в сопоставительном плане фразеологизацию сложноподчиненных предложений разноструктурных языков [Кучмезова, Хуболов 2010].

В результате единое понимание фразеологических единиц синтаксиса пока не выработано, имеются разные точки зрения, используются и разные термины. Фразеологизированные предложения, являясь синтаксическими единицами, имеют в своей грамматической основе отвлеченный формальный образец – структуру, по которой может быть построено большое количество конкретных высказываний. Модели с простым именным сказуемым являются специализированными моделями фразеологизированных предложений. Некоторые исследователи включают их в блок фразеологизированных моделей. Такая точка зрения аргументируется фразеологизированием самой структурной схемы, имеющей типовое значение несогласия с мыслью собеседника путём контрастного противопоставления несо-

местимых понятий. Отрицательное значение создаётся самой структурой, без использования лексико-грамматических средств отрицания, и, следовательно, может рассматриваться как системное значение модели. Исследуемые предложения являются типологически устойчивыми в структурном отношении.

Структуру можно представить, записав в виде модели. Модель выражается постоянными и переменными морфологическими формами. Два типа компонентов – постоянные и переменные (свободные), формирующие структуру фразеологизированного предложения, получают в модели разное представление. Постоянные компоненты фразеологизированных предложений в тувинском языке – вопросительные местоимения, которые потеряли свое лексическое значение, перешедшие в частицы: *кым* ‘кто’, *чүү* ‘что’, *кайда* ‘где’, *кайын* ‘откуда’, *кайыын* ‘откуда’, *кай* ‘где’, *канчаар* ‘как’, *чеже* ‘сколько’, *кандыг* ‘какой’. В предложениях данные слова лишены прямой функции – быть конструктивным компонентом вопросительного предложения, а также лексического значения признака. Они обозначаются в модели в непосредственном виде как конкретные лексические единицы. Постоянные компоненты не могут быть обозначены условными символами части речи, так как они утратили или значительно изменили свою морфологическую природу. В предикативной функции здесь выступают местоимение *кайда*, *кайдал* в сочетании с модальными частицами *боор*, *ийик*. Такие модели имеют характерный разговорный оттенок и эмотивную окраску. Одной из самых характерных грамматических особенностей данных предложений является то, что они не допускают отрицательных конструкций.

Следует заметить, что Толковый словарь тувинского языка фиксирует обычно те значения, которые получают слова, образующие постоянные компоненты фразеологических конструкций. В “Толковом словаре тувинского языка” устойчивое словосочетание *кайда боор* дается после знака ◇. Там дано толкование данного словосочетания: *чок, чок болган* ‘нет, не было’ [Толковый словарь тувинского языка 2011]. Например: ◇ *Уйгу кайда боор – шагда-ла чаптаан* (Мендуме) ‘Где там сон – его уже давно нет’. Слово *кайда* ‘где’ связано с утратой прямого лексического значения, с ослаблением лексического значения. ◇ *Кым билир: билдинмес, билин алыр арга чок* ‘Неизвестно’; *Каш (бөрзек) бар-дыр?* ‘Сколько там волков?’; *Чежезин кым билир* ‘Кто знает сколько их’ (Кудажы, с. 20).

Переменные (свободные) компоненты обозначаются именами существительными в именительном и в местном падежах. Например:

(*Ооң ады-даа чок ийин*). *Черле адырыктарда ат кайда боор* (С.Сүрүн-оол).

ооң	ад=ы-даа	чок	ийин	
он=GEN	название=POSS/3Sg-PTCL	нет	MOD.PTCL	
черле	адырык=тар=да	ат=Ø	кайда	боор
вообще	приток=PL=LOC	название=NOM	где	MOD.PTCL

‘(У него ведь и названия ведь нет). Вообще у притоков (рек) какое может быть название (букв. название где будет).’

В данном случае местоименное слово *кайда* стало совмещать в себе два значения: ‘где’ (обычное значение в свободном употреблении) и ‘куда’. Однако во фразеологизированных предложениях, как и другие слова такого типа (вопросительные слова, частицы, междометия), оно стало лишь показателем модально-оценочных отношений, чаще всего негативных (пренебрежительного, иронического снисходительного) [Аглеева 2015].

Фразеологизированная структура {(N_{loc} N_{NOM} *кайда боор/ийик*}. Предложение, в котором подлежащее выражено именем существительным в неопределенном падеже, сказуемое – вопросительным наречием *кайда* ‘где’ в сочетании с частицами *боор* (восходит к форме причастия настоящего-будущего времени от глагола *бол* = ‘быть’, ‘становиться’), *ийик* или с аффиксом *-л*, обозначает предмет (лицо, качество и т.п.) и сомнение в его наличии / отсутствии. Например:

Кыштагда электри чырыы ам-даа четпээн, сайгылгаан чырыы кайда боор (А.Ш.)

кыштаг=да	электри	чыры=ы	ам-даа
зимовка=LOC	электрический	свет=POSS/ 3Sg=NOM	до сих пор
четпэ=эн	сайгылгаан	чыры=ы	кайда
дойти=PP	лампа=NOM	свет=POSS/3Sg=NOM	где
			MOD.PTCL

‘До зимней стоянки электрический свет еще не дошел, электрическому свету где уж там быть (т. е. его там нет).’

Роль постоянных компонентов чрезвычайно велика. Именно они определяют фразеологизированный характер конструкции. Они образуют структурную рамку, модель предложения и представляют его значение, т. е. являются конструктивно и семантически образующими. Например:

Маңгыр чейзең дег каралыг амытан кайда боор (Кудажы, УХ, 234).

Мангыр	чейзең	дег	кара=лыг	амытан=Ø	кайда
Мангыр	чейзен=NOM	как	подозрениеPOSV	существо=NOM	где

бо=ор

MODPTCL

‘Нет такого подозрительного человека, как чейзен Мангыр.’

Данные примеры показывают, что для оформления сказуемого предложения данного типа к вопросительному наречию *кайда* может присоединиться словоформа *дээр* (форма причастия настоящего-будущего времени от глагола *де*= «сказать», «говорить») (и показатели сказуемости второго лица ед. и мн. ч. *сен* и *силер*). Например:

Силерниң Кызылда дег мында чагы санында азып каан сайгылгаан кайда дээр сен (А.Д.).

си=лер=нин	Кызыл=да	дег	мында	чагы	
вы=PL=GEN	Кызыл=LOC	как	здесь	столб=NOM	
сан=ын=да	аз=ып	ка=ан	сайгылгаан=Ø	кайда	
каждый=POSS/3Sg=LOC	висеть=CV	AUX	лампа=NOM	где	

дэ=эр

сен

говорить=PrP 2Sg

‘Где уж здесь может быть электрическая лампочка, которая висит на каждом столбе, как у вас в Кызыле?’ (вопрос с целью утверждения, что здесь нет электричества).

Все рассмотренные структуры могут быть квалифицированы как экспрессивные варианты модели предложений со значением отсутствия. Это подтверждается тем, что они в полной мере реализуют все важнейшие конститутивные и системообразующие свойства синтаксических моделей, составляющие необходимое условие их существования.

Таким образом, при определении понятия фразеологизированных предложений учитываются основные признаки фразеологичности, характерные для всех фразеологических единиц и определяющие их сущность. Это семантическая несвобода, устойчивость и воспроизводимость. На их основании все фразеологические конструкции определяются как единицы вторичного образования, сформировавшиеся в результате семантического сдвига или переосмысления значения компонентов, характеризуются устойчивостью и воспроизводимостью.

Список литературы

Аглеева З. Р. Фразеологизированные конструкции в разноструктурных языках. Астрахань: Астраханский университет, 2015. 242 с.

Белошапкова В. А., Земская Е. А., Милославский И. Г., Панов М. В. Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1981. 560 с.

Величко А. В. [2007 б]. Специфика функционирования фразеологизированных синтаксических структур в тексте // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного. Материалы IV Международной научно-практической конференции 22 – 24 ноября 2007 г. МГУ имени М. В. Ломоносова, филол. факультет. М., 2007. С. 82–83.

Величко А. В. [2009 б]. Фразеологизированные структуры русского предложения // Величко А. В., Красильникова Л. В., Кузьмина Е. А. и др. Книга о грамматике. Русский язык как иностранный. М.: Изд-во Московского университета, 2009. С. 38–54.

Величко А. В. [2012 а]. Синтаксические средства обыденного общения. Предложения фразеологизированной структуры // Жизнь языка в культуре и социуме. Материалы конференции. Москва, 20 – 21 апреля 2012 г. М.: Изд-во «Эйдос», 2012. С. 234–236.

Величко А. В. [2013 б]. Фразеологизированные предложения со значением оценки // Русский язык за рубежом. 2013. № 2. С. 4–31.

Величко А. В. Предложения фразеологизированной структуры как системное явление и их коммуникативный потенциал // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г. Труды и материалы. Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. М.: Изд-во Московского университета, 2014. С. 596–597.

Иомдин Л. Л. Русские конструкции малого синтаксиса, образованные вопросительными местоимениями // Мир русского слова и русское слово в мире. XI Конгресс МАПРЯЛ. Sofia, 2007. Т. 1. С. 117–126.

Кучмезова И. Х., Хуболов С. М. Соматические фразеологизмы со значением отношения в карачаево-балкарском языке // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик, 2010. С. 74–78.

Толковый словарь тувинского языка. Том II, К–С. Под редакцией Д. А. Монгуша. Новосибирск, 2011.

Улаков М. З., Хуболов С. М. Семантически двухкомпонентные предложения с предикатами, выраженными именными фразеологизмами в карачаево-балкарском языке // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2014. № 52. С. 113–116.

Хуболов С. М. Формально-семантические модели одноместных фразеологизированных предложений в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1997.

Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи. Реплики повторы // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 67–83.

Шведова Н. Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 95–100.

Шмелев Д. Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1958. № 6. С. 63–75.

Шмелев Д. Н. О некоторых особенностях употребления вопросительных местоимений и наречий в разговорной речи // Русский язык в национальной школе. 1959. № 6. С. 14–18.

Шмелев Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47–60.

Шмелев Д. Н. Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М.: Наука, 1976. 148 с. (а также: М.: Ком книга 2006. 152 с.)

Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977. 168 с.

N. Sereedar

Phraseological Sentences in the Tuvan Language

The following paper describes the sentences that are structurally and semantically inseparable. Permanent and variable (free) components forming the structure of phraseological sentences are presented in different ways within the model. Permanent components consist of the interrogative pronouns, which have lost their lexical meaning and have transformed into particles. They have lost their direct roles of functional components of the interrogative sentences, as well as their lexical meanings of attributes. Phraseological units with strong emotional and expressive connotations stemming from their figurative traits and means of expressiveness form a large stylistic layer. They are commonly used in colloquial language.

Keywords: Tuvan language, model, phraseological sentences, permanent components, variable components.

С. Ж. Тажибаева, И. А. Невская

*Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева tazhibaeva_szh@enu.kz
Франкфуртский университет им. Й. В. Гете (Франкфурт, Германия); Институт филологии
Сибирского отделения РАН (Новосибирск, РФ)nevskaya@em.uni-frankfurt.de*

Исследование сравнительных конструкций в современной казахской лингвистике

Сравнительные конструкции стали центром внимания широкого круга лингвистов, начиная со второй половины XX века. В российской лингвистике большой вклад в исследование сравнительных конструкций сделан Майей Ивановной Черемисиной. Её работы послужили образцом их описания и подтолкнули их изучение в тюркских языках.

Данная статья представляет современные исследования казахских сравнительных конструкций, в частности, проведенные Б. Ескельдиевой.

Ключевые слова: казахский язык, предмет сравнения, параметр сравнения, стандарт сравнения, показатель сравнения, сравнительная конструкция, эквативные, симилятивные, компаративные, суперлативные конструкции.

1.1. Введение

Сравнительные конструкции (СК) стали центром внимания широкого круга лингвистов, начиная со второй половины XX века. С тех пор интерес к изучению лингвистической природы СК не снижается. Они изучались в русистике Н. А. Широковой [1963], М. И. Черемисиной [1971, 1976]; в плане типологии их исследовали R. Ultan [1972], L. Stassen [1984], M. Haspelmath, O. Buchholz [1998], R. Dixon [2005, 2008]. В тюркологии были проведены исследования СК на материале якутского языка Ю. Васильевым [1986], алтайского Л. Тыбыковой [1988а, 1988б, 1989а, 1989б], хакасского Э. Кыржинаковой [2010], тувинского Л. А. Шаминой [2001], казахского Т. Коньковым [1985], Ф. Ахметжановой [1982], Б. Ескельдиевой (Yeskeldiyeva) [2014; 2016], Yeskeldiyeva&Tazhibayeva [2016]. Нужно отметить, что все исследования сравнительных конструкций в сибирских тюркских языках опирались на теоретическую концепцию М. И. Черемисиной [1976].

1.2. Исследование лингвистической категории сравнения в трудах М. И. Черемисиной

М. И. Черемисина внесла большой вклад в исследование сравнительных конструкций. Интерес к сравнению как лингвистической категории был заложен в ее работах, посвященных лексической образности, синонимии и референции в русском языке [1970а; 1970б; 1970в]. Она была одним из первых лингвистов, обративших внимание на культурную специфику образных средств языка, в частности, зооморфных единиц и так называемых «образов множеств» [1970б]. Важный вклад М. И. Черемисина сделала и в структурно-семантическое изучение метафор и других экспрессивных единиц языка. От исследования специфики метафорической образности на лексическом уровне в русском и других языках Майя Ивановна закономерно перешла к изучению сравнительных конструкций на синтаксическом уровне [1971; 1976].

М. И. Черемисина впервые предложила образец исследования синтаксических структур русского языка, применяющихся для выражения сравнения, в монографии «Сравнительные конструкции русского языка» [1976]. Она показала особенности синтаксического механизма сравнений, выявила специфические отношения между компонентами предложения, которые определяют собою сравнительный смысл целого. В трудах М. И. Черемисиной показано, что сравнение как лингвистическая категория выявляет равенство или различие сравниваемых объектов путем их сопоставления на основе какого-то определенного признака, который служит основанием (в её терминологии *модулем*) сравнения, и в итоге сравнения имеют место только два основных результата: *сходство или различие* [Черемисина 1976].

Исследования М. И. Черемисиной послужили фундаментальной основой, успешно примененной позднее в изучении синтаксиса славянских, тюркских, финно-угорских и др. языков. Идеи М. И. Черемисиной были продолжены и исследователями казахских сравнительных конструкций

Ф. Ахметжановой [1982] и Б. Ескельдиевой [2014, 2016]. В данной статье мы представляем семантические типы СК, выделенные Б. Ескельдиевой для казахского языка с опорой на современные типологические исследования в этой области.

2.1. Сравнительных конструкций в лингвистической типологии

Сопоставительные исследования лингвистических явлений позволяют выявить как универсальные способы выражения различных категорий, так и специфичные, уникальные, характерные для данного конкретного языка. Сравнительные конструкции с универсально-типологических позиций до сих пор изучены недостаточно.

Сравнительные отношения устанавливаются между предметом сравнения и стандартом сравнения на основании их сходства или отличия по некоему скалируемому признаку – параметру сравнения. Предметами и стандартами сравнения могут быть как предметы, так и действия [Dixon 2005:787].

Лингвисты-типологи выявили следующие универсальные типы СК, исходя из их семантических признаков [см. Ultan 1972; Andersen 1983; Stassen 1984; Haspelmat&Buchholz 1998; Dixon 2005, 2008]. СК передают два основных результата операции сравнения – равенство или неравенство сравниваемых объектов. Отношения равенства объектов в СК устанавливаются в том случае, когда они не отличаются друг от друга по сравниваемому параметру (эквативные СК: *Она высокая, как мать*), или же по образу некоего действия (симилятивных СК: *Она поёт, как мать*). Если в результате сравнения выявляется их различие, то в таких СК устанавливаются отношения неравенства. Отношения неравенства передаются в *компаративных* и *суперлативных* СК. Главным образом СК неравенства исследовались в типологическом плане, подобные исследования для конструкций равенства редки, см. [Henkelmann 2006], где утверждается семантическая и формальная схожесть СК равенства и неравенства; см. также SEC 2017, недавно вышедшую коллективную монографию о симилятивных и эквативных конструкциях в языках разных систем.

2.2. Компоненты сравнительной конструкции

Исследователи единодушны во мнении, что синтаксические СК в индо-европейских языках имеют пять компонентов (COMPAREE, STANDARD, INDEX, PARAMETER, MARKER):

предмет сравнения – CMP – comparee (сравниваемый объект);

стандарт сравнения – STAN – standard (стандарт сравнения, объект, с которым сравнивается предмет сравнения), сравните с термином **эталон** М. И. Черемисиной [Черемисина 1976];

показатель стандарта сравнения – STM – standard marker (показатель, маркирующий стандарт сравнения);

параметр сравнения – PARA – parameter (параметр сравнения, т.е. предикат, выражающий некое качество, которым сравниваемый объект и стандарт обладают в равной или неравной мере), сравните с термином **модуль** М. И. Черемисиной [Черемисина 1976];

показатель параметра – PAM – parameter marker (показатель, маркирующий параметр сравнения).

В качестве дополнительного элемента может употребляться и индекс параметра сравнения, который показывает в какой степени сравниваемые объекты сходны или различны относительно качества, по которому они сравниваются:

индекс параметра PAI – parameter index.

Показатель параметра сравнения, выраженный синтетически (аффиксом) или аналитически (сравнительным союзом, послелогом и т.п.), часто является одним из обязательных элементов при выражении сравнительных отношений в различных языках, например:

(1) Англ.:

Bill	is	as	clever	as	you
CMP		PAM	PARA	STM	STAN
Билл		такой же	умный	как	ты

‘Билл такой же умный, как и ты’

(2) Русск.:

Он	такой же	сильный	как	ты
CMP	PAM	PARA	STM	STAN

(3) Англ.:

Tom	is	strong-er	than	you
CMR		PARA-PAM	STM	STAN

‘Том сильнее тебя.’

2.3. Прототипические (каноническая) и непрототипические (неканонические) сравнительные конструкции

Сравнение может выражаться в *прототипической (канонической)* или *непрототипической (неканонической)* сравнительной конструкции [Dixon 2005: 787; Aikhenvald&Dixon&Onishi 2001].

Прототипическая (каноническая) СК предполагает сравнение двух объектов по некоторому градуированному признаку. Основанием сравнения выступает скалируемое прилагательное или глагол [Dixon 2008: 787]:

(1) Он	более	трудолюбивый,	чем	ты
CMR	PAM	PARA	STM	STAN

Составными частями СК в (1) являются все вышеописанные основные компоненты СК:

CMR – предмет сравнения, сравниваемый объект – *он*;

STAN – стандарт сравнения, то с чем он сравнивается – *ты*;

STM – показатель стандарта – *чем*;

PARA – параметр сравнения – *трудолюбивый*;

PAM – показатель параметра – *более*.

Непрототипическая (неканоническая) сравнительная конструкция, по мнению Роберта Диксона, предполагает сравнение двух качеств (свойств) в отношении одного участника, см. (2) и (3), или сравнение двух и более предметов, имеющих разные качества (4) [Dixon 2008: 787].

(2) Джон скорее более лояльный, чем умный.

(3) Эта коробка скорее длиннее, чем шире.

(4) Эта коробка длиннее, чем автомобиль, который шире.

2.4. Особенности тюркских сравнительных конструкций

Исследования сравнительных конструкций с точки зрения типологической лингвистики показывают, что классификация сравнительных конструкций по их семантическим признакам идентична для всех языков. Сравнительные конструкции в языках разных систем классифицируются в зависимости от наличия и способов выражения обязательных компонентов сравнения: предмета сравнения, стандарта сравнения, показателя сравнения и параметра сравнения.

Тюркские СК в формальном плане отличаются от их аналогов в индоевропейских языках. В них последовательно маркируется стандарт сравнения, в то время как параметр сравнения не маркируется. Тем самым, они имеют 4 основных компонента СК: объект, параметр, стандарт и показатель стандарта сравнения. Факультативно в них может употребляться индекс параметра.

3.1. Основные типы сравнительных конструкций казахского языка

В казахском языкознании, современная терминология описания сравнительных отношений, в том числе и термин *канонические сравнительные конструкции*, были впервые введены в научный оборот в статьях и, наиболее последовательно, в диссертационном исследовании Ескедьдиевой Бибигуль Ергалиевны, безвременно ушедшей из жизни. Авторы данной статьи, которые были научными руководителями Бибигуль Ергалиевны, считают своим долгом познакомить научную общественность с некоторыми результатами ее исследований [Ескедьдиева 2014, 2016] и дать им оценку.

Вслед за М. И. Черемисиной [Черемисина 1976], Б. Е. Ескедьдиева в своих работах подразделяет СК на глагольные и именные. Показатели сравнения в казахском языке, которые маркируют эталон сравнения, т.е. являются являются не маркерами параметра, как в индоевропейских языках, а показателями стандарта (STM), присущи как именным, так и глагольным типам конструкций. В именных сравнительных конструкциях показатели стандарта присоединяются к имени, выражающему стандарт сравнения, а в глагольных – к причастной форме глагола, выражающего действие, являющейся стандартом сравнения [Yeskeldiyeva 2014].

Вслед за [Dixon 2005: 787; Aikhenvald&Dixon&Onishi 2001], Б. Е. Ескельдиева выделяет канонические и неканонические СК. В дополнение к ограничениям, налагающимся на канонические СК в вышеупомянутых источниках, она совместно с С. Ж. Тажибаевой и по аналогии с классификацией локативных конструкций на канонические и неканонические И. А. Невской [Невская 1997] вводит ещё одно понятие: в канонической сравнительной конструкции стандарт сравнения маркируется специальными синтетическими или аналитическими показателями стандарта, а не лексическими единицами со значением сравнения [Yeskeldiyeva&Tazhibayeva 2015]. Например, в предложении *Вася превзошёл Петю по прыжкам в высоту*, где предикат *превзойти* показывает, что референт его субъекта обладает некими способностями в большей мере, чем референт его прямого объекта, мы имеем неканоническую СК.¹ Наличие отдельно выраженного показателя сравнения при стандарте и позволяет считать СК канонической. Показатель стандарта может быть как синтетическим, так и аналитическим. К каноническим сравнительным конструкциям с синтетическим показателем сравнения при стандарте относятся СК с тремя общетюркскими аффиксами сравнения, имеющимися и в казахском языке (-*Дай*; -*Ча*; -*Нан*) и формирующими разнообразные семантические оттенки сравнения в казахском языке.

Канонические СК казахского языка представлены конструкциями, выражающими все основные типы сравнительных отношений: эквативные, симилиативные, компаративные и суперлативные [Yeskeldiyeva&Tazhibayeva 2015]. В данной статье мы остановимся только на эквативных и симилиативных конструкциях, которые пока ещё достаточно чётко не различаются между собой в тюркском языкознании, в частности потому, что они могут иметь материально тождественные сравнительные показатели.

3.2. Эквативные сравнительные конструкции

В лингвистической типологии под эквативными сравнительными отношениями понимаются такие отношения, при которых степень сходства сравниваемых предметов или объектов абсолютна или наиболее идентична. В эквативных СК обычно наличествуют все компоненты сравнения: *предмет сравнения, стандарт сравнения, показатель стандарта и параметр сравнения*.

Как показывает Б. Ескельдиева [2016], и в казахском языке эквативные отношения выражают равную степень сходства по общему скалируемому признаку – качеству или свойству предметов, см. (1)–(3).

(1) *Шаштары қара орман-дай.* (Н. Келімбетов) ‘Волосы густые, как лес.’

шаш-тар-ы	кара	орман-дай
волосы-PL-POSS3	черный	лес-CMPR
CMP	PARA	STAN-STM

(2) *Қолы тастай қатты* (разг.) ‘Руки твердые, как камень.’

қол-ы	тас-тай	қатты
рука-POSS3	камень-CMPR	твердый
CMP	STAN-STM	PARA

(3) *Біз ол күндері ұшқан құс-тай еркінбіз* (С. Оспанов, Қараторғай) ‘Мы в те дни были свободны, как летящие птицы.’

біз	құс-тай	еркінбіз
мы	птица-CMPR	свободный-ADJ
CMP	STAN-STM	PARA

Эквативные СК формируют и трехкомпонентные структуры **CMP-STAN-STM**. В таких конструкциях параметр сравнения имплицитен, но его легко восстановить из контекста [Ескельдиева 2016]:

(4) *...екі беті алма-дай* (С. Мұқанов) ‘...щеки, как яблоки’ т.е. щеки, красные, как яблоки.

бет-і	алма-дай
щека-POSS3	яблоко-CMPR

¹ Иной тип тюркских неканонических конструкций описан в [Nevskaya&Tazhibayeva 2019], в которых нет типичного показателя сравнения, а используется посессивная конструкция.

Тем самым, эквативные канонические конструкции казахского языка представлены четырех-компонентными и трехкомпонентными структурами. В трехкомпонентных СК параметр сравнения вербализируется только в контексте. Показатель сравнения присоединяется к стандарту сравнения и передает значение равенства по величине, размеру или другим качествам. Эквативные конструкции выражают точное равенство, которое можно измерить, сравнить, сопоставить, т.е. являются градуированными [Ескельдиева 2016].

3.3. Симилятивные сравнительные конструкции

Значение сходства по манере, образу действия выражается в казахских симилятивных сравнительных конструкциях [Ескельдиева 2016]. Сравнение в симилятивных СК является неградуированным. Как именно сближаются действия (в данном случае пение) сравниваемых исполнителей, в следующем предложении не выражено: *Она поет, как ее сестра*. Но если параметр сравнения сопровождается оценочным наречием, то можно этот признак определить: *Она поет так же хорошо/плохо/талантливо/громко/фальшиво, как и ее сестра*.

(5) *Қолденен жатқан көк тасты саз балшықтай иледі* (Қобыланды батыр) ‘Размял, как глину, гранит, лежащий поперек дороги.’

көк тас-ты
гранит-ACC
CMP

саз балшық-тай
глина-CMPR
STAN STM

иле-ді
месить-PST3
PARA

Как мы видим, показатель *-Дай* маркирует стандарт сравнения как в эквативных, так и в симилятивных конструкциях.

4. Заключение

Как показало исследование Б. Ескельдиевой, сравнение равенства в казахском языке выражается в сравнительных конструкциях эквативного и симилятивного типов, что, по-видимому, является межъязыковой универсалией. В казахском языке эквативные СК могут быть четырёх- и трехкомпонентными. В последнем случае отсутствует параметр сравнения, который нужно восстановить из контекста.

Отличие симилятивных СК от эквативных заключается в параметре сравнения. Параметры сравнения в эквативных СК выражены именами скалируемых качеств, а в симилятивных параметрами являются глаголы, обозначающие действия; сравниваемые объекты сближаются по манере поведения, по образу этих действий.

Исследование типологии сравнительных конструкций в тюркских языках еще системно не проводились, хотя уже имеются все предпосылки для проведения такого рода исследований. Первые шаги в этом направлении были сделаны Б. Е. Ескельдиевой.

Список литературы

Ахметжанова Ф. Р. Полипредикативные конструкции казахского языка, выражающие сравнения // Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск; 1982. С. 115–125.

Васильев Ю. И. Способы выражения сравнения в якутском языке. Новосибирск, 1986. 111 с.

Ескельдиева Б. Е. Эквативные и симилятивные типы – отношения равенства в языках разных систем // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. № 1(110). Астана. 2016. С. 220–225.

Коньров Т. Структурно-семантическая природа сравнения в казахском языке (компаративные конструкции). Алма-Ата: Мектеп. 1985. 215 с.

Кыржинакова Э. В. Способы выражения сравнения в хакасском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Абакан. 2010. 262 с.

Невская И. А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Автореф. дисс. ... доктор. Филол. наук. Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 1997.

Тыбыкова Л. Н. Модально-сравнительные конструкции алтайского языка (тезисы) // Тюркология-88 (Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции). Фрунзе, 1988а. С. 125.

Тыбыкова Л. Н. Сравнительные конструкции алтайского языка: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989а.

Тыбыкова Л. Н. Сравнительные конструкции с показателем =ча/=че в алтайском языке // Тюркологические исследования. Новосибирск, 1989б.

Тыбыкова Л. Н. Способы выражения сравнения в алтайском языке // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1988а. С. 111–127.

Черемисина М. И., Гутман Е. А. Названия животных в составе сравнений // Вопросы языка и литературы. Вып. IV. Ч.1. Новосибирск: НГУ, 1970б. С. 253–266.

Черемисина М. И. Некоторые вопросы синтаксиса (сравнительные конструкции русского языка). Новосибирск: Изд-во Новосиб.ун-та, 1971. 181 с.

Черемисина М. И. О семантических отношениях между сравнительными союзами // Синонимия в языке и речи. Новосибирск: НГУ, 1970в. С. 212–233.

Черемисина М. И. О функциях местоимений в придаточной части модальных сравнений // Вопросы языка и литературы. – Вып. IV. Ч.1. – Новосибирск: НГУ, 1970а. С. 3–46.

Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск, 1976. 251 с.

Шамина Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск, 2001. 249 с.

Широкова Н. А. Типы сложноподчиненных предложений, выражающих отношения сравнения в современном русском языке. Казань: Изд-во Казан.ун-та, 1963. 56 с.

Aikhenvald A. and Dixon R.M.W., Onishi M. Non-canonical marking of subjects and objects. Amsterdam. Benjamins, 2001

Andersen Paul K. Word order typology and comparative constructions. Amsterdam [etc.]: Benjamin's, 1983.

Dixon Robert M.W. Comparative constructions // Studies in Language. 2008.

Dixon, Robert M.W. Comparative constructions in English // Studia Anglica Posnaniensia: international review of English Studies. Vol. 41. 2005.

Haspelmath M., Buchholz O. Equative and similative constructions in the languages of Europe // Adverbial constructions in the languages of Europe / van der Auwera, Johan (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter. 1998. С. 277–334.

Henkelmann P. Constructions of equative comparison // Sprachtypol. Univ. Forsch. (STUF). 2006. 4/59. С. 370–398.

Nevskaya, I. & Tazhibayeva, S. Superlative readings of possessive constructions in Turkic. A comparative perspective // Possession and Ownership in the Languages of Europe and North and Central Asia. (Studies in Languages Companion Series 206.) / Lars Johanson, Lidia Federica Mazzitelli, and Irina Nevskaya (eds). – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 205–238.

SEC 2017: Similitive and Equative Constructions: A cross-linguistic perspective // Typological Studies in Language 117 / Edited by Yvonne Treis and Martine Vanhove. John Benjamins, 2017. 437с.

Stassen L. The Comparative Compared // Journal of Semantics. Vol. 3. 1984. С. 143–182.

Ullan R. Some Features of Basic Comparative Constructions. Working Papers on Language Universals (Stanford) 9, 1972. С. 117–162.

Yeskeldiyeva B. The ways of expressing comparative relations by means of the forms N-dAyand V-GAn-dAy in Kazakh. Abstracts of the 17th International Conference on Turkish Linguistics. Rouen, France, 2014. P. 156.

Yeskeldiyeva B., Tazhibayeva S. A. Comparison of Equality in Kazakh and Turkic Languages of Siberia // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6, № 4. 2015. MCSER Publishing, Rome-Italy. С. 398–408.

Список источников

Келімбетов Н. Үміт үзгім келмейді [Текст]: Хикаят-монолог. Эссе. Алматы: Паритет, 2005. 432 с.

Мұқанов С. Әсия <http://ebooks.semgu.kz/ebook/8/content.php?cont=d;448>

Оспанов С. Қараторғай. Алматы: Жазушы, 2004. 232 с.

Қобланды батыр жыры =эпос Кобланды батыр <https://ushkin1.wordpress.com/2010/11/26/>

S. Tazhibayeva, I. Nevskaya

Research on comparative constructions in modern Kazakh Linguistics

Comparative constructions attracted the attention of linguistics not long ago, approximately in the second half of the twentieth century. In Russian linguistics, a most considerable contribution to their research was made by MayyaCheremisina. Her works have served as a theoretical foundation for research on Turkic comparative constructions.

This article introduces recent research on comparative constructions in Kazakhstan, in particular that of Bibigül Yeskeldiyeva.

Keywords: Kazakh, standard of comparison, standard marker, parameter, parameter marker, comparative constructions, equative, simulative, comparative proper, superlative constructions.

Н. Н. Ефремов*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск;
nik.efrem50@mail.ru***Пространственные конструкции якутского языка, формирующиеся образными глаголами**

Рассматриваются структурно-семантические особенности синтаксических конструкций с пространственной семантикой, в образовании которых участвуют образные глаголы. Они анализируются на примере фраз, сказуемые которых выражены словоформами, описывающими медленный темп движения. Обсуждаемыми словоформами формируются 4 структурно-семантических типа пространственных конструкций, передающих движение субъекта с указанием его внешнего облика.

Ключевые слова: пространственная конструкция, образные глаголы движения, предикат, структура, семантика.

В статье анализируется структура и семантика пространственных конструкций, предикаты которых выражаются образными глаголами *аадай, ахталый, ахчаннаа, балдьаахтаа, бөөкөй, доодой, көөһөй, маадыаннаа*, описывающими медленный темп движения субъекта.

Категория пространственности (локативности) в якутском языке передается комплексными средствами – монопредикативными и полипредикативными конструкциями. В качестве базового репрезентанта подобных конструкций выступает предикат, который представляется глаголами движения и перемещения. Средства выражения локативности еще не изучались на основе глаголов, выступающих в качестве предикатов названных построений. В наборе предикатов этих обсуждаемых выделяются образные глаголы, которые участвуют в формировании специфических пространственных конструкций, являющихся периферийными средствами выражения локативности.

Под образными словами в якутском языке подразумеваются «неизменяемые слова, выражающие чувственные представления о движении, о признаках предмета и о внутреннем состоянии человека» [Харитонов 1954: 200]. Образные глаголы в якутском языке представляют собой «многочисленную группу глаголов, в значении которых главную роль играют чувственное восприятие и движение, причем в подавляющем большинстве случаев выступает зрительный образ» [Там же: 203]. В отличие от глаголов действия-состояния, в этих глаголах отсутствует прямое, непосредственное обозначение глагольных понятий [Там же].

По семантике образные глаголы подразделяются на образные глаголы движения, глаголы зрительного образа, глаголы чувственного состояния [Там же: 205].

Образные и звукоподражательные – изобразительные – слова в якутском языке, в отличие от других тюркских языков, рассматриваются как два самостоятельных разряда слов [Грамматика... 1982: 376]. В тюркологии и монголистике образные слова не выделяются в самостоятельную лексико-грамматическую группу. Во всех исследованиях и грамматиках их объединяют с звукоподражательными словами в одно категориальное единство [Там же: 375].

Л. Н. Харитонов писал, что «подавляющее большинство образных глаголов... не обнаруживает тюркских и монгольских параллелей, составляя специфическую принадлежность якутского языка» [Харитонов 1954: 258]. Однако Е. И. Убрятова указала, что образные и звукоподражательные глаголы, и их видовые аффиксы, и аффиксы, с помощью которых от них образуются прилагательные, и способы усиления этих прилагательных в якутском языке общие с монгольскими языками [Убрятова 2011: 28]. Система видов образных и звукоподражательных глаголов и отглагольное словообразование имеют непосредственную связь с морфологией монгольского глагола, что свидетельствует о «длительном двуязычии» монголов и предков якутов, «так как тюрки глагол не заимствуют» [Там же: 37].

В якутском языкознании, а также в тюркологии структурно-семантические особенности предложений с пространственной семантикой, в образовании которых участвуют образные глаголы, еще не стали предметом исследования. Имеется наша статья [Ефремов 2017], посвященная подобным предложениям, где данные конструкции рассмотрены на примере некоторых образных глаголов движения (*хаадаый, хааһахтан, хайбай, хайбараннаа*).

Рассмотрим ПК, в формировании которых участвуют указанные образные глаголы. Отметим, что обсуждаемые ПК по признаку наличия общих сем в их значении образуют 4 структурно-семантические группы: ПК, описывающие медленное поступательное движение крупного субъекта; ПК, описывающие медленное поступательное движение низкорослого субъекта; ПК, описывающие

медленное поступательное движение субъекта на кривых ногах; ПК, описывающие медленное поступательное движение субъекта с широко расставленными ногами. Данными ПК передаются предложения со значением направления движения или конечного пункта движения субъекта.

ПК, описывающие медленное поступательное движение крупного субъекта, формируются глаголами *аадай, көөһөй*.

ПК с предикатом, выраженным глаголом *аадай* ‘двигаться слишком медленно и вразвалку’ [Харитонов 1954: 285]; ‘двигаться очень медленно вразвалку (о крупном, грузном человеке)’ [БТСЯЯ 2004: 123]. Например: *Шагуров ... бэйэтин дьонун диэки оргууй аҕай аадайа турар* [123–124] ‘Шагуров, человек крупного телосложения, ... неспеша идет вразвалку к своим людям’.

ПК с предикатом, выраженным образным глаголом *көөһөй* ‘тяжело и медленно двигаться, будучи чрезмерно толстым и большим’ [Харитонов 1954: 289]; ‘тяжело и медленно двигаться, будучи чрезмерно толстым и крупным человеком’ [БТСЯЯ 2007: 306–307]. Например: *Дьээтин диэки көөһөйө турда* (из разговорной речи) ‘Он, чрезмерно толстый и крупный человек, тяжело и медленно шел к своему дому’.

ПК, описывающие медленное поступательное движение низкорослого субъекта, формируются глаголами *бөөкөй, доодой*.

ПК с предикатом, выраженным глаголом *бөөкөй* ‘медленно двигаться, будучи маленьким, неуклюжим и немного сутулым’ [Харитонов 1954: 286]; ‘шагать, согнувшись, медленно старческой походкой’ [БТСЯЯ 2005: 454]. Например: *Акакий Акакиевич ... хоһугар бөөкөйбүтэ* [Там же] ‘Акакий Акакиевич, согнувшись, медленно пошел в свою комнату’.

ПК с предикатом, выраженным глаголом *доодой* ‘медленно двигаться, будучи маленьким и толстеньким’ [Харитонов 1954: 287]; ‘двигаться, идти медленными шагами (о низкорослом, толстом человеке)’ [БТСЯЯ 2006: 164]. Например: *Холоон, ыраабынан доодойорун* [Там же] ‘Вряд ли (ты обращал на меня внимание), ты, человек низкорослый и толстый, ходил медленными шагами, обходя меня стороной’.

ПК, описывающие медленное поступательное движение субъекта на кривых ногах, формируются глаголами *маадыаннаа, балдыахтаа*.

ПК с предикатом, выраженным образным глаголом *маадыаннаа* ‘медленно ходить на кривых ногах’ [БТСЯЯ 2009: 177]. Он образован от основы *маадай-* ‘стать кривоногим’ [Там же: 176–177] при помощи формы равномерной кратности *-ннаа*. В пространственных конструкциях этот глагол употребляется в сочетании с глаголом *хаамп-* ‘шагать’ в форме деепричастия на *-ан* и описывает медленное поступательное движение кривоногого человека: *Ойуун ... хааман маадыаннаата* ‘Шаман ... медленно ходит на кривых ногах’ [Там же].

ПК с предикатом, выраженным образным глаголом *балдыахтаа* ‘с трудом двигаться на слабых кривых ногах’ [Харитонов 1954: 286]. Например: *Эмээхсин хотонугар балдыахтаата* (из разговорной речи) ‘Старуха с трудом пошла на слабых кривых ногах в коровник’.

ПК, описывающие медленное поступательное движение субъекта с широко расставленными ногами, формируются глаголами *ахталый, ахчаннаа*.

ПК с предикатом, выраженным образным глаголом *ахталый* ‘шагать тяжело, медленно, широко расставленными ногами, с претензией на важность и внушительность’ [Харитонов 1954: 285]; ‘шагать тяжело, медленно, на широко расставленных ногах, с претензией на собственную важность и внушительность’ [БТСЯЯ 2004: 671]. Например: *Таһыттан кулуба ахталыйан киһрдэ* [Там же] ‘В дом вошел голова, шагая тяжело, медленно, широко расставленными ногами, с претензией на собственную важность и внушительность’.

ПК с зависимым предикатом, выраженным словоформой *ахчаннаа*. Словоформа *ахчаннаа* образована от *ахчай-* ‘широко раставлять и сгибать ноги’ [Там же: 673] посредством формы равномерной кратности *-ннаа*. Ею описывается субъект, который при медленном темпе движения широко раставляет и сгибает ноги: *Алта уоннаах оҕонньордуу аргыйы ахчаннаан, дьээтин диэки хааман истэ* [Там же: 673] ‘Он, словно шестидесятилетний старик, широко раставляя и сгибая ноги, медленно шел в сторону своего дома’.

Таким образом, анализ предложений с пространственным значением, в формировании которых участвуют данные образные глаголы, показывает, что подобные конструкции описывают медленное движение человека с пояснением отличительных признаков его внешнего облика: крупный, низко-

рослый, грузный, немного сутулый; человек с короткими кривыми или широко расставленными ногами и. т. п. Они образуют 4 структурно-семантические группы.

Список литературы

Ефремов Н. Н. Образные глаголы, формирующие пространственные предложения, в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 112–118.

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Новосибирск, 2004–2018.

Грамматика современного якутского литературного языка. Т. I. Фонетика и морфология / Под ред. Е. И. Убрятовой. М., 1982. 496 с.

Убрятова Е. И. Исследования по тюркским языкам. Новосибирск, 2011. 282 с.

Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М.: Л., 1954. 312 с.

N. N. Efremov

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Yakutsk; nik.efrem50@mail.ru

Spatial Constructions of the Yakut Language Formed by Figurative Verbs

Structural and semantic features of syntactic constructions with spatial semantics, in the formation of which figurative verbs are involved, are considered in the following article. They are analyzed on the example of phrases, predicates of which are expressed by word forms denoting the slow pace of movement. The discussed word forms form 4 structural-semantic types of spatial structures that denote the movement of the subject with the indication of its external appearance.

Keywords: spatial construction, figurative verbs of motion, predicate, structure, semantics.

А. Н. Чугунекова

*Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан,
Chugunekowa@yandex.ru***Модели элементарного простого предложения с семантикой обладания в хакасском языке**

В статье на материале хакасского языка рассматриваются модели элементарного простого предложения (ЭПП) с семантикой обладания. Они занимают одно из важных мест среди статических пространственных моделей. В хакасском языке модели обладания формируются главным образом бытийными глаголами и, соответственно, выделяются две группы моделей – глагольные и именные, – которые, в свою очередь, подвергаются структурно-семантическому варьированию.

Ключевые слова: модель обладания, лично-притяжательная форма, глагольные и именные модели, хакасский язык.

В концепции «новосибирской синтаксической школы» предложение как единица языка характеризуется с формальной и семантической стороны [Телякова 1994; Черемисина 1995; Серээдар 1995; Черемисина, Скрибник 1996; Невская 2005; Кошкарева 2006; Черемисина, Озонава, Тазранова 2008; Соловар 2011 и др.], но поскольку предложение, в отличие от фразы или высказывания, является недоступным прямому изучению, то его представляют в виде модели.

Как отмечает М. И. Черемисина, «главной синтаксической сущностью любого языка является элементарное простое предложение (ЭПП), которое понимается как минимальная самодостаточная синтаксическая единица языка и которая состоит из предиката (глагольного или именного) и тех **обязательных** именных компонентов (актантов), которых требует данный предикат, без которых его семантика как предиката именно данной модели не раскрывается» [Черемисина 2003: 5]. В науке ЭПП отражаются только при помощи моделей, которую понимают как «двустороннюю языковую сущность: план выражения модели есть структурная схема, отражающая компоненты, необходимые и достаточные для выражения минимальной обобщенной пропозиции, план содержания модели составляет пропозиция, выражаемая синтаксической формой» [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996: 7]. Вслед за синтаксистами новосибирской школы, все необходимые компоненты структурной схемы мы будем фиксировать при помощи условных символов, которые соответствуют частям речи и содержат грамматические дескрипторы нижнего индекса. Например, N_{Nom} – это имя существительное в именительном падеже, N_{Gen} – имя в притяжательном падеже и т.д. Кроме того, используются и дескрипторы верхнего индекса, которыми обозначаются семантические роли, например, посессор, представленный именем существительным или личным местоимением, обозначается как N^{possr} и др. [Черемисина 1995; Невская 2005; Кошкарева, 2005; Шилова, 2003б и др.].

Итак, следуя традициям новосибирских ученых, которые сделали большой шаг вперед в науке, разработав способ представления модели ЭПП в языках Сибири, мы ставим себе целью описать модели обладания хакасского языка.

Большое внимание моделям обладания уделила в своем исследовании И. А. Невская [2005], рассмотрев их на материале шорского языка; В. В. Шилова [2003б] анализирует модели обладания в немецком языке. Кроме того, немаловажное положение о подобных моделях содержится в исследовании В. В. Дуровой [2016], которое посвящено описанию бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке в сопоставлении с алтайскими и частично с уральскими языками Сибири.

«Обладание – это существование в сфере субъекта обладания, который является своеобразным локализатором; объект обладания локализуется в некотором социальном пространстве, создаваемом отношениями собственности / принадлежности» [Невская 2005: 173].

На основе собранного нами языкового материала, мы делаем вывод о возможности образования в хакасском языке глагольных и именных моделей ЭПП обладания.

1. Глагольные модели ЭПП обладания. В данной группе мы выделяем две модели:

1.1. Структурная схема первой модели имеет вид: $\{N^{possr}_{Gen} N^{possv}_{Nom/POSS} ПОЛ_{fin}\}$. Пропозиция модели – «обладание чем-либо определенным лицом». В состав данной модели входят три обязательных компонента: 1) субъект-посессор (N^{possr}_{Gen}), выраженный именем существительным в притяжательном падеже либо именем существительным в притяжательном падеже в сочетании с лично-

притяжательными аффиксами или лично-притяжательным местоимением; 2) объект-посессив ($N^{possv}_{Nom/POSS}$), выраженный именем в именительном падеже или оформленный лично-притяжательным аффиксом; 3) экзистенциальный предикат *ПОЛ* 'быть' в спрягаемой форме, который в хакасском языке участвует также и при формировании бытийных моделей предложения [см. Чугунецова 2013]. Например: *Мин=иң машина=0 полган* 'У меня была машина'.

1.2. Вторая модель в этой группе строится на базе бытийных глаголов *пол кил-* 'появиться' и *хал-* 'остаться' (отрицательный аспект – *халба-* 'не оставаться'). Структурная схема модели: $\{N^{possr}_{Gen} N^{possv}_{Nom/POSS} V^{exist}_{fin}\}$, ее пропозиция – «охарактеризованное обладание объектом»: *Акай=ның ахча=0 халбаан* (А, 25) 'У Акайя денег не осталось'.

2. Именные модели ЭПП обладания. Структурную схему именных моделей обобщенно представляем следующей формулой: $\{N^{possr}_{Gen} N^{possv}_{Nom/POSS} \text{ПАР/ЧОҒЫЛ/ЧОХ/КӨП (cop)}\}$. Пропозиция модели – «наличие / отсутствие / количество объектов обладания». В состав структурной схемы входят три обязательных компонента: 1) субъект-посессор, выраженный именем в притяжательном падеже / именем существительным в притяжательном падеже в сочетании с лично-притяжательными аффиксами или лично-притяжательным местоимением; 2) объект-посессив, выраженный именем в именительном падеже или оформленный лично-притяжательным аффиксом; 3) именные предикаты *ПАР*, *ЧОҒЫЛ*, *ЧОХ*, *КӨП*. В этой формуле символ (cop) подразумевает связку. В хакасском языке такой связкой выступает глагол *ПОЛ-* 'быть'. Если предложение строится в настоящем времени изъявительного наклонения, то связка «может быть нулевой, а в остальных случаях связка обязательна» [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996: 13].

Следует отметить, что в хакасском языке из всех предикатов только предикат *ЧОҒЫЛ* никогда не требует связки *пол-*, соответственно все предложения с этим предикатом строятся в настоящем времени. Например: *Мин=иң машина=0 пар* (СЧ АҰХ, 10) 'У меня есть машина'; *Мин=иң машина=0 пар ПОЛ=ганах* 'У меня тоже была машина' и *Мин=иң машина=0 ЧОҒЫЛ* 'У меня нет машины'; *Ан=ың машина=0 ЧОХ ПОЛТЫР* 'У него, оказывается, нет машины' и т. п.

В зависимости от предикатов в хакасском языке можно выделить три посессивные именные модели ЭПП с их структурно-семантическими вариантами.

2.1. Модель наличия объектов обладания. Структурная схема модели имеет вид: $\{N^{possr}_{Gen} N^{possv}_{Nom/POSS} \text{ПАР (cop)}\}$, пропозиция – «наличие объектов обладания у кого-либо». В качестве предиката в данной модели выступает предикат наличия *ПАР* 'есть, имеется' (ср. алт., тув. *бар*, в шор. *пар*). Например: *Пабазы=ның аттар=0 пар* (И, 24) 'У отца есть лошади'; *Олакай=ның чурт=ы пар* (КН КХ, 43) 'У Олакая есть свой дом'.

В этой модели позиция субъекта может оставаться не заполненной: *Галстуг=ы даа пар* (СЧ АҰХ, 119) '[У него] даже галстук есть'. Частица *даа* в данной конструкции используется для выражения усиления, подчеркнутого наличия.

Кроме того в ряде тюркских языков Сибири выделяются еще варианты моделей со значением временного обладания/необладания объектом каким-либо лицом и обладание/необладание каким-либо объектом, предназначенным для личного пользования. Подобные конструкции отмечены для шорского языка В. М. Теляковой [1993: 28] и И. А. Невской [2005: 178, 181]. В хакасском языке встречается достаточно много предложений с указанными значениями как в текстах художественных произведений, так и в устной речи.

Структурная схема модели временного обладания: $\{N^{possr}_{LOC} N^{possv}_{Nom} \text{ПАР}\}$. Позицию посессора (N^{possr}_{LOC}) представляет локализатор, выраженный личным местоимением в форме местного падежа: *мин=де* 'у меня (при мне)', *син=де* 'у тебя (при тебе)' и т.д.; позицию посессива всегда занимают слова только в форме именительного падежа, т. к. данный объект не всегда может являться для лица-обладателя личным предметом (он может им поделиться с кем-либо, подарить, дать попользоваться и т. д.): *Мин=де ахча=0 пар* 'У меня (при мне) есть деньги'; *Мин=де книга=0 пар* 'У меня (при мне) есть книга'.

2.2. Модель отсутствия объектов обладания. Структурная схема модели имеет вид: $\{N^{possr}_{Gen} N^{possv}_{Nom/POSS} \text{ЧОҒЫЛ/ЧОХ ПОЛ}_{fin}\}$. Пропозиция модели – «отсутствие чего-либо у определенного лица». Например: *Пис=тиң наа книга-журналлар=0 чоҒыл* 'У нас нет новых книг и журналов'; *Мин=иң пөрік=0 чох полган* 'У меня не было шапки' и др.

Как правило, между частями притяжательного словосочетания нельзя вставить другие слова, но в хакасском языке наблюдаются случаи, когда в подобных конструкциях можно поставить личные местоимения 2-го и 3-го лица ед. и мн. ч. в форме дательного падежа (*син* 'ты' – *сагаа* 'тебе; для тебя',

ол 'он, она' – *агаа* 'ему, ей, для него/нее', *сірер* 'вы' – *сірерге* 'вам; для вас'), например: *Мин=iң сага=a пәрік=0 чоғыл* (ИТ Т, 18) 'У меня нет шапки для тебя'.

2.3. Количественная модель обладания. Структурную схему количественной модели мы представляем следующим образом: {N^{possr} Gen N^{possy} Nom/Poss КӨП/АС (cop)}. Пропозиция модели – «неопределенное количество объектов у обладателя».

В качестве предиката в данной модели выступают различные слова с неопределенно-количественным значением: КӨП 'много', ТОЛДЫРА 'полно', АС / АСХЫНАХ 'мало'. Их называют «количественно-оценочными предикатами наличия» [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996: 36]. Внутри предикатов этой группы выделяются слова, которые противопоставляются друг другу по степени интенсивности, экспрессивности, стилистической окрашенности и т. п.: *топ-толдыра* 'очень много, полно', *илбек* 'много, обильно', *тып-тыгырама* 'полным-полно' и др. Например: *Пістің чон=ның аймах-пасха чічең нимелер=0 көп полтыр* (АС КА, 55) 'У нашего народа было много разных продуктов' и др.

Таким образом, в хакасском языке выделяются глагольные и именные модели обладания, которые описывают отношения между обладателем и обладаемым; посессор данной модели оформляется показателем притяжательного падежа или именем существительным в притяжательном падеже в сочетании с лично-притяжательными аффиксами, а также лично-притяжательным местоимением; посессив оформляется именем в именительном падеже, либо лично-притяжательным аффиксом.

Список литературы

- Грамматика хакасского языка* / Под редакцией Н.А. Баскакова. М.: Наука, 1975. 417 с.
- Дурова М. В. Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке (в сопоставлении с языками народов Сибири). Дисс. ... канд. филол. наук, Новосибирск, 2016. 198 с.
- Кошкарева Н. Б. Синтаксические средства выражения пространственных отношений (на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск, 2005. С. 74–117.
- Кошкарева Н. Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2006. Том. 4. Вып. 2. С. 64–76.
- Невская И. А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 305 с.
- Серээдар Н. Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995. 21 с.
- Серээдар Н. Ч., Скрибник Е. К., Черемисина М. И. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 1996. 82 с.
- Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Йошкар-Ола, 2011. 39 с.
- Телякова В. М. Простое предложение в шорском языке в сопоставлении с русским. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994. 22 с.
- Черемисина М. И. Элементарное простое предложение в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск, 1995. С. 63–68.
- Черемисина М. И., Скрибник Е. К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск, 1996. С. 46–57.
- Черемисина М. И. Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 11. Новосибирск: НГУ, 2003. 272 с.
- Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во «Любава», 2008. 205 с.
- Чугункова А. Н. Модели простого предложения с семантикой существования субъекта в пространстве (на материале хакасского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. I. С. 203–206.
- Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. Новосибирск, 2003а. Ч. 1. 106 с.
- Шилова В. В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. Новосибирск, 2003б. Ч. 2. 183 с.

Список источников

- А – Айдо: Повесть. Абакан, 1987. С. 248–273.
АС КА – А. Султреков. Кӧглепчеткен агас / Поющее дерево. На хакасском языке. Абакан: Хак. кн. издат., 2009. 180 с.
АТ – Ах тасхыл литературно-художественный альманах. Абакан: Хак. отд. Красноярского книжн. издат., 1988. № 36. 142 с.
И – Инесай № 12: литературно-художественный и общественно-политический журнал писателей Хакасии. Абакан: Хак. книжн. издат., 2013. 108 с.
ИТ Т – И. Топоев. Туғаннар. (Рассказы на хакасском языке). Абакан: Хак. издат. 1992. 122 с.
КН КХ – К. Нербышев. Кӧгім хорымнарда (У синих утесов). Роман на хакасском языке. Аҕбан, 1983. 207 с.
СЧ АҮХ – С. Чарков. Ах Үүс хазында. (На берегу Белого Июса). Сборник рассказов. Абакан: Хак. кн. издат. 1994. 176 с.
ЧА Д – Ч. Айтматов. Джамиля. Повести (на хакасском языке). Абакан: Хак. издат., 1992. 240 с.
ХРС – Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Список условных обозначений

N_{Nom} – имя в форме именительного падежа (=0); N_{Gen} – имя в родительном падеже (=нын); N_{Dat} – имя дательном падеже (=га); N_{Loc} – имя в местном падеже; N_{Poss} – лично-притяжательный аффикс; N^{possr} – субъект-посессор; N^{possv} – объект-посессив; V_{fin}^{exist} – экзистенциальный предикат, выраженный бытийными глаголами.

A. N. Chugunekova

Models of Elementary Simple Sentences with Semantics of Possession in the Khakas Language

In the following article, we analyze the models of elementary simple sentences (ESS) with semantics of possession in Khakas, an important category among static spatial models. In Khakas, models of possession are primarily formed by existential verbs and, therefore, two groups of models (verbal and nominal) are distinguished, which, in their turn, have structural and semantic variations.

Keywords: model of possession, personal-possessive forms, verbal and nominal forms, Khakas language.

Модели простого предложения в русском и киргизском языках

В статье обсуждаются линии сопоставления между собой моделей простых предложений в русском и киргизском языках. Будучи сущностными единицами самого коммуникативного уровня языковой системы подобные модели являются малоисследованными как в русистике, так и в тюркологии. Работа представляет интерес для специалистов по русскому языку и преподавателей русского языка как неродного.

Ключевые слова: модель, структурная схема, пропозиция, предикат, облигаторный компонент.

Модель простого предложения – это тот теоретический конструкт, который помогает исследователю изучать не поддающиеся непосредственному наблюдению стороны и признаки предложений как единиц языка. Приступая к описанию моделей, мы должны четко отдавать себе отчет, что это прежде всего лингвистические знаки, т. е. двусторонние семиотические сущности.

Формальную сторону моделей мы передаем через структурную схему. Структурная схема предложения – отвлеченный образец, по которому в реальной речи строится неограниченное количество фраз-предложений [Абдуллаев 1989: 352]. Например, в русском языке предложение *Молодые девушки весело убирают двор* построено по структурной схеме N1–Vf – N4. Киргизское предложение *Майда балдар чоң иттен коркушту* ‘Маленькие дети испугались большой собаки’ восходит к структурной схеме N1 – N6 – Vf. Частеречные символы на основе латинского алфавита показывают синтаксически релевантные позиции структурных схем, которые должны быть заполнены облигаторными компонентами простого предложения. Конструктивно ведущим среди них мы считаем сказуемое или предикат, поскольку именно данный компонент задает конкретную конфигурацию облигаторных компонентов. По их количеству или местам (позициям) мы различаем одноместные, двухместные, трехместные предикаты. Наше внимание в данном случае привлекают модели предложений с одноместным предикатом. Например:

русск.	<i>Дом большой</i> N1 – Adj Cop <i>Студент чит</i> N1 – Vf
кирг.	<i>Бала акылдуу</i> N1 – Adj Cop ‘Ребенок умный’ <i>Кыз күлүп жатат</i> N1 – Vf ‘Девушка смеется’

При именных предикатах-сказуемых, например (Adj) в структурной схеме указывается позиция связки, т. к. именно она выражает категории, синтезирующие грамматическое значение предикативности (Cop).

Обращаясь к содержательной стороне модели предложений, мы стараемся зафиксировать элементы той пропозиции, которая лежит в основе отображаемой в предложении целостной ситуации или события. Формальная и содержательная стороны составляют план выражения и план содержания модели предложения. Модель предложения является эмической единицей системы того или иного языка.

Моделированию простого предложения разных языков посвящены работы, которые начали выходить в 70-80 годы прошлого века [Москальская 1981; Золотова 1973 и др.]. В силу универсальности человеческого мышления в разных языках в семантическом отношении могут быть одинаковые типы моделей предложений, но в силу специфики их выражения, грамматического строя в каждом языке набор моделей уникален [Почепцов 1971: 53]. Это свидетельствует о важности, актуальности и к тому же трудности выявления и описания моделей простого предложения языка. В лингвистике существует значительное количество теорий моделирования. Это объясняется тем, что критерии определения обязательного структурного минимума, количество моделирующих компонентов модели, способы описания модели и количество моделей у одной конструкции весьма разнообразны. В своих работах Г. А. Золотова оперирует понятием “модель предложения”. У нее модель определяется как “минимально достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм, образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением” [Золотова 1973: 124]. Наиболее фундаментальное и всестороннее осмысление и описание концепция моделирования

простого предложения получила в работах М. И. Черемисиной и ее многочисленных последователей [Черемисина 1989а: 3–18, Черемисина 1989б: 35–61; Абдуллаев 2018а, Abdullayev 2018b; Невская 1989; Соловар 1989; Скрибник 1990; Телякова 1994; Тыбыкова 1991; Якушко 1997 и др.]. Новосибирская синтаксическая школа проработала теорию моделей простого предложения на материале большого количества разных языков. Поэтому мы в своей работе сопоставительно-типологического характера полностью опираемся на положения данного авторитетного лингвистического направления.

Простое предложение считается центральной единицей системы синтаксиса. Главным мотивом при его исследовании считается необходимость преодолеть размытость в существующих синтаксических описаниях в терминах «типов предложений» и противопоставить им четкое представление о системе моделей предложений как языковых единицах. Например: *Караколдо зоопарк бар* ‘В Караколе есть зоопарк’; *Биздин мектепте музей бар* ‘В нашей школе есть музей’; *Гилемде кооз жазуу бар* ‘На ковре есть красивая надпись’. В этих примерах передается общая семантика местонахождения предмета в определенном месте в пространстве. Структурной схемой этих предложений служит следующая формула: **N5 – N1 – Бар/Жок Сор**. Здесь мы видим указание на локализатор, то есть обстоятельство места (**N5**), подлежащее (**N1**) и именные предикаты наличия и отсутствия (**Бар/Жок**). Поскольку сказуемое является именным, то в формулу модели вводится и указание на связь (**Сор**).

Предложения с семантикой местонахождения можно представить формальной записью: **Лместонах. – Сместонах. – Рместонах.** Здесь присутствует указание на пространственный локализатор, субъект местонахождения и предикат местонахождения.

Грамматическую семантику можно совместить со структурной схемой для того, чтобы передать двусторонний характер природы предложения как единицы языка:

N5 – N1 – Бар/Жок Сор (Лместонах. – Сместонах. – Рместонах.)

Перед нами структурно-семантическая модель простого двусоставного предложения с именным сказуемым, передающая грамматическое значение местонахождения определенного субъекта в конкретном пространстве.

Одной из конкретных задач при достижении указанной исследовательской цели явилось создание конечного списка моделей, уникального в каждом конкретном языке.

В билингвальных сопоставительных исследованиях, на наш взгляд, основную значимость приобретают типологически значимые расхождения и моменты сходства. Тюркские языки имеют типологические отличия от русского языка в своем синтаксическом строе. Это обусловлено агглютинативной природой строя этих языков [Баскаков 1975: 69].

На первом этапе сопоставительно-типологического исследования моделей простого предложения, по нашему мнению, следует сосредоточиться на сопоставлении закрытых списков таких моделей. Дальнейшим этапом является изучение вопросов варьирования моделей и строения парадигм моделей.

N5 – N1 – Vf (Llokat. – Slokat – Plokat.) Это базовая формула моделей простого предложения с локативным значением в тюркских языках [Abdullayev 2018].

Таким образом, моделирование простого предложения в русском языке является актуальной задачей. Решению этой задачи во многом способствует сопоставление с другими языками. Это выявляет типологические особенности структурно-семантической организации и парадигматики данной синтаксической единицы в сопоставительном плане.

Список литературы

- Абдуллаев С. Н. Синтаксис // Строй уйгурского языка. Алматы: Наука, 1989. С. 344–465.
- Абдуллаев С. Н. Модели простых предложений с одноместным именным сказуемым в современном уйгурском языке // *Uygur Türklerinde Bir Bilge Prof. Dr. S. Mahmut Kaşgarly Armagani*. Istanbul, 2018a. S. 293–298.
- Abdullayev S. Models of simple sentences in Uyghur and English languages. Karakol, 2018b. 55 p.
- Баскаков Н. А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словосочетание и предложение. М: Наука, 1975. 287 с.
- Золотова Г. Очерк функционального синтаксиса. М., 1973. 352 с.
- Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981. 175 с.
- Невская И. А. Элементарные простые предложения оценки расстояния в шорском языке // Предложение в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 1989. С. 31–34.

- Почетцов Г. Г.* Конструктивный анализ структуры предложения. Киев: Вища школа, 1971. 193 с.
- Скрибник Е. К.* К описанию системы моделей простого предложения в мансийском языке: предложения с именным сказуемым // Системность на разных уровнях языка. Новосибирск, 1990. С. 95–125.
- Соловар В. Н.* Модели простых предложений хантыйского языка с двухместными предикатами // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 47–55.
- Телякова В. М.* Простое предложение в шорском языке. Автореф. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994. 22 с.
- Тыбыкова А. Т.* Исследования по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. Новосибирск: НГУ, 1991. 224 с.
- Черемисина М. И.* О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 1989а. С. 3–19.
- Черемисина М. И.* Модель (гипермодель) описания действия {N=1 N=4 (N=7) Vtr} // Предложение в языках Сибири. Новосибирск: Наука, 1989б. С. 35–61.
- Якушко Г. Т.* Модели простого предложения с глагольным сказуемым (на материале мансийского языка). Автореф. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1997. 20 с.

N. Kadyrova

Simple Sentence Models in Russian and Kyrgyz

The article discusses the lines of comparison between the models of simple sentences in Russian and Kyrgyz. In particular, we analyze models with a single predicate. Although these models belong to the most communicative level of language, they are underresearched in Russistics and in Turkology alike. This study is aimed at Russian language researchers and teachers of Russian as a non-native language.

Keywords: model, structural diagram, sentence, predicate, obligatory component.

Грамматические особенности пассивных конструкций в шорском языке¹

В статье раскрываются грамматические особенности пассивных предложений в шорском языке. Автор предполагает, что отсутствие агенса в коммуникативной рамке пассивных предложений и изменения в грамматическом значении сказуемого взаимосвязаны и взаимообусловлены, а вместе они влияют на своеобразие пассивных предложений.

Ключевые слова: шорский язык, пассивный залог, статический/динамический признак, результатив, перфектное значение, агенс, пациенс, сказуемое.

Говоря об образовании пассивных конструкций (ПК), ученые обычно отмечают происходящие в них коммуникативные изменения [Плунгян2000: 195–199]. Однако коммуникативные и грамматические изменения тесно связаны, а вместе они значительно отличают страдательные конструкции от активных (АК). Так как грамматические особенности ПК в шорском языке не были до сих пор предметом изучения, автор надеется в некоторой степени восполнить этот пробел с помощью данной статьи.

ПК любого языка характеризуется понижением подлежащего в ранге, в шорском языке оно настолько сильно, что подлежащее вообще выпадает из коммуникативной рамки. Это влечет за собою грамматические изменения в структуре рассматриваемых конструкций.

Мы предполагаем, что такое значительное ослабление позиции подлежащего вызвано изменением грамматического значения предиката. Будучи сказуемым АК, оно указывает на процессуальное действие или состояние, т. е. описывает ситуации, в которых происходит воздействие на объект. В ПК сказуемое представляет уже полученный признак объекта. Принимая аффикс пассивного залога, предикат теряет такие свойства, как активность, целеполагание, а отсутствие агенса в структуре предложения способствует тому, что предикат превращает действие в признак, самостоятельный и суверенный от субъекта. Как в предложении *Кукла красивая* не требуется пояснения, благодаря кому кукла имеет такой признак, так и в шорских пассивных конструкциях неважно, кто произвел действие, важно лишь то, что пациенс приобрел указанный признак, и на нем сосредоточено внимание говорящего: *Чыстыг чачик үзелди*. (Тептегешев) ‘Душистый цветок сорван’.

Таким образом, первое грамматическое свойство ПК в шорском языке – выражать признак пациенса, который определяет изменения в нем в результате некоего воздействия.

В ПК предикат-сказуемое, оставаясь коммуникативным центром предложения, требует концентрации внимания на себе. Использование страдательных конструкций в шорских текстах зависит, на наш взгляд, от стремления автора речи сфокусировать внимание собеседника не на действиях, которыми пациенс подвергся, а на результате этих действий, т. е. на признаках, характеризующих его.

Свойство указывать на признак присутствует и у русских пассивных предикатов. Определительное значение четко проявляется у страдательных причастий: такое сказуемое считается именным. Если предикат выражен глаголом с *-ся/-сь*, то признак присутствует в меньшей степени: *Песни забыты; Песни забываются/забылись* и т. п.

В зависимости от коммуникативных целей пассивный предикат выражает две разновидности признаков: статический и динамический [Золотова и др. 2004: 343–344]. По нашему мнению, статический признак в большей степени присущ пассивным глаголам с аффиксом *-ган* (с вариантами). Предложений с таким сказуемым немного – всего 20 % от трехсот пятидесяти имеющихся в картотеке единиц.

Принимая аффикс пассивного залога, глагольная форма на *-ган* перестает выражать только давно-прошедшее время. Считаем, что она наиболее четко обозначает готовый результат, представляя его в виде статического признака, приуроченного к моменту речи. Ее отвлеченность от выражения давно-прошедшего времени позволяет выразить завершившуюся к указанному моменту стадию процесса, т. е. к результату, не отсылая его к предшествующему воздействию. Проанализируем текст: ¹*Аққамның тиске қачан-да сый пар.* ²*Аққам тиске қузуқ перди.* ³*Қузуқ ийги тәуізегешке урулған* (Шенцова 2003: 20) ‘У нас всегда есть дедушкин подарок. Дедушка нам орех дал. Орех в два туесочка насыпан’.

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области в рамках научного проекта № 18-412-420001

Интересующее нас пассивное предложение соседствует с утверждениями, в первом из которых время не указано: описываемое действие происходит вне времени, «всегда», во втором – время недавно-прошедшее. Таким образом, форма *урулган* от глагола *ур-* ‘сыпать’ обозначает, что к тому моменту, когда *пис* ‘мы’ получили орех, он уже был насыпан в туюски, но, когда это было сделано, не уточняется: важно, что до момента речи.

В следующих примерах на синтаксическое время указывают обстоятельства, а не форма глагола на *-ган*: *Амды қоллар чунылган* ‘Теперь руки вымыты’; *Тағлығ Шор районы пир муң тоғус чұс чегирбе пеш чылда тәзелген* (Дыренкова 1941: 103) ‘Горно-Шорский район в 1925 году создан’.

Чтобы отнести статический признак к давнопрошедшему времени, пассивная форма на *-ган* принимает вспомогательный глагол *пол-* ‘быть’. Возможны только две бивербальные конструкции: *Tv=-ган полган* либо *Tv=-ган полтыр*. Первая обозначает ‘когда-то прежде было’ (а), а вторая (б) – заглазное действие ‘когда-то прежде было, оказывается’ [Дыренкова 1941: 209–210]: (а) *Мен сержантка пазылган полгам* (Пушкин 1941: 3) ‘Я сержантом записан был’; (б) *Көрзе: чes айақтар кұмұш ошқаш пол партырлар, қара шойун қазанақ иштинде үрге урулган полтыр* (Шенцова 2003: 28) ‘Смотрит [Алтынай]: медные чашки подобно серебряным стали; внутри черного чугушка каша насыпана была, оказывается’.

Динамический признак, по нашему мнению, в большей степени связан с перфективностью, т. е. соединяет «наблюдаемое состояние и ненаблюдаемый процесс» [Золотова и др. 2004: 344]. Процесс характеризуется с точки зрения развития, протяженности во времени. Пассивные глаголы, выражающие динамику, указывают на время с помощью временных аффиксов или вспомогательных глаголов. В результате сплошной выборки пассивных предложений из текстов разной направленности обнаружено, что из трехсот пятидесяти зарегистрированных единиц в 45 % пассивных предложений глаголы употреблены в форме недавно-прошедшего времени на *-ды/-ди/-ду/-дү*. Анализ текстов убеждает, что именно формы прошедшего времени обозначают завершение процесса. Понятие же конца действия является важной составляющей «чистой» результативности [Кузина 1991: 5]: *Талай полтыр арага урулды* (Дыренкова 1941: 208) ‘Морем будучи, водка налилась’.

20 % пассивных предложений строится глаголами в форме настоящего времени на *-ча* (с фонетическими вариантами). В настоящем времени результативность проявляется не в меньшей степени, только результат носит длительный или даже вневременной, обобщенный характер: *Тебирдең пашка-пашка тудунчаң-кабынчаң небелериштелча* (Дыренкова 1941: 134) ‘Из железа разные бытовые вещи делают’.

На остальные времена приходится всего 5 %, включая прошедшее-будущее на *-чаң/-чең*, настоящее-прошедшее на *-чытқан*; будущее время на *-р*. Что касается «заглазных» времен на *-тыр* и *-чаттыр*, то уточненная доля их тоже невелика – всего 9 %. См. примеры: *Андигкерек «тенүлеи» адалчаң* (Дыренкова 1940: 294) ‘Такой обычай «равная доля» назывался’; *Анда арага азылчаттыр* (Дыренкова 1941: 254) ‘Там водку гнали’.

Пассивные предложения свободно принимают дополнительные смысловые оттенки предопределенности и неизбежности. Для этого служит вспомогательный глагол *пар-* ‘идти’: *Ааң кирген эжиги пектелип партыр* (Дыренкова 1941: 126) ‘Дверь, через которую он вошел, была заперта’.

Итак, отсутствие агенса в структуре пассивных предложений свидетельствует об определительном характере сказуемого: оно приобретает черты именного сказуемого. Пассивные глаголы указывают на статичный и динамичный признаки пациенса. Опираясь на фактический материал, считаем, что статичный признак обозначается глагольной формой с аффиксом *-ган* и связан с выражением результативности. Динамический признак явно указывает на процессуальность предшествующего воздействия, поэтому выявляет перфективное значение пассивных предложений. Динамический признак выражается глагольными формами разных времен, из которых наиболее часто встречаются формы недавно-прошедшего времени.

Список литературы

- Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М., Л.: Издательство АН СССР, 1941. 309 с.
- Золотова Г. А., Ошепенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: 2004. 544 с.
- Кузина М. В. Средства выражения результативности действия в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М.: 1991.
- Плунган В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 383 с.

Список источников

- Дыренкова 1941 – Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
Дыренкова 1940 – Дыренкова Н. П. Шорский фольклор / Отв. ред. И.И. Мещанинов. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940.
Шенцова 2003 – Шенцова И. В. Шор черибисте. У нас в Шории. Сказки на шорском и русском языке для младших школьников. Новокузнецк, 2003.
Пушкин 1941 – Пушкин А. С. Капитанның кызы / Пер. И. Я. Арбачакова. Новосибирск, 1941.

V. M. Telyakova

Grammatical Features of Passive Constructions in the Shor Language

In the following article, we analyze the grammatical features of passive sentences in the Shor language. We suggest that the absence of agent in the communicative framework of passive sentences and changes in the grammatical meaning of the predicate are interrelated and interdependent, and together they affect the originality of passive sentences.

Keywords: the Shor language, passive voice, static/dynamic marker, resultative, perfect meaning, agent, patient, predicate.

Ш. Н. Камалова

СПбГУ, Санкт-Петербург, shahnazkamal@gmail.com

**Способы выражения обстоятельства места
в языке древнетюркских рунических памятников**

В статье рассматриваются способы выражения обстоятельства места в языке древнетюркских рунических памятников. Выявляются некоторые модели обстоятельства места в языке на материале древнетюркских рунических текстов VII–IX вв.

Ключевые слова: тюркские языки, обстоятельство места, древнетюркские рунические памятники.

В свете функционально-семантического подхода к изучению языковых явлений справедливо говорить о том, что язык является объективно существующим в психике индивида коммуникативным механизмом [Б. де Куртэне 1963]. Все единицы языка, инвентарные и структурные, трактуются как идеальные образования, представляющие собой абстрактные образы.

В свою очередь, речь является материальным звеном коммуникации. Ф. де Соссюр под речью понимал «знак или множество линейно расположенных знаков, которые выступают в функции представителей какого-либо мыслительного содержания» [Ф. де Соссюр 1977: 53].

Говоря о разграничении понятий «язык» и «речь», необходимым представляется различать и единицы этих объектов. Структурными единицами морфологической подсистемы языка являются: *форма, категория* (подсистема минимального объема). Их *речевые* соответствия: *разного рода комбинации знаков (сочетания слов, словоформы, сочетания слов и словоформ* [Гузов 2015: 252]. Следовательно, учитывая сказанное, грамматическую форму следует определять как набор наиболее общих правил-абстракций, некую модель, посредством которой образуется какая-либо словоформа, как минимальную структурную единицу словоизменительного механизма языка, представляющую собой абстракцию, на основании которой производится порождение конкретной разновидности словоформ.

В синтаксической подсистеме языка имеется всего лишь три типа наиболее общих синтаксических структур – моделей синтаксических конструкций, внутри которых возникает определенная связь: копулятивная структура, предикативная структура и атрибутивная структура [Гузов 2015; Мельников 1969; Камалова 2018].

В свою очередь атрибутивная модель имеет три частные разновидности: *определятельную, дополнительную и обстоятельственную* структуру. Все эти три типа разновидностей близки между собой.

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности обстоятельственной структуры, точнее, обстоятельство места.

Обстоятельственная синтаксическая форма – разновидность атрибутивной формы, которая состоит из обстоятельного уточняемого и обстоятельства. «Значение этой формы сигнализирует о том, что какое-либо явление (чаще всего действие) связано с другим сопутствующим ему и тем самым каким-либо образом характеризующим, уточняющим его явлением» [Гузов 2015: 288].

Обстоятельство также можно рассматривать как уточнение характера называемого действия или процесса [Мельников 1969: 107]. То есть обстоятельственные синтаксические связи указывают на различные зависимые смысловые отношения.

В языке древнетюркских рунических памятников (далее ДТРП) обстоятельственные отношения занимают большое место среди других типов синтаксических отношений.

Все примеры и их переводы, которые мы использовали в этой статье, взяты из книги С. Е. Малова.

Каждый язык располагает относительно небольшим числом «образцов», опираясь на которые, говорящие на нем люди строят бесконечное множество самых разнообразных фраз. В научном описании их представляют формулами моделей, в которых фиксируются все необходимые и достаточные компоненты правильных фраз и отношения между ними [Черемисина, Озонова, Тазанова 2008: 6].

Необходимо понимать, что всё многообразие конкретных обстоятельственных высказываний в речи сводится к абстрактной модели, состоящей из двух компонентов – обстоятельственное

уточняемое и обстоятельственное уточнение. Таким образом, схема любого обстоятельственного высказывания может быть изображена в виде условных знаков *AdvMod* (*adverbial modifier*) + *V* (*verb*).

Вслед за М. И. Черемисиной будем фиксировать необходимые компоненты грамматической модели с помощью традиционных «символов-классов слов» *N*, *V*, *Adj*, *Adv*, где символ *N* сопровождается условными номерами падежей (*N1* – именительный (неопределенный), *N2* – родительный (притяжательный), *N3* – дательный, *N4* – винительный, *N5* – местный, *N6* – исходный, *N7* – творительный (инструментальный) [Черемисина, эл.р].

Обстоятельство места указывает на то, где совершается действие или проявляется признак. Обстоятельства места обозначают место совершения действия, направление и путь действия и делятся следующим группой:

- 1) обстоятельства, указывающие место совершения действия;
 - 2) обстоятельства, указывающие направление действия;
 - 3) обстоятельства, указывающие начальную точку движения;
 - 4) обстоятельства, указывающие конечный пункт движения;
 - 5) обстоятельства, указывающие путь движения, трассу.
- Далее рассмотрим, чем могут быть выражены эти группы обстоятельств.

Обстоятельства, указывающие место совершения действия, выражаются:

а) существительным в местном падеже, модель **AdvMod_{N5} – V**: *Bu jirdä olurıp, tabıçaş budun birlä tüzältim* (Ktm 4-5) ‘В этой (то) стране, засев (т. е. основавшись), я связала свою жизнь (и жизнь народа) с народом табгач’.

Следует отметить, что обстоятельство времени и места имеют более слабую связь с управляемыми ими глаголами, чем с дополнением. В предложении обстоятельства скорее бывают связаны с целым предложением, чем с тем или иным членом предложения. Именно поэтому иногда обстоятельства не могут стоять рядом со сказуемым, а находятся в начале рядом с подлежащим;

б) наречием места, модель **AdvMod_{ADV} – V**: *Üzä kök täñri asra jayız jir kilintukda, äkin ara kisi oyli kilimis* (Ktb1) ‘Когда было сотворено (или возникло) вверху голубое небо (и) внизу темная (буков. бурая) земля, между (ними) обоими были сотворены (или: возникли) сыны человеческие (т. е. люди)’;

в) именным словосочетанием, модель **AdvMod_{IZAF+N5} – V**: *Ötükän jışda jig idi jok ärmis* [KTm 4] ‘В Отюкенской черни не было хорошего (т.е. настоящего) владыки».

Обстоятельства, указывающие направление действия, выражаются существительным в дательном падеже, модель AdvMod_{N3}-V: *Er abqa barmis* (İB 17) ‘Муж пошел на охоту’; *İlqäri kün toysık(k)a, birgärü gün ortusiñaru, kurıyaru gün batsikiña, jırıyaru tün ortusiñaru, anta iñräki budun kop m(aña körür, anç) a budun kop itdim* [Ktm2] ‘Впереди, к солнечному восходу, справа, (в стране) полуденной, сзади, к солнечному закату, слева (в стране) полночной, (повсюду) там (т.е. в этих пределах) живущие народы – все мне подвластны, столь много народов я всех устроил». В этом предложении и наречия и имена существительные в дательном падеже выступают в роли обстоятельства.

Обстоятельства, указывающие начальную точку движения, выражаются существительным в исходном падеже, модель AdvMod_{N6}–V: *Oyuzdantan körüg kälti* (T8) ‘От огузов пришел лазутчик’.

Обстоятельства, указывающие конечный пункт движения, выражаются с помощью послелога *tägi* и существительного в дательном-местном падеже, показывают направление действия, модель AdvMod_{tagiN3}-V: *Kurıyaru Jinçü üg(üz)... kăçä Tämır kapıya täqi sülädım* [KTm 3-4] ‘Переправясь через реку Йенчу (Жемчужную), я прошел с войском вплоть до Темир-капы (Железных ворот)’.

Обстоятельства, указывающие путь движения, трассу, выражаются:

а) существительными с послелогом *qody*, Модель **AdvMod_{qody}–V**: *Ol sub qody bardymyz* (T27) ‘Мы шли вниз по течению этой реки’; *Toğan quş täñridin qody tabıyşan tipän qapmyş* (İB66) ‘Сокол (устремаясь) вниз с неба схватил зайца’. В последнем примере послелог управляет исходным

падежом. В ДТРП такие обстоятельства встречаются редко;

б) существительными с послелогом *saju*, который обозначает действие, распространяющееся на весь предмет целиком, управляет основным и винительным падежами. Он также мало используется в ДТРП. Модель **AdvMod_{saju}–V**: *Jir saju bardıy (Ktm9)* ‘Бродить по всем странам’; *Anta kalmıſı jir sayu kop turu ölü jorıjur ärtiq (Ktm9)* ‘Вы же, оставшиеся тогда (живыми), по всем странам скитались в совершенно жалком положении (букв. то живя, то умирая)’. Послелог *saju* имеет также значение ‘каждый, всякий’ [ДТС 1969: 482].

Объем нашей статьи не позволяет подробнее рассмотреть все способы выражения обстоятельства места в языке ДТРП, поэтому мы постарались показать лишь несколько наиболее частотных.

Многообразие же речевых реализаций данной модели, регистрируемое в древнетюркских рунических текстах, полностью укладывается в утверждение, что на базе ограниченного количества языковых единиц можно построить безграничное количество речевых высказываний.

Список литературы

- Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. I. 384 с.; Т. II. 391 с.
- Гузев В. Г. Теоретическая грамматика турецкого языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 320 с.
- Древнетюркский словарь. Л.: Наука. 1969. 676 с.
- Мельников Г. П. Синтаксический строй тюркских языков с позиций системной лингвистики. Народы Азии и Африки. № 6. 1969. С. 104–113.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. 696 с.
- Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во «Любава», 2008. 205 с.
- Черемисина М. И. Исследование моделей элементарного простого предложения в тюркских языках Южной Сибири. [Электронный ресурс]. URL: <http://libbabr.com/?book=3383>
- Kamalova Sh. N. On the question of structural units of the Turkic syntax // TEXTE- Revue de critique et de theorie litteraire. Le volume 13. 2018. Issue 4, pp. 27–30.

Список источников

- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 451 с.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 111с.

Список сокращений

- Ktb – Памятники в честь Кюль-тегина, большая надпись
Ktm – Памятники в честь Кюль-тегина, малая надпись
Т – Памятник в честь Тоньюкука
ЇВ – “Irk bitig” (Гадательная книга)

Sh. N. Kamalova

Ways of Expressing the Location Adverbials in the Language of Ancient Turkic Runic Monuments

The article deals with the modeling of location adverbials in the language of ancient Turkic runic monuments. Some models of location adverbials in the language on the material of ancient Turkic runic texts of VII-IX centuries are revealed.

Keywords: language, models, adverbial, ancient Turkic runic monuments.

Прямое дополнение в тунгусо-маньчжурских языках: структурно-семантический аспект

Исследование посвящено анализу прямого дополнения как синтаксической единицы, совмещающей в себе при переходных глаголах семантический и функциональный аспекты. В тунгусо-маньчжурских языках прямое дополнение находит свое выражение в трех морфологических формах: винительном падеже, возвратно-притяжательных формах ед. ч. и мн. ч. и притяжательных формах назначительного падежа. Семантическая сочетаемость переходных глаголов реализуется двумя основными типами синтаксических конструкций, в которых позицию прямого дополнения занимает имя существительное, обозначающее либо «объект-пациент (объект воздействия)», либо «объект-результат воздействия».

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, прямое дополнение, переходный глагол, непереходный глагол, винительный падеж, назначительный падеж,

По определению В. А. Аврорина, в тунгусо-маньчжурских языках «дополнением называется второстепенный член предложения, выраженный прямым или заместительным названием предмета (а также опредмеченного действия или признака), участвующего так или иначе в действии, обозначенном сказуемым, но не являющимся содержанием подлежащего» [Аврорин 1981: 115]. При этом он также подчеркивает, что «дополнения возможны в предложениях со сказуемыми не только глагольными, но и именными. В последнем случае дополнением является тот второстепенный член предложения, который обозначает предмет, косвенным образом связанный с предиктируемым предмету признаком» [Аврорин 1981: 115]. По критерию семантической дистрибуции позицию подлежащего всегда занимает имя в именительном падеже, тогда как «наиболее обычной грамматической формой дополнения является форма того или иного косвенного падежа. ... В зависимости от характера участия предмета в действии обозначающие этот предмет дополнения делятся на два основных типа: прямое и косвенное. Прямое дополнение обозначает прямой объект, т. е. объект, на который направлено действие. Грамматической формой прямого дополнения являются формы винительного... (и) назначительного падежей» [Аврорин 1981: с. 115].

Синтаксические конструкции с прямыми дополнениями в грамматической традиции имеют семантические ограничения, обусловленные лексико-грамматическими характеристиками глагола-предиката, который, например, в русском языке, обязательно должен быть переходным. Категория переходности рассматривается как грамматическая. В тунгусо-маньчжурских языках выделяется ряд непереходных глаголов, требующих дополнения в винительном падеже, т. е. прямого дополнения (см. *агда*- 'радоваться', *анту*- 'доехать, дойти, добраться', *бэлэчи*- 'помогать', *тэддэ*- 'верить' др.), что, по мнению А. Л. Мальчукова, позволяет сделать вывод о том, что в тунгусо-маньчжурских языках категория переходности носит не грамматический характер, а «является преимущественно синтаксической» [Мальчуков 1999: 90]. Однако, на наш взгляд, необходимость или способность отдельных непереходных глаголов в тунгусо-маньчжурских языках оформляться прямыми дополнениями свидетельствует в большей мере о лексико-синтаксическом характере категории переходности: семантика глагола определяет формальные характеристики объекта, на который направлено действие, его семантическую сочетаемость. Например:

Горо нэнэми, гедэ дукку аптуи.

<i>горо</i>	<i>нэнэ=ми</i>	<i>гедэ</i>	<i>дукку</i>	<i>апту=ха=ни</i>
долго=Adv	идти=Conv-Sg один	дом=Acc/Sg	дойти=Past-3Sg	
'Долго идя, он до одного дома дошел.'				

Эчи ујлта самамба эсичи тэддэ.

<i>эси</i>	<i>ујлта</i>	<i>самам=ба</i>	<i>э=си=чи тэддэ</i>
теперь	ороки=N/Pl	шаман=Acc/Sg	верить=Neg/Pres-3Pl
'Теперь ороки шаману не верят.'			

Таматчу заргули ча тугдулэмбэ митумэри хинзэчи ночи бāручи.

<i>таматчу</i>	<i>заргули</i>	<i>ча</i>	<i>тугдулэм=бэ</i>
потом=Adv	красные волки=N/Sg	тот	мост=Acc/Sg
<i>митү=мэри</i>	<i>хин=зе=чи</i>	<i>ночи</i>	<i>бāру=чи</i>
ползти=Conv-Pl	приблизиться=Pres-3Pl	они=Pron3Pl	по направлению к=Postp

‘Потом красные волки **по тому мосту** ползком к ним приближаются.’

Как отмечали В. А. Аврорин [1981: 115] на материале нанайского языка, В. И. Цинциус [1947: 241] на материале эвенского языка, В. Д. Колесникова [1966: 159] на материале эвенкийского языка, Т. И. Петрова [1967: 47] на материале орокского языка и др. в тунгусо-маньчжурских языках прямое дополнение находит свое выражение в двух морфологических формах: винительного падежа (беспритяжательных, лично-притяжательных, возвратно-притяжательных или безличных), и притяжательных формах назначительного падежа (личных и возвратных). А. А. Бурыкин [1984: 12] и А. Л. Мальчуков на материале эвенского языка выделили три морфологические формы выражения прямого дополнения, добавив к винительному и назначительному падежу в качестве особой формы безлично-притяжательную, причем, А. А. Бурыкин особо отметил необходимость отграничения этих форм, хотя по своей сути они являются возвратно-притяжательными формами винительного падежа, в которых в результате фузии происходит как бы выпадение суффиксального показателя. Однако достаточно регулярно при присоединении к основе показателя падежа и возвратно-притяжательного суффикса наблюдаются трансформации основы: либо развитие долготы финального гласного, либо удвоение финального согласного. Например:

Би мапа поктōни итэхэмби.

<i>би</i>	<i>бојо</i>	<i>поктō=ни</i>	<i>итэ=хэм=би</i>
я=Pron1Sg	медведь=N/Sg	след=Acc/Poss3Sg	видеть=Past-1Sg/

‘Я след медведя видел.’

Тари мапарил угдāри миттэј этчини бурэ.

<i>тари</i>	<i>мапа=рил</i>	<i>угдā=ри</i>	<i>мит=тэј</i>	<i>эт=чи=и бурэ</i>
тот	старик=N/Pl	лодка=Acc/PossRefl-Pl	я=Lat-Dat/Sg	дать=Neg/Past-3Pl

‘Те старики **свою лодку** мне не дали.’

Сэксэду мапа тари нарисал дуккори аптухани=тани.

<i>сэксэду</i>	<i>мапа</i>	<i>тари</i>	<i>нари=сал</i>	<i>дук=кō=ри</i>
вечером	старик=N/Sg	тот	человек=T/Pl	дом=Acc/PossRefl-Pl
<i>апту=ха=ни</i>		<i>тани</i>		
добратся=Past-3Sg		таки=Part		

‘Вечером старик **до дома** тех людей (**своего для них**) добрался=таки.’

Би апундоси гатчимби.

<i>би</i>	<i>апун=до=си</i>	<i>га=тчим=би</i>
я=Pron1Sg	шапку для тебя=Dest/Poss2Sg	взять=Past-1Sg/

‘Я **шапку для тебя** взял.’

Семантическая сочетаемость переходных и непереходных глаголов в тунгусо-маньчжурских языках реализуется преимущественно двумя основными типами синтаксических конструкций, в которых позицию прямого дополнения заполняет имя существительное, либо обозначающее объект воздействия (в терминах семантических ролей – «объект-пациенс»), либо «объект-результат воздействия» [Мальчуков 1999: 92]. Объект-пациенс обозначается, как правило, формами винительного падежа и лично-притяжательными формами назначительного падежа собственно имени существительного, объект-результат воздействия – беспритяжательными и возвратно-притяжательными формами винительного и притяжательными формами назначительного падежа как собственно имени существительного, так и субстантивированного причастия. Например:

Чотчи нōни нэвби сэрутчихэни.

<i>чотчи</i>	<i>нōни</i>	<i>нэв=би</i>	<i>сэрутчи=хэ=ни</i>
Потом	он=3Sg	младший брат=Acc/PossRefl-Sg	разбудить=Past-3Sg/

‘Потом он **своего младшего брата** разбудил.’

Тари мапа ча гаса ңэннэвэни итэхэни.

тари мапа ча гаса ңэннэ=вэ=ни итэ=хэ=ни
тот старик=N/Sg этот птица=N/Sg полет=Acc/Poss3Sg смотреть=Past-3Sg/
'Тот старик долго смотрел, как эта птица летит (букв.: на полет этой птицы).'

Лично-притяжательные формы винительного падежа причастий-существительных, например, в орокском и нанайском языках, т. е. дополнения, выраженные притяжательными конструкциями, которые семантически соотносятся с придаточными изъяснительными сложноподчиненного предложения в русском языке, квалифицируются как осложняющие дополнения. Например:

Нарисал бэјнэл соривачи итэчилууэчи.

нари=сал бэјнэ=л сори=ва=чи итэчи=лу=уэ=чи
мужчина=N/Pl зверь=N/Pl борьба=Acc/3Pl начать смотреть=Past-3Pl
'Мужчины стали смотреть, как звери борются (букв.: на борьбу зверей).'

Бојо(н) улал сахуриванзи́чи-да эсин(и) долзэ́.

бојо(н) ула=л сахуриван=зи=чи эсини долзэ́.
медведь=N/Sg олень=N/Pl шум=Acc/PossRefl-Pl Neg/Pres-3Sg/
'Медведь не слышал, как шумели олени (букв.: даже оленей шума (своего для них) не слышал).'

В заключение отметим, что дополнение как второстепенный член предложения – это имя исключительно субстантивной семантики, заполняющее в предложении позиции «распространителей» глагола, сказуемого или любого отглагольного слова. Прямым дополнением может быть назван объект, на который направлено действие или который является результатом действия, выраженный формами винительного и притяжательными формами назначительного падежа.

Дополнения, выраженные отглагольными именами в составе притяжательной конструкции, семантически соотносимые с придаточными изъяснительными русского языка, квалифицируются как осложняющие.

Список литературы

- Аврорин В. А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л., 1981. 198 с.
Бурыкин А. А. Категория переходности // непереходности глагола в эвенском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 22 с.
Колесникова В. Д. Синтаксис эвенкийского языка. М.: Л., 1966. 258 с.
Мальчуков А. Л. Синтаксис простого предложения в эвенском языке (структурные и семантические аспекты). СПб., 1999. 257 с.
Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л., 1967. 156 с.
Цинциус В. И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947. 270 с.

L. V. Ozolinya

Direct Object in the Manchu-Tungus Languages: Structural and Semantic Aspect

The paper deals with the analysis of the direct object as a syntactic unit conflating semantic and functional aspects in combination with transitive verbs. In the Tungusic languages, the direct object is expressed by three morphological forms: the accusative case, the singular and plural reciprocal possessive forms, and the possessive forms of the destinative case. The semantic combinability of transitive verbs is realized by two main types of syntactic constructions in which the position of the direct object is filled with a noun meaning either 'the patient-object (the affected object)' or 'the object-result of action'.

Keywords: Tungusic languages, direct object, transitive verb, intransitive verb, accusative case, destinative case.

Маркеры причинных отношений в финно-угорских языках

В статье рассматриваются показатели, маркирующие причинные отношения в именной и в послеложной группе, в ряде финно-угорских языков: финском, венгерском, эстонском, луговом марийском и горномарийском. Обсуждаются происхождение и полисемия единиц, которые могут выражать причинные отношения, с привлечением типологических данных.

Ключевые слова: причинные послелого, падежи, финно-угорские языки, горномарийский язык.

1. Введение

В языках мира существует две основные стратегии выражения причинных отношений: полипредикативная и монопредикативная. Примером полипредикативной стратегии является использование причинных союзов, например, *потому что* и *так как* в русском языке. Под монопредикативной стратегией имеется в виду, в частности, падежное маркирование или маркирование при помощи предлога или послелога. Данная работа посвящена послелогам, а также некоторым падежным показателям, выражающим причинные отношения в ряде финно-угорских языков (финском, эстонском, венгерском, луговом марийском, горномарийском). В исследовании задействованы материалы грамматик, словарей и корпусов, а также данные, полученные от носителей указанных языков.

Причинные именные показатели изучены в языках мира недостаточно подробно. Существует значительное количество типологических работ, посвященных полипредикативным причинным конструкциям (см., например, [Diessel, Hetterle 2011], [Cristofaro 2013]). В литературе же, касающейся именных причинных маркеров, обсуждается обычно материал одного языка (см., например, [Luraghi 2005] о латыни, [Всеволодова, Яценко 1988] о русском языке).

Причинные предлоги и послелого интересны, прежде всего, с точки зрения их происхождения и полисемии. Типологическим фоном для данного исследования служат словарь-справочник о зафиксированных в языках мира путях грамматикализации [Heine, Kuteva 2002] и работа [Ганенков 2002] о моделях полисемии пространственных показателей.

2. Единицы с семантикой причины

2.1 Послелого

В каждом из рассматриваемых языков мы обнаружили несколько причинных послелогов. В зависимости от происхождения их можно разделить на следующие группы.

Финский причинный предлог *vuoksi* и венгерский *folytán* образованы от лексем со значением ‘течение’ или ‘течь’ [Hakulinen 1961: 70]. Заметим, что глагол *вытекать* в русском языке также часто обозначает причинно-следственную связь. Мы полагаем, что появление у лексем с подобным значением причинной семантики может быть связано с метафорой последовательного и плавного следования одной ситуации из другой.

Следующая модель семантического развития связана с лексемами ‘зад, задняя часть’. Примерами могут служить причинные послелого *takia* и *pärast* из финского и эстонского языков соответственно: первый является застывшей формой партитива от слова *taka* ‘зад, задняя часть’ [Häkkinen 2007: 1261], а второй образован при помощи суффикса элатива от слова *pära* ‘зад, задняя часть’. Возможно, такой переход связан с метафорическими отношениями между временем и пространством: ситуация-причина, естественно, предшествует ситуации, которая стала ее следствием, и на временной оси располагается позади нее. Также ситуация-причина может пониматься как некий фон, стоящий позади ситуации-следствия. Заметим, что в [Heine, Kuteva 2002: 48] подобное развитие было зафиксировано только в языках Африки.

В марийских языках несколько послелогов с причинным значением образованы, вероятно, от существительных с локативной семантикой: причинно-целевой послелог *верч(ын)* (горномар. *верц(ын)*) является, судя по всему, формой элатива от слова *вер* ‘место’, а устаревший послелог *пелдык* (горномар. *велдык*) образован от слова *вел* ‘сторона’ [Вершинин 2017: 72, 74]. Наличие причинного значения у послелогов *пелдык* и *велдык* мы предлагаем объяснять как семантическое

развитие из временного значения ‘пока’, которое они обозначают, выступая в роли союзов. Подобное развитие зафиксировано, в частности, для немецкого причинного союза *weil* [Traugott, König 1991: 195].

Интересно происхождение финского причинно-целевого послелога *tähden*, являющегося формой инструктива от слова *tähti* ‘звезда’ [Häkkinen 2007: 1380]. Подобное развитие, согласно цитируемой работе, прослеживается и в близких финскому языках, таких как карельский и вепеский. Подобрать логичное объяснение такому семантическому переходу пока не представляется возможным.

В финно-угорских языках обнаруживаются и показатели, маркирующие причину благоприятного результата для субъекта (ср. рус. *благодаря*): эстонский послелог *tänu*, образованный от совпадающего по форме существительного ‘благодарность’, и финский послелог *ansiota*, являющийся формой элатива от слова со значением ‘заслуга, награда’. Возможно, развитие из слов такого типа показателей со значением причины благоприятного исхода связано с положительной оценкой говорящим события, приведшего к хорошему, по его мнению, результату.

2.2 Падежные показатели

Во всех рассматриваемых нами языках имеется элатив причины (некоторое исключение с морфологической точки зрения составляют марийские языки, где элативное значение выражается не падежом, а послелогом). В венгерском языке существует два падежа, которые выражают движение из исходной точки и могут маркировать причину, – это элатив *-ból / -ből* и аблатив *-tól / -től*. При этом контексты употребления первого заметно уже второго: по предварительным данным, он маркирует внутреннюю причину при части контролируемых предикатов (1), тогда как второй может маркировать как внешнюю (2), так и внутреннюю причину (3), не демонстрируя очевидных ограничений на предикат.

(1)	<i>csak</i>	<i>kíváncsiság-ból</i>	<i>kérdez-t-em</i>	[Rounds 2001: 105]		
	только	любопытство-EL	спросить-PAST-1SG			
	‘Я только спросил из любопытства.’					
(2)	<i>fáj</i>	<i>a</i>	<i>fej-em</i>	<i>ettől</i>	<i>a</i>	<i>hang-tól.</i>
	болеть[3SG]	DET	голова-POSS.1SG	этот.ABL	DET	звук-ABL
	‘У меня болит голова от этого шума.’					
(3)	<i>ez</i>	<i>a</i>	<i>baba</i>	<i>az</i>	<i>éhség-től</i>	<i>sír</i>
	этот	DET	ребенок	DET	голод-ABL	кричать[3SG]
	‘Этот ребенок плачет от голода.’					

В венгерском и финском языках особое маркирование получает причина при глаголе ‘умереть’: в венгерском она обозначается инессивом, а в финском – иллативом. Эти падежи, по имеющимся данным, в других причинных контекстах не фиксируются. Подобное маркирование в венгерском языке объясняется как результат метафоры, основанной на пространственном значении данного показателя: причина смерти понимается как состояние, в котором находился субъект. Маркирование иллативом причины в финском языке еще предстоит изучить. Интересны данные марийских языков, где для маркирования причины может использоваться датив (в луговом марийском) и обстоятельственный падеж, или латив (в горномарийском). Показатели этих падежей образованы от древних суффиксов, имевших направлятельное значение [Зорина 2002: 78–82, 106–114]. В [Ганенков 2002] наличие причинного значения у директивного показателя предлагается объяснять через значение цели движения, однако это объяснение подходит только для датива в луговом марийском, так как латив в горномарийском языке не обозначает цели движения. Мы предполагаем, что развитие причинного значения у горномарийского латива является результатом многоступенчатой семантической эволюции из его пространственных значений, см. подробнее [Давидюк 2018].

3. Заключение

В данной статье были рассмотрены основные пути возникновения причинных послелогов в ряде финно-угорских языков. Большая их часть не упоминается в типологической литературе – так,

только пути PLACE > CAUSE и BACK > CAUSE из [Heine, Kuteva 2002: 48, 239] релевантны для описанного нами материала. Было рассмотрено и падежное маркирование причины в изучаемых финно-угорских языках, где наибольший интерес представляет маркирование лативом причины в горномарийском языке.

Список сокращений

ABL – аблатив, DET – определенность, EL – элатив, PAST – прошедшее время, POSS – посессивность, SG – единственное число.

Список литературы

- Вершинин В. И.* Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь). Йошкар-Ола: Стринг, 2017. Т. I. 348 с. Т. II. 396 с.
- Всеволодова М. В., Яценко Т. А.* Причинно-следственные отношения в современном русском языке. М.: Русский язык, 1988. 207 с.
- Ганенков Д. С.* Модели полисемии пространственных показателей. М.: МГУ, 2002. Дипломная работа.
- Давидюк Т. И.* Латив в горномарийском языке. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2. 2018. С. 195-215.
- Зорина О. В.* История и современное состояние падежной системы горномарийского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. СПбГУ, СПб., 2002. 217 с.
- Cristofaro S.* Reason Clauses. *The World Atlas of Language Structures Online*, ed. By Dryer M. S., Haspelmath M. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. Online publication: <http://wals.info/chapter/127>.
- Diessel H., Hetterle K.* Causal clauses: A cross-linguistic investigation of their structure, meaning, and use. *Linguistic universals and language variation*, ed. by Siemund P. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2011. Pp. 21–52.
- Hakulinen L.* The Structure and Development of the Finnish Language, transl. by Atkinson J. Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series, 3. Indiana University, Bloomington, 1961. 383 p.
- Heine B., Kuteva T.* World lexicon of grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 397 p.
- Häkkinen K.* Nykysuomen Etymologinen Sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. 1634 p.
- Luraghi S.* Prepositions in Cause expressions. *Papers on grammar*. 12 (2). 2005. Pp. 609–619.
- Rounds C.* Hungarian: An Essential Grammar. New York: Routledge, 2001. 296 p.
- Traugott E. C., König E.* The semantics-pragmatics of grammaticalization revisited. *Approaches to grammaticalization*, ed. by Traugott E. C., Heine B. Amsterdam: John Benjamins. 1991. Pp. 189–218.

T. I. Davidyuk

Causal Markers in the Finno-Ugric Languages

The paper explores causal markers, namely postpositions and cases, in several Finno-Ugric languages: Finnish, Hungarian, Estonian, Meadow Mari, and Hill Mari. We elaborate on the polysemy and the origin of these markers in the typological perspective.

Keywords: causal postpositions, cases, Finno-Ugric languages, Hill Mari.

Н. Б. Даржаева

ФГБУН Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук, г. Улан-Удэ; dnadezhda@mail.ru**Лингвистический эксперимент в дифференциации бурятских квазисинонимических бипредикативных конструкций общего следования¹**

В статье излагается применение лингвистического эксперимента в верификации результатов дифференциации квазисинонимических бипредикативных конструкций общего следования в бурятском языке. Квазисинонимическими называются конструкции, выражающие близкие значения и различающиеся оттенками значения или стилистически. Лингвистический эксперимент в этом исследовании представляет собой ряд приемов верификации предварительной гипотезы: трансформационный метод, интроспекция, наблюдение, интервьюирование, дополнительный анализ “отрицательного языкового материала”.

Ключевые слова: полипредикативный синтаксис, синонимия полипредикативных конструкций, лингвистический эксперимент, бурятский язык.

Лингвистический эксперимент вслед за Л. В. Щербой [1974] мы понимаем как совокупность нескольких этапов исследования: наблюдение над речевыми фактами, построение промежуточной гипотезы и ее верификация различными приемами. О важности эксперимента писали и другие ученые: «Можно десятилетиями собирать факты и ни разу не заметить семантического секрета слова, который оно мгновенно отдаст в условиях острого эксперимента» [Апресян 1971: 34], «... лингвистика остро нуждается в надежных данных, которые можно получить только с помощью экспериментальной работы с живым языком» [Селиверстова 2004: 12], «При изучении живого языка упор должен быть сделан на лингвистическом экспериментировании» [Санников 2008: 34].

Наша статья посвящена применению лингвистического эксперимента в дифференциации квазисинонимических бипредикативных конструкций (БПК) на материале современного бурятского языка. Синонимия на уровне БПК характерна для многих сибирских языков, о чем писала выдающийся синтаксист М. И. Черемисина: «В период формирования языка, особенно для ранних этапов этого процесса, типична избыточная синонимия... Синонимический ряд, насчитывающий иногда до десятка форм, в содержательном плане может долго оставаться почти не дифференцированным. Думается, что, уловив тенденцию развития, тактичным вмешательством можно было бы ускорить процессы такого рода, предложив и внедрив правила употребления форм» [Черемисина 2002: 215].

Опираясь на разработки лексикологов, (квази)синонимическими конструкциями будем считать некоторое множество бипредикативных конструкций, выражающих близкие значения и различающихся по тем или иным параметрам (как писал В. П. Сухотин, самым трудным для лингвиста является именно описание различительных признаков [1960: 20]). В результате детальной семантической классификации бурятских обстоятельственных БПК было выявлено неожиданно большое количество квазисинонимических конструкций. Синонимический ряд (или микрогруппа) может быть представлен разными структурными типами конструкций: причастно-послеложными, причастно-падежными, деепричастными и с частицами. Такая микрогруппа может включать от 3 до 12 конструкций. На первый взгляд эти конструкции выглядят полными синонимами, лишь в отдельных случаях бросаются в глаза различия стилевые, например, конструкции с послелогом *ашаар* ‘благодаря’ (книжн.) и *хайгаар* ‘благодаря’ (разг.); диалектные, например, конструкции с послелогом *муртэ-POSS* (позиция маркеров притяжания как показателей грамматического лица) ‘пока, в то время, когда’. Однако в результате анализа таких микрогрупп с использованием методов интроспекции (исследователь является носителем языка) и адаптированных для синтаксических конструкций способов лингвистического экспериментирования (см. [Санников 2008]), а также контекстного и компонентного анализов часто выявлялись дифференцирующие оппозиции, как уже известные, так и специфические.

Собственно лингвистический эксперимент в нашем исследовании представляет собой ряд приемов верификации рабочей (предварительной) гипотезы: трансформационный метод, интроспекция, наблюдение, интервьюирование, дополнительный анализ “отрицательного языкового материала” по

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (XII.193.1.5. Ментальность монгольских народов в зеркале языка, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310266-8)

[Щерба 1974, Санников 2008]). Применяя метод трансформаций, в большинстве случаев в качестве исходной мы выбирали по возможности нейтральную фразу и путем подстановок синонимических конструкций проверяли семантические и функциональные ограничения. На этом этапе важную роль играет языковое чутье исследователя: “Метод интроспекции действительно апеллирует к интуиции. Однако, кроме того, он апеллирует к внутреннему опыту. Тем самым этот метод становится экспериментальным, и, следовательно, объективным” [Теньер 1988: 48]. Составление анкет и интервьюирование квалифицированных носителей языка – еще одна неотъемлемая часть лингвистического эксперимента. То, что отбраковывалось, подвергалось еще более тщательному наблюдению и анализу причин.

Приведем пример эксперимента с синонимической микрогруппой общего следования. Это значение выражается четырьмя причастно-последеложными конструкциями:

V- <i>hAn-aii</i> -POSS удаа	‘после того как’
V- <i>hAn-aii</i> -POSS <i>hүүлдэ</i>	‘после того как’
V- <i>hAn-aii</i> -POSS <i>hүүлээр</i>	‘после того как’
V- <i>hAn</i> <i>хойно</i> -POSS	‘после того как’

В этих конструкциях интервал между событиями специально не акцентируется, отсюда и название группы. В результате стилистического и семантического анализов мы пришли к выводу, что стилистически маркированной среди конструкций общего следования является конструкция с последеложом *удаа* ‘после’. Между центральными конструкциями с последеложом *hүүлдэ* ‘после’ и *hүүлээр* ‘после’ найдена семантическая оппозиция по характеру контакта во времени двух событий (с последеложом в форме орудного падежа временной интервал может быть растянут в определенном контексте). Мы также выявили, что другая конструкция из этой зоны с последеложом *хойно* ‘после, за’ специализируется на выражении меры времени в зависимой части (другие конструкции невозможны), а также успешно конкурирует сегодня с последеложом *hүүлдэ*. Однако от последней она отличается преимущественным употреблением в разговорной речи.

Обнаруженные экстралингвистические и семантические оппозиции внутри группы и предпочтения в употреблении конструкций в современном бурятском языке можно проверить трансформационным методом. В качестве исходной возьмем семантически нейтральную фразу из художественного произведения, в которой описывается следование двух информативно равнозначных, регулярных событий:

<i>хони-д-ойн-гоо</i>	<i>ерэ-һэн</i>	<i>хойно</i>	<i>хохир-оо</i>	<i>тараа-даг-бди</i>
овца-pl-gen-refl	приходить-рс.pst	pstp	навоз-refl	разбрасывать-рс.hab-1pl

‘После того как приходят овцы, (мы обычно) разбрасываем сухой навоз’ (Дамб. 21) (наилучший вариант, разг. стиль).

>? *Хонидойнгоо ерэ-һэн-эй-нь удаа хохироо тараадагбди* (фраза стилистически не вполне удачна, т.к. последелож имеет книжное употребление);

> *Хонидойнгоо ерэ-һэн-эй-нь hүүлдэ хохироо тараадагбди* (приемлемо, но предпочтительно употребление последелож в моносубъектных фразах);

> *Хонидойнгоо ерэ-һэн-эй-нь hүүлээр хохироо тараадагбди* (может быть несколько разнесено во времени).

Дифференцирующим можно также считать контекст, в котором зависимое событие длится некоторое неопределенное время *нэгэ хэды соо* ‘некоторое время’ (из 8 фраз в 6 употреблен последелож *hүүл-ээр* в Корпусе бурятского языка). Пример:

<i>ой тээшэ хар-аад</i>	<i>нэгэ хэды соо</i>	<i>зогсо-һон-ой-нгоо</i>	<i>hүүлээр</i>
лес pstp	смотреть-cvb	некоторое время	стоять-рс.pst-gen-refl
<i>тэрэ хүнжэл-өө</i>	<i>эрьюул-ээд,</i>	<i>гэр-т-ээ</i>	<i>оро-шо-бо</i>
он одеяло-refl	переворачивать-cvb	дом-dat-refl	входить-intens-pst[3sg/pl]

‘После того как он постоял некоторое время, глядя в сторону леса, перевернув то одеяло, зашел домой’ (В. Гармаев *Гаржаамын таабари* 1992; Бурятский корпус).

> *Ой тээшэ хараад нэгэ хэды соо зогсоһон хойноо, тэрэ хүнжэлөө эрьюул-ээд, гэртээ орошобо* (без ущерба смыслу; разг. стиль)

>? *Ой тээшэ хараад нэгэ хэды соо зогсоһонхойнгоо hүүлдэ, тэрэ хүнжэлөө эрьюул-ээд, гэртээ орошобо* (последелож не передает оттенок растянутости)

> Ой тээшэ хараад нэгэ хэды соо зогсоһонойнгоо удаа, тэрэ хүнжэлөө эрыюул-ээд, гэртээ орошо-бо (без ущерба смыслу).

Сравним теперь пример, где в зависимой части названа жизненная фаза: здесь единственно возможная – форма с послелогом *хойноо*:

<i>үбгэр-һэн</i>	<i>хойн-оо</i>	<i>суглаан-да</i>	<i>харгыл-даг</i>	<i>боло-бо</i> стареть-
pc.pst	pstp-refl	собрание-dat	ходить-pc.hab	aux-pst
<i>гү-б</i>				
q-1sg				

‘После того, как постарел, я на собрания начал ходить что ли?’ (С. Цырендоржиев *Үбгэдтэ – мэн-дэ* 1977; Бурятский корпус).

Опрос информантов показал, что в этом предложении остальные послелоги грамматически возможны, но неестественны (так не говорят):

* *үбгэр-һэн-эйн-гөө удаа*/* *үбгэр-һэн-эйн-гөө һүүлдэ*/* *үбгэр-һэн-эйн-гөө һүүлээр*.

Таким образом, “отрицательный языковой материал” послужил доказательством для утверждения наших выявленных оппозиций.

Итак, наши предположения относительно дифференцирующих оппозиций подтвердились в ходе лингвистического эксперимента: чисто стилистическим ограничением характеризуется конструкция с послелогом *удаа* ‘после того, как’ (книжный стиль), стилистическим и функциональным – конструкция с послелогом *хойно* ‘после того, как’ (разговорный стиль, специализация на выражении меры времени), стилистическим и семантическим – конструкция с *һүүлээр* ‘после того, как’ (разговорный стиль, может передавать оттенок растянутости); нейтральной является конструкция с послелогом *һүүлдэ* ‘после того, как’.

Таким образом, лингвистический эксперимент является важным этапом в верификации выдвигаемых стилистических и семантических оппозиций при дифференцировании квазисинонимических конструкций.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. О некоторых дискуссионных вопросах теории семантики (ответ Н. Ю. Шведовой) // Вопросы языкознания. № 1. 1971. С. 23–36.
- Санников В. З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянской культуры, 2008. 640 с.
- Селиверстова О. Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 959 с.
- Скрибник Е. К., Даржаева Н. Б. Грамматика бурятского языка. Синтаксис сложного (полипредикативного) предложения. Том I. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 315 с.
- Сухотин В. П. Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке. Глагольные словосочетания. М.: АН СССР, 1960. 160 с.
- Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988. 656 с.
- Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2002. 254 с.
- Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 24–39.

Список источников

Бурятский корпус - http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru
Дамб. – Г.-Д. Дамбаев. Гунсэмаа. Улаан-Үдэ, 1973.

N. B. Darzhaeva

Linguistic Experiment on the Differentiation of Buryat Quasi-Synonymous Bipredicative Constructions of General Consequence

The article describes the use of a linguistic experiment in verifying the results of differentiation of quasi-synonymous bipredicative constructions of general consequence in the Buryat language. Constructions that express similar semantic values with differing shades of meaning, or style, are called quasi-synonymous. The linguistic experiment in this study is a series of verification methods for the preliminary hypothesis: the transformation method, introspection, observation, interviewing, an additional analysis of ‘negative language material’.

Keywords: polypredicative syntax, synonymy of polypredicative constructions, linguistic experiment, Buryat language.

ВОПРОСЫ ГЛАГОЛЬНОЙ И ИМЕННОЙ МОРФОЛОГИИ

УДК: 811.512

Т. Н. Боргоякова

Научно-исследовательский центр национальных проблем образования Федерального института развития образования Российской академии народного хозяйства и Государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, borgatyana@rambler.ru

Система временных форм глагола в тюркских языках Южной Сибири (на материале хакасского языка)¹

Статья посвящена временным формам тюркских языков Южной Сибири, вопросам выявления их базовых значений и определения места внутри функционально-семантического поля (далее ФСП). В процессе анализа функционально-семантических характеристик все множество временных форм распределилось по следующим трем группам: а) формы с собственно временным значением; б) формы с видо-временным значением; в) формы с модально-временным значением.

Ключевые слова: временные формы, функционально-семантическое поле, базовое значение временных форм, модальность, глагольно-аналитические конструкции.

Одним из важных направлений исследования сибирских тюркских языков является глагол. Сложная система временных форм, представляющая собой одну из специфических черт грамматического строя тюркских языков Южной Сибири, остается в центре внимания лингвистов [Широбокова 2005, Шамина 2010, Тазранова 2005; Черемисина, Озонова, Тазранова 2008].

В данной статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы системы временных форм хакасского и других близкородственных языков. В настоящее время, благодаря статьям, грамматикам, диссертационным исследованиям и монографиям, посвященным временным формам, глагольным аналитическим конструкциям, имеется возможность сравнить временную систему хакасского языка с материалами других языков и уточнить их семантику и функции.

Традиционно, в современном хакасском языке все множество временных форм распределяется по трём временным планам. Будущее время имеет простую структуру, в которой имеется всего один показатель – синтетическая форма на *-ар*. Настоящее и прошедшее времена имеют сложные структуры. Настоящее время представляют четыре синтетические и три аналитические формы с бытийными глаголами (настоящее время на *-ча*, настоящее время на *-чадыр*, настоящее обычное на *-адыр*, настоящее время на *-ыр*; настоящее время на *-п одыр*-, *-п тур*-, *-п чör*-). Прошедшее время в структурном отношении является самым сложным. Его представляют восемь синтетических форм: недавнопрошедшее время на *-ды*, прошедшее неопределенное на *-ган*, прошедшее обычное на *-чаң*, прошедшее определенное на *-чатхан*, прошедшее время на *-иган*, прошедшее заглазное на *-птыр*, прошедшее ещё не осуществлённое действие на *-галах*, прошедшее время на *-чых*.

Всё множество временных форм в поле настоящего и прошедшего времен можно распределить по следующим группам: формы с собственно временным значением (*-ча*, *-ган*, *-ар*); формы с видо-временным значением (*-ыр*; *-п одыр*-, *-п тур*-, *-п чör*-; *-чатхан*, *-иган*); формы с модально-временным значением (*-чадыр*, *-адыр* *-ды*, *-птыр*, *-галах*, *-чаң*, *-чых*).

Формы с собственно временным значением. Прошедшее времени на *-ган*/*-ген*/*-хан*/*-кен*/*-ан*/*-ен* достаточно хорошо описана на материале разных тюркских языков, в том числе и сибирских. Нередко в научной литературе встречается мнение, что форма на *-ган*, как и форма на *-мыш*, может выражать значения результативности и недостоверности [Щербак 1981: 92–93]. В хакасском языке эти значения выражаются специальными формами, поэтому *-ган* отличается от *-мыш* именно отсутствием в его семантической структуре этих двух компонентов значения – результативности и недостоверности. Действительно, форма на *-ган* в каждом языке имеет свои особенности, связанные с его функционально-семантическими характеристиками. В грамматике хакасского языка отмечается,

¹ Работа выполнена в рамках проекта 18.16 «Разработка концептуальных основ двуязычной общеобразовательной деятельности на языках из числа языков народов России» государственного задания РАНХиГС при Президенте РФ.

что «форма на *-ган* обозначает действие, имевшее место в неопределенном прошлом. Она лишь «констатирует факт совершения действия в прошлом» [Словарь 457; ГХЯ 1975: 211].

В грамматике же тувинского языка значения «недатированное и давнопрошедшее» рассматриваются как вторичные (условные) признаки, а «сам факт совершения действия в неопределенном прошлом, его результат» – в качестве основного значения [ГТЯ 1961: 372–273]. В специальном исследовании Б. Ч. Ооржак, посвященном временной системе тувинского языка, в качестве базового значения формы на *-ган* автор выделяет немаркированное прошедшее время, а также перфектное (результативное) и вневременное значения. Аналогичные свойства отмечены В. И. Рассадиным при описании формы на *-ган* на материале тофского языка. Он подчеркивал, что основным значением формы на *-ган* является «сам факт совершения действия в неопределенном прошлом и его результат» [Рассадин 1978: 211]. Э. Ф. Чиспияков называет «прошедшее время на *-ган* (давнопрошедшим)», а его значение определяет как обозначение действия, совершившегося в прошлом, но не приуроченного к определенному моменту [Чиспияков 1992: 80]. Значение результативности не отмечается в качестве важного компонента семантической структуры этой формы ни в хакасском, ни в шорском языках, тогда как для тувинской и тофской форм значение результативности является значимым компонентом семантики.

Таким образом, для семантической структуры хакасской формы на *-ган* главным является выражение действий или состояний, имевших место до момента речи в плане абсолютного прошлого. Отмеченное выше название «прошедшее неопределенное время» вполне согласуется с её функционально-семантическими характеристиками. Эта форма находится в центре функционально-семантического поля (далее ФСП) прошедшего времени, благодаря тому, что в ней значение времени является немаркированным. Она не осложнена дополнительными оттенками значения – аспектualityю, модальностью или эвиденциальностью. Эта особенность отличает её от других форм времени, поэтому она свободно сочетается со всеми лексико-семантическими группами глаголов, имеет высокий уровень частотности употребления и весьма широкие функции. Форма на *-ган* занимает аналогичное положение и в других тюркских языках.

Форма настоящего времени на *-ча/-че*, *-пча/-пче* широко распространена в современном хакасском языке и является основным средством выражения настоящего времени, которое не осложнено дополнительными оттенками смысла. Определяемое этой формой время часто нуждается в уточнении. Такими уточнителями бывают сочетания вспомогательных глаголов с дееспричастиями. Она является очень близким синонимом формы на *-чадыр*, которая сохраняет слабо выраженный оттенок утвердительной модальности благодаря частице *-дыр*. Сравним примеры: 1) *пар=ча* ‘идёт’ и 2) *пар=ча=дыр* ‘идёт’. В первом примере – констатация факта, во-втором – описание действия. Базовое значение формы не меняется, но частица *-дыр* вносит в неё субъективную оценку действия говорящим, подчеркивая, что оно происходит в реальном конкретном времени; информация приобретает описательный характер с оттенком уверенного утверждения, а не простой констатации факта, как это можно видеть в первом примере. Эта разница оказалась незначительной и в современном хакасском языке форма на *-ча* практически вытеснила *-чадыр* из употребления. В настоящее время *-чадыр* сохраняется в фольклорных текстах, иногда встречается в художественных произведениях раннего периода, почти не используется современными авторами и в разговорной речи носителей языка.

Формы на *-ган*, *-ча* и *-ар*, выражая действия в прошлом, настоящем и будущем, представляют собой три противоположности относительно момента речи. Обозначаемое ими время их разводит, а сфера употребления объединяет: 1) форма на *-ган* употребляется для обозначения действий, которые обычно, часто, всегда, вообще происходили в прошлом, при этом точное время протекания этих действий не определено; 2) форма на *-ча* употребляется для обозначения обычных, регулярно повторяющихся действий, не соотнесенных с моментом речи, или действий, относящихся к настоящему времени в широком смысле слова; 3) форма на *-ар* употребляется для обозначения, однократных действий, которые произойдут в будущем. Согласно статистике именно эти формы, обладая обобщенным значением времени, чаще других вступают в сочетание со средствами, выражающими модальность или аспектualityю. Все остальные временные формы изначально сочетают в себе временное значение с видовым, модальным или каким-нибудь другим значением.

Формы с видо-временным значением. Формы *-ир* и *-иган* имеют в своей структуре один общий элемент «и», который ограничивает сочетаемость этих форм (только с глаголами *пар-* и *кил-*) и определяет характер видовой семантики (наблюдаемая процессуальность), а аффиксы *-р* и *-ган* определяют время действия (настоящее/прошедшее). Времена *-п одыр-*, *-п тур-*, *-п чөр-* выражают

длительность действия в настоящем времени, а *-чатхан* выражает прошедшее длительное действие. Первая группа образует оппозицию форме на *-чатхан*. Конструкции с бытийными глаголами образуют синонимический ряд, в котором каждая сохраняет специфику своего значения и сферы употребления, о чем свидетельствует примерно одинаковая частотность употребления и их устойчивая позиция в системе языка.

Модально-временные формы. В эту группу вошли очень разные по характеру выражаемых отношений формы: *-ды*, *-галах*, *-чаң*, *-чых*, *-нтыр*, *-чадыр*, *-адыр*. Формы *-ды* и *-галах* функционально достаточно близки друг к другу, поскольку обе имеют прямое отношение к моменту речи: *-ды* выражает наличие результата действия к моменту речи, форма *-галах* выражает ожидаемый результат. Если границу между прошлым и будущим определяет момент речи, то следует включить форму на *-галах* в ФСП будущего времени, как это сделано в тувинском языке – будущее ожидаемое время [ГТЯ 1961:391].

Формы на *-нтыр* и *-чых* выражают прошедшее время и оценку достоверности информации. Форма на *-нтыр* подчеркивает, что действие происходило в прошлом, но нет прямого источника информации о нем. Формой прошедшего времени на *-чых* выражается уверенное утверждение говорящим о действии.

Формы *-чадыр* и *-адыр* представляют определенный интерес для лингвистов из-за аффикса *-дыр*, который усиливает значение базовой формы. Благодаря этому аффиксу, неопределенное настоящее становится определенным, конкретным, частью конкретной ситуации, например: *парча – андар парчадыр* ‘уходит – туда уходит’. Форма широкого настоящего *-ар* под влиянием аффикса *-дыр* выражает действия, которые носят закономерную повторяемость, не ограниченную временными рамками. Формы *-чаң* и *-адыр* тоже могут быть объединены в одну группу с учетом их функционально-семантических характеристик: они выражают обычные действия и отличаются временем употребления (прошедшее/настоящее).

Взгляд исследователей других тюркских языков на структуру формы на *-адыр* отличается от нашего. В тувинском языке форма рассматривается как сочетание слитного деепричастия на *-а* с частицей *-дыр*. Мнения расходятся при определении названия этой формы и её значения [ГТЯ 1961: 383; Ооржак 2014: 88, 114]. В тофском, алтайском и хакасском языках она рассматривается как сочетание деепричастия на *-а* с аффиксом *-дыр* (< *тур-* ‘стоять’) [ГХЯ 1975: 204; Рассадин 1978: 201; Тазранова 2005: 27].

Анализ материалов хакасского языка дает основание предположить, что эта форма представляет собой сочетание формы настоящего неактуального на *-ар* с частицей *-дыр*, где *-р* выпал в процессе стяжения *-адыр*, например: *Прай ѓсчоткен ниме тїріг пол-адыр* ‘Все, что растет, бывает живым’. Временная форма не относит действие ни к прошлому, ни к будущему, и нельзя утверждать, что оно локализовано только в настоящем. В плане широкого настоящего ею акцентируется существующий порядок вещей, правило, закономерность или повторяемость действия. Действие совершается постоянно, независимо от течения времени. В тюркологии отмечается, что форма *-р* может выражать три граммы: настоящее неотносительное, будущее неотносительное, настоящее в будущем [СИГТЯ 1988: 404]. Согласно мнению Э. А. Груниной, памятники древнетюркской письменности отразили такое состояние индикатива, в котором настоящее-будущее на *-(⁰)г* «выступало со значениями настоящего актуального, настоящего общего (в том числе и со значениями действия, не локализованного во времени) и будущего (потенциального и будущего намерения)» [Грунина 1976: 94]. Многозначность формы на *-р* можно проследить на примере одного хакасского языка: *-ар/-бас* является аффиксом будущего времени; *-ар-чых* – аффиксом сослагательного наклонения; *-адыр* (< *-ар-дыр*)/ *-ар чогыл*) – аффиксом широкого настоящего времени, выражающим вневременное значение.

В заключение хотелось бы отметить, что в рамках данного исследования была дана общая картина о временных формах хакасского языка. Особое внимание было уделено определению базового значения финитных временных форм *-ар*, *-ган*, *-ча*. Неопределенность временного значения этих форм почти всегда требует специальных средств для уточнения времени действия. В таком случае важно уметь разграничивать временное значение от других компонентов значения – модальности и аспектuality.

Список литературы

- Грамматика хакасского языка*. М.: Наука, 1975. 418 с.
- Грунина Э. А.* О форме настоящего-будущего на -(⁰)г в тюркских языках // *Тюркологические исследования*. М.: Наука, 1976. С. 94 – 111.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А.* Грамматика тувинского языка. М.: Изд. вост. лит., 1961. 472 с.
- Ооржак Б. Ч.* Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014. 184 с.
- Рассадин В. И.* Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 287 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология*. М.: Наука, 1988. 560 с.
- Тазранова А. Р.* Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 228 с.
- Черемисина М. И., Озонова А. А., Тазранова А. Р.* Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: Изд-во «Любава», 2008. 205 с.
- Чистяков Э. Ф.* Учебник шорского языка. Кемерово: Кемеровское книжное из-во, 1992. 318 с.
- Широбокова Н. Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 269 с.
- Шамина Л. А.* Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск, 2010. 240 с.
- Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Глагол. Л.: Наука ЛО, 1981. 183 с.

T. N. Borgoyakova

The System of Verb Tenses in the Turkic Languages of Southern Siberia (on the Material of the Khakas Language)

The article is devoted to the temporal forms of Southern Siberian Turkic languages, the issues of identifying their basic values and determining the place within the functional-semantic field (hereinafter FSP). In the process of analysis of functional and semantic characteristics, all tense forms were divided into the following three groups: a) forms with the actual time value; b) forms with the aspect-time value; c) forms with the modal-time value.

Keywords: tense forms, functional-semantic field, basic meaning of tense forms, modality, verbal-analytical constructions.

Л. А. Ильина

*Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Ludil60@mail.ru***Сенсорно-эвиденциальные глагольные формы и граммы в диахронии
самодийских и юкагирских языков**

На материале текстов самодийского и юкагирского (верхнеколымского) традиционного фольклора выявлено выделение грамматическими средствами двух функционально-семантических зон сенсорной эвиденциальности: зоны незрительной чувственной засвидетельствованности с базовой семантикой, указывающей на слуховой источник информации о невидимой референтной ситуации, и зоны косвенной зрительной засвидетельствованности с базовой семантикой, указывающей на неотчетливое зрительное восприятие ситуации. Прослежены функционально-семантические параллели.

Ключевые слова: грамматикализованная сенсорная эвиденциальность, самодийские языки, юкагирский (верхнеколымский) язык.

В языках, имеющих детализированную систему эвиденциальных глагольных форм и грамм, центральная категориальная оппозиция прямой /косвенной засвидетельствованности реализуется в нескольких вариантах. Каждый из этих вариантов ее реализации образует относительно самостоятельную подсистему или субкатегорию внутри категориальной парадигмы эвиденциальности. Одной из таких подсистем или субкатегорий является сенсорная эвиденциальность. В нее включены и взаимопротивопоставлены сенсорно-эвиденциальные глагольные формы и граммы, указывающие на чувственные источники информации о сообщаемом факте – зрительные или незрительные (слух, осязание, обоняние, внутренние ощущения).

Глагольные формы и граммы чувственной засвидетельствованности имеются в ряде северноазиатских языков и во многих языках Северной и Южной Америки [см.: Chafe, Nichols (eds.) 1986; Willet 1988; Козинцева 1994; Плунгян 2000: 324]. Н. А. Козинцева в известной статье «Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа)» на основании лингво-типологического обобщения описаний глагольных грамм чувственной засвидетельствованности ряда индейских языков писала: «Чувственное восприятие может детализоваться как: а) зрительное, б) слуховое, в) основанное на общих ощущениях» [Козинцева 1994: 93]. Грамму зрительного восприятия Н. А. Козинцева трактовала как прямую засвидетельствованность, а граммы слухового восприятия и «общих ощущений» – как косвенную засвидетельствованность.

На языковом материале архаичных текстов традиционного фольклора самодийцев и верхнеколымских юкагиров прослеживается субкатегория сенсорной эвиденциальности, которая образуется оппозицией граммы, указывающей в базовом значении на отчетливое зрительное восприятие ситуации, и граммы, указывающей на незрительное чувственное восприятие невидимой ситуации. Мы считаем эту оппозицию наиболее древней, диахронически ранней, поскольку в ней наиболее эксплицитно отражена фундаментальная ментальная оппозиция древнего мифологического мышления – оппозиция видимого и невидимого и поскольку эта оппозиция обнаруживается только в языках, обслуживающих или обслуживавших в недавнем прошлом традиционные этнические культуры древнего происхождения.

В процессе функционально-семантической эволюции глагольной категории эвиденциальности граммы отмеченных оппозицией утрачивают диахронически ранние базовые значения и приобретают новые значения, более грамматически абстрактные. Вследствие этого функционально-семантические зоны сенсорной эвиденциальности, в диахронии дифференцированные и закрепленные за разными граммами, могут объединяться и закрепляться за одной граммой с абстрактным эвиденциальным значением.

На языковом материале ненецкого, северноселькупского и юкагирского (верхнеколымского) языков прослеживается процесс объединения двух функционально-семантических зон сенсорной эвиденциальности:

Зона незрительной чувственной засвидетельствованности. В диахронии самодийских и юкагирских языков она была закреплена за глагольными формами «аудитива», которые в диахронически ранних базовых значениях указывали на слуховое восприятие невидимой ситуации;

Зона косвенной зрительной засвидетельствованности. В диахронии селькупского языка она была закреплена за глагольной формой латентива, которая в диахронически раннем базовом значении указывала на неотчетливое зрительное восприятие ситуации: издали, мельком, смутно, в шаманском сне.

Процесс функционально-семантической эволюции этих двух сенсорно-эвиденциальных форм реализуется по-разному в самодийских и юкагирском языках и иллюстрируется примерами их употребления в самодийских и юкагирских полипредикативных сенсорно-эвиденциальных высказываниях архаичного типа. В них роль сказуемого модусной части выполняет глагол слухового восприятия с основным значением 'слушать', а роль сказуемого диктумной части – глагольная форма «аудитива».

Проиллюстрируем процесс функционально-семантической эволюции примерами из самодийских языков:

1. Примеры традиционного употребления форм незрительной чувственной засвидетельствованности (аудитива) в ненецком и северноселькупском языках. Показатели аудитива: нен. =won(o)=, =mon(o)=; сельк. =kunä=, =kunj=.

(1) нен. *Тарем' инзелеб'нани: тасий яха' нарохона хибяхава пинда=вон=да* (AUD=3SG), *тубкан-да марнари* 'Так **слушаю** я: внизу в роще кто-то, **слышно**, **рубит** дерево, только топор стучит' [Куприянова 1965: 682; 691];

(2) сельк. *(JomBa) ukkyr çonDōqyt niļçik ynDyñit̃: qur tap paçit̃=kunæ* (AUD=3SG) '(Йомпа) вдруг так **слышит**: человек это **рубит** (слыхать)' [Прокофьев 1935: 104].

Для языка ненецкого традиционного фольклора прослежено следующее правило: если в роли сказуемого модусной части употребляется глагол слухового восприятия, то в роли сказуемого диктумной части грамматически обязательна форма аудитива.

2. Для языка традиционного северноселькупского фольклора данное правило на документированных срезах уже не адекватно. В традиционную функционально-семантическую сферу аудитива транспозировалась форма латентива, которая в диахронически раннем значении указывала на неотчетливое зрительное восприятие ситуации.

Традиционное употребление формы косвенной зрительной засвидетельствованности (латентива):

(3) сельк. *(Jca) Mannympaty: ħaryt qoltōqyt etāt kuralymmy=nt̃=tyt* (LAT=3PL) [Кузнецова и др. 1993: 13; 52] '(Ича – герой мифов) **Смотрит** (**видит**): на полосе тундры олени **ходят=видно**.'

Пример транспозиции формы косвенной зрительной засвидетельствованности (латентива) в функционально-семантическую зону незрительной чувственной засвидетельствованности, традиционно закреплённую за формой аудитива:

(4) сельк. *Mattympaty pōmt̃y, ukkyr contōt ünkylytpaty: ijal'a cūry=nt̃=y* (LAT=3SG) 'Рубит дерево, вдруг **слышит**: ребенок **плачет**' [Кузнецова и др. 1993: 42; 87].

В языке колымских юкагиров аналогичный эволюционный процесс объединения функционально-семантических зон незрительной чувственной засвидетельствованности и косвенной зрительной засвидетельствованности был реализован иначе, чем в селькупском языке. В функционально-семантическую зону косвенной зрительной засвидетельствованности в юкагирском языке транспозировалась форма "аудитива", которая в диахронически раннем базовом значении указывала на слуховое восприятие невидимой ситуации, то есть традиционно была закреплена за семантической зоной незрительной чувственной засвидетельствованности.

Показатель "аудитива" в юкагирском языке – аналитическая форма: деепричастие на *(l)lä + mōd=(mēd=)*, восходящий к основе глагола *mōdi=(mēdi=)* – 'быть слышным', 'звучать'.

Пример традиционного употребления формы незрительной чувственной засвидетельствованности «аудитива» в юкагирском языке:

(5) юк. Контекст. Старик подходит к своему жилищу (урасе) и по звучащему пению узнает, что его жена жива.

Пудāt māřičāi: tāřikāidiā jāxmāllā mōdič (AUD=3SG)

'Со двора **прислушивается**: старушка как **поет**, **слышно**' [Иохельсон 2005: 3]

jāxmāllā mōdič (букв. поюще слышна)

Пример транспозиции формы незрительной чувственной засвидетельствованности (аудитива) в функционально-семантическую зону косвенной зрительной засвидетельствованности:

(6) юк. Контекст. Из урасы сбежал ранее пойманный заяц.

Täprikäädäi nukčäč, j'odäi: nanmad- iñlän nämlä mödöč (AUD=3SG)

‘Старушка выскочила, **посмотрела**: у опушки тальников бег (его) виднеется’ [Иохельсон 2005: 3]
nämlä mödöč (букв. бегая слышен → бегая виднеется).

Список литературы

Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. №3. 1994. С. 92–104.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000. 384 с.

Chafe, W. & Nichols, J. (eds.) Evidentiality: the linguistic coding of epistemology. Norwood, 1986. 352 p.

Willett, T. Across-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality. In: Studies in language. 12. 1. 1998. Pp. 51–97.

Список источников

Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск, 2005.

Кузнецова А. И., Казакевич О.А., Иоффе Л.Ю., Хелимский Е.А. Очерки по селькупскому языку. М., 1993.

Куприянова З. Н. Эпические песни ненцев. М., 1965.

Прокофьев Г. Н. Селькупский язык. Тазовский диалект. Л., 1935.

L. A. Ilyina

Sensory Evidential Verbal Forms and Grammemes in Diachrony of Samoyedic and Yukaghiric languages

Using the material of Samoyedic and Yukaghir (Upper Kolyma) traditional folklore, the grammatical means of two functional-semantic zones of sensory evidentiality were identified: a zone of non-visual sensory evidentiality having the basic semantics indicating an auditory source of information about an invisible reference situation, and a zone of indirect visual evidentiality having the basic semantics indicating vague visual perception of the situation. The functional semantic parallels are shown.

Keywords: grammaticalized sensory evidentiality, Samoyedic languages, Yukagir (Upper Kolyma) language.

С. И. Шарина
ИГиЛПМНС СО РАН, Якутск, sarshar@mail.ru

Функционирование причастий в ламунхинском говоре эвенского языка

Состав причастных форм в ламунхинском говоре эвенского языка представлен значительно шире, чем в восточных говорах. Фиксируется употребление ранее не выявленных в говоре причастий: долженствовательного, страдательного, возможного действия со значением долженствования. На основании морфологических критериев и семантического наполнения обособляются в отдельные разряды перфектное причастие и причастие удобства для совершения действия.

Ключевые слова: эвенский язык, ламунхинский говор, причастия.

Причастие традиционно относится к инфинитным формам глагола, наряду с деепричастием. В эвенском языке их различение и отнесение к различным грамматическим классам, обладающим определенными грамматическими категориями и семантикой, не вызывает особых трудностей. Однако, насколько можно судить по материалам недостаточно изученных и не имеющих систематического описания говоров и диалектов, отмечается функционирование форм, которые отсутствуют в существующих описаниях эвенского языка. Следует также подчеркнуть и наличие некоторых нерешенных вопросов и спорных точек зрения, связанных с составом и грамматическим статусом причастных и деепричастных форм эвенского языка.

В данной связи более детальное рассмотрение наиболее употребительных в эвенском языке отглагольных образований – причастий – в одном из интереснейших эвенских говоров – ламунхинском – важно для пополнения данных по частным вопросам морфологии и синтаксиса в области тунгусо-маньчжурского языкознания.

В ламунхинском говоре, в отличие от других говоров восточного и западного наречия, причастия представлены более разнообразно. При описании данного говора Р. П. Кузьмина отмечает функционирование причастий настоящего времени (суфф. *-ри/-ди/-ти*), прошедшего времени (*-ча/-чэ, -даң/-дэу, -таң/-тэу*), недавнопрошедшего времени (*-мат/-мэт*), давнопрошедшего времени (*-тла/-тлэ*), будущего времени (*-диңа/-диңэ, чиңа/-чиңэ, -бган/-бгэн/-бгөн*) [Кузьмина 2010: 52–53].

Форманты, отнесенные в группу морфологических показателей причастия прошедшего времени, имеют некоторые различия. Рассмотрим примеры: *Намичан һутчэһни бэрипчэ, абагэ-гү тэданча, үлэуки-гү дэбчэ* ‘У важенки потерялся олененок, то ли медведь задрал, то ли волк съел’; (1) *Ноһон, һайуңчав бдай, индэндэй дэмкаттан* ‘Он думал остаться еще на один день, чтобы отремонтировать сломанное’. (2) Причастие, образуемое при помощи суффикса *-ча/-чэ*, при его предикативном (1) и атрибутивном (2) употреблении обозначает завершенное действие.

Причастная форма на *-даң/-дэу, -таң/-тэу* также имеет значение прошедшего времени, например: *Бэйөл ноһман алачалдаһатна гэр бдһи* ‘Люди давно его ждали’; *Олукагду толкумтадаһи дбһни* ‘Вдруг вспомнил про то, что снилось’; *һбйав аһуанив буйустэһэн, уһамкамидаһан, һэгэһу һэпкүдэһэн* *һбйаду ноһман таткаттин* ‘То, что он много лет охотился, ходил на горного барана, ловил соболя, многому его научило’.

Синтаксические функции причастия на *-даң/-дэу, -таң/-тэу* могут быть определены как функции вторичного предиката (аналог определительных придаточных конструкций). В атрибутивной и предикативной функциях данные формы, по нашим наблюдениям, не употребляются. Как показывают примеры, причастная форма на *-даң/-дэу, -таң/-тэу* имеет значение незавершенности или относительного предшествования. Поэтому причастие с суффиксом *-ча/-чэ* можно называть **перфектным причастием**.

Из выделенных формантов причастия будущего времени следует обособить показатели *-бган/-бгэн/-бгөн*, которые образуют отдельные причастия, выражающие отсутствие препятствия при совершении действия: *таһабган киһигэ* ‘удобная для чтения книга’, *һулгэбган бидэй* ‘чтобы не было препятствий при кочевке’. Примеры: *Ноһон һав-да гһһин һан тэһэһин, һб уһолобган* ‘Что бы он ни говорил и рассказывал, все удобно для понимания’; *Бөһкэтэ бими, төһлибган*; ‘На сопке удобно собирать ягоды’. Данная форма названа В. А. Роббеком **причастием удобства для совершения действия** [Роббек 2007: 528].

По нашим данным в ламунхинском говоре употребительна форма **долженствовательного причастия** с суффиксом *-нна/-ннэ*. Примеры: *Бадикар бадич балаккадук нѳдникэн hihэчин ѳк мучуннай он-дакит этэнни hār* ‘Уйдя из палатки рано утром, когда должен будет возвратиться вечером, не знает’; (3) *Эрѳв инѳуив ѳав нѳкэннѳй, ѳмѳн иландули илѳ исаннай, ѳав ѳчиннай hамулкаваттан* ‘Раздумывает, чем сегодня должен будет заниматься, куда должен будет пойти за один месяц, что должен сделать’; (4) *Ирѳв-таров дѳдану нѳкурдук ганнав биhин* ‘Всеякие вещи должен был забрать из лабаза (я)’; (5) *Иhаннавур тѳррѳ эдлѳн hатаралла иhракатно ай биннѳвѳн hār* ‘Знают, что должно быть хорошо, если доедут до места, куда должны доехать, до наступления сумерек’. (6)

Долженствовательное причастие в говоре может оформляться лично-притяжательными суффиксами (5, 6), возвратно-притяжательными суффиксами (3, 4, 6) и принимать падежные суффиксы (6).

В ламунхинском говоре отмечается функционирование причастной формы, которая отсутствует в существующих описаниях эвенского языка, хотя ее можно встретить и в восточных, и в западных говорах [Шарина 2017]. Это **причастие возможного действия со значением долженствовательности** с суффиксом *-ука/-укэ*. Например: *Би унтов hауhауноуко биhив* ‘Я должна была сшить унты, вроде как’; *Эрѳв инѳуив мунак оуко биhин* ‘Сегодня вроде как должно состояться собрание’; *Ноуортон тарак тѳррѳ нѳлгѳнкѳ биhитнѳ* ‘Они, вроде как, должны перекочевать на ту землю’.

В ламунхинском говоре форма причастия возможного действия со значением долженствовательности не изменяется по числам, падежам и формам принадлежности. Почти во всех случаях причастие употребляется в сочетании со вспомогательным глаголом *бидѳй* ‘быть’.

В ламунхинском говоре отмечается употребление **страдательного причастия** на *-на*. Данное причастие рассматривалось В. Д. Лебедевым как результивное [Лебедев 1978: 90; Лебедев 1982: 113]. Судя по семантике и отсутствию морфологических залоговых показателей, встречающихся в причастиях других разрядов, данная грамматическая форма является пассивным (страдательным) причастием. Примеры: *Адив-да инѳуив бѳрнѳв hирчав гѳлѳттѳм* ‘Несколько дней искал (мою) потерянную дойную важенку (я)’; *Айѳвна буги hѳ ѳѳарам* ‘Любимую родину очень берегу’.

В говоре отмечается высокая частотность употребления перфектного причастия, причастия прошедшего времени, менее активно употребляются причастия недавнопрошедшего и давнопрошедшего времени.

Кроме вышеперечисленных причастий, следует остановиться на одной аналитической конструкции с предикатным актантом, выраженной глагольной основой с суффиксом *-уа/-уэ*, к которой добавляется финитная форма отрицательного вспомогательного глагола со значением «не мочь, быть не в состоянии». В грамматических работах и диалектных описаниях по эвенскому языку статус данной формы четко не определен, хотя она встречается во всех описанных говорах и диалектах. В. И. Цинциус относил форму на *-уа/-уэ* к причастиям с некоторым сомнением [Цинциус 1947: 210]. При описании ольского говора К. А. Новикова отмечала его как причастный формант [Новикова 1980: 103]. Однако далее, при описании причастий ольского говора, данный формант автором не классифицируется в числе причастных показателей. Вслед за указанными авторами В. Д. Лебедев отмечает наличие данной формы в говорах эвенов Якутии [Лебедев 1978: 91]. При описании охотского диалекта он называет данную форму отрицательно-неопределенным причастием [Лебедев 1982: 116]. В последующих исследованиях по эвенскому языку и его диалектов эта форма не классифицируется как причастие, хотя формант обнаруживается во всех описанных восточных и западных говорах. Так, Х. И. Дуткин при описании аллаховского говора также отмечал его наличие [Дуткин 1995: 48].

Причастию как самостоятельному грамматическому классу присуща собственная семантика и определенные морфологические категории. Сомнения и неуверенность исследователей эвенского языка при отнесении форманта *-уа/-уэ* к причастным формам, видимо, объясняются неопределенностью грамматического статуса и несоответствием грамматических особенностей формы на *-уа/-уэ* причастиям, обозначающим признак предмета по действию или само действие, соотносясь по семантике с прилагательными. Во-первых, важнейшим грамматическим признаком тунгусо-маньчжурских причастий считается категория времени, глагольная же форма на *-уа/-уэ* не обладает этой категорией непосредственно, вне финитного отрицательного вспомогательного глагола. Во-вторых, глагольные слова, оформленные суффиксом *-уа/-уэ*, не обозначают признак, возникший в результате действия, т. е. для них не характерен основной признак причастия. В-третьих, данная форма не склоняется, не принимает именной суффикс множественного числа и не имеет притяжательной формы. Так, основываясь на грамматических признаках, которые исключают наличие категории времени, падежное и притяжательное оформление формы, невозможность изменения по числам, мы склонны считать, что элемент *-уа/-уэ* не относится к причастным формам.

Глагольные слова, оформленные суффиксом *-һа/-һэ*, определяются как отдельная деепричастная форма эвенского языка, имеющая распространение во всех диалектах и говорах – восточных и западных. Предварительно они названы **деепричастиями невозможности/нежелания совершать действие** [Шарина 2018].

Итак, приведенное дает основание выявить следующие особенности в функционировании причастий в ламунхинском говоре:

1. На основании морфологических критериев в ламунхинском говоре выделяются ранее не выявленные в говоре причастия: долженствовательное (суффикс *-нна/-ннэ*), причастие возможного действия со значением долженствовательности (суффикс *-һка/-һкэ*), страдательное причастие (суффикс *-на*).

2. На основании семантического наполнения и морфологических критериев обособляются в отдельные разряды перфектное причастие (суффикс *-ча/-чэ*) и причастие удобства для совершения действия (суффикс *-бган/-бгэн/-бгөн*).

3. Из состава причастных форм исключается форма на *-һа/-һэ* и определяется как деепричастие невозможности/нежелания совершать действие (*-һа/-һэ* + финитная форма отрицательного вспомогательного глагола).

Список литературы

- Дуткин Х. И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб: Наука, 1995. 144 с.
Кузьмина Р. П. Язык ламунхинских эвенов. Новосибирск: Наука, 2010. 115 с.
Лебедев В. Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978. 208 с.
Лебедев В. Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982. 243 с.
Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Л.: Наука, 1980. 243 с.
Роббек В. А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. 725 с.
Цинциус В. И. Очерки грамматики эвенского (ламунтского) языка. Л., 1947. 270 с.
Шарина С. И. Причастие в нижнеколымском говоре эвенского языка // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2017. №4. С. 264–270.
Шарина С. И. О глагольной основе с суффиксом *-һа/-һэ* в эвенском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2018. №4 (3), С. 114–122. DOI: 10.22250/24107190-2018-4-3-114-122

Sardana I. Sharina

Functioning of Particles in Lamukhinskiy Dialect of the Even Language

Unlike the eastern dialects, the system of participle forms in the Lamukhinskiy dialect of the Even language is much wider in range. The use of previously unidentified participles is recorded: obligatory participle, participle denoting possible action with the meaning of obligation, and passive participle. On the basis of morphological criteria and semantics, the perfect participle and ‘participle of convenience’ are separated into different categories.

Keywords: the Even language, Lamukhinskiy dialect, participle.

А. А. Бурыкин

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, albury@mail.ru

**Особенности системы личных местоимений 3 лица
в тунгусских языках в контексте исторической морфологии
и синтаксиса тунгусо-маньчжурских языков**

В статье автор рассматривает формы 3 лица личных и лично-притяжательных местоимений в тунгусских языках (эвенк. *нуџан* 'он', 'его', *нуџартын* 'они', 'их'), отличающиеся от местоимений маньчжурского языка и тунгусских лично-притяжательных суффиксов. История этих суффиксов неясна и они остаются почти без внимания. Автор полагает, что эти местоимения первоначально появляются в зависимых предикативных конструкциях типа «я знаю, что он пришел», и позднее превращаются в формы независимого именительного падежа.

Ключевые слова: алтайские языки, тунгусо-маньчжурские языки, тунгусские языки, маньчжурский язык, личные местоимения, категория принадлежности, притяжательные суффиксы, синтаксис, зависимые предикаты.

Личные местоимения в алтайских языках, с одной стороны, показывают хорошо известное единство (ср. эвенк. *би*, монг. *би*, тур. *ben*, татар. *мин*, казах *мен* 'я', с другой стороны, различаются в существенных деталях (ср. эвенк. *бу* и монг. *ба* 'мы', эвенк. *су* и монг. *та* 'вы', эвенк. дат. пад. *минду* 'мне' и п.-монг. *nadur* 'мне', замена личных местоимений указательными в тюркских и монгольских языках и т.п.). Генетическая связь личных местоимений и посессивных суффиксов неоднократно была предметом внимания специалистов [Серебренников 1971; Лебедева 1981]. Местоимения тунгусо-маньчжурских языков представляют собой исключительно интересный объект для сравнительно-исторических исследований. На общеалтайском уровне эксклюзивна ценность отличий местоимений 3 лица современных тунгусских языков от маньчжурских, аналогичных монгольским и тунгусским и лежащих в основе посессивной парадигмы тунгусских языков. Внутри группы привлекает внимание и состав форм, принадлежащих к отдельным разрядам, и особенности словоизменения, и факты словообразования местоимений, способные сохранять морфологические реликты общеалтайского уровня, и проблема генезиса словоизменительных парадигм на уровне отдельных групп языков, на уровне подгрупп или отдельных языков и их относительной хронологии [Бурыкин 2015: 272–281].

Среди личных местоимений тунгусо-маньчжурских языков привлекают к себе внимание факты расхождений в формах личных местоимений 3 лица – здесь маньчжурские формы *и* 'он' и *чэ* 'они' противостоят необычно объемным по форме и имеющим сложную падежную парадигму местоимениям тунгусских языков, однако именно от них образуются притяжательные суффиксы 3 лица ед. ч. *-ин*, *-ни*, мн. ч. *-тин*, *-тан/-тэн*. Маньчжурские местоимения (ма. *чэ* < **ти*, доказываемое фактами исторической фонетики маньчжурского языка) соотносятся с притяжательными суффиксами тюркских языков *-ы/-и-*, *-сы/-си-*. Морфонологические варианты суффиксов *-ы/-и-*, *-сы/-си-*, как мы полагаем, восходят к паре суффиксов, различающихся по числу: утрата противопоставления по числу этих суффиксов в тюркских языках, похоже, является следствием морфонологических процессов, связанных с варьированием ауслаута основы [Бурыкин 2003: 21–22].

Личные местоимения 3 лица, совпадающие по форме с лично-притяжательными, в тунгусских языках имеют следующий вид: эвенк. *нуџан* 'он, она, оно', 'его, ее', *нун'артин* 'они'; сол. *ногартт* 'его, ее'; эвен. *ноџан* 'он, она, оно', 'его, ее', *ноџартан* 'они', 'их'; нег. *ноџан* 'он, она, оно', 'его, ее', *ноџтил* 'они', 'их'; орох. *нуан'* ~ *нуан'и* ~ *нунан'и* 'он, она, оно', 'его, ее', *нуати*, *нуаџти* 'они', 'их'; уд. 'он, она, оно', 'его, ее', *нуати* 'они', 'их'; ульч. *на:н*, *на:ни~но:ни* 'он, она, оно', 'его, ее'; *на:ти* 'они, их'; орок. *ноони~но:ни* 'он, она, оно', 'его', *ноочи* 'они', 'их'; нан. *н'оани* 'он, она, оно', 'его, ее', *н'оанчи* 'они', 'их' (ССТМЯ I, 611).

Инновационный характер этих местоимений внутри тунгусо-маньчжурской группы не вызывает особых сомнений. Ясна и относительная хронология появления этих форм: они могли образоваться только после того, как в тунгусских языках сложились и падежная парадигма, и посессивная парадигма, поскольку во всех языках местоимение 3 лица ед. ч. склоняется по образцу склонения существительных в притяжательной форме 3 лица ед. ч., а местоимение 3 лица мн. ч. – по образцу склонения существительных в притяжательной форме 3 лица мн. ч., и, кроме того, посессивные суффиксы следуют в словоформе за падежными. Более того, основа местоимения 3 лица, оканчивающаяся на *-н*,

ведет себя в парадигмах точно так же, как ведут себя существительные, образующие особый тип склонения с основой на неусеченное *-н* типа эвенк. *орон* 'олень'. В принципе понятно и то, что в составе формирования посессивной парадигмы тунгусских имен приняли участие протоманьчжурские формы местоимений 3 лица **и*, **ти* (в маньчжурском цепочка изменений **ти > чи > чэ* вследствие конвергенции заднерядных и переднерядных узких гласных в переднерядных вариантах и закономерного для маньчжурского языка перехода *и > э*), причем и в единственном, и во множественном числе посессивные формы образовались от косвенных форм местоимений, осложненных компонентом *-н* (для множественного числа это закономерное явление, из которого выпадают только еще более новые формы 1 лица мн. ч. инклюзива типа эвенк. *мит* 'мы и ты, мы и вы'; для единственного числа 3 лица компонент *-н* превратился в конституирующий элемент посессивного суффикса).

Тунгусские личные местоимения 3 лица почти не привлекали внимания отечественных исследователей, при том, что им посвящены 2 специальные работы японских тунгусоведов. Однако и Д. Икегами [Ikegami 1968], и спустя 40 лет С. Кадзама [Kazama 2008] в своих статьях обратили внимание преимущественно на то, что эти личные местоимения соотносятся с именами существительными, обозначающими лиц, но не с существительными, номинирующими неодушевленные предметы или животных.

Противопоставление имен активного и инактивного класса, или лица и не-лица для тунгусо-маньчжурских языков известно со времен неопубликованной кандидатской диссертации М. К. Максимова «К семантической классификации имен в монгольском, маньчжурском и нанайском языках» [1945]. Изыскания в области синтаксиса глагольных форм тунгусских языков показали, что то же противопоставление накладывает ограничения на возможности активно-пассивных преобразований в эвенском языке при невозможности образования пассивных конструкций от исходных активных конструкций с неодушевленным / инактивным объектом, но при наличии возможности образования пассивных конструкций от непереходных глаголов, если группа подлежащего в таких конструкциях выражена посессивным словосочетанием [Бурыкин 1984].

Поскольку генезис сложных морфологических форм непонятен без обращения к истории синтаксических конструкций, для объяснения образования форм личных местоимений 3 лица будет естественным обратиться к конструкциям с зависимыми причастными оборотами, являющимися аналогами сложных предложений. Напрашивается следующая гипотеза: местоимения со значением 'он, она, оно', 'они', в общетунгусском состоянии выступающие и как персональные (личные), и как посессивные местоимения, восходят не к местоимениям-подлежащим простого предложения, а к местоимениям, выражающим субъект зависимого действия. То есть местоимения типа эвен. *нон''ан* 'он', *нон''артан* 'они' выражали субъект действия в конструкциях типа «Я¹ знаю², что³ Семен⁴ пришел³» – «Би¹ Семен⁴ эмчэвэн³ харам²», «Я¹ знаю², что³ он⁴ пришел³» – «Би¹ нон''ан⁴ эмчэвэн³ харам²», и аналогично: «Я¹ знаю², что³ дети⁴ пришли³» – «Би¹ кун''ал⁴ эмчэвутэн³ харам²», «Я¹ знаю², что³ пришли³» – «Би¹ ноцартан⁴ эмчэвутэн³ харам²». Фактически получается, что тунгусские личные местоимения 3 лица восходят к формам косвенного падежа субъекта зависимого действия, который в части форм не совпадал с формой основного (именительного) падежа. Кроме того, конструкции этого же типа присутствуют при перформативных глаголах и глаголах речи: преобразование прямой речи в косвенную с заменой личной формы причастием [Цинциус 1981] является искусственным и присутствует только в письменных текстах. Превращение сегмента зависимого оборота в самостоятельную конструкцию, сопровождающееся повышением синтаксического статуса компонентов, отмечено в экспрессивном синтаксисе, ср эвен. *Эрэй¹, хунцэ² хунцэлривэн-е³* 'Ох¹, ветер² начинает³ дуть³', где единственный предикат выражен формой причастия в винительном падеже притяжательного склонения 3 лица ед. ч., или *Эрэй, хонривутэн-е* 'Ох, [они их <врагов>] рубят'.

Высказываемая гипотеза позволяет показать или предполагать наличие в тунгусских языках (в их архаическом состоянии) всех типов притяжательных конструкций, какие известны нам в тюркских языках. Тунгусо-маньчжурские аналоги изафета 1 типа эвен. *мо дю* 'деревянный дом' или *хэл хотаран* 'железная дорога' хорошо известны. Аналогом изафета 2 являются конструкции типа эвен. *мин дюв* 'мой дом', *хин дюс* 'твой дом' с вариантами эвен. (зап. диал.) *би дюв*, *хи дюс* (здесь какую-то роль в утрате притяжательных местоимений сыграла омонимия якут. *мин* 'я' и эвен. *мин* 'мой'). Аналогами изафета 3 для тунгусских языков оказываются, таким образом, не только эвенкийские «генитивные» формы на *-ци*, но и посессивные конструкции с местоимениями 3 лица, никогда не различавшими личных и притяжательных местоименных форм, а также, как надлежит думать, формы косвенной принадлежности имени тунгусских языков, поскольку семантическая трактовка этих форм как форм «отчуждаемой», «неорганической» принадлежности сильно проигрывает в убедительности той, согласно которой элемент *-ци*-, *-ц*- первоначально мог маркировать реального субъекта обладания в

трехчленных посессивных конструкциях с двумя посессивными формами 3 лица одного и того же числа типа *Семен толацан бедэлэн* 'Ножка стола Семена'.

Рассмотренные материалы позволяют увязывать факты сравнительно-исторической морфологии тунгусо-маньчжурских и других алтайских языков с данными исторического синтаксиса этих языков и объяснять различия между отдельными группами и подгруппами алтайских языков по направлению от общего к специфическому. Кроме того, «именительно-винительный» падеж подлежащего зависимой конструкции и сама эта конструкция может быть источником эргативной конструкции предложения после элиминации элемента конструкции с глаголом речи или перфоративным глаголом.

Список литературы

Бурькин А. А. Категория переходности-непереходности глагола в эвенском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984 (ЛЮ ИЯ АН СССР). 22 с.

Бурькин А. А. О происхождении вариантов притяжательного суффикса 3 лица *-ы/-ул/-сы/-си* в тюркских языках в свете истории местоимений и притяжательных суффиксов в тунгусо-маньчжурских языках // Языки Евразии: этнокультурологический аспект. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 19–20 ноября 2003 г. Уфа: Восточный университет, 2003. С. 21–22.

Бурькин А. А. Местоимения, посессивные суффиксы, личные суффиксы глаголов в алтайских языках: новый взгляд // *Alkiš bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov*. Сборник статей к 80-летию Д. М. Насилова. М.: МБА, 2015. С. 272–281.

Лебедева Е. П. О личных аффиксах у имен и глаголов в тунгусо-маньчжурских языках // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск, 1981. С. 38–46

Серебренников Б. А. К проблеме происхождения притяжательных суффиксов в тюркских и уральских языках // Фонетика. Фонология. Грамматика. М.: Наука, 1971. С. 277–282.

Цинциус В. И. Соотношение глагольных форм прямой и косвенной речи в эвенском языке // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения академика Л. В. Щербы. Л.: Наука, 1981. С. 278–281.

Ikegami J. The Orok third person pronoun *nooni* // *Ural-Altaische Jahrbucher*, 1968, Bd. 40/1, Pp. 82–84.

Kazama S. 'Third' person pronouns in Udihe and Nanai // *Linguistic Typology of the North*, vol. 1. Ed. by T. Kurebito. Tokyo, 2008. Pp. 141–153.

A. A. Burykin

Peculiarities of the System of Third Person Pronouns in Tungus languages in the Context of Historical Morphology and Syntax of Manchu-Tungus Languages

In this article, we examine the forms of third person and personally possessive pronouns in Tungus languages (evenk. *nungan* 'he', 'him', *nungartyn* 'they', 'them'), which differ from the pronouns of the Manchu language and Tungus personal possessive suffixes. The history of these suffixes is unclear and they remain almost unheeded. We maintain that these pronouns initially appear in dependent predicative constructs such as *I know that he came*, and later turn into forms of independent nominative case.

Keywords: Altai languages, Manchu-Tungus languages, Tungus languages, Manchu language, personal pronouns, category of ownership, possessive suffixes, syntax, dependent predicates.

В. В. Воробьева¹, И. В. Новицкая²¹Томский государственный университет, Томский политехнический университет²Томский государственный университет**Система именных маркеров в восточных диалектах хантыйского языка¹**

В данном исследовании представлены результаты, полученные в ходе сравнительного анализа системы именных морфологических маркеров в четырех диалектах языка восточных ханты (ваховском, васюганском, сургутском и салымском). Исследование было сосредоточено на именных маркерах трех присутствующих в языке категориях – числа, посессивности и падежа. В результате анализа были выявлены уникальные особенности диалектов в именной морфологической системе диалектов восточной группы хантыйского языка.

Ключевые слова: хантыйский язык, ваховский диалект, васюганский диалект, сургутский диалект, салымский диалект, числовые маркеры, посессивные суффиксы, падежные маркеры.

Цель настоящего исследования заключается в выявлении общих и уникальных черт в системе морфологических показателей имени существительного в четырех диалектах языка восточных ханты (ваховском, васюганском, сургутском и салымском). Материалом исследования послужили все известные в угроведении грамматики восточных диалектов хантыйского языка, начиная с первых грамматических заметок, сделанных финскими учеными-филологами во время их путешествий по Сибири (М. А. Кастреном, К. Ф. Карьялайненом и Х. Паасоненом) в конце XIX начале XX веков, до полных описательных грамматик отдельных восточных диалектов, основанных на материалах экспедиций текущего столетия [Karjalainen, Vértés 1964; Терешкин 1961; Gulya 1966; Honti 1984/1986; Filchenko 2007/2010; Csepregi 1998/2011, 2017]. В анализ вошли также собственные записи, полученные в полевых условиях в 2017–2018 гг. от носителей ваховского диалекта, проживающих в п. Ларьяк и с. Корлики Нижневартковского района Ханты-Мансийского АО.

Сопоставительный анализ был сосредоточен на маркерах, составляющих парадигмы трех именных категорий: число, посессивность и падеж.

Именные категории в морфологической структуре имени могут быть представлены двумя моделями: 1) независимый числовой маркер + падежный маркер, 2) зависимый числовой маркер + притяжательный маркер + падежный маркер. Выбор модели зависит от наличия посессивного маркера, который требует употребления зависимого числового маркера. Независимые маркеры идентичны во всех восточных диалектах. Зависимые числовые маркеры вах-васюганского наречия отличаются от восточных диалектов, на которых говорят южнее.

В восточных идиомах исследуемого языка категория посессивности морфологически кодирована посессивными суффиксами, которые различаются по лицу и числу обладателя и числу обладаемого. В целом по материалам грамматических очерков восточных диалектов склонение имени существительного допускает использование 27 посессивных маркеров. В системе посессивных маркеров можно отметить тенденцию к совпадению форм двойственного и множественного числа объекта обладания. В итоге в каждом из анализируемых диалектов представлено 19 посессивных маркеров. Сокращение посессивных маркеров произошло в результате отделения от посессивных маркеров морфемы, кодирующей двойственное и множественное число объекта обладания. В некоторых случаях наблюдаются расхождения посессивных форм между вах-васюганским наречием и сургутским диалектом.

Категория падежа в анализируемых диалектах представлена разным количеством форм – от 7 до 11. Количество выделяемых падежей в конкретном диалекте во многом зависит от мнения исследователя. В связи с этим, все выделяемые падежи можно разделить на две группы: обязательную и факультативную. В первую группу попадают падежи, которые выделяются всеми хантологами без исключения: номинативный, локативный, абессивный, лативный, инструментально-комитативный, инструментально-объектный и транслативный. Вторая группа включает падежи, выделяемые несколькими или только одним из исследователей: аблативный, аллативный, компаративный дистрибутивный и эксплетивный. В связи с тем, что хантыйский язык имеет более сжатую систему по сравнению с другими уральскими языками, большинство падежей в языковой системе восточных ханты поли-

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014) в рамках реализации научно-исследовательского проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур».

функциональны, что приводит к появлению противоречий в области терминологического обозначения падежных форм. В группе обязательных падежей формальные диалектные различия падежных маркеров между ваховским и васюганским и между сургутским и салымским не выявляются. Различия между вах-васюганским наречием и сургутско-салымским наблюдаются в инструментально-комитативном и инструментально-объектном падежах. В группе факультативных падежей ваховского и васюганского диалектов выявляется ряд особенностей, касающихся аллативного, аблативного и дистрибутивного падежей. Особенностью падежной системы салымского диалекта является то, что аблативное значение передаётся не синтетическим способом при помощи маркеров, как в сургутском диалекте, а аналитическим способом посредством послелога *iwat*. Расхождения в системе факультативных падежей вах-васюганского наречия и сургутско-салымского идиома выделяются в формах аблативного, аллативного, компаративного и эксплетивного падежей.

Проведенное исследование именной системы восточных идиом хантыйского языка позволило выявить уникальные особенности морфологических форм имени существительного в восточных диалектах хантыйского языка. Формальные особенности выявляются как между вах-васюганским и сургутско-салымским идиомами, так и внутри каждого идиома. В научной литературе, касающейся отдельно взятых диалектов восточной группы, встречаются формальные противоречия, объяснение которых связано с временными и ареальными аспектами проведения отдельных исследований. В перспективе исследование морфологической системы имени существительного в восточных диалектах хантыйского языка будет дополнено анализом функционального аспекта числовых, посессивных и падежных маркеров.

Список литературы

- Терешкин Н. И.* Очерки диалектов хантыйского языка (ваховский диалект). Л.: Наука, 1961. 204 с.
- Чепреги М.* Сургутский диалект хантыйского языка [Под ред. Н. Б. Кошкарёвой]. Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир», 2017. 275 с.
- Csepregi M.* Szurgutiosztjächrestomathia. Studiauralo-altaicasupplementa 6. Szeged: József Attila Tudományegyetem, 1998/2011. 150 p.
- Filchenko A. Yu.* Aspects of the Grammar of Eastern Khanty. Tomsk: TSPU-Press, 2007/2010. 553 p.
- Gulya J.* Eastern Ostyak Chrestomathy. Uralic and Altaic Series 51. Indiana University – Mouton & Co., Bloomington – The Hague. 1966. 209 p.
- Honti L.* Chrestomathia Ostiacica. Tankönyvkiadó, Budapest. 1984/1986.
- Karjalainen K. F., Vertes E.* Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten. Memoires de la Societe Finno-Ougrienne 128. Helsinki. 1964. 341 p.

V. V. Vorobeva, I. V. Novitskaya

The System of Nominal Markers in the Eastern Khanty Dialects

The following study presents findings resulting from a comparative analysis of the system of nominal inflection in four dialects of Eastern Khanty: Vakh, Vasyugan, Surgut, and Salym. Our research was focused on the nominal markers of three categories presented in the language - number, possessiveness, and case. The analysis reveals the unique features in the nominal morphological system of the Eastern Khanty dialects.

Keywords: the Khanty language, Vakh Khanty, Vasyugan Khanty, Surgut Khanty, Salym Khanty, number markers, possessive suffixes, case markers.

М. А. Останина

Горно-Алтайский государственный университет, Горно-Алтайск,
maria-ostanina@yandex.ru**О случаях употребления аффикса притяжательности -ныңы в функции родительного падежа в языке барабинских татар**

В статье на материале барабинского языка раскрывается вопрос использования аффикса притяжательности для построения изафетных конструкций III типа вместо морфемы родительного падежа. Указывается, что процесс грамматикализации аффикса притяжательности в именной группе имеет предпосылки к разрушению двухаффиксального изафетного сочетания. Определены параллели в процессе изменения семантики данного аффикса в языке барабинцев, в саларском и сарыг-югурском языках.

Ключевые слова: посессивность, грамматикализация, аффикс притяжательности, изафет III типа, язык барабинских татар, тюркские языки.

Материал данной статьи является частью нашего исследования, касающегося проблемы выражения значения принадлежности / посессивности через аффикс -ныңы в тюркских языках. Использование аффикса притяжательности при имени обладателя, по существу, свойственно всем тюркским языкам, что позволяет назвать эту морфему общетюркской. Исследуя общие и уникальные признаки функционирования аффикса притяжательности в тюркских языках, мы выделяем несколько параметров, по которым развитие его грамматических и семантических функций начинает меняться настолько, что новые признаки приобретают характер специфических. Относительно тюркских языков ареала Западной Сибири исключительной грамматической особенностью является употребление имен, оформленных аффиксом притяжательности, в функции определения в языке барабинских татар. Материалом исследования языка барабинцев послужили тексты, собранные Л. В. Дмитриевой [1981].

В общеисторическом плане выявление тенденции аффикса родительного падежа уступать свою функцию иной морфеме крайне важно при исследовании падежной системы тюркских языков. В этой связи изучение случаев десемантизации аффикса притяжательности и регистрация его среди грамматических показателей родительного падежа имеет большую теоретическую значимость.

Рассмотрим ближе, в чем состоит особенность барабинских посессивных конструкций, оформленных аффиксом -ныңы. Посессивная конструкция в тюркских языках реализуется через изафетную именную группу с аффиксом родительного падежа при определении – N-ның N-ы: бараб. *Қарақанның қалыбы* ‘народ Кара-хана’, *миниң атам* ‘мой отец’, *тисниң йәрибис* ‘наши земли’, *үсиниң аты* ‘его собственный конь’. Роль родительного падежа при выражении категории принадлежности через изафетную конструкцию на материале чулымско-тюркского языка обсуждается Р. М. Бирюкович, отмечаются примеры, когда изафетная конструкция передает идею обладания или же иные типы отношений между объектами [Бирюкович 1979: 18–24]. По мнению А. М. Щербак, функция аффикса родительного падежа в изафете III типа заключается не столько в обозначении грамматического падежа, сколько в образовании изафетной конструкции [Щербак 1962: 112–114]. Таким образом, изначально морфологическая функция показателя родительного падежа сводится к оформлению изафета третьего типа.

Второй тип посессивной конструкции – это изафетное сочетание с аффиксом -ныңы вместо аффикса родительного падежа – N-ныңы N-ы. На подобное свойство аффикса притяжательности ранее уже указывалось Д. Г. Тумашевой [1968: 150], среди современных работ можно отметить исследование Р. Н. Рахимовой, в котором это явление отмечается с отсылкой на тоболо-иртышский диалект (аффикс -ныңы / -неке) [Рахимова 2007: 65]. Относительно традиционных изафетных сочетаний третьего типа посессивные конструкции с аффиксом -ныңы являются вторичными: бараб. *миниңки қысым* ‘моя дочь’, *синиңки көсиң* ‘твой глаз’, *аныңқы қысы* ‘его дочь’, *үсиниңки үйи* ‘его собственный дом’. В целом, подобное свойство аффикса притяжательности не подчиняется грамматической норме для тюркских языков, и многие ученые указывают на невозможность использования имен с аффиксом -ныңы в определительной функции; ср. неверное употребление притяжательных местоимений в следующих именных группах (ИГ) на английском языке: **mine daughter*, **yours eyes*. В семантическом плане конструкция N-ныңы N-ы характеризуется сходством значения с изафетной конструкцией N-ның N-ы. Из полевых материалов, собранных Л. В. Дмитриевой, очевидно, что образо-

вание форм при помощи аффикса *-ныңы* в ИГ в языке барабинцев чаще происходит от местоимений. Среди примеров встречаются конструкции с дополнительным определением при определяемом, при этом все формальные признаки изафета III типа сохраняются:

«Палам, мини өлтүрмә! Мин саңа **миниңки** сылудан тир сылу кысымны пәрәйин!» – тәп әйтти. [Дмитриева 1981: 71] ‘Дитя мое, не убивай меня! Я выдам за тебя свою дочь, что красивее всех красавиц’.

На следующей схеме мы отобрали структуру конструкции *миниңки сылудан тир сылу кысым*, указав наличие в ней двух разноуровневых посессивных ИГ: в конструкции нижнего уровня NP_{Poss} притяжательность выражается аффиксом 1 лица, в конструкции верхнего уровня IzP_{Poss} – изафетом III типа (рис. 1).

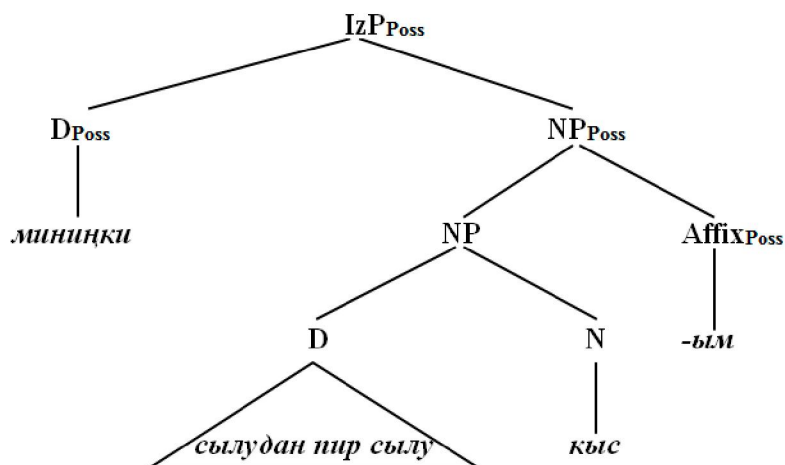

Рис. 1. Структура конструкции *миниңки сылудан тир сылу кысым*.

При рассмотрении материала с именными группами, оформленными притяжательным аффиксом, в ряде примеров выявляется особый признак: подмена морфемы родительного падежа аффиксом *-ныңы* ведет к разрушению двухаффиксального изафета. Этот процесс сопровождается исчезновением релятивного аффикса (притяжательного аффикса в соответствующем лице) при определяемом. IzP_{Poss} [*N-ныңы N-ы*] редуцируется в результате опущения морфема притяжательного аффикса 3 лица – одного из обязательных компонентов изафета III типа – и ИГ приобретает вид простого посессивного сочетания NP_{Poss} [*N-ныңы N*]. В следующих примерах отсутствующий аффикс 3 лица отмечен нами символом нулевого знака:

Анан Қозыкөрпәң тир ап-ақ қой паласын тутып үсиниңки алтын йүзлик=Ø=ни қой паласының қулабына тисті. [Дмитриева 1981: 36] ‘Потом Козыкөрпеч поймал белого-пребелого ягненка и надел ему на ухо золотое кольцо’.

Пыңақ ташилағаннан соң Қозыкөрпәң тас қул опып иин Пайансылуға үсиниңки пәгә=Ø пәрди: «Мә, миниң пыңабым!» – тәди. [там же] ‘Выбросив ножи, Козыкөрпеч, притворившись паршивым работником, подошел к Пайансылу, дал свой собственный нож и сказал: «На, мой нож!»’.

Отличительной особенностью языка барабинцев является то, что аффикс *-ныңы* в прочих случаях употребления (при оформлении имен, использующихся в предложении в функции предикатива, прямого дополнения) вибрирует с аффиксом *-ныкы* (< *-ныңы*). Форма аффикса с усеченным формантом род. п. представлена в татарском, башкирском, карачаево-балкарском, кумыкском, киргизском, казахском и других языках; ср., например, татарские «прилагательные от местоимений» в работе Н. Поппе: *минеке, синеке, аныкы, безнеке, сезнеке, аларныкы* [Рорре 1963: 92]. Аффикс притяжательности с полной морфемой род. п. встречается в азербайджанском, турецком, туркменском, в языке желтых уйгуров. В тюркских языках Сибири, кроме языка барабинцев, он не встречается. В остальных языках ему соответствуют формы аффикса, в которых показатели род. п. *-нің* и относительности *-кі* значительно редуцировались: шор. *-дыйы*, алт. *-дыйы*, тув. *-дыы*, хак. *-дыы*. Барабинский аффикс *-ныкы* в текстах Л. В. Дмитриевой не образует изафетных конструкций, какие образует аффикс *-ныңы*.

ныңқы. Соответственно, замена аффикса *-ныңқы* его вариантом *-ныкы* в языке барабинцев не означает полной семантической и синтаксической эквивалентности двух образуемых с их помощью форм.

Необычное для тюркских языков морфологическое свойство аффикса *-ныңқы* образовывать посессивную ИГ появилось вследствие изменения семантики этого аффикса, приведшего к его грамматикализации. При описании склонения личных местоимений в языке барабинцев Л. В. Дмитриева не указывает форм с аффиксом *-ныңқы* из-за их ограниченной функциональности [Дмитриева 1981: 213]. В то же время вошедший в норму употребления аффикс притяжательности *-nigi* в функции род. п. при образовании оформленной изафетной ИГ в саларском позволяет регистрировать его как маркер падежа наравне с формой *-ni*; см. у Э. Р. Тенишева [1963: 20]. Саларский аффикс *-nigi* в функции родительного падежа в определительной ИГ приводит к исчезновению формальных признаков двухаффиксального изафета. Полная грамматикализация барабинского аффикса *-ныңқы* может иметь похожее влияние на состав изафетной конструкции, как и в саларском.

Переход аффикса притяжательности в статус морфемы, служащей для оформления родительного падежа, не может считаться явлением случайным. Изменение грамматической функции сопряжено с развитием значений у морфемы *-ныңқы*. Явные признаки десемантизации этого аффикса в сарыг-югурском языке и его употребление при формах падежного склонения перед аффиксами аккузатива, локатива, датива и аблатива служат тому подтверждением; ср. с.-юг. *кемнiңгiнi* 'чье-либо' (вин. п.), *менiңкеде* '(имеющийся) у меня' (мест. п.), *kiseniңкеге* 'к человеку' (дат. п.), *сениңкыдiн* 'от тебя' (исх. п.) (по материалам С. Е. Малова [Малов 1957, 1967]). Исследование показывает, что дальнейшее изучение вопроса развития значений аффикса *-ныңқы* и функций оформленных с его помощью имен в предложении на примере разных тюркских языков поможет выявить особенности его семантики в языках разных ареалов. Работа в этом направлении обозначит пути распространения конкретных семантических свойств аффикса притяжательности и их влияние на особое оформление синтаксиса предложения в разных тюркских языках.

Список литературы

- Бирюкович Р. М. Морфология чулымско-тюркского языка. Часть I. Категория имени существительного. М., 1979. 90 с.
- Дмитриева Л. В. Язык барабинских татар: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1981. 225 с.
- Малов С. Е. Язык желтых уйгуров: Тексты и переводы. М., 1967. 220 с.
- Малов С. Е. Язык желтых уйгуров: Словарь и грамматика. Алма-Ата, 1957. 197 с.
- Рахимова Р. Н. Тюменский говор в системе диалектов сибирских татар: фонетико-морфологическая характеристика. Дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2007. 191 с.
- Тенишев Э. Р. Саларский язык. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 56 с.
- Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. 256 с.
- Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 276 с.
- Poppe N. Tatar manual: descriptive grammar and texts / Uralic and Altaic Series, Vol 25. Bloomington: Indiana University Publications, 1963.

M. A. Ostanina

A Study of the Usage of the Possessive Affix *-nyňky* for the Genitive Case in the Baraba-Tatar Language

The paper raises a question of the use of the possessive affix instead of the morpheme of the genitive case to form ezäfe noun phrases in Baraba-Tatar. The research reveals features of destruction of the two-affix ezäfe in some cases that take place in the process of the affix *-nyňky* fulfilling grammatical functions. The work lists a number of similar processes concerning how the semantics of this affix changes in Baraba-Tatar, Salar and Sarygh-Uighur with respect to the grammar.

Keywords: possessiveness, grammaticalization, affix *-nyňky*, ezäfe of the third type, Baraba-Tatar language, Turkic languages.

Е. В. Кашкин

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва;
Томский государственный университет, Томск, egorka1988@gmail.com***Памятник хантыйской письменности «Священная история»:
некоторые морфологические особенности¹**

Работа посвящена памятнику хантыйской письменности «Священная история». Дается краткая характеристика его электронного корпуса. В сопоставлении с данными по хантыйским диалектам обсуждается ряд морфологических особенностей его текста.

Ключевые слова: хантыйский язык, морфология, письменные памятники.

1. Введение

В работе обсуждаются морфологические особенности, выявленные в памятнике хантыйской письменности «Священная история» («Емынгъ ястопса»). Ранее этот сюжет, насколько нам известно, не исследовался. Памятник издан в Тобольске в 1900 г. и содержит свободный пересказ содержания Ветхого Завета и Нового Завета для носителей хантыйского языка с подстрочным переводом на русский язык. Создателями памятника являются священнослужители Иоанн Егоров и Иоанн Попов (подробнее о данном этапе развития хантыйской письменности см. [Кошкарева 2013] и приводимые там ссылки).

Сканированная копия памятника доступна на сайте электронных коллекций Российской национальной библиотеки (<http://primo.nl.ru/>; поисковый запрос – «Емынгъ ястопса»). Глоссированный текст с переводом на современный русский литературный язык размещен с различными возможностями поиска на платформе LingvoDoc (<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/902/9/perspective/902/12/view>). Для встречающихся в тексте словоформ в системе LingvoDoc указаны, где возможно, фонетические соответствия на казымском диалекте.

Мы сопоставляем материал памятника с данными современных западнохантыйских диалектов, опубликованными в [Rédei 1965; Steinitz 1975; Honti 1986; Николаева 1995; Ядобчева-Дресвянина 2004; Каксин 2007; Кошкарева (ред.) 2011] и др.

2. Особенности графики

Графика памятника кратко описана в [Moldanova, Normanskaia 2018]. В памятнике использован дореволюционный кириллический алфавит (включая ъ, использующийся в том числе в конечной позиции без звукового соответствия). Дополнительно введена буква *н* для обозначения фонемы /ŋ/. Проставлены словесные ударения. Специфические звуки хантыйского языка передаются наиболее подходящими русскими буквами. Это приводит к неразличению некоторых грамматических форм. Так, в западных диалектах имеются лично-числовые показатели субъектного спряжения *-эм* (1SG) и *-эн* (2SG) и объектного спряжения *-ет* / *-эм* (1SG.S:SG.O) и *-ен* (2SG.S:SG.O). Однако, поскольку буквы *э* и *е* могут обозначать в памятнике как гласный полного образования, так и редуцированный, за записью вида *ма'-л-эмъ* [давать-NPST-1SG.S(.SG.O)] 'я даю' или *ве'р-с-энь* [делать-PST-2SG.S(.SG.O)] 'ты сделал' могут стоять формы как субъектного, так и объектного спряжения.

3. Морфология имени

Представленная в памятнике система именной морфологии имеет некоторые черты приуральского диалекта. Во-первых, это показатель локатива *-на*, кодирующий и местонахождение (*иза' му'у-на о'л-ымъ* [весь земля-LOC быть-PFV.PTCP] 'живущие на всей земле' [с. 24, строка 6]), и конечную точку (*му'у-на э'д-эсь* [земля-LOC выходить-PST] 'на землю вышел' [с. 24, строка 10]), см. описание в [Мырмина 2006: 94–95; Кошкарева (ред.) 2011: 168]. Во-вторых, это маркер POSS.1PL -уу, трактуемый

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства России № 14.Y26.31.0014).

в [Николаева 1995: 86] как специфический для усть-полуйского говора приуральского диалекта. Используется и более распространенный в западных диалектах аффикс *-eu* (с некоторыми графическими вариантами).

Одновременно система памятника не полностью соответствует современной приуральской. Помимо маркера локатива *-na*, в падежной системе имеется маркер *-a* с базовой иллативной семантикой (но не кодирующий, в отличие от современных диалектов, ролей адресата и конечного посессора – последние передаются послеложными конструкциями). Транслативный маркер *-(j)i*, характерный для приуральского диалекта, при этом не используется (его функции покрывает маркер *-a*). Падежные аффиксы *-a* и *-na*, как правило, не сосуществуют в одной системе в современных западных диалектах, за исключением низямского и шеркальского [Steinitz 1975: 214; Honti 1986: 60, 133–134]. Однако это сочетание маркеров предполагается исторически первичным [Honti 1986: 60].

В памятнике практически не используются формы двойственного числа существительных и местоимений. Предположение об их утрате в конце XIX в. маловероятно с учетом современных данных, см. [Сидорова 2016] и приводимые там ссылки. Причина этого может заключаться в том, что хантыйский язык, вероятно, был не родным для составителей памятника и формы двойственного числа могли остаться «недоусвоенными».

4. Морфология глагола

Устройство глагольной морфологии в тексте памятника в целом соответствует системе современных западных диалектов. Интересно, что, при почти полном отсутствии в памятнике именных форм двойственного числа, в нем зафиксированы глагольные формы двойственного числа. В большинстве случаев они используются корректно (1), но встречается и рассогласование (2). В переводе единицы *и'мохты* в (2) сохранён вариант, представленный в подстрочнике памятника и отличающийся от приводимого, например, в [Кошкарева (ред.) 2011: 37].

(1) ...*проро'къ Моисей на проро'къ Илья' <...> до'й-л-анэнь*
пророк Моисей ADD пророк Илья стоять-NPST-3DU
Лу'у ти'ль-на по'тарт-л-анэнь
он с-LOC говорить-NPST-3DU
'... пророк Моисей и пророк Илья <...> стоят разговаривают с Ним'. [с. 110, строки 5–7]

(2) *Апо'стол-атъ и'мохты Лу'у ти'ль-на о'-с-нэнь...*
апостол-PL постоянно он с-LOC быть-PST-3DU
'Апостолы постоянно были с Ним...' [с. 109, строки 1–2]

Любопытны также формы множественного числа императива. В современных западных диалектах они типично имеют вид *-a-ti* (IMP-2PL). В тексте памятника устроенные таким образом формы встретились 7 раз, например, *ле'в-а-ды* [есть-IMP-2PL] 'ешьте' [с. 15, строка 1], *о'лл-а-ты* [жить-IMP-2PL] 'живите' [с. 81, строка 2], *ман-а'-ды* [идти-IMP-2PL] 'идите' [с. 114, строка 7]. При этом 43 раза встретились формы вида *-a-t*, где после маркера императива используется показатель, материально совпадающий с показателем множественного числа существительных и 3 лица мн. ч. индикатива глаголов (с точностью до наличия / отсутствия начального *ə* в различных фонетических контекстах). Не исключена и трактовка этого показателя как результата усечения конечного гласного. Его употребление иллюстрируется формами *аль пал-а'-тъ* [ПРОН бояться-IMP-PL] 'не бойтесь' [с. 36, строка 3], *ну'мос-а-дъ* [думать-IMP-PL] 'думайте' [с. 80, строка 10], *ро'мм-а-тъ* [успокаиваться-IMP-PL] 'успокойтесь' [с. 87, строка 8]. В некоторых работах такие формы императива отмечены для шурышкарского диалекта [Rédei 1965: 64; Диденко 2010: 87; Онина 2019: 143, 487]. В описаниях приуральского диалекта, с которым памятник имеет некоторые сходные черты в морфологии имени, они не зафиксированы [Николаева 1995: 125; Ядобчева-Дресвянина 2004: 85–86]. В то же время мы не проверяли их наличие или отсутствие в приуральском диалекте методом анкетирования носителей.

5. Заключение

В морфологической системе памятника «Священная история» имеются явления, типичные для приуральского диалекта (в особенности формы локатива с семантикой и местонахождения, и конечной точки). Одновременно отмечаются явления, зафиксированные в литературе в других западнохантыйских диалектах, в том числе, вероятно, сохраняющие архаичное состояние системы (см., например, инвентарь падежных маркеров). Дальнейшее исследование данных вопросов, как и рассмотрение фонетической и лексической системы памятника, важно для изучения диалектной системы хантыйского языка в ее развитии. Некоторые грамматические особенности (как употребление двойственного числа) могут объясняться тем, что к созданию ранних письменных текстов на хантыйском языке активно привлекались люди, не являвшиеся его носителями. Это обстоятельство интересно в свете анализа социолингвистических процессов, происходящих на этапе зарождения письменной традиции.

Список литературы

- Вальгамова С. И., Кошкарева Н. Б., Онина С. В., Шиянова А. А. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / под общ. ред. Н. Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Баско, 2011. 207 с.
- Диденко А. В. Категория императива в угорских языках. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2010. 181 с.
- Каксин А. Д. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 133 с.
- Кошкарева Н. Б. Актуальные вопросы совершенствования хантыйской графики и орфографии // Вестник угроведения. № 3 (14). 2013. С. 47–78.
- Мырмина Д. Ф. Категория падежа в диалектах хантыйского языка (сопоставительный аспект). Дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2006. 168 с.
- Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. М.; Гамбург, 1995. 253 с.
- Онина С. В. Способы выражения побуждения в хантыйском языке. Дисс. ... доктора филол. наук. Рукопись. Ханты-Мансийск, 2019. (Использована версия от 29.04.2019)
- Сидорова М. А. Конкуренция формы двойственного числа и конструкции с числительным в хантыйском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3 / ред. Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. М., 2016. С. 260–272.
- Ядобчева-Дресвянина В. Я. Склонение и спряжение в обдорском диалекте хантыйского языка. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2014. 189 с.
- Honti L. Chrestomathia Ostiacica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1986. 285 с.
- Moldanova I., Normanskaia Ju. The Graphical Features of the first texts in the Khanty language // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018, Vol. 5, 3.1. Pp. 197–204.
- Rédei K. Northern Ostyak Chrestomathy. Bloomington: Indiana University, 1965.
- Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Band I. Ostjakische Volksdichtung und Erzählungen aus zwei Dialekten Texte. Berlin: Akademie-Verlag, 1975.

Список сокращений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; ADD – аддитивный маркер; DU – двойственное число; IMP – императив; LOC – локатив; NPST – непрошедшее время; O – объект; PFV.PTCP – перфективное причастие; PL – множественное число; POSS – посессивность; PROH – прохибитив; PST – прошедшее время; S – субъект; SG – единственное число.

E. V. Kashkin

«Sacred History», a Khanty Written Monument: On Its Morphological Traits

This paper deals with a Khanty written monument known as «Sacred History». A brief overview of its online corpus is given. Some morphological traits of this text are discussed in comparison with the data on Khanty dialects.

Keywords: Khanty, morphology, written monuments.

УДК 81-114.2+811.51

А. Д. Каксин

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, Абакан, adkaksin@yandex.ru

Толоконный лоб, пас пулгас, сяртаң хэ: языковые единицы и элементы для характеристики / оценки человека¹

В статье на материале языков разной структуры обосновывается необходимость учета типологической компоненты в когнитивных исследованиях естественных языков. Утверждается мысль о том, что во всех языках можно вычленить единицы и элементы, используемые для характеристики / оценки человека в этнической ментальной парадигме. В подтверждение данной мысли автор указывает на характерные для ряда языков табуированные слова и эвфемизмы, а также своеобразие моделей образования идиом с включением числительных и местоимений.

Ключевые слова: язык и сознание, когнитивная функция языка, ментальность этноса, лингвистическая типология, хакасский язык, хантыйский язык.

В любом языке достаточно легко выявляются слова (и словосочетания), призванные точно и ёмко характеризовать человека. Человек – существо сложное, многогранное, но и язык вездесущ: он вырабатывает необходимое количество единиц для обозначения любой грани человеческого естества. В русском языке для обозначения бестолкового священника появилось выражение *поп – толоконный лоб*, а в хакасском – *пас пулгас* ‘головомахатель’. Нельзя не сказать, что в хакасском языке искомая единица – это табуированное словосочетание (так обозначают священника охотники в своих “тайных” разговорах) [Патачаков 2006: 21].

В хантыйском языке подходящее наименование заимствуется из русского (*пәп ики*), а для обозначения традиционного шамана (или вообще человека, причастного к сфере культа) используется лексическая единица *сяртаң хэ* ‘шаман; колдун’ (подчеркивающая, прежде всего, непонятную, магическую сторону совершаемых действий / манипуляций).

Мет пенчараң сяртаң хэ вэс, лулат, муң вән сятъясэс, я, сит шеңк йис вер. А ма сятъясем шэңат, сит ма нәмлэм, лув иси пенчарн сяртты хошас [Сенгепов 1994: 10] ‘Настоящим, с бубном, шаманом был, говорят, наш прадедушка. Ну, это очень давно было. А мой покойный дед, это я помню, тоже умел колдовать с бубном’.

Безусловно, такие слова обнаруживаются, прежде всего, в разговорной речи (или, если брать шире, в общенародном языке, являющемся основой литературного). Разумеется, такие слова легко отграничиваются от терминов. Лингвисты часто говорят о лексике, не участвующей в формировании научной картины мира (НКМ). «Сюда можно отнести огромный пласт лексики, условно назвав ее сугубо бытовой: тряпка, веник, кастрюля, рубашка и т. п. ... Другая часть языковой картины мира, не пересекающаяся с НКМ, – это то, что мы предлагаем называть субъективно-мифологическим миром, созданным исключительно человеческим сознанием... К этой категории мы относим все виды номинаций, несущих следы субъективной оценки, все, что лексически обслуживает столь важные сегменты языковой картины мира, как **мораль, нравственность, вкус** и т. п.» [Корнилов 2003: 71].

Известно, что наиболее ярко, вербально указанные отношения проявляются в таких языковых единицах и синтагмах, как табу, эвфемизмы, сравнения с животными, оценочные слова и словосочетания, фразеологизмы, поговорки и пословицы. Эту своеобразную типологию языковых единиц и синтагм, актуальных в аспекте соотношения человека с окружающим его миром, могут начинать словесные табу и эвфемизмы: часто именно они первыми приходят на ум, если мы хотим выстроить ряд сегментов языковой картины мира, производных от национального менталитета.

У хакасов, в отличие от ряда народов Сибири, нет культа медведя, но все же и в хакасском языке возник круг слов, составляющих специальный охотничий язык. Он, конечно, отличается от обычного

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ №19-012-00080 «Когнитивный и идеографический аспекты реконструкции образа человека по данным языков коренных народов Сибири (на примере хакасского, бурятского и хантыйского языков)».

языка, но собственно табу в нем почти нет. Часть так называемых подставных названий хакасского языка сближается с табуированными словами (поскольку в них выражается почтение к зверю), другая часть – с описательными образными оборотами. Но некоторые из этих слов и оборотов употребляются для обозначения человека, а также, косвенно, для его характеристики (или оценки): *узун сас* ‘длинноволосый’ (поп), *пас пулгас* ‘головомахатель’ (шаман) [Патачаков 2006: 21].

М. И. Черемисина формулировала свой подход к лексическим / семантическим средствам языка следующим образом: «Алтайским языкам... чужды многие стороны той образности, которая присуща русскому и другим европейским. Например, здесь не принята метафоризация образов животных: людей не называют ослами, медведями, коровами, божьими коровками, змеями и т.д., хотя иногда и сравнивают с животными. Зато для этих языков характерен другой тип образности: специфические образные (но не метафорические!) и звукоподражательные слова. ... С типологической точки зрения важны такие органические характеристики, как гибкость категориальной семантики слова, способность основы двигаться по разным грамматическим классам, как “открытость” лексических единиц для семантической деривации» [Черемисина 1992: 76–77].

Развивая эту мысль, можно, к примеру, сравнивать разные языки на предмет того, как в них в качестве словообразовательных элементов используются слова типа *один, два, десять... сорок пять*, т.е. лексемы, за которыми стоят *числа*. Такое исследование, действительно, было проведено: известный лингвист сравнил по названному признаку целый ряд языков, в том числе особенно пристально он анализировал данные русского и китайского языков. Сфера языка при этом была правомерно сужена: рассматривались явления только лексико-фразеологического уровня. И вот к каким выводам пришел исследователь: «Китайский язык во много раз активнее любых знакомых нам языков использует в качестве словообразовательных элементов *числа*. ... Все факты использования имен чисел в качестве строительного материала китайской лексико-фразеологической системы мы разделили на три группы: 1) числа входят во *внутреннюю форму отдельных слов*; 2) числа используются в *поговорках и пословицах*; 3) числа входят в состав своеобразных «*формул-предписаний*». Проводя параллели с русским языком, заметим, что немногочисленные случаи использования чисел в лексико-фразеологической системе русского языка по предложенной классификации полностью уложились в первые две группы» [Корнилов 2003: 218–219].

Мы пошли несколько другим путем: попытались выяснить, могут ли числительные, хотя бы в видоизмененной форме, быть использованы в целях характеристики (или оценки) человека. В русском языке в этой функции используются и одиночные “цифровые слова” (*шестерка*), и словосочетания (*двуличный человек*), и идиомы (*у него семь пятниц на неделе*). Можно привести примеры из английского языка: *one track mind* – о человеке, которому свойственно думать только о чем-то одном; *seven day wonder* – человек или процесс был “доведен до совершенства” всего за семь дней (обычно – сарказм); *behind the eight ball* ‘находиться в сложном положении’.

Если по предложенной схеме рассмотреть материал хакасского языка, можно констатировать, что он представляет тот же тип языков, что и китайский, т.е. языков, в которых случаи семантически связанного, “фразеологического” использования чисел относятся и к внутренней форме слов (и словосочетаний), и к структуре пословиц (и поговорок), а также и формул-предписаний. Единственный нюанс заключается в том, что в системе хакасского языка много не просто слов (в том числе – сложных), а словосочетаний с числами:

пiр ‘один’; *пiр чүүрлер* (презр.-ирон.) ‘всякие люди’ (соотв. одного поля ягоды); *Пiр чүүрлер пiрик-кеп алтырлар* ‘Собрались всякие; бродяги’; *пiр оңдайнаң чуртурга* ‘жить однообразной жизнью’; *пiр чiпке тартарга* ‘судить обо всех одинаково’ (букв. на одну нитку натянуть); *Пiр чахсы кiзi аал чазидыр, пiр чабал кiзi аал пүтхидыр* (посл.) ‘Один хороший человек прославит село, другой (дурной) может опозорить село’ [ХРС 2006: 367];

тöрт ‘четыре’; *тöрт азахтыг* ‘четвероногий’; *тöрт терпектиг* ‘четырёхколесный’; *тöрт орынныг машина* ‘четырёхместная машина’; *Тöрт азахтыг – нымыха туупча (табырган)* (загадка) ‘С четырьмя ногами – несет яйца’ (белка-летяга) [ХРС 2006: 664];

пис 1) пять; *пис чыллыг* ‘пятилетка’; 2) пять, пятерка (оценка, балл); *пис салаа тударга* ‘здороваться, приветствовать’ (букв. пять пальцев держать); *Пис адай пiр iнде чуртапчалар* (мелейдегi хол) (загадка) ‘Пять собак в одной конуре живут (рука в рукавице)’ [ХРС 2006: 362].

читi ‘семь’; *читi күнi религ.* ‘семь дней’ (поминки); *Читiген* ‘Большая Медведица’ (созвездие); *Адай Читiгенi* ‘созвездие Малой Медведицы’; *Читiген, Читiген, читi чылтыс* (погов.) ‘Большая Медведица, Большая Медведица, семь звезд’ [ХРС 2006: 972].

К тому же типу, что и хакасский, в отношении «числовых» фразеологических сочетаний относится и хантыйский язык. Ниже приводится небольшой ряд примеров, которые обнаруживаются в известном диалектологическом и этимологическом словаре хантыйского языка:

atel-luwattemn ‘один-одинёшенек’, *otša pit-* ‘сцепиться’ (букв. в одно сделаться), *wōćća χātl* ‘целый/весь день’ (букв. единственный день), *χut-sem* ‘шестерка (в картах)’ (букв. шесть-глаз), *katna-manipsa* ‘развод супругов’ (букв. надвое уход/расхождение) [Steinitz 1966: 215, 230, 570, 696].

Итак, типологическую характерологию можно найти даже в тех семантических сферах, которые, на первый взгляд, “зависят от” ментальности этноса. Другими словами, наблюдаемая в разных языках специфика свидетельствует не о различии человеческого мышления, а о его гибкости и, значит, о принципиальной возможности выражать одни и те же понятийные категории разными языковыми средствами. Поиск и разграничение типичного и уникального в разных языках нужно рассматривать как специальный раздел (лингвистики), как комплексный подход: именно в этом случае и «план содержания» традиционной культуры, и способы его формального представления познаются в полной мере. Важно также и то, что соотносённость народного сознания (мышления) и языка, наблюдаемую на разных языковых уровнях, можно разложить на определенные типы. В области междисциплинарных исследований (в нашем случае на стыке лингвистики и этнографии) важно правильно оценивать соотношение мифологического сознания и обыденного, прагматичного сознания в формировании отдельных фрагментов национальной языковой картины мира.

Устройство выявленных семантических фрагментов, на взгляд автора, характеризуется типологическими чертами. Утверждается мысль о том, что во всех языках можно вычленил лексические фрагменты, которые «опираются», прежде всего, на традиционное (обыденное) сознание. Устройство выявленных семантических фрагментов, на взгляд автора, характеризуется типологическими чертами. Делается вывод о том, что наблюдаемая в разных языках специфика свидетельствует не об отличии мышления одних (групп) людей от других, а о гибкости человеческого мышления и, значит, о принципиальной возможности выражать одни и те же понятийные категории разными языковыми средствами. Но, как считает автор, ситуацию следует рассматривать как диалектическую. Несмотря на то, что в том или ином языке есть свидетельства явного отражения мировоззрения именно этого этноса, многие стороны (лексические фрагменты, категории) языков коренных народов можно рассматривать как типичные для всех языков (и разводить их по классам, принятым в лингвистической типологии). Другими словами, постулирование сходства (или даже единства) общей логики всех языков не исключает поиск отдельных уникальных явлений (именно таких, которые опираются на специфические для определенного этноса модели категоризации окружающего мира). Рассмотрение некоторых разрядов слов с позиций когнитивной лингвистики позволяет выявить специфические структуры (и элементы), имеющие аксиологическую, прагматическую значимость именно для данного этноса.

Список литературы

- Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
- Патачаков К. М. Некоторые сведения об охоте хакасов // Рукописное наследие Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Выпуск №1. Абакан, 2006. 38 с.
- Сенгенов А. М. Касум ики путрат / Рассказы старого ханты. СПб.: «Просвещение», 1994. 175 с.
- Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с. (ХРС)
- Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири: Учебное пособие. Новосибирск, 1992. 92 с.
- Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. 1. Lieferung. Berlin: Akademie Verlag, 1966. 760 s.

A. Kaksin

Oat-Flour-Forehead, Paz pulas, Syartaң хә: Language Units and Elements for Characteristic / Assessment of the Person

In the following article, we demonstrate the need for consideration of typological components in cognitive research of natural languages, using the materials from languages of various structures. We state that in all languages, it is possible to distinguish units and elements that are used to characterize and evaluate people according to specific ethnic mental paradigms. To prove this, we list taboo words and euphemisms typical for several languages, and show the uniqueness of idioms formed with numerals and pronouns.

Keywords: language and consciousness, cognitive function of language, traditional outlook, linguistic typology, Khakas language, Khanty language.

О. Ю. Динисламова

БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»,
Ханты-Мансийск, o.dinislamova@yandex.ru

Особенности национально-культурных представлений о старости в мансийской и хантыйской языковых картинах мира

На материале образных устойчивых выражений (УВ) впервые проведён сопоставительный анализ языковых репрезентаций понятия *старость* в мансийской и хантыйской языковых картинах мира (ЯКМ), что позволило выявить особенности национально-культурных представлений о старости в рассматриваемых лингвокультурах путём сравнения предметно-смыслового и оценочного компонентов рассматриваемых единиц. УВ на материале обско-угорских языков изучены фрагментарно, сопоставительные исследования по теме являются единичными.

Ключевые слова: обско-угорская фразеология, обско-угорские языки, сопоставительная фразеология, фразеологизм, фразеологизмы о возрасте, возраст человека, возраст манси, возраст ханты, манси, ханты.

Являясь одним из базовых концептов любой культуры, *возраст* и связанные с ним стереотипы образуют особую концептосферу в языке любого народа. Его роль в восприятии человеком самого себя трудно переоценить. Она обусловлена, прежде всего, объективным характером содержания этого концепта, поскольку *возраст* – одна из основных характеристик человека, имеющих важнейшее значение в биологическом, психологическом, бытовом, социальном и прочих аспектах человеческого бытия.

Своеобразие концепта *возраст* заключается в его «богатом аксиологическом содержании: возраст человека является объектом оценки как в аспекте внешнего облика, так и в аспекте внутренних, духовных, умственных качеств. Представление о *возрасте* обязательно включает нормативный аспект, поскольку в высказываниях с данным смысловым компонентом обычно соотнесены характеристики некоего объекта с закреплёнными в ментальности нормативными представлениями о способностях, функциях, присущих человеку на определённой жизненной стадии, что и позволяет высказать оценочное суждение.

П. А. Щербо отмечает, что лексема *возраст* имеет в своей семантической структуре два основных компонента: 1) время, прожитое от момента рождения; 2) определённый период жизни [Щербо 2008: 15]. Особо заслуживающим внимания с точки зрения языковой репрезентации представляется второй компонент, поскольку в любом лингвокультурном сообществе восприятие определённых периодов жизни человека, осознаваемых как возрастные периоды, обогащено различными устойчивыми представлениями, ассоциациями, стереотипами, что позволяет говорить о многосторонности и многослойности вербализуемого данным словом понятия. В рамках данной статьи предпринимается попытка проанализировать комплекс суждений о старости, представленных мансийскими и хантыйскими УВ.

Репрезентация *старости* в сопоставляемых языках находит воплощение через систему лексем и комплекс образных выражений разной структурной и семантической организации. В мансийском языке (МЯ) при номинации старого возраста используется лексема *матум пора* ‘старость’ (букв.: старая пора); в хантыйском языке (ХЯ) – лексема *пирэц* ‘старость’. В МЯ лицо, находящееся в старом возрасте, репрезентируется посредством лексемы *матум* ‘старый’, в ХЯ – лексемой *пирэц* ‘старый’ [Соловар 2011: 57].

В результате анализа большая часть рассматриваемых мансийских и хантыйских УВ была объединена в тематические группы, эксплицирующие следующие концептуальные признаки:

1. Внешние маркеры старости: манс. *вильтэ ломырлам* ‘морщинистый’ (букв.: лицо=его складочками сложилось), *ломырлам тилсам* ‘престарелый человек’ (букв.: сморщенная ягодка), *тўя сьвыр сагна* ‘седовласая (женщина)’ (букв.: с косами цвета весеннего зайца), *тўйтыл вѳтастым пуңке* ‘седой’ (букв.: снегом обветренная голова=его), *вѳтым пуңкупа* ‘седой’ (человек) (букв.: с обветренной головой), *халэв хольт пуңке вѳтым* ‘седой’ (букв.: как у халея голова=его обветренная), *тѳсам вильт* ‘старое, морщинистое лицо’ (букв.: сухое лицо); хант. *сорэм вени* ‘старое, морщинистое лицо’ (букв.: высохшее лицо), *ухэл и пўша лѳныц иты вѳтса* ‘седой’ (букв.: голова совсем, как снег, обветрена), *тўшэл иса лѳныца, нувийа йис* ‘поседел’ (букв.: усы и борода совсем, как снег, белыми стали), *хэлэв сух иты* ‘седой’ (букв.: как шкура чайки) [Соловар, Нахрачева, Шиянова 2016: 85].

Как видно, в МЯ и ХЯ седина универсально сравнивается с цветом снега, оперением речной чайки (халея). Возникает образная ассоциация, что седина волос возникает вследствие обветривания. В МЯ седина также сравнивается с цветом шкуры весеннего зайца.

2. Внешняя непривлекательность, внешние признаки старости, физическая истощённость, немощность и необратимые возрастные изменения: манс. *матум ляжкви* ‘старый человек’ (букв.: старый колун), *матум а́жквал* ‘старый мужчина’ (букв.: старый пенё), *матум рупасы* ‘старый, преклонных лет человек’ (букв.: старый сплюснутый трухлявый пенё), *матум пўт ййв* ‘старый человек’ (букв.: старая перекладина для подвешивания котла над огнём), *матум лув эква* ‘старая кляча’ (букв.: старая лошадь), *тбсам сās кўрсип* ‘старая женщина (букв.: высохший берестяной трухлявый пенё)’, *тбсам кўрсип* ‘старая женщина’ (букв.: высохший трухлявый пенё), *сагум а́жквал* ‘старый, дряхлый мужчина’ (букв.: гнилой пенё), *лоньхатам хусап* ‘старая, дряхлая женщина’ (букв.: развалившаяся коробка), *акв бвлэ сэл сўльги* ‘старый человек (букв.: с одного конца песок сыплется)’; хант. *сагум лэг* ‘старый, дряхлый мужчина’ (букв.: гнилой хвост); хант. *лыйам тулах* ‘старый, дряхлый мужчина’ (букв.: гнилой гриб), *сот ол нохэр йўх* ‘престарелый человек’ (букв.: столетний кедр), *пирэц керавьэк* ‘старый, дряхлый человек’ (букв.: старый короб, сплетенный из корней), *лыйам а́жквал* ‘старый, дряхлый мужчина’ (букв.: гнилой пенё), *лыйам сессэжэн* ‘старые люди (муж и жена)’ (гнилые слопцы); *сорам цицки* ‘старый человек’ (букв.: высохшая птичка), *лыйам цицки* ‘старый человек’ (букв.: гнилая птичка), *лыйам шойэт* ‘старый человек’ (букв.: гнилой хвост).

В указанных номинациях содержится оттенок значения, указывающий на социальный признак человека в старческом возрасте. Атрибутивные прилагательные *матум* и *пирэц* ‘старый’ вносят в данные УВ, скорее всего, значение изношенный, а не старый по количеству лет. Также в обоих сопоставляемых языках универсально используются прилагательные со значением ‘гнилой’ (манс. *сагум*, хант. *лыйам*) и ‘сухой’ (манс. *тбсам*, хант. *сорам*). Мансийские лексемы *ляжкви* ‘колун’, *а́жквал* ‘пенё’, *рупасы* ‘сплюснутый трухлявый пенё’, *пўт ййв* ‘перекладина для подвешивания котла’, *кўрсип* ‘трухлявый пенё’, *хусап* ‘коробка’, *лэг* ‘хвост’ и хантыйские лексемы *тулах* ‘гриб’, *керавьэк* ‘короб’, *а́жквал* ‘пенё’, *сессэжэн* ‘слопцы’, *шойэт* ‘хвост’, усиленные атрибутивными прилагательными, ассоциируют образ не просто старого, а, скорее, непригодного к продуктивной деятельности человека. Кроме того, данная тематическая группа включает в себя, помимо характеристик физиологического состояния, ряд номинаций, содержащих оценку умственных способностей (манс. колун, пенё, коробка; хант. короб, слопцы).

3. Изменение интеллектуальных способностей: манс. *няврам хурипаг ёмтыс* ‘впал в детство’ (букв.: на ребёнка похожим стал), *няврамыг ёмтыс* ‘впал в детство’ (букв.: ребёнком стал), *яныг ос мāнь акв хурипаг* ‘что стар, что млад’ (букв.: старый и малый одинаковы), *номтэ ўстхатас* ‘память потерял’ (букв.: память=свою потерял), *номттāл патыс* ‘память потерял’ (букв.: беспамятным стал); хант. *наврема йис* ‘впал в детство’ (букв.: стал ребёнком), *пўкэн ов* ‘память потерял’ (букв.: вход в пуповину).

Данные примеры демонстрируют, что старость в МЯ и ХЯ универсально ассоциируется с ослаблением умственных способностей человека на основании того факта, что его покидают ясность и трезвость ума, человек впадает в детство.

Как видно, наиболее значительной по объёму в МЯ и ХЯ из числа рассмотренных УВ оказалась тематическая группа, представляющая внешнюю непривлекательность, внешние признаки старости, физическую истощённость, немощность и необратимые возрастные изменения. УВ данной группы в обоих языках зачастую носят пренебрежительный или бранный характер.

Лексико-семантическое поле *старость* представлено в МЯ и ХЯ пространственными параметрами. Универсально в обеих ЯКМ старость характеризуется движением *вниз*, например: манс. *ёлаль хўтуу́кве патсыг* ‘состарились’ (букв.: вниз сгибаться стали); хант. *иллы снэмты пйтсэв* ‘состарились’ (букв.: вниз расти стали). Кроме того, в МЯ при репрезентации старости фиксируется движение по временной оси лицом назад, что закреплено в ФЕ *мōт мāн ё́нхыс* ‘состарился’ (букв.: в другую сторону повернулся), *ювле блуу́кве патыс* ‘состарился’ (букв.: обратно жить стал).

Возрастная шкала в МЯ и ХЯ находит отражение в мире природы, например: манс. *сытныл та-хамта́нкве поратэ ё́хтыс* ‘состарился’ (букв.: с горы скатиться пора пришла), *тўрын вāглу́кве поратэ ё́хтыс* ‘состарился’ (букв.: в озеро ступить пора пришла), *лўи мā нупыл сунсу́кве патыс* ‘состарился’ (букв.: на северную сторону смотреть стал), *эттос нупыл ё́нхыс* ‘состарился’ (букв.: в сторону луны повернулся), *этэ-хōталэ вāттиг ё́мтуу́кве патсыт* ‘стареть’ (букв.: ночи-дни короче становиться стали); хант. *йеу́ки щорс пелā мāнты кемā йис* ‘состарился’ (букв.: достиг возраста, когда уходят к ледяному морю), *йеу́ка вантты йеу́к имсэ́жэн-иксэ́жэн, лоньца вантты лоньц имсэ́жэн-иксэ́жэн* ‘состарившиеся муж и жена’ (букв.: на лёд глядящие ледяные, на снег глядящие снежные), *йэтэн хө*

ислэка йүвмалэн ци верэт уша версэлэ ‘состарился’ (букв.: в сторону вечера перешёл), йэтэн хөньэл нелкема ци титсам ‘состарился’ (букв.: перешёл в сторону вечерней зари), Ма вөтшесм йүтийна, Ныклы мәнты ар неүна, Вүтлы мәнты ар хөйна, Йеңки сүв пурэхна, лоңици сүв пурэхна, а́л ат катлыиалты ‘После того, как умру, Многие женщины, идущие к северу, Многие мужчины, идущие на юг, Ледяным посохом, Снежным посохом, Пусть будут покрыты’.

Вышеприведённые примеры демонстрируют, что особо образно и экспрессивно возраст старого человека ассоциируется с суточным циклом (ночь-день), ландшафтом (гора, озеро), пространственной ориентацией (север), космосом (луна) в мансийском; с годовым циклом (зима), с суточным циклом (вечер, заря), температурными характеристиками (холод, лёд), стихиями (снег, ветер), ландшафтом (море), пространственной ориентацией (север, юг) в хантыйском языке.

В мансийской и хантыйской лингвокультурах старость мыслится не только как завершающий этап социальной активности человека, но и как предсмертный период жизни, например: акв ләглэ вбүхат люли ‘старый, преклонных лет’ (букв.: одна нога=его в яме стоит), акв мән патыс ‘лежачий от старости человек’ (букв.: в одном месте стал (находиться), суве та тўсьтыстэ ‘старый, преклонных лет’ (букв.: посох=свой вот уже и поставил); хант. Ма вөтшесм йүтийна, Ныклы мәнты ар неүна, Вүтлы мәнты ар хөйна, Йеңки сүв пурэхна, лоңици сүв пурэхна, а́л ат катлыиалты ‘После того, как умру, Многие женщины, идущие к северу, Многие мужчины, идущие на юг, Ледяным посохом, Снежным посохом, Пусть будут покрыты’.

С возрастом вследствие нарушения когнитивных способностей человек становится неряшливым, неопрятным. В МЯ это находит отражение в ФЕ касе ёл-лакви ‘старый’ (букв.: штаны=его спадают), матум росахи ‘старый, преклонных лет’ (букв.: старые лохмотья, отрепья, рванина).

В МЯ при репрезентации старого возраста выявлены ФЕ, в которых содержится сема «социальный признак» с семантикой «немолодая женщина, которая не была замужем и не имеет детей (старая дева)» и «немолодой мужчина, который не был женат (холостяк)»: асыу вётра ‘бездетная’ (букв.: продырявленное ведро), асыу пўт ‘бездетная’ (букв.: продырявленный котёл), матум пыг ‘холостяк’ (букв.: старый мальчик (парень)).

Очень старого, дряхлого человека (и, следовательно, долгожителя) в МЯ репрезентируют следующие ФЕ: хассытым-тауквитым поратэт блы ‘старый человек (букв.: в заплесневевшем-мхом покрывшемся возрасте находится)’, нотэ блыстэ ‘старый, преклонных лет’ (букв.: век=свой прожил), нотэ палыт блыс ‘старый, преклонных лет’ (букв.: век=свой жил), сорум хонттәл ут ‘престарелый человек’ (букв.: смерть не находящий некто).

На основании проанализированного материала были выделены следующие универсальные для сопоставляемых языков культурные коды: биоморфный (манс. тилсам ‘ягодка’, а́нқвал ‘пень’, таукв ‘мох’, хассыг ‘плесень’, рупасы ‘сплюснутый трухлявый пенёк’, сәс ‘береста’, кўрсип ‘трухлявый пенёк’; хант. тулах ‘гриб’, нохәр йүх ‘кедр’, а́нқәл ‘пень’), зооморфный (сбвыр ‘заяц’, лув ‘лошадь’, халэв ‘речная чайка (халей)’; хант. хәлэв ‘речная чайка (халей)’, ицицки ‘птичка’), природный (манс. тўйт ‘снег’, вөт ‘ветер’, тўр ‘озеро’, этпос ‘луна’, сын ‘гора’, сэй ‘песок’, вбүха ‘яма’; хант. увәс ‘север’, щорәс ‘море’, йеңк ‘лёд’, лоңиц ‘снег’, йэтән ‘вечер’, йэтән хөньәл ‘заря’), соматический (манс. вильт ‘лицо’, ләг ‘хвост’; хант. ух ‘голова’, тўш ‘усы, борода’, вәниш ‘лицо’, пўкән ‘пуповина’, шойәт ‘хвост’, сух ‘шкура’), пространственный (манс. луи ‘север’, ёлал ‘вниз’, мөт мән ‘в другую сторону’, ювле ‘назад, обратно’; хант. нык ‘север’, вўт ‘юг’, иллы ‘вниз’), временной (манс. эт-хөтал ‘ночь-день’, нот ‘век’; хант. йэтән ‘вечер’, хөньәл ‘заря’), артефактивный (манс. ляккви ‘колун’, пўт ‘котёл’, пўт ййв ‘переключатель для подвешивания котла над огнём’, хусап ‘коробка’, сув ‘посох’, росахи ‘лохмотья, рванина’, кась ‘штаны’; хант. көравнәк ‘короб’, сесенән ‘слопцы’, сүв ‘посох’), антропоморфный (манс. няврам ‘ребёнок’; хант. наврәм ‘ребёнок’), духовный (манс. сорум ‘смерть’, номт ‘память, ум’; хант. йэтән хөньәл ‘вечерняя заря’), цветовой (манс. тўя сбвыр ‘цвета весеннего зайца’, вбтым ‘седой (букв.: обветренный)’; хант. вөтәл ‘седой’ (букв.: обветренный), нуви ‘белый’).

Национально-культурной спецификой мансийской ЯКМ при репрезентации старости является наличие в ней духовного (манс. сорум ‘смерть’, номт ‘память, ум’) и числового кода культуры (акв ‘один’).

Итак, в обеих лингвокультурах старый человек изображается как внешне непривлекательный, худощавого, сухого телосложения, маленького роста, сгорбленный, с ссохшимся лицом, с седыми волосами, дряхлый, немощный, слабый и беспомощный. Старость в МЯ и ХЯ ассоциируется с ослабеванием умственных способностей человека на основании того факта, что его покидают ясность и трезвость ума, человек впадает в детство. Метафорически процесс старения в языках ассоциируется с процессами увядания, гниения, распада, разрушения, прихождением в негодность, упадка. Характерным для мансийской и хантыйской ЯКМ является осознание старости как предсмертного этапа.

В УВ МЯ актуализируется такая особенность внешности старого человека как морщинистость, неряшливость, неопрятность стариков, вызванных нарушением когнитивных способностей, а также представлено состояние старого человека, когда он становится неходячим, лежачим.

Анализ УВ исследуемых языков выявил преобладание выражений с отрицательной оценкой. Данный факт можно считать закономерным ввиду того, что чем старше становится человек, тем менее привлекателен его внешний вид, и, соответственно, возникает необходимость в ярких описательных средствах. Большинство УВ принадлежит к разговорному стилю речи. В обоих языках обращает на себя внимание наличие УВ, пренебрежительно или презрительно характеризующих стариков. Большая часть номинаций относится к сниженному регистру общения и является оценочной и эмотивной по своему характеру.

Таким образом, описываемые УВ отражают особенности мировосприятия манси и хантов. На примере рассмотрения возрастной категории *старость* в обско-угорских языках мы наблюдаем зависимость УВ не только от внутриязыковых причин, но и от интерпретации фактов действительности в соответствии с культурно-историческими традициями и нормами этноса. Несмотря на внешнее сходство УВ исследуемых языков и даже значительное количество полных эквивалентов, в существенной части случаев выявляется их лексическое и коннотативное несоответствие, что позволяет прийти к выводу, что большинство рассматриваемых УВ сопоставляемых языков обладает выраженными национально-культурными чертами.

Список литературы

Щербо П. А. Особенности вербализации концепта «возраст» в системе типологически разных языков (на материале английской, французской и русской лексики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008. 26 с.

Соловар В. Н. Возраст в семантическом пространстве образа человека как компонент языковой картины мира хантов (на материале казымского диалекта) // Вестник угроведения. 2011. Т. 7. № 4 (7). С. 56–60.

Соловар В. Н., Нахрачева Г. Л., Шиянова А. А. Диалекты хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Ижевск: ООО «Принт-2». 2016. 348 с.

O. Yu. Dinislamova

Traits of National-Cultural Concepts of Age in Mansi and Khanty Language World Images

In the following article, we present the first comparative analysis of linguistic representations of the concept of old age in Mansi and Khanty language world images on the basis of figurative expressions (FE). By doing this, we demonstrate the traits of national-cultural concepts of old age in these cultures by comparing the subject and evaluative components of the selected phraseological units. Figurative expressions of the Ob-Ugric languages have only been studied partially, and only several comparative studies exist at the moment.

Keywords: Ob-Ugric phraseology, Ob-Ugric languages, comparative phraseology, phraseology, phraseological units denoting age, human age, age of Mansi, age of Khanty, Mansi, Khanty.

Р. П. Кузьмина

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск,
raisakuzmina2013@yandex.ru***Соматический код культуры в паремиологическом дискурсе эвенов**

В статье рассматривается соматический код культуры в паремиологическом дискурсе эвенов. Анализируются сомони́мы, обладающие в культуре эвенов символическими функциями. Материалом исследования послужили паремиологические материалы эвенов. В статье использованы ранее изданные публикации по малым жанрам фольклора эвенов и полевые материалы автора, собранные в ходе экспедиций в с. Себян-Кюель Кобяйского улуса Республики Саха (Якутия).

Ключевые слова: эвены; соматический код; паремиологический дискурс; соматизмы; фразеологизмы.

По определению В. В. Красных: «Код культуры может быть определен как “сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его. Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Собственно говоря, коды культуры эти представления и кодируют» [Красных 2002: 5].

Соматический (или меронимический в терминологии В. Г. Гака) код культуры относят к традиционным базовым. Первостепенное значение соматического кода обусловлено тем, что для категоризации и концептуализации мира необходима точка отсчета, каковой является телесная организация человека [Кремшюкалова 2012: 95–101].

Исследователи считают, что соматический код культуры является наиболее древним из существующих (хотя однозначно утверждать или опровергнуть это положение представляется едва ли возможным). Человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя. С этого же началась и окультурация человеком окружающего мира. В результате, завершив этот «герменевтический круг», человек пришел к необходимости опять познавать себя, но уже на другом этапе, на новом витке. Таким образом, в освоении мира человек совершил путь от самого себя к самому себе же [Красных 2002: 233].

Для соматического кода ключевыми образами служат наименования частей тела человека.

Паремиологические материалы эвенов дают нам возможность получить сведения о духовных, культурных ценностях и мировоззрении этноса, живущего на бескрайних территориях северо-востока Азии. В паремиологическом дискурсе многие морально-нравственные ценности представлены именно соматизмами.

В эвенском языке с соматическим компонентом *нюрит* ‘волосы’ функционируют такие фразеологизмы, как: *Нюритчи хуркатча (хөнтэкитэң бэйдук хутэлкэн)* ‘Волосами как петлями ловила (о женщине с детьми от разных мужей)’; *Дылан кабата оча (дэгри бэй)*. ‘Голова у него плешивая стала (бедный человек)’; *Кирилкий эдэй далгатта, нюритэс бодаралдин (эди элмкэттэ)* ‘Не опаливай ресниц, а то волосы на голове обгорят (не давай завидовать)’; *Нюрит хопкандулан дюпти нюрит хечэ (төрэлкэн бэй)* ‘Из корней волос вторые волосы выросли (человек-болтун, трепло)’ [Бурыкин 2001: 182–186].

Запреты-обереги эвенов и эвенков в большинстве своем не отличаются и имеют много параллелей. У данных близкородственных этносов имеется множество запретов, связанных с определенными частями тела человека. Г. М. Василевич пишет: «Эвенки верили в особую силу волос. Они могли быть временным местом для души, поэтому считались заместителем человека. Линденау наблюдал в XVIII в., как у удских эвенков муж укладывал срезанную прядь волос под мышку покойной жены при похоронах, а жена делала то же, кладя прядь на грудь покойного мужа, веря в то, что благодаря этому они не расстанутся в мире мертвых. Один из способов лечения также был связан с волосами: шаман, срезая прядь волос у больного, сжигал ее и давал ему понюхать. К. Рычков наблюдал, как во время эпидемии срезали пряди волос и давали шаману на хранение» [Василевич 1969: 224].

К волосам у разных народов было особое отношение. В «Славянских древностях» отмечается: «Волосы – в народных представлениях средоточие жизненных сил человека. В магии отрезанные В. (как и ногти, пот, слюна и др.) воспринимались как заместитель (двойник) человека. Нередко отрезанные В. хранили, а затем клали в гроб, чтобы «на том свете дать отчет за каждый волос» (в.-слав.). Словенцы

верили, что с В. и бородой можно отнять у человека силу и здоровье, а манипулируя В., даже сделать старика молодым и, наоборот, обратить молодого в старика (Гореньско)» [ЭС 1995: 420].

В старину на Руси придавали волосам огромное значение: женщинам, особенно беременным, запрещалось стричь волосы, ибо они имели охранную функцию. Это подтверждается народной традицией, сохранившейся до сих пор, не стричь волосы ребенку до года. В народной поэзии отрезанная коса позорит девушку, которая поэтому не может выйти замуж без косы [Маслова 2010: 134].

По настоящее время у эвенов функционируют запреты и табу, по которым нельзя давать стричь свои волосы человеку, не имеющему счастья в личной жизни. Нельзя было также мужу остригать волосы жены, так как это может навлечь раздор в семье. Раньше у эвенов существовал запрет, по которому мужу дочери или младшей сестры нельзя было показывать волосы.

Примеры: *Мэн н'уриги этэнни ухра – һинимкин. Ам неһла од'инни* 'Нельзя стричь себе волосы – грех. Станешь несчастлив'; *Этикэндий н'уриги эд'и уһукан – һинимкин. Ам неһла о'диһна; Өтэрэн атикал матактур н'урутур-дэ өстө ичүкэһнэр – эр төһкэ, һин'ин* 'В старину пожилые женщины своему зятю ни волосы, ни другие части тела не показывали – это уважение и еще грех' [ПМА].

Запрет на обрезание волос ребенку до года встречается и в культуре эвенов и эвенков. Состриженные волосы обязательно сжигались. Сжигание волос встречается и в культуре русских. Считается, что бросание волос в огонь – это своего рода жертва домовому [Маслова 2010: 134].

Важной установкой таких запретов-оберегов у эвенов является то, что нельзя выбрасывать где попало остриженные волосы, ногти и выпавшие зубы ребенка. В мировоззрении эвенков и эвенов считается, что в волосах человека заключена сила человека и, нарушив данные запреты, человек лишается данной природой силы, и он становится слабее перед жизненными трудностями. Эти запреты имеют и экологическую, и воспитательную функции, показывают бережное отношение человека к окружающей природе, человека, живущего в единении с ней. Важной особенностью эвенских запретов является то, что они до сих пор сохранились в местах проживания эвенов и неукоснительно выполняются всеми, независимо от возраста.

Примеры: *Нюритур экич улэр, нюритур тесчимэчидилдикэс – төһүэкич.* 'Волосы свои нельзя бросать, а то ты потом можешь начать отнимать их у других – грешно'; *Нюритур экич улэр – төһүэкич, тог дявуттан дурутми тогла ай, нюритур-дэ гэлэтэдилдик* 'Волосы нельзя бросать – грешно, пусть огонь держит их у себя, их надо сжигать на огне, а то человек потом свои волосы искать начнет'; *Куна нэһэрчэ иттөн неркэлэ энмэй нёдар – тарак төһүэкич, деплэ дигнэдун хинаһиди, һинду бөнмэй, таракам иням эмэн ай ит хедин* 'Выпавший молочный зуб ребенка нельзя бросать на землю около очага – это грех, надо, положив его в кусочек еды, отдать съесть собаке, тогда на его месте вырастет хороший зуб' [Бурыкин 2001: 207–209]; *Остой уһрид'и илэ-тала этэнни нодур – һинимкин. Аччоми тараһи мэһдэд'инни* 'Закончив стричь ногти нельзя бросать – грех. Когда уйдешь из этого мира, будешь искать их' [ПМА].

В эвенских фразеологических единицах также используется сомоним *ясал, яхал, яхол* 'глаза', являющийся одним из важнейших информационных каналов. Посредством глаз человек может передавать как положительные, так и отрицательные чувства, например: *Хэвки ясаллон таһча (бэругэн бэй)* 'Бог у него глаза вырвал (человек-сплетник)'; *Гэдэмэклэй ясалалкан, омкатлай – бягандялкан (эннэй эттэ эди хопчар)* 'Глаза имеющий на затылке, луну имеющий на лбу (если знаешь, что не сумеешь справиться с чем-то, не хвастайся)' [Бурыкин 2001: 182, 186].

Важным органом восприятия звуков окружающего мира являются уши. Фразеологические единицы с сомонимами *корат* 'уши' выражают тайное, что обычно может осуждаться обществом: *Мэн корити эди көөчисчир (эннэй эттэ эди хопчар)* 'Не пытайся посмотреть себе на уши (не хвастайся, если не сможешь выполнить обещанное)'; *Дюптив оивум (хякам) эди тэһуттэ (хояч эди асиһнатта)* 'Не надевай двух серег в одно ухо (не бери много жен)' [Бурыкин 2001: 184, 186].

С сомонимами *оһат* 'нос', *амһа* 'рот' в эвенском языке зафиксировано множество фразеологических единиц. В них выражено отрицательное отношение к таким качествам людей, как хвастовство, зависть, пустословие и лекомыслие: *Оһатлин мө эенни; еһүэлин дебулинде тутчэ (төрэлкэн бэй)* 'По носу вода течет, по языку мохнатая сороконожка бегала (говорящий человек)'; *Оһатан эдэмрэн (эечимэгэн бэй)* 'Нос его ветер обвеивает (о завистливом человеке)'; *Амһай эди туруттэ – еһүэс иһудин (хояв эди төрэр)* 'Не держи открытым рот – язык стоймя встанет (много не говори)'; *Амһалай хөксив яһрав хинюттэ (билгар бэй)* 'Во рту горячий уголь держащий (прожорливый человек)' [Там же].

Таким образом, соматизмы *нюрит* 'нос', *ясал* 'нос', *корат* 'уши', *оһат* 'нос', *амһа* 'рот' являются наиболее продуктивными соматическими компонентами в паремиологическом дискурсе эвенов.

Список литературы

- Бурькин А. А.* Малые жанры эвенского фольклора. Загадки, пословицы и поговорки, запреты-обереги, обычаи и предписания, приметы (исследование и тексты). СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2001. 288 с.
- Варламова Г. И.* Мировоззрение эвенков: Отражение в фольклоре. Новосибирск: Наука, 2004. 185 с.
- Василевич Г. М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVIII –начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Красных В. В.* Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникации: сб. ст. Вып. 19. М., 2002. С. 5–19.
- Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.
- Кремшюкалова М. Ч.* Культурные коннотации в фольклорных текстах как маркеры национального мировидения (на материале русских и кавказских паремий). Cuadernos de Rusística Española, 2012. С. 95–101.
- Маслова В. А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 208 с.
- Полевой материал автора Кузьминой Р. П. Интервью в местности Эндыбал Ламунхинского наслега Республики Саха (Якутия): записано в сентябре 2005 г.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого. Том I. А-Г. Москва: Международные отношения, 1995. С. 88–575.

R. P. Kuzmina

Somatic Code of Culture in Even Paremiological Discourse

The article deals with the somatic code of culture in the paremiological discourse of the Evens. We analyze the somonyms that possess the symbolic functions in the Even culture. Our study material consists of the paremiological materials of the Evens. The article uses previously published publications on the small genres of the Even folklore and field materials collected by the author during research trips in v. Sebian-Kyuel, Kobyay ulus, of the Republic of Sakha (Yakutia).

Keywords: evens; somatic code; paremiological discourse; somatisms; idioms.

Концептуальная база и денотативная структура поля «Музыка» в шорском языке

Статья посвящена описанию зоны смыслов концепта «музыка» и разработке денотативной структуры тематического поля «Музыка» для тезаурусного описания языков, для проведения сравнительно-исторических и сопоставительных исследований.

Ключевые слова: лексика, тематическое поле, концепт «музыка», сравнительно-историческое исследование тюркских языков Сибири, шорский язык.

0. Введение

Организации лексических единиц на основе ассоциативного признака и презентация ее в виде тематических полей и лексико-семантических групп позволяет провести системное и, в конечном итоге, глобальное описание истории формирования этносов и их языков.

Обобщенный лексический материал, представленный тематически классифицированными концептами, содержится в работе «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [СИГТЯ 1997]. Уровень обобщения материала данной монографией позволяет проводить дальнейший детализированный анализ лексики, а также освещение неохваченных описанием элементов.

Региональное описание глагольной лексики в составе лексико-семантических групп проводится на материале тюркских языков Саяно-Алтая [Широбокова, Тюнтешева, Шагдурова, Озонова, Федина, Байыр-оол 2015].

Так, к настоящему времени описаны следующие лексико-семантические группы: глаголы говорения в хакасском языке [Чертыкова 1996], глаголы поведения в хакасском и тувинском языках [Чертыкова, Салчак 2017], глаголы поведения в алтайском языке [Тюнтешева 2016], глаголы психической деятельности в хакасском языке [Чертыкова 2016], глаголы интеллектуальной деятельности [Тюнтешева, Шагдурова, Байыр-оол, Широбокова 2015], глаголы трудовой деятельности в алтайском языке [Тюнтешева 2017], глаголы традиционных промыслов в северных диалектах алтайского языка [Тюнтешева, Озонова 2017]. Тематическое исследование лексики шорского языка было начато в рамках программы «Лингвистическое описание шорского фольклора» [Шенцова 2002; Шенцова 2003].

1. Презентация языкового материала в виде тематического поля

Презентация языкового материала в виде тематического поля предлагает целостную картину фрагмента языковой системы языка. Элементами тематического поля служат лексические единицы, репрезентирующие предметные, процессные и признаковые денотаты, т. е. тематическое поле включает слова, относящиеся к разным частям речи. Лексические единицы поля связаны не только ассоциативными отношениями со стороны их значений, но и системно-структурными отношениями (derivationalными, syntagmaticкими).

Ассоциативные системно-структурные отношения лексических единиц поля в значительной мере отражают интеллектуальный опыт языкового коллектива. Создание конструкта (здесь: лексического поля) опирается на знание создателей данного лингвистического продукта реальной действительности, опосредованно отраженной в значениях языковых единиц. Реальная действительность, «данная нам в ощущениях», осознается человеком как видимый, «слышимый» и осязаемый мир – мир, который человек анализирует, разбивает на смысловые зоны и интерпретирует их.

В данной работе разрабатывается смысловая сторона тематического поля «Музыка», ядерный смысловой компонент которого относится к области «Звучание», а эстетическая оценка явления «музыка» – к области духовной культуры; проводится координация уровня «смыслов» и уровня денотатов поля.

2. Концептуальное содержание поля «Музыка»

Феномен человеческой культуры *музыка* определяется как: 1) искусство, в котором переживания, чувства и идеи выражаются ритмически и интонационно организованными *звуками*, а также сами произведения этого искусства; 2) исполнение таких произведений на инструментах в отличие от во-

кального искусства (противопоставление музыки и пения); 3) *мелодия* какого-либо звучания [Ожегов 1983: 322].

Явление «*музыка*» рассматривается нами как система, представленная собственными элементами, структурой, функцией.

Элемент системы «*музыка*» – *звук*. *Звук* как явление физического мира является волнообразно распространяющимся колебательным движением частиц упругой среды (воздуха, воды и т.д.), он регистрируется приборами. Звуком обозначают также специфическое ощущение, вызываемое действием звуковых волн на орган слуха [БСЭ 1952: 573]. Музыкальный звук должен обладать определенной высотой, тембром и громкостью. Музыкальный звук входит в состав закономерно организованной музыкальной системы [БСЭ 1952: 577].

Параметры феномена *звук* (*тон* // *шум*; *тембр*) концептуализируются следующим образом. Понятие «*тон*» (гармонические колебания) связано с музыкальным звучанием – звучанием музыкальных инструментов и пением. Понятие «*шум*» (негармонические колебания) имплицитно в значениях лексем, обозначающих искусственные ритмические звуки, охватываемые понятием «*музыка*» (бой барабана, вибрация бубна, др.). Понятие «*тембр*» (характерная окраска звука) имплицитно в значениях лексем, обозначающих оценку звучания: «*красивое*» // «*некрасивое*».

Совокупность звуков, издаваемых человеком или дышащими лёгкими животными при помощи голосового аппарата – это *голос*. У человека с помощью голоса осуществляется *речь* и *пение* [БСЭ 1952: 629].

Организация музыкальных звуков – *мелодия*. *Мелодия* (*напев*) – это благозвучная последовательность звуков, образующая известное музыкальное единство [Ожегов 1983: 305, 339].

При исследовании музыкальной организации звуков оперируют понятиями: *интонация* (точность звучания музыкального инструмента при игре или голоса при пении), *ритм* (равномерное чередование элементов), *темп* (степень быстроты в исполнении музыкального произведения) [Ожегов 1983: 224, 606, 705].

Мелодия реализуется при игре на музыкальных инструментах, когда возникает искусственное гармоническое звучание. Мелодия может быть реализована биологически: пением (голосом человека), свистом («художественный свист», пение птиц).

2.1. Таким образом, *смысловую структуру* поля «*Музыка*» можно представить следующим образом.

Ядерный концепт поля – музыкальное звучание, элемент (компонент) поля – звук, организация компонентов – мелодия. Актуальные параметры звука: *тон* // *шум*, *тембр*. Актуальные параметры мелодии: *интонация*, *ритм*, *темп*.

Звучания с преобладающими параметрами: тон и мелодия.

Музыкальное звучание природных объектов (свист ветра), музыкальное звучание голоса животных (пение птиц), музыкальное звучание голоса человека (пение гласных звуков), звучание музыкальных инструментов. Дополнительный параметр: вербализация (собственно пение, т. е. пение текстов).

Звучания с преобладающими параметрами: шум и ритм.

Звучание природных объектов (журчание ручья, стук капель дождя), звучание голоса животных (рычание), звучание голоса человека (подражание соответствующим звукам), звучание ударных музыкальных инструментов. Дополнительный параметр: вербализация (ритмическое исполнение текстов: речитатив, рэп).

Отраженное звучание: эхо.

Анти-звучание: отсутствие звучания. Кратковременное отсутствие звучания для создания ритма (пауза), полное отсутствие звучания (тишина, молчание)

Свойство системы «Музыка» – подразумевание перцептивности (свойства быть воспринятым). Основные *функции* данной системы: коммуникативная, эстетическая (в человеческом обществе), коммуникативная, сигнальная (у птиц).

3. Денотативная структура поля «Музыка»

Представление о конкретном внеязыковом объекте (объекте в широком смысле слова) закреплено в «денотативной части» лексического значения языкового знака, реализуемом в речи. Рассмотренные выше «смыслы» входят в сигнификаты лексических значений языковых знаков и способствуют дифференциации значений лексем [ЛЭС 1990: 438]. Например, концепт «продукт пения» в шорском языке реализуется рядом лексем с разными сигнификатами (шор. *сарын* ‘песня’ (обычно протяжная),

тақпақ ‘частушка’, сыыт ‘плач’, сөгүш ‘песня-дразнилка’ и др.). Понятия о внеязыковых объектах обобщенно рассматриваются как понятия о предметах, процессах, признаках (качествах) предметов, признаках (качествах) процессов. Согласно традиции, мы оперируем терминами предметные, процессные, качественные денотаты.

Таким образом, денотативная база поля «Музыка» представлена следующим образом. Предметные денотаты – объекты поля: жанры музыки, произведения музыкального искусства, исполнение произведений, исполнители, музыкальные инструменты, объект как имманентная сущность (шор. *қай ээзи* ‘дух кая’). План выражения – имена существительные, субстантивированные причастия.

Процессные денотаты – процессы, связанные со звучанием и восприятием музыкальных звуков, а также действия по производству музыкальных звуков. План выражения – функциональные формы глаголов.

Качественные денотаты – качественная характеристика предметных денотатов (атрибуты разного происхождения: существительные в изафетных конструкциях, прилагательные, причастия); качественная характеристика процессных денотатов (наречия, частицы).

На основе разработанной модели нами описано лексическое поле «Музыка» в шорском языке. Подборка лексем осуществлена на основе ведущего ассоциативного признака. В данном «конструкте» отражена лексическая деривация единиц поля. Фонд приводимых контекстов позволяет судить о синтагматике и прагматике лексем.

Список литературы

Ожегов С. И. Словарь русского языка. Издание 14. / Под ред. д. филол. н., проф. Н. Ю. Шведовой. М.: «Русский язык», 1983.

Тюнтешева Е. В. Лексико-семантические соответствия глаголов трудовой деятельности алтайского языка в тюркских языках Южной Сибири и кыпчакских языках // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С.214–225.

Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю., Байыр-оол А. В., Широбокова Н. Н. Глаголы интеллектуальной деятельности в тюркских языках и диалектах Саяно-Алтая // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С.251–256.

Тюнтешева Е. В., Ознова А. А. Глаголы, связанные с традиционными промыслами, в северных диалектах алтайского языка в сравнении с другими тюркскими языками // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий. Материалы четвертой Международной практической конференции, посвященной 155-летию со дня рождения Н. Ф. Катанова. 27–29 сентября 2017, г. Абакан, 2017. С.185–188.

Тюнтешева Е. В. Лексико-семантические соответствия глаголов поведения алтайского языка в тюркских языках Южной Сибири, киргизском и казахском // Материалы региональной научно-практической конференции «Язык и культура алтайцев: современные тенденции развития». 5–9 июля 2016 г. Горно-Алтайск, Институт алтаистики им. С. С. Суразакова, 2016. С.94–104.

Широбокова Н. Н., Тюнтешева Е. В., Шагдурова О. Ю., Ознова А. А., Федина Н. Н., Байыр-оол А. В. Изучение глагольной лексики в тюркских языках и диалектах Саяно-Алтая // *Alkis bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov*. Сборник статей к 80-летию Д. М. Насилова. М., 2015. С.152–160.

Чертыкова М. Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1996. 18 с.

Чертыкова М. Д. Глаголы со значением психической деятельности в хакасском языке (системно-семантический аспект). Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 2016. 45 с.

Чертыкова М. Д., Салчак А. А. Глаголы со значением поведения в хакасском и тувинском языках. Идеографический словарь-справочник. Абакан: Хакасский госуниверситет им. Н. Ф. Катанова, 2017. 112 с.

Шенцова И. В. Лингвистическое описание шорского фольклора // Вузовская наука начала XXI века: гуманитарный вектор. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. С.145–147.

Шенцова И. В. Обозначение природных локумов в шорском героическом сказании «Алтын Сырык» // Язык фольклорного произведения. Сборник научных статей. Вып 1. Шорский язык. Новокузнецк. 2003. С.23–34.

Список сокращений

- БСЭ – Большая советская энциклопедия. 2 изд. (в 51 т.). М.: Государственное научное издательство «Большая советская энциклопедия», 1949–1958.
ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 1997. 800 с.

I. V. Shentsova

‘MUSIC’ as a Conceptual Field and its Denotative Presentation

The survey of terms referring to the notion of music being worked out in the article has led to the structural presentation of the corresponding conceptual field ‘MUSIC’. The conceptual and denotative levels are coordinated to make up a ‘thesaurus’ model of lexical field analysis effective in comparative studies.

Keywords: vocabulary, conceptual field, thematic field, notion of music, comparative linguistics, Siberian turkic languages, Shor.

В. Н. Соловар

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск,
solovary@mail.ru***Семантические особенности глаголов хантыйского и мансийского языков
с превербом *кътна/катэщ/ китхи/киттыг***

Статья посвящена рассмотрению семантики обско-угорских глаголов с превербом *кътна /катэщ/ китхи /киттыг* 'надвое' в сочетании с глаголами, представляющими разные лексико-семантические группы: движения, отделения, разделения, деструкции и др. и изменения их глагольной валентности. Преверб модифицирует значение глагола в зависимости от синтаксической сочетаемости; одновременно синтаксическая сочетаемость может определять грамматическую форму глагола.

Ключевые слова: преверб, валентность, лексико-семантическая группа, глаголы перемещения, покрытия, закрытия, движения, семантика.

Глагольными превербами мы называем лексико-грамматические единицы языка, маркирующие позицию предмета в пространстве, изменение его структуры, модифицирующие значение глагола в зависимости от синтаксической сочетаемости.

Материалом исследования послужили примеры с превербом *кътна/ катэщ/ китхи/ киттыг* 'надвое' казымского, шурышкарского, приуральского, сургутского диалектов хантыйского языка и мансийского языка (верхнесосьвинский и среднесосьвинский говор северного наречия), собранные автором у информантов и частично извлеченные из словаря мансийского языка [Ромбандеева 2005: 87–97].

В основу исследования семантической модели управления хантыйского глагола кладётся изучение глаголов как семантических предикатов, соотносимых с типовыми ситуациями. Модель глагольного управления отражает ролевую структуру глагола, т. е. представляет индивидуальные валентностные характеристики глагола как лексикографического объекта; она опирается на понятие валентности глагола – его способности присоединять определённое количество зависимых элементов в определённой форме – и строится на основе всех употреблений некоторого конкретного глагола как максимально полный возможный набор его лексикографически существенных ролей.

Семантика глагола напрямую связана с системой его валентностей, т. е. с определением количества обязательных актантов и необходимых обстоятельственных компонентов, входящих в модель предложения, тип модели элементарного простого предложения непосредственно определяется системой глагольных валентностей. Она, в свою очередь, зависит от характера глагольной основы, в частности, от наличия / отсутствия превербов и набора аффиксов.

В «Хантыйско-русском словаре» [2006] приведено 27 глаголов с превербом *-кътна* и имеются сведения о сочетаемости данных глаголов.

При описании системных связей между единицами синтаксического уровня мы опираемся на теоретические взгляды М. И. Черемисиной [1995] и труды Н. Б. Кошкаревой [2002, 2004]. В трудах данных авторов, посвященных моделированию простого предложения как единицы языка, рассматриваются критерии выделения основной единицы синтаксиса, ее дифференциальные признаки, системные отношения в области синтаксических единиц.

В данной статье мы проанализировали 37 глаголов казымского диалекта с превербом *-кътна*, выписанных из хантыйских текстов, словарей и полученных от информантов; 11 глаголов с превербом *-кътна* шурышкарского диалекта; 22 глагола с превербом *катэщ* приуральского диалекта; 15 глаголов сургутского диалекта с превербом *китхи*; 50 глаголов северного наречия мансийского языка.

Наличие у глаголов преверба *кътна/катэщ/ китхи/киттыг* указывает на то, что объекты могут подвергаться деструкции, т. е. делиться на две части; они могут двигаться или перемещаться в две разные стороны.

Так преверб *кътна* присоединяется в казымском диалекте к глаголам разных ЛСГ: движения (13), отделения (11), деструкции (6), перемещения (5), позиции (1), разделения (1) и др. Основная часть зафиксированных глаголов казымского диалекта с превербом *кътна* может употребляться и без преверба.

Рассмотрим особенности присоединения преверба *-кътна* к разным ЛСГ глаголов.

Язык / диалект ЛСГ	Хантыйский								Мансийский	
	казымский		шурыш-карский		приуральский		сургутский			
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
движения	13	35%	3	27%	9	40,9%	5	33,3	12	24%
отделения	11	29,7%			3	13,6%	1	6,6	1	2%
деструкции	6	16,2%	4	36%	2	9,09%	7	46,6	18	36%
перемещения	5	13%	1	9%	4	18%	-		8	16%
позиции	1	2,7%	2	18%	1	4,5%	1	6,6	1	2%
разделения	1	2,7%			3	13,6%	-		1	2%
присвоения	-				-		1	6,6	-	
действия	-								4	8%
разъединения	-		1	9,09%					4	8%
передачи	-								1	2%
	37		11		22		15		50	

Преверб *кйтна* изменяет семантику глаголов, так, например, *вуцкэты* ‘бросить’ – *кйтна вуцкэты* ‘разбросать в две стороны’; *мйтны* ‘ехать, идти, плыть, улететь’ – *кйтна мйтны* ‘разъехаться, разойтись, разлететься, плыть (в две стороны)’; *лелэмтты* ‘сесть’ – *кйтна лелэмтты* ‘разъехаться в две стороны’; *мөрэмэты* ‘разломить, отломить’ – *кйтна мөрэмэты* ‘разломить надвое’.

Значение преверба *кйтна/катэц/китхи/киттыг* – ‘деление, разъединение, отделение, деструкция, перемещение’ и др., например: *ньохэлты* ‘гнать’ – *кйтна ньохэлты* ‘разогнать в две стороны’, *ортты* ‘делить’ – *кйтна ортты* ‘разделить’, *питты* ‘падать’ – *кйтна питты* ‘развалиться, распасться на части’, *сөхтэты* ‘дернуть’ – *кйтна сөхтэты* ‘дернуть в две стороны; раздернуть’, *ййүхийэлты* ‘ходить’ – *кйтна ййүхийэлты* ‘расходиться’ и др.

В приуральском диалекте (усть-собский говор), по имеющимся материалам, преверб *катэц* формирует, в основном, ЛСГ разделения и движения: 8 глаголов разделения, 7 глаголов движения, 3 глагола с семантикой деструкции и др. Например: *сэвармэты* ‘расколоть’ – *катэц* ‘расколоть надвое’, *мйтны* ‘идти’ – *катэц мйтны* ‘расходиться’, *мөрэмэты* ‘отломить’ – *катэц мөрэмэты* ‘разломить надвое’, *питты* ‘стать, падать, линять’ – *катэц питты* ‘распасться’, *ньэрэмэты* ‘дернуть’ – *катэц ньэрэмэты* ‘дернуть в две стороны’ и др. В шурышкарском диалекте преверб *кйтна* формирует 5 глаголов деструкции, 5 глаголов движения, 1 глагол разъединения. Например: *сэварты* ‘рубить’ – *кйтна сэварты* ‘разрубить пополам’; *ваньцты* ‘резать,’ – *кйтна ваньцты* ‘рассечь, разрезать’; *мйтны* ‘идти, ехать, плыть, лететь’ – *кйтна мйтны* ‘развестись’; *касэлты* ‘переезжать’ – *кйтна касэлты* ‘переезжать в две стороны’.

Представим результаты формирования ЛСГ глаголов с помощью преверба *кйтна/катэц/китхи/киттыг* в таблице.

ЛСГ глаголов с превербом *кйтна/катэц/китхи/киттыг*

Язык / диалект ЛСГ	Хантыйский								Мансийский	
	казымский		шурыш-карский		приуральский		сургутский			
	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%	кол-во	%
разделения	20	54%			8	36 %	-		3	6%
движения	13	35,1%	5	45%	7	31,8 %	2	13,3 %	5	10%
перемещения	3	8,1%			2	9,09 %	-		8	16%
деструкции	1	2,7%	5	45%	3	13,6 %	9	60 %	21	42%
действия	-				2	9,09 %	1	6,6%	4	8 %
разъединения	-		1	9,09	-		3	20%	9	18%
	37				22		15		50	

Таким образом, во всех четырех рассматриваемых диалектах хантыйского языка, а также в верхнесосьвинском и среднесосьвинском говорах мансийского языка основным формируемым значением глаголов с исследуемым превербом является движение и деструкция объекта.

Рассмотрим подробнее функционирование преверба *кйтна* в казымском диалекте. Основная часть глаголов казымского диалекта с превербом *кйтна* может функционировать и без преверба.

Система валентностей глагола может измениться в зависимости от ЛСГ, к которой преверб *кйтна* присоединяется. Так, преверб *кйтна* присоединяется к глаголу движения *мйтты* 'идти' и уменьшает валентности этого глагола, что влияет на семантику и структуру хантыйского предложения.

Итак, семантика основной части глаголов с превербом *кйтна* /*катэц*/ *китхи*/ *киттыг* в обско-угорских языках по диалектам хантыйского и мансийского языков совпадает. С помощью преверба *надвое* во всех диалектах хантыйского и мансийского языка формируется ЛСГ глаголов с семантикой движения и деструкции. Так, в казымском диалекте преверб *кйтна* формирует глаголы движения (35,1%), глаголы деструкции – (2,7%), в шурышкарском диалекте глаголы деструкции составляют (45%), глаголы движения (45%), в приуральском диалекте глаголы движения составляют 31,8 %, глаголы деструкции –13,6 % и т.д.

Валентность глаголов приуральского, шурышкарского, казымского диалектов, в основном, совпадает из-за схожей семантики глаголов и их сочетательных возможностей; расхождения возможны для редких глаголов.

Глаголы ЛСГ движения, перемещения теряют локативную валентность; часть глаголов разделения, отделения, деструкции не меняют валентность.

При присоединении преверба *кйтна* количество валентностей уменьшается: глаголы перемещения теряют от 1 до 2 валентностей и иногда переходят в ЛСГ движения.

Глаголы отделения, в основном, не меняют валентность и переходят в ЛСГ разделения. Трехвалентные глаголы движения теряют 1-2 валентности, они сохраняют ЛСГ. Сохраняют валентность глаголы деструкции. Двухвалентные каузативные глаголы являются производными от глаголов деструкции.

Глаголы отделения изменяют свою семантику и переходят в ЛСГ разделения, при этом количество валентностей не изменяется.

При присоединении преверба глаголы деструкции теряют свою факультативную (орудийную) валентность.

Нами исчислены изменения в структуре валентности глагола в казымском диалекте хантыйского языка; глаголы ЛСГ отделения, разделения, деструкции, в основном, сохраняют свою валентность. Наблюдается типологическая схожесть валентности глаголов трех западных диалектов хантыйского языка и мансийского; она, в основном, совпадает из-за схожей семантики глаголов и их сочетательных возможностей; расхождения возможны для редких глаголов.

Превербы не только модифицируют лексическое значение глагола и могут регулировать его валентности; глаголы приобретают общее значение разделения, разъединения объектов, субъекта, их деструкции.

Список литературы

Кошкарева Н. Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Вып. 12. Новосибирск, 2002. С. 29–44.

Кошкарева Н. Б. Пропозиция и модель // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск, 2004. С. 70–80.

Ромбандеева Е. И. Русско-мансийский словарь. Учебное пособие для учащихся 5-9 классов общеобразовательных учреждений. 2 часть. Санкт-Петербург, филиал изд-ва «Просвещение», 2005.

Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). СПб.: изд-во «Миралл», 2006. 333 с.

Черемисина М. И. О системности в сфере моделей предложения // Языки коренных народов Сибири. Вып. 1. Новосибирск: НГУ, 1995. С. 3–21.

V. N. Solovar

Semantic Traits of Khanty and Mansi Verbs with the Preverb *кйтна*/катэц/ *китхи*/киттыг

The article is devoted to the semantics of the Ob-Ugric verbs with preverb *кйтна* /*катэц*/ *китхи* /*киттыг* 'in two' combined with verbs from various lexical-semantic groups: motion, separation, division, destruction, etc., and changes in their verbal valency. The preverb modifies the meaning of the verb depending on syntactic combinability; concurrently, syntactic combinability may determine the grammatical form of the verb.

Keywords: preverb, valency, lexical-semantic group, verbs of motion, covering, closing, movement, semantics.

М. Д. Чертыкова

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, chertikova@yandex.ru

**Семантико-когнитивная характеристика хакасских глаголов
со значением вкусового восприятия
(в сравнении с другими тюркскими языками)**

В работе выявляются и описываются семантико-когнитивные особенности глаголов со значением вкусового восприятия в хакасском языке, объединённых общим категориальным признаком «пробовать *что-л.* (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность» в сравнении с их лексическими параллелями в других тюркских языках. В качестве материала для анализа использованы данные из двуязычных словарей.

Ключевые слова: хакасский язык, тюркские языки, глагол, вкусовое восприятие, семантика.

Вкусовые ощущения являются одним из пяти видов чувственных восприятий окружающего мира. Вкусовое восприятие по физиологическому критерию несколько сближается с обонятельным восприятием, т. к. многие вкусовые качества соотносятся с запахом пищи, тем самым определяются и оцениваются им. При этом в языковой системе вкусовое восприятие получает скромное отражение, хотя его значение немаловажно в жизнедеятельности человека.

Как правило, со вкусовыми восприятиями связаны эмоциональные состояния и действия: вкусовое предпочтение, разочарование, ненависть и т.д. относительно к объекту восприятия. Например: *Оолагас, яблоконы амзап көрп, чирге хынмин, нандыра сал салган* ‘Мальчик, яблоко только попробовав, не захотел кушать и положил обратно’. В данном высказывании актуализируются идеи вкусового восприятия, с одной стороны, с другой – разочарования, нежелания субъекта. «{...} любое высказывание, репрезентирующее фрейм вкуса, не только сообщает о диктумном событии, но содержит оценку, интенсивность которой зависит от коммуникативных целей говорящего. Актуализация оценки увеличивается в жанрах, которые воздействуют на адресата («рекомендация», «реклама»), и снижается там, где основная цель – информировать о наличии вкуса или описать этот вкус с точки зрения его объективных свойств (описание)» [Макарова 2007: 20]. В контекстах позицию объекта вкусового восприятия, как правило, занимают наименования съедобных предметов: пищи, продуктов питания, напитков, которые далее конкретизируются на более конкретные названия.

В хакасском языке базовым глаголом вкусового восприятия является **амза-** «1) пробовать на вкус, отвеживать *что-л.*; *амзап көр-* ‘попробуй на вкус’; *үгре амзирга* ‘пробовать суп’; 2) пить небольшими глотками; пригубить; *амзап изерге* ‘пить небольшими глотками’; 3) пить, выпить; *амзабыс!* ‘Выпей!’; *пир тамчых таа амзабаам* ‘ни капли не выпил’» [ХРС 2006: 61]. Примеры: *Чайгыда полза, аарлыг аалчым, чистек аймагын амзирзың* (Н. Идимешева) ‘Если летом приедешь, мой дорогой гость, то каких только ягод ни попробуешь’; *Столдагы чисті көместең амзапчадып, ол поэзың сагыстарына пазох өрчліг күлін салган* (Тс, 18) ‘Он, пробуя понемногу кушания, стоящие на столе, весело улыбнулся своим мыслям’.

В. И. Рассадин отмечает, что данный глагол монгольского происхождения, консонантизм которого отразился в середине слова: «монг. *s* → хак. *з*: монг. **амса-** «отведать» > хак. **амза-**» [Рассадин 1980: 40]. В монгольском языке данный глагол представлен как многозначный: **амсах** 1. «1) пробовать (на вкус); отвеживать; дегустировать; кушать; *амас амсах* ‘попробовать кашу’; *бялуунаас амсах* ‘отведать пирога’; {...}; 2) выпить; *архи амсдаг* ‘пьющий’; 3) едва хватать, чуть доставать; 4) испытывать, переживать, переносить, претерпевать (горе, неприятности); *бэрхийг амсах* ‘испытывать трудности’; *жаргал амсах* ‘вкусить блаженство, наслаждаться блаженством; блаженствовать’; *зовлон амсах* ‘переносить мучения, испытывать муки, испытать горе’; 5) принимать жертву (о духах)» [БАМРС 2001: 217]. Как видим, глагол **амсах** в монгольском языке сохранил своё первоначальное значение при развитии других переносных. Соответственно, в близкородственном монгольскому, бурятском, языке данный глагол тоже имеет переносное значение: **амсаха** «1) пробовать, отвеживать, вкушать; **хоол амсаха** ‘отведать пищу’; 2) *перен.* нести ответственность за *что-л.*; **гэмээ (или зэмээ) амсаха** ‘нести наказание, отвечать за преступление’» [БурРС 2010: 64].

Второй распространённый общетюркский глагол, – **тадирга /тады-/** «иметь *какой-л.* вкус, иметь привкус *чего-л.*; *ахсымда даа тадыбин парды* ‘[я] и вкуса не почувствовал’ (так говорят, когда мало *чего-л.*); *ачыг тадыпча* ‘горький на вкус’; *тадылыг тадыпча* ‘сладкий на вкус’; *тузы тадыбинча*

‘недосолёно’» [ХРС 2006: 572–573]. В «Древнетюркском словаре» он представлен как: **тат-** 1) пробовать, вкушать: *juntur taŋ namaz qıldı tattı aś-a* ‘он совершил омовение, прочитал утреннюю молитву и отведал пищи’ (QBN 416-14); *şıqardı jegü içkü türlüğ aşı / ajur az-qına tat aj qögü kişi* ‘он вытащил еду и питьё, различные кушанья / и говорит: «Отведай [хоть] немного, о добрый человек!»’ (QBN 390-10); *süüüg tattıñ ersä ađıqqa amin* ‘если ты отведал сладкого, готовься к горькому’ (Юг С209); 2) приходится по вкусу, быть приятным: *atıñ qögü bolsa tiriglik tatır* ‘если имя твоё будет добрым, жизнь будет приятной’ (QBN 321-13) [ДТС 1969: 541].

В других тюркских языках фонетические варианты глагола **тады-** семантически близки с глаголом **амза-** ‘пробовать что-л. (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность’: башк.: **тәмләү** 1) см. **тәмләндерәү**; 2) пробовать на вкус, отвеживать, дегустировать // снятие пробы; дегустация; *сәйзе тәмләү* ‘дегустация чая’; *ашты тәмләп карау* ‘пробовать суп на вкус’; 3) в ф. *деепр. на -п употр. в знач. нареч.* ‘со вкусом, с наслаждением’; *тәмләп сәй эсәү* ‘со вкусом пить чай’; *тәмләп йоклау* ‘спать с наслаждением’ [БРС 1996: 662–663]; каз.: {...} 2) (на вкус) *ауыз тию*; *дәм тату*; *дәмін байқау*; *дәмін татып көру*; *тосаптың дәмін татып көру* ‘попробовать варенье’; *ауыз тию* ‘попробовать’ (пищу); *сорпаның дәмін тату* ‘попробовать суп’; *сорпаның дәмін татып көру* ‘попробовать суп на вкус’ {...} [https://sozdik.kz/ru]; кирг.: *тәмлә* ‘пробовать на вкус; отвежать и приохотиться, разлакомиться’; *бышкан мөмө мөлтүрөшөт, кантип өтөм татканбай?* стих. ‘спелые плоды рдеют, как я пройду не вкусив’ {...}» [КРС 1985: 214–215].

Таким образом, в результате семантико-когнитивного анализа глаголов вкусового восприятия в хакасском и других тюркских языках, приходим к следующим выводам:

1) глаголы со значением вкусового восприятия, объединённые общим категориальным признаком «пробовать что-либо (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность», немногочисленны: несмотря на важность действия вкусового восприятия в жизни человека, данные лексемы, по сравнению с глаголами зрительного и слухового восприятия, обслуживают наименьшее число коммуникативных ситуаций;

2) в хакасском языке, как и в других тюркских языках, действуют два базовых глагола со значением вкусового восприятия: **амза-** ‘пробовать на вкус, отвеживать что-л.’, заимствованное из монгольского языка, и **тады-** ‘иметь какой-л. вкус’. Глагол **амза-** с аналогичным значением действует в сибирских тюркских языках, также он выражает переносное значение ‘пригубить (спиртное)’. В хакасском языке глагол **амза-** развивает данное значение при наличии в своём составе аффикса совершенного вида **-быс-**;

3) хакасскому глаголу **амза-** ‘пробовать что-л. на вкус’ семантически соответствуют алтайский глагол **амтанда-** ‘определять что-л. на вкус’; *курсакты амтандаар* ‘определять на вкус еду’ [АРС 2017: 68]; якутский глагол **амтаһый** 1) определять на вкус что-л., пробовать вкус чего-л.; 2) входить во вкус, есть с удовольствием, с аппетитом; *амтаһыйан сиһиллэр* ‘они едят с удовольствием’; *киһи аһыы олорон амтаһыйар* посл. ‘аппетит приходит во время еды’ [ЯРС 1972: 41], заимствованный из монгольского языка;

4) в других тюркских языках (башкирском, киргизском, татарском, казахском, турецком и др.) фонетические варианты глагола **тады-** (**тәмләү-** / **тәмлә-** / **тәмлә-** / **tatmak**) семантически соотносятся с глаголом **амза-** ‘пробовать что-л. (обычно, жидкое), чтобы определить его вкус или готовность’. Из сибирских тюркских языков только в шорском языке глагол **тамнаа** функционирует в значении ‘пробовать что-л. на вкус’;

5) в хакасском языке, как и в других тюркских языках, вкусовое восприятие выражается аналитической конструкцией с модификатором **көр-** ‘смотреть’ в значении ‘пробовать’. В некоторых тюркских языках (башкирском, казахском и др.) в качестве модификатора выступает также глагол зрительного восприятия **хара-** / **кара-**;

6) глаголы вкусового восприятия, кроме хакасского глагола **тады-** ‘иметь какой-л. вкус’, мы относим к глаголам целенаправленного действия, производимого для ощущения и улавливания вкуса (качества, состояния) продукта, поскольку они в своей семантике имплицитно имеют цель действия.

Список литературы

Макарова О. В. Лингво-когнитивный аспект высказываний, репрезентирующих фрейм вкуса в современном русском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Барнаул, 2007. 22 с.

Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: «Наука», 1980. 113 с.

Список лексикографических источников

- АРС – Алтайско-русский словарь / Отв. ред. А.Э.Чумакаев. БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2018. 936 с.
- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: АCADEMIA, 2001. 2007 с.
- БРС – Башкирско-русский словарь / Под ред. З. Г. Ураксина. М.: Дигора, Русский язык. 1996. 884 с.
- БурРС – Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. В 2-х томах. Т. I. А-Н. Изд-во ОАО «Республиканская типография». Улан-Удэ, 2010. 636 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербак. Ленинград: «Наука». Ленинградское отд-е. 1969. 676 с.
- КРС – Киргизско-русский словарь. В 2-х книгах / Сост. К. К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской Советской Энциклопедии. 1985. Кн. 2. Л–Я. 480 с.
- ХРС – Хакасско-русский словарь / Авторы: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
- ЯРС – Якутско-русский словарь. 25 300 слов / Под ред. П. А. Слепцова. М.: Изд-во «Советская энциклопедия». 1972. 568 с.

M. D. Chertykova

Semantic and Cognitive Characteristics of Khakas Verbs with the Meaning of Taste Perception (Compared to Other Turkic Languages)

In the following article, we describe and identify the semantic-cognitive features of verbs with the meaning of taste perception in the Khakas language, united by a common categorical feature 'to try something (usually liquid) to determine its taste or readiness' compared to their lexical parallels in other Turkic languages. Data from bilingual dictionaries was used as material for analysis.

Keywords: Khakas language, Turkic languages, verb, taste perception, semantics.

Г. Л. Нахрачева

БУ «ОУИПИиР», Ханты-Мансийск, galina_h-m@mail.ru

Глаголы поведения в хантыйском языке: лексико-типологический аспект

Статья посвящена описанию семантических особенностей глаголов поведения человека в хантыйском языке (на материале шурышкарского и казымского диалектов) и выполнена в русле лексико-семантической типологии.

В статье рассматриваются метафорические значения хантыйских глаголов поведения и механизмы формирования переносных значений на материале диалектов хантыйского языка. Наиболее частотными являются следующие модели метафоризации: «действие, совершаемое человеком → действие, характеризующее поведение человека», «изменение состояния объекта → действие, характеризующее поведение человека», «действие, совершаемое животным → действие, характеризующее поведение человека» и «состояние человека → действие, характеризующее поведение человека».

Материал исследования собран автором во время полевой работы с носителями языков в виде анкетирования и записей устной речи, а также мы использовали доступную информацию из хантыйских словарей, выборку из художественных произведений, устного народного творчества.

Ключевые слова: хантыйский язык, глаголы поведения, многозначность, метафоризация, модель.

Наше исследование опирается на материалы лексико-типологических исследований Т. А. Майсак, Е. В. Рахилиной [2007]; Е. В. Рахилиной, В. А. Плунгяна [2007]; Е. В. Рахилиной, Т. И. Резниковой [2013]; Е. В. Кашкина [2017], коллектива авторов монографии «Элементы мокшанского языка в типологическом освещении» [2018].

Для большинства глаголов в хантыйском языке характерно явление многозначности, которое основывается на метафорических переносах, включающих как внешнее, так и одновременно функциональное сходство обозначаемых действий.

В настоящей статье представлены результаты семантического анализа глаголов со значением поведения в хантыйском языке, подвергшихся расширению смыслового объема за счет метафоризации. Анализируя семантическую структуру глаголов поведения, мы обнаружили определенные семантические закономерности: многие глаголы действия, перемещения объекта (субъекта), изменения состояния субъекта, глаголы физиологического действия содержат сему поведения. Путь возникновения этих значений у слова – это метафорический перенос.

Метафорический перенос в лингвистике обычно понимается как один из видов семантической деривации, приводящей к переосмыслению значения частотной лексической единицы. В процессе такого переосмысления объект номинации может переходить с одной понятийной сферы в другую [Салчак, Чертыкова 2017: 357–359].

Б. И. Татаринцев отмечал, что «метафорические переносы, основанные на сходстве производимого впечатления, на известной общности вызываемых ими представлений, а также на определенном внешнем подобии реалий, присутствуют во многих полисемичных глаголах» [Татаринцев 1987: 57].

Айвор А. Ричардс писал, что на протяжении многих веков метафора рассматривалась как нечто уместное лишь в некоторых случаях. К ней относились как к украшению и дополнительному механизму языка. В настоящее время в обычной речи мы не встретим и трех предложений подряд, в которых бы не было метафоры [Ричардс Айвор А. 1990: 46].

С. Г. Васильева под метафорой понимает тип семантической деривации исходного моносеманта, при котором он начинает обозначать еще и другую реалию вследствие того, что человек при познании этих реалий обнаружил между ними сходство по тому или иному параметру [Васильева 2005: 16–17].

На материале казымского диалекта хантыйского языка метафоризация глаголов поведения рассматривалась в работе В. Н. Соловар с точки зрения синтаксиса элементарного простого предложения [Соловар 2009]. Автор отмечает, что «элементарные простые предложения (далее ЭПП) допускают метафоризацию, перенос ее направлений происходит из физической сферы в социальную, психическую, интеллектуальную и эмоциональную. На базе одной и той же структуры возникает система новых значений моделей или омонимия». ЭПП развивают многозначность за счет особой для рассматриваемого диалекта лексической сочетаемости слов, а также метафорических переносов для некоторых моделей в разные сферы: социальную, интеллектуальную, психическую. Так, например, гла-

гол ЛСГ обладания *täjti* в физической сфере: *Ma wõx änt täjlam* ‘У меня нет денег (букв.: я деньги не имею)’; переход в психическую сферу: *løjjen elät pa änt täjäl* ‘У твоей подруги нет стыда (букв.: стыд не имеет)’; переход в интеллектуальную сферу: *Ši iken šärt täjäs* ‘У этого мужчины способность колдовать (букв.: колдовство имел)’, *Põxen pa õš änt täjäl* ‘Сын=твой не понимает (букв.: понимание не имеет)’ [Соловар 2009: 211].

В процессе сопоставительного анализа выявлены основные модели метафоризации многозначных глаголов. Глаголы со значением поведения отражают не само поведение субъекта, а, прежде всего, интерпретацию поведения наблюдающим (или говорящим) через его видение и оценку ситуации.

В процессе метафоризации у глаголов поведения хантыйского языка наблюдаются некоторые семантические особенности, связанные с многообразием социальных сфер человеческой деятельности. Наиболее распространенной типичной моделью является «действие, совершаемое человеком → действие, характеризующее поведение человека». Переносные значения данных глаголов действия – «вести себя каким-либо образом». Как правило, эти глаголы называют действия, осуждаемые обществом, не соответствующие нормам морали. По этой модели образуют переносное значение следующие глаголы: шур. *lõpitĩ* 1) чесаться; 2) *перен.* намереваться сделать не осуществимое, болтать вздор; каз. *луниты* 1) чесаться; 2) *перен.* иметь намерение что-либо сделать, вести себя возбужденно; шур. *künšantĩ* 1) чесаться; 2) *перен.* говорить вздор, болтать; каз. *күншаныци* 1) царапаться; 2) попусту болтать языком; шур. *hinšantĩjtĩ* 1) потягиваться; 2) *перен.* гримасничать, кривляться; *riwattĩ* 1) мешать, перемешивать; 2) *перен.* нести чушь, вздор; *hojtĩ* 1) попасть; 2) *перен.* ссориться, столкнуться во мнениях.

- (1) *Kurem lõpijäl* ‘Нога чешется’;
- (2) *Muj lõpilän!* ‘Что ты ведёшь себя так несдержанно! (букв.: что чешешь)’;
- (3) *Šäxa lõpija* ‘Перестань болтать вздор’;
- (4) *Käti itĩ künšantäl* (шур.) ‘Как кошка царапается’;
- (5) *Al künšanta* ‘Не болтай вздор (букв.: не чешись)’;
- (6) *Nawremen nõx kuritĩ mosl, ješa at hinšantĩjäl* ‘Ребенка надо разбудить, пусть немного потягивается’;
- (7) *Wolija sa, muj hinšantĩjlän, tũŋa šira šuša* ‘Перестань-ка кривляться, иди спокойно’;
- (8) *Šajäl sakkarän riwätsällĩ* ‘Чай с сахаром размешала’;
- (9) *Mũŋ üksäm jasəŋən änt riwətləw* ‘Мы плохими словами не ругаемся’.

При переходе из физической сферы в другую, накладывается ограничение на употребление спряжения глагола: возможно только субъектное спряжение. Так, действие в физической сфере происходит при сочетании предиката с конкретным объектом (объект созидательной деятельности) (10); переход в социальную сферу (11); переход в психическую сферу (12); переход в интеллектуальную сферу (13) – (14):

- (10) *Jajem aj xor weräl* ‘Брат делает лодку’;
- (11) *Mũŋ süs jir werləw* ‘Мы совершаем осеннее жертвоприношение (букв.: делаем)’;
- (12) *Ši imen ropəx weräl* ‘Эта женщина делает вид (букв. притворство делает)’;
- (13) *Ma wənlitijəlti numəs wersəm* ‘Я решил учиться (букв. я учиться мысль сделал)’;
- (14) *Ewen wəli weräl* ‘Дочь=твоя стесняется (букв. стеснение делает)’ [5, 211].

Распространённой моделью является также «изменение состояния объекта → действие, характеризующее поведение человека»: *hinštətĩ* 1) растянуть, растягивать; 2) *перен.* выдрессировать, выучить. В шурышкарском диалекте зафиксирован глагол *həhərlijtĩ* 1) искривляться (о предметах), в котором наблюдается метафорический перенос в зону поведения человека; 2) *перен.* кривляться [Лельхова 2012: 108]. В казымском диалекте такой переход не зафиксирован. (Ср.):

- (15) *Ulasem jira həhərlijmal* ‘Стул мой набок искривился’ (шур);
- (16) *Kamən širən həhərlijtäl, ultĩ moräl änt ujətləlli* ‘По-всякому кривляется, норму жития не знает’;
- (17) *Kepəljəlan wūtŋa hinštətĩ mosäl* ‘Шкуры с оленьих ног надо вширь растянуть’;
- (18) *Šiten xotĩ un wošətan jəma hinštəm* ‘Этого человека в больших городах хорошо выдрессировали’.

В основе данной схемы метафоризации лежит осмысление в национальном восприятии взаимосвязи поведения субъекта и объективных природных процессов, происходящих независимо от человека.

Модель «действие, совершаемое животным → действие, характеризующее поведение человека» предполагает рассмотрение смысловых элементов из категории ассоциативных взаимоотношений человека и домашних животных. В хантыйском языке отмечается ассоциативное сходство поведения собаки и человека, которое отражается в семантике глаголов *olḡastĩ* 1) ластиться; 2) *перен.* суетиться вокруг кого-либо, показывая радость, подлизываться; *ñiḡxartĩ* 1) скулить, визжать; 2) *перен.* капризничать, ныть, выражать недовольство'. (Ср.):

(19) *Amp ñiḡxarəl* 'Собака скулит' (шур.)

(20) *Kuḡuwat ñiḡxarələt* 'Щенки скулят'

(21) *Ñawrem ñiḡxarəl* 'Ребенок капризничает'

(22) *Māna, ewen wantĩ, tuja ñiḡxarəl* 'Иди, дочь посмотри, кто ноет'.

Глагол *ḡawkatĩ* 1) мяукать; 2) *перен.* просить что-либо нудно, надоедливо' в первом значении относится к лексико-семантической группе глаголов звукоподражания. В данном случае мы наблюдаем перенос значения по признаку сходства поведения (13) – (14) (Ср.):

(23) *Kātĩ cāməl woxla, šitĩ ḡawkəl* 'Кот есть хочет, все мяукает' (шур.);

(24) *Xojat eltĩ ḡawkiten mĩšən, nāḡ šita* 'Чем у кого-то просить, сам добудь'.

Метафоризация по модели «состояние человека → действие, характеризующее поведение человека» произошла у глаголов, передающих в первом значении физиолого-психическое состояние человека: каз. *kūlāmtĩ* 1) терять рассудок, сходить с ума; 2) *перен.* растеряться, плохо соображать, прийти в смятение; *tolāmtĩ* 1) вести себя неадекватно из-за психических проблем или в силу пожилого возраста; 2) поступать неразумно; 3) говорить вздор, вести себя неадекватно':

(25) *Isa šĩ kūlmās* 'Совсем сошел с ума';

(26) *Pa šĩ murta šĩ kūlāmlaw, aktāštĩ piteāmn pa xultpela il pawāsem* 'Так смешалось все в голове, собираться стали, уронили куда-то';

(27) *In imen tolmas* 'Эта женщина состарилась';

(28) *Isa šĩ tolāmsa* 'Совсем ведет себя неадекватно'.

Переносные значения содержат компоненты экспрессивной оценки поведения субъекта и оттого становятся все более абстрактными.

Здесь представлены наиболее частотные и основные модели ассоциативных переносов значений хантыйских многозначных глаголов, показывающие единый характер их метафоризации. В целом, большинство хантыйских глаголов со значением поведения, образованных путем метафорического переноса, реализуют свое значение по модели «действие, совершаемое человеком → действие, характеризующее поведение человека». Частотны и регулярны модели метафоризации «изменение состояния объекта → действие, характеризующее поведение человека», «действие, совершаемое животным → действие, характеризующее поведение человека» и «состояние человека → действие, характеризующее поведение человека». Таким образом, изучение метафорических переносов значений многозначных глаголов в разных языках позволяет выявить общие и отличительные закономерности ментальных и психических ассоциаций народов, определить специфику их национального мировидения.

Анализ лексико-типологических особенностей хантыйских глаголов поведения не может быть полным без рассмотрения материала всех диалектов хантыйского языка, поэтому эта задача видится наиболее значимой в перспективе дальнейших исследований. Предполагается также сопоставить результаты, полученные в настоящей работе, с данными близкородственного мансийского языка.

Список источников

Васильева С. Г. Современный русский язык. Лексикология фразеология [Текст]. Казань: РИЦ «Школа», 2005. С. 16–17.

Кашкин Е. В. Семантика глаголов закрывания в восточных говорах горномарийского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XVII Всероссийской научной конференции (Уфа, 1–2 июня 2017 г.). Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017. С. 115–119.

Толдова С. Ю., Холодилова М. А., Татевосов С. Г., Кашкин Е. В., Козлов Л. С., Кухто А. В., Привизенцева М. Ю., Стенин И. А. // Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: «Буки Веди», 2018. 1014 с.

Лельхова Ф. М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект). Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2012. 207 с.

Майсак Т. А., Рахилина Е. В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. № 2. 2013. С. 3–31.

Рахилина Е. В., Плунгян В. А. О лексико-семантической типологии // Глаголы движения по воде: лексическая типология. М., 2007. С. 9–26.

Ричардс Айвор А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990. С. 46.

Салчак А. Я., Чертыкова М. Д. Основные модели метафоризации многозначных глаголов со значением поведения в тувинском и хакасском языках // Мир науки, культуры, образования. № 5(66). 2017. С. 357–359.

Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск: Любава, 2009. 264 с.

Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. Москва: Наука, 1987.

G. L. Nakhracheva

Verbs of Behaviour in the Khanty Language: the Lexical-Typological Aspect

The article is devoted to the description of semantic features of human behavior verbs (on the material of Shuryshkar and Kazym dialects); our research is executed in the line of lexical-semantic typology. The article examines the metaphorical meanings of behavior verbs in Khanty and the mechanisms of formation of figurative meanings on the material of Khanty dialects. The following model of metaphorization is the most frequent one: 'action performed by a person → action that characterizes human behavior', 'object transformation → action characterizes human behavior', 'action performed by an animal → action that characterizes human behavior and human condition → action that characterizes human behavior'. Our research material was collected during field work with native speakers in the form of questionnaires and oral speech records; we also used the information found in Khanty dictionaries, samples of works of art, oral folk art.

Keywords: Khanty language, behavior verb, polysemy, metaphorization, model.

З. Д. Бардаханова

Забайкальский государственный университет, Чима, zamira7777@mail.ru

Диалектная лексика закаменского говора бурятского языка: постановка проблемы

Данная статья посвящена диалектной лексике закаменского говора бурятского языка. Закаменский район располагается на юге Бурятии, что, по-видимому, и обусловило его функциональное своеобразие: в этом районе язык еще не утратил свои коммуникативные функции. Основная лексика говора является общенародной, но имеются специфичные диалектные слова. Диалектные слова становятся архаизмами, уходят в пассивный запас языка, и необходимо зафиксировать данные лексемы.

Ключевые слова: бурятский язык, диалекты, говоры, закаменский говор.

Бурятский язык относится к монгольской ветви алтайской языковой семьи, является многодиалектным. Исследованием бурятской диалектологии занимались Н. Н. Поппе, Г. Д. Санжеев, Т. А. Бертагаев, Д. А. Алексеев, Ц. Б. Цыдендамбаев, Ц. Б. Будаев, И. Д. Бураев, В. И. Рассадин, М. П. Хомонов, Э. Р. Раднаев, Д. Г. Дамдинов, Б. В. Матхеев, Д. А. Абашеев, А. Г. Митрошкина, В. Д. Патаева и др.

Современный литературный бурятский язык основан на хоринском диалекте. В отношении классификации диалектов бурятского языка у исследователей нет единого мнения. Лингвисты выделяют разное количество диалектов, некоторые диалектологи придерживаются территориального принципа деления на западные, восточные и южные группы, другие основываются на дифференциальных особенностях грамматического строя и основного словарного фонда.

Закаменский говор бурятского языка до настоящего времени относили к разным диалектальным группам. Так, Ц. Б. Цыдендамбаев подразделяет бурятский язык на 4 территориальных диалекта (или наречия) – добайкальский (или западный), прибайкальско-саянский (или промежуточный), хоринский (или восточный) и селенгинский (или южный) – и делит их на говоры. Закаменский говор ученый относит к прибайкальско-саянскому диалекту [Цыдендамбаев 1960: 111–117].

Ц. Б. Будаев в бурятском языке выделяет три наречия: западное, восточное и южное. Закаменский говор в данной классификации отнесен к западнобурятскому наречию [Будаев 1978: с.289].

В. И. Рассадин в своей исследовательской работе «Присянская группа бурятских говоров» рассматривает аларский, тункинский, окинский и закаменский говоры [Рассадин 1996].

В 2004 году вышло монографическое издание «Буряты». В данном коллективном труде раздел о бурятском языке и его диалектному членению написан известными монголоведами-лингвистами И. Д. Бураевым, Л. Д. Шагдаровым. Ученые пишут, что говоры тункинских, закаменских, баргузинских и байкало-кударинских бурят относили ранее то к каким-то промежуточным диалектам, то по чисто географическому принципу к прибайкальско-саянским, или просто механически объединяли с западно-бурятскими говорами. Теперь к эхирит-булагатскому наречию закономерно относятся говоры баргузинских и байкало-кударинских бурят, а говоры аларских, тункинских, окинских, закаменских бурят по всем присущим им языковым и в какой-то степени территориальным критериям составляют самостоятельную диалектную группу, которую наиболее целесообразно назвать аларо-тункинским наречием [Бураев, Шагдаров 2004: 238].

Закаменский район находится на юге Бурятии, достаточно далеко от столицы республики. Местное население района говорит на родном говоре, свободно читает и пишет на бурятском языке, почти во всех школах района ведется преподавание бурятского языка. Об утрате языка здесь еще нет речи, однако многие слова становятся архаизмами, некоторые слова уходят в пассивный запас языка.

Диалектные слова – это слова народных говоров, которые территориально ограничены в распространении и употреблении.

Диалектная лексика характеризуется тем, что слово наличествует и употребляется одной группой населения, а у другой группы это слово отсутствует. Так, в закаменском говоре существуют слова *таабай* ‘дедушка’, *төөби* ‘бабушка’, *шибии* ‘мама’, *баабай* ‘папа’, *абгазы* ‘сестра отца’, *нагацы* ‘сестра матери’, *богошо* ‘тесма’, *хурууд* ‘сыр’, *борбосоо*, *борбоосгой* ‘кедровая шишка’, *борбилоо* ‘воробей’, *илааһа* ‘муха’, *булгаан* ‘шалаш’, *булуусгай* ‘таймень’, *булюу* ‘брусек’, *гулмаһан* ‘пот из подмышек’, *гүсэ* ‘заварник’, *гэшүүнэ* ‘ревень’, *алгабиша* ‘трусы’, *нюдартгай бээлэй* ‘удлиненные рукавицы’, *нарез* ‘младенец’, *напуулха* ‘веко’, *сапхан* ‘кастрюля’, *пахлаашиха* ‘небольшой брусек для подла-

живания под нижний прут для связывания жердей-колье́в', *питагануухай* 'маленький трактор', *ури* 'сухой навоз для подстилки скоту', *пильчаганаха* 'болтать', *ахяалаха* 'капризничать', *бүү тыгэ* 'не делай так', *лута* 'очень', *бодорхой, бодорхойо* 'подлинный', 'действительно', *галагар* 'большеглазый', *дульбигар* 'толстогубый', *дүндилэй* 'невнимательный', 'тугодум', *зэгэһэн* 'достойный', *гэмгэй* 'сносный', *нанчаха* 'избивать', *хүбаа* (используется при обращении к мальчикам), *мадаан* (используется при обращении к ребенку) и т.д. (ПМА, 2019).

Значения некоторых диалектных слов отличаются от значений таких же слов литературного языка. Например, слово *зоохэй* 'саламат' в литературном языке имеет значение 'сметана', а «сметана» в закаменском говоре *сүсэгэй; абгай* 'дядя', 'брат отца' – в литературном языке означает старшая 'сестра', 'жена старшего брата' и вообще почтительное отношение к старшим; *ахай* 'старшая сестра' – в литературном 'старший брат', *зүрмэ* 'косичка из потрохов барана' – в литературном 'фарш' (из печени, легких, из жира брюшины, которым начиняют тонкие кишки), *орёомог* 'блюдо-плетенка из потрохов барана', тогда как в литературном языке – это 'веревка, сплетенная из кожи', *жээнчэ* 'навершие бурятской шапки' – в литературном используется со словом *хүн*: *жээнчэ хүн* 'возник в караване' и т.д.

Одно и то же слово, означающее одно общее для всех групп населения понятие, употребляется со значительными фонетическими отклонениями, например: литературное слово *һүү* 'молоко' в закаменском говоре произносится как *сүү; дууһаа* 'закончилось' – в закаменском *дуудаа*, что в литературном означает 'позвал'. Данные примеры иллюстрируют наличие различий фонологического характера.

Непосредственное соседство населения Джидинского района, где превалирует сартульский говор с населением нижнего куста Закаменского района, наложило свой отпечаток на фонетическое произнесение глаголов в прошедшем времени: *болчоо* 'сварилось', *бусалчоо* 'вскипело', *явачоо* 'уехал', *сабшачоо* 'скосил', *урлачоо* 'разозлился', *хэрэлдэчоо* 'поссорился', *сохилдачоо* 'подрался', *һуучоо* 'сел', *халуудачоо* 'жарко стало' и т.д. Население же верхнего куста в произношении некоторых слов отличается влиянием т.н. тункинского говора, на котором говорит основное население соседствующего Тункинского района: *теэбим найхэлэһиимэ* 'бабушка говорила' (ПМА, 2019).

Знание той или иной диалектной лексики снимает языковые затруднения в общении с носителями других говоров, дает избежать недоразумений, которые случаются из-за незнания лексического значения, ибо часто лексема, являясь омонимом в одном говоре, имеет другое семантическое значение.

В художественной литературе диалектизмы используются для того, чтобы передать особенности местного колорита или как средство речевой характеристики персонажей, героев произведения.

Диалектная лексика функционально ограничена территорией распространения и, не являясь общераспространенной, не входит в орбиту сфер употребления литературного языка. Тем не менее, отдельные слова этой группы способны со временем стать общеупотребительными по причине востребованности, даже в локальной среде употребления. Следовательно, возможно ожидать, что лексика литературного бурятского языка может пополняться за счет слов, имеющих ограниченную сферу употребления посредством диалектной лексики. Однако могут быть заимствованы только те слова из диалектов, которые наиболее удачно выражают понятия и способны пополнять и обогащать общенациональный литературный язык.

К сожалению, в настоящее время диалектизмы имеют ограниченную функциональную способность и в связи с отнесением бурятского языка к исчезающим постепенно утрачиваются. Несомненную ценность в этом ракурсе имеют разного рода полевые материалы, которые фиксируют уходящие в небытие своеобразие и колоритность любого отдельного диалекта.

Список литературы

Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск, 1978. 302 с.

Буряты / Отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2004. 633 с.

Рассадин В. И. Присянская группа бурятских говоров. Улан-Удэ, 1996. 214 с.

Цыдендамбаев Ц. Б. О диалектных различиях в разговорном бурятском языке // Труды БКНИИ СО АН СССР. Сер. Востоковедения. Вып. 3. Улан-Удэ, 1960. С. 111–117.

Список источников

Полевые материалы автора (март 2019 г.): Информант Ульзетуева Долсон Доржиевна, 1959 г.р., уроженка с. Улукчин Закаменского района Республики Бурятия.

Z. D. Bardakhanova

**Dialect Vocabulary of Zakamensky Subdialect of the Buryat Language:?
Towards the Problem**

This article is devoted to dialect lexicon of the Zakamensky subdialect of the Buryat language. Zakamensky district is located in the south of Buryatia, which seems to be the reason behind its functional uniqueness: in this area, this language has not lost its communicative functions yet. The main lexicon of the subdialect is all-Buryat, but uniquely dialect words also exist. Dialect words gradually turn into archaisms and lose their active roles; it is therefore necessary to record these lexemes.

Key words: Buryat language, dialects, subdialects, Zakamensky subdialect.

А. К. Булатова

ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Казань, alf_0082.82@mail.ru**Полисемия диалектной лексики татарского языка**

На всех этапах развития общества язык неразрывно связан с жизнью народа, его культурой. Диалектная лексика – это и есть язык народа. Лексическая система диалектов находится в постоянном развитии и изменении: наряду с лексико-семантическими вариантами, бытующими в литературном языке, приобретаются семы, характерные только для отдельного диалекта или группы говоров, происходит постоянное освоение новых слов и значений.

Ключевые слова: лексика, татарский язык, диалектизм, полисемия, семантика, говор, литературный язык.

Язык – система постоянно обновляющаяся и динамично развивающаяся. Такой процесс обновления и изменения лексики того или иного языка несет в себе необходимость детального изучения и анализа. Диалектная лексика, как и литературный язык, характеризуется разного рода системными отношениями. В ней находит отражение все многообразие семантических связей слов: имеются однозначные и многозначные слова, антонимы, омонимы, синонимы и др.

Под полисемией в татарском языке понимается способность иметь словом одновременно несколько значений, т.е. обозначать различные классы предметов, явлений, действий, процессов, признаков, отношений и т.д. [Булатова, 2018: 87]. Полисемия как лексическая категория – это семантическое отношение внутренне связанных значений одного и того же слова, которые реализуются в том или ином контексте.

Слово приобретает лексическое значение в системе языка при установлении многообразных связей с другими языковыми элементами. Новые семы возникают в результате семантических изменений уже существующих значений по законам системы языка. При этом контекст лишь конкретизирует и поясняет значения. В этой связи слово является многозначным и вне контекста. Таким образом, слово – это система лексико-семантических вариантов, которые в совокупности и определяют значение слова, каждый раз поясняясь в различных контекстах [Апресян, 1974: 145].

При разграничении основных (главных, прямых) и производных (переносных) значений многозначного слова учитывается парадигматическая и синтагматическая обусловленность слова в отдельных значениях. Основные значения парадигматически более закреплены и в синтагматическом отношении более свободны. Это в общем соответствует определению основного значения как наименее контекстно обусловленного (или значения, которое прежде всего возникает в сознании носителя языка при произнесении слова вне контекста).

Отношения между основными и производными значениями многозначного слова не остаются неизменными. Так, у некоторых слов вторичные значения становятся основными. Совокупность значений многозначного слова всегда характеризуется определенной организацией, что подтверждается, в частности, изменением семантики слова.

Многозначность слова возникает в процессе исторического развития языка, когда слово вследствие семантических переносов наряду с обозначением одного предмета или явления объективной действительности начинает использоваться для обозначения другого, сходного с ним по некоторым признакам или свойствам. Одной из характерных особенностей многозначного слова является его способность соотноситься с разными понятиями [Татар лексикологиясе, 2015: 95].

В данной статье мы рассмотрим полисемию диалектной лексики татарского языка. Материалом исследования послужили данные толковых словарей татарского языка и «Большого диалектологического словаря татарского языка».

Семантическая структура диалектного слова характеризуется наличием специфических структурных свойств, выявляемых путем сравнительного анализа смысловых парадигм многозначных диалектизмов и их литературных коррелятов. Так, лексическая единица *агач* в татарском языке имеет следующие лексическо-семантические варианты: 1) дерево (лиственное, хвойное, южное, плодовое); 2) дерево, древесина, лес как материал, сырье; 3) деревянный крючок, крюк, служащий в качестве вешалки. Слово имеет переносное метафорическое значение 'болван, дубина, чурбан', употребляемое в разговорной речи. У данного слова в литературном языке было также значение 'единица измерения длины, равной примерному расстоянию до первого дерева

(деревьев) в открытой местности'. Однако со временем это значение устарело и перестало употребляться.

В диалектах татарского языка слово характеризуется наличием дополнительных значений. В сибирском диалекте татарского языка, а также в мелекесском говоре мишарского диалекта *агац* (фонетический вариант *агац*) употребляется в значении 'бревно'. В карсунском говоре мишарского диалекта появляется лексико-семантический вариант 'заноза'.

В данном случае можно говорить о единой диалектной многозначности, где значения слова существуют в пределах одного говора или группы говоров. Причем эти значения функционируют вместе с лексико-семантическими вариантами литературного употребления, и в качестве номинативного значения для всех говоров выступает 'дерево'.

Слово *букан* в диалектах также имеет дополнительную семантику. В татарском литературном языке у лексической единицы имеются следующие значения: 1) чурбан, кряж, обрубок; чурбак; 2) ступица. Лексическая единица также употребляется в переносных значениях 'чурбан; болван, истукан' и 'чурбак, кряж' о толстом, плотном человеке. Эти метафорические значения имеют место в разговорной речи.

В некоторых говорах среднего диалекта татарского языка (мамадышском, бирском, мензелинском, пермском, краснотуркменском параньгинском) слово употребляется в значении 'табуретка'. В то же время в тарханском, ичкинском, златоустовском говорах среднего диалекта оно в более широком значении используется для обозначения любого места сидения.

Приведем еще один пример того, что некоторые диалектизмы обладают большей семантической емкостью, нежели слова литературного языка. Например, слово *жәнлек* – 'зверь, зверёк, зверюшка' – о диком промысловом животном или о животном, на которого охотятся или которого разводят (ради меха, кожи, мяса или шерсти). Вторым выступает значение 'все животные'. Здесь можно говорить о механизме сужения значения, где со временем лексико-семантический вариант с более узким значением стал номинативным, а основное значение вторичным.

В диалектах татарского языка (в мензелинском, пермском говорах среднего диалекта и в стерлитамакском говоре мишарского диалекта) данное слово (варианты *жәнлек*, *йәнлек*) употребляется в значении 'скот, домашний крупный рогатый скот'. В пермском говоре, а также в говоре нагайбаковских крещеных татар оно обозначает также и домашнюю птицу.

В литературном языке существительное *ил* многозначно, обладает рядом с прямыми и переносными производными значениями: 1) страна, государство; 2) родина, отечество; 3) край; 4) народ, люди; население; народ, жители края; 5) мир, спокойствие; 6) внутренний мир человека.

В группе говоров среднего диалекта (в мамадышском, балтасинском, мензелинском, бугурус-ланском, златоустовском), а также в хвалынском, кузнецком, карсунском, шарлыкском говорах мишарского диалекта *ил* приобрело лексико-семантический вариант 'деревня, селение, село', в касимовском и пермском говорах среднего диалекта слово употребляется в противоположном значении 'чужая земля, чужбина, чужая деревня', в мамадышском говоре среднего диалекта бытует значение 'сторона, направление'.

Таким образом, многие диалектизмы обладают большой семантической емкостью, развивая прямые и переносные производные значения. Изменения семантики диалектных слов происходит под влиянием литературного языка или соседних говоров: могут появляться новые, вторичные значения и оттенки значения у слов. В современных условиях чаще всего многозначность возникает и под воздействием литературного языка, когда в говорах, кроме своего диалектного значения, появляются лексико-семантические варианты слова, свойственные литературному языку.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 259 с.
- Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологиясы: Ике томда. Казан: Мәғриф-Вакыт, 2015. Т. 1. 543 б; Т. 2. 567 б.
- Булатова А. К. Полисемия в современном татарском литературном языке. Казань: ИЯЛИ, 2018. 108 с.
- Махмутова Л. Т. Опыт исследования тюркских диалектов: (мишарский диалект). М.: Наука, 1978. 271 с.
- Рамазанова Д. Б. Вопросы татарской диалектологии. Казань: Алма-Лит, 2008. 271 с.

Рамазанова Д. Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1984. 192 с.

Татар лексикологиясе: 3 томда / авт.: М. З. Зәкиев, Г. Р. Галиуллина, Р. Ф. Фәттахова, Ә. К. Булатова / проект жит. М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. Казан: ТӘҺСИ, 2015. Т. 1. 352 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге. Казан: Матбугат йорты нәшрияты, 2005. 848 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 6 томда. Казан: ТӘҺСИ, 2015. Т. 1. 712 б.; Т 2. 2016. 748 б.; Т. 3. 2017. 744 б.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. / төз.: И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунжанов, Ф. М. Газизова. Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. Т. 1. 475 б.; Т. 2 / төз.: И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунжанов, С. Б. Вахитова. Казан: Татар. кит. нәшр., 1979. 726 б.; Т. 3 / төз.: И. А. Абдуллин, С. Б. Вахитова, Ф. М. Газизова. Казан: Татар. кит. нәшр., 1981. 832 б.

Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / төз. Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыйкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. китап. Нәшр., 2009. 839 б.

Хусаинова А. Я. Особенности изучения татарских переселенческих говоров // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы. Материалы VII Международной научно-практической конференции. 2016. С. 366–369.

A. K. Bulatova

Polysemy of Tatar Dialect Lexicon

At all stages of the development of society, language is inextricably linked with the life of the people and their culture. Dialect vocabulary is the language of the people. The lexical system of dialects is in constant development and change: along with the lexical-semantic variants found in the literary language,emes that are only typical for certain dialects or a single dialect; new words and meanings are constantly developing.

Keywords: lexicon, Tatar language, dialectism, polysemy, semantics, dialect, literary language.

Е. Р. Николаев

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН, Якутск, 1953307@mail.ru**Диалектные наименования рыбных блюд якутского языка
как фрагмент языковой картины мира**

Статья посвящена тематической микрогруппе «Наименования рыбных продуктов и блюд» диалектной лексики якутского языка. Осуществлена сплошная выборка из диалектологических словарей. Данная группа представляет собой фрагмент языковой картины мира, которая раскрывает освоение территорий; географию распространения якутского языка; традиционное занятие якутов рыболовство.

Ключевые слова: диалектология, рыбные блюда, пища, языковая картина мира, якутский язык, диалектная лексика.

Происходящие изменения (установление нормативно-литературной нормы, активизация полилингвизма в обществе, развитие туризма, изменения в законодательстве сферы образования и т.п.), затрагивающие миноритарные языки народов России, требуют все более пристального внимания к диалектной лексике. В настоящее время все еще остаются недостаточно изученными в лингвистическом отношении номинации предметов материальной культуры. Это наименования пищи, жилищных построек, одежды, орудий труда, утвари и т.п. Информативность данных лексических групп могла бы стать опорной точкой в рекреации национальных культур.

Одним из самых интересных и репрезентативных в области освоения территорий, приспособления к различным условиям окружающей среды, сохранности традиций, является пища. Национальная кухня каждого народа имеет общие черты и свои особенности, связанные с языком. Таким образом, наименования пищи представляют собой фрагмент самобытной языковой картины мира.

В якутоведении в дореволюционное и в советское время тема пищи затрагивалась, изучалась в основном с точки зрения этнографии, фольклора [Серошевский 1993; Габышева 2013]. Самую полную картину якутской пищи составил этнограф, фольклорист А. А. Саввин [2005]. А. А. Саввин распределил пищу якутов по следующим группам: молочные, мясные, рыбные, растительные, мучные блюда, напитки. Большая часть блюд (продуктов) давно вышла из обихода, и названия этих блюд перешли в диалектный пласт языка. Из всей этой многоэлементной системы микрогруппа «Наименования рыбных продуктов и блюд» выделяется тем, что номинации разных блюд представляют разные говоры якутского языка.

В диалектологических источниках мы находим следующие наименования: *аҕараан* жиг. 'блюдо из вареной рыбы, размешанной с голубикой, приготавливаемое осенью, когда нет насекомых', вил. 'блюдо из рыбы' [ДСЯЯ 1995: 35]; *бааркы* долг., ср.-кол., у.-янк. 'блюдо из сушеной или из испеченной рыбы, раскрошенной в рыбьем жире' [ДСЯЯ 1976: 55]; *балхай* у.-янк. 'кушанье из головы и печенки налима, изжаренных вместе' [ДСЯЯ 1976: 59]; *буһарба* 'свежая вареная и замороженная рыба, гольян' [ДСЯЯ 1976: 73]; *буһурук* устар., вил. 'мелкая озерная рыба, заготовленная поздней осенью впрок после специальной обработки варкой' [ДСЯЯ 1976: 73]; *букурук* жиг. 'жаренный на рожне карась, помещенный в плотно закрытый берестяной сосуд так, чтобы не попали в него воздух и вода, и погруженный на дно озера до самой зимы или весны' [ДСЯЯ 1995: 53]; *быар былаабыт* у.-янк. 'блюдо из икры, зажаренной с незначительной долей рыбьей печени до порошкообразного состояния' [ДСЯЯ 1976: 76]; *былаабыт* у.-янк. 'блюдо из измельченной рыбьей икры, залитой рыбьим жиром' [ДСЯЯ 1976: 76]; *бэстээх балык* сунт. 'похлебка из соснового луба и гольяна' [ДСЯЯ 1995: 61]; *дьаакы* в.-вил. 'вяленый крупный гольян'; 'сушеная на рожне и затем толченая рыба' [ДСЯЯ 1995: 92]; *дьукуола* инд., ср.-кол. 'разрезанная вдоль по спине и провяленная на солнце рыба' [ДСЯЯ 1976: 121]; *идьираа* уд. 'жаренные филе и брюшко сушеной кеты' [ДСЯЯ 1995: 76]; *истэх бааркы* у.-янк. 'блюдо из икры, размешанной на рыбьем жире'; *куорбаан* 'поджаренные на сковороде внутренности ельца' [ДСЯЯ 1995: 93]; *куормаан* вил. 'изжаренные на сковороде внутренности щуки' [ДСЯЯ 1976: 125]; *кыспыт* анаб. 'строганина' [ДСЯЯ 1995: 105]; *пуорса, буорса* булун., долг. 'размолотая вяленая рыба, смешанная с жиром или маслом' [ДСЯЯ 1976: 192]; *собо дьаакыта* устар. 'замороженные вместе крупные караси, предварительно обжаренные на пяти рожнах' [ДСЯЯ 1995: 163]; *һытыган балык* долг. 'рыба впрок, очищенная от внутренностей и закопанная в яме' [ДСЯЯ 1976: 230]; *сэбэрээн* жиг.,

‘жаркое из внутренностей щуки и сороги’ [ДСЯЯ 1995: 172]; *тонкоон* анаб. ‘строганина’ [ДСЯЯ 1995: 189]; *тэллэй* у.-янк. ‘отбитое рыбное филе, зажаренное вместе с брюшком, икрой или печенью’ [ДСЯЯ 1976: 256]; *тэлэнэй* у.-янк. ‘нарезав на мелкие куски налима, щуку, варят их, затем, обваляв в муке, готовят нечто вроде котлет’ [ДСЯЯ 1995: 200]; *унуох сыата* у.-янк. ‘костный жир употребляют, смешав с вяленным мясом’ [ДСЯЯ 1995: 203]; *үтүмэх* устар., вил. ‘запеченная колобками на рожнах тестообразная масса, приготовленная из обжаренных на рожнах и очищенных от костей рыб’ [ДСЯЯ 1976: 272]; *хабыр* верх. ‘зажаренный на рожне озерный голянь’, в.-кол. ‘сушеный после жаренья на рожне озерный голянь’ [ДСЯЯ 1976: 274]; *хайах* арх., нюрб., ойм. ‘мелкая рыба, заквашенная в ямах, сыма’ [ДСЯЯ 1995: 213]; *хаппыт* бод. ‘сушеная рыба’ [ДСЯЯ 1995: 216]; *хара аһылык* олекм. ‘жареная, копченая еда’ [ДСЯЯ 1995: 217]; *хачыр* ‘юкола из пеляди, продымленная над костром’, в.-кол. ‘пластины рыбы, завяленные с поперечными надрезами’ [ДСЯЯ 1976: 286]; *хонхомуун* вил. ‘сушеные мелкие караси, предварительно зажаренные на рожне’ [ДСЯЯ 1976: 291]; *чочуонай* булун. ‘жаренье мелкого осетра на рожне или горячем угле’ [ДСЯЯ 1995: 234]; *ыйаабыт*, *ыйаабыт балык* ср.-кол. ‘вяленая рыба’, *ыйаабыт мунур* ‘вяленый чир’ [ДСЯЯ 1976: 311].

Как видно, более всего представлены преимущественно говоры северной части Якутии. Это может говорить о том, что в свое время диалектологические экспедиции уделяли внимание дальним диалектным зонам (северо-восточной и северо-западной). Данная микрогруппа представляет собой вербализацию одного из главных традиционных занятий якутов – рыболовство. В пределах исследуемой тематической группы выявляются следующие особенности:

название *хайах* ‘якутское сливочное масло, сбитое на теплом молоке’ в данной микрогруппе представлено как рыбное блюдо. Вероятно, в процессе освоения огромных территорий, в самом начале становления единого якутского языка эта лексема перешла в другую группу. Причиной тому может быть внешнее сходство блюд на какой-то стадии приготовления;

способы приготовления блюд из рыбы – вяление, жарка, копчение, квашение, просушивание, варка, печение и т.д. – характеризуют развитость системы якутской национальной кухни;

разнообразие видов рыбы (озерные и речные) – щука, карась, чир, осетр, голянь, налим, елец, кета, пелядь – раскрывает географию распространения якутского языка. Очевидно, что якуты издревле в основном заселяли местности около водоемов;

номинация блюд в основном отражает способы приготовления: *ыйаабыт* ‘подвешенный и вяленый’, *хабыр* ‘жареный или сушеный до хрустящей корочки’, *һытыган* ‘закопанная и протухшая’, *бэстээх* ‘с сосновым лубом’ и т.д. Стоит отметить, что практически все наименования якутские. Свидетельством взаимовлияния якутского и тунгусо-маньчжурских языков является лексема *дьукуола* ‘юкола’.

Таким образом, тематическая микрогруппа «Наименования рыбных продуктов и блюд», представленная в диалектной лексике якутского языка является если не древней, то утраченной лексикой. Тем не менее, данная группа обладает прозрачной этимологией, которая является неотъемлемым фрагментом языковой картины мира якутов.

Список литературы

Габышева Л. Л. Пищевой код в якутской культуре: семантика и функции / Этнография, фольклористика и религиоведение Сибири и сопредельных регионов: материалы I Алексеевских чтений «Этнография, фольклористика и религиоведение Сибири и сопредельных регионов» (г. Якутск, 26 апреля 2012 г.). Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2013. С. 97–106.

ДСЯЯ 1976: Диалектологический словарь якутского языка / Составители П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.

ДСЯЯ 1995: Диалектологический словарь якутского языка: Дополнительный том / Составители М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: ВО «Наука», 1995. 296 с.

Саввин А. А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии) / Отв. ред. Е. Н. Романова. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. 376 с.

Сорошевский В. Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М., 1993. 736 с.

Список сокращений

анаб. – анабарский говор
арх. – архаизм
бод. – бодойбинский говор
булун. – булунский говор
верх. – верхоянский говор
в.-вил. – верхневиллюйский говор
в.-кол. – верхнеколымский говор
вил. – виллюйский говор
долг. – долганский диалект
жиг. – жиганский говор
инд. – индигирский говор
нюрб. – нюрбинский говор
ойм. – оймьконский говор
олекм. – олекминский говор
ср.-кол. – среднеколымский говор
сунт. – сунтарский говор
уд. – говор удских якутов Хабаровского края
устар. – устаревшее
у.-янк. – усть-янский говор

E. R. Nikolaev

Dialect Names of Fish Dishes in the Yakut Language as Fragments of the Language Picture of the World

The article is devoted to the thematic microgroup 'names of fish products and dishes' of the dialect vocabulary of the Yakut language. A complete selection from dialect dictionaries has been made. This group is a fragment of the linguistic picture of the world, which reveals the development of territories, geography of the Yakut language, and the traditional occupation of the Yakuts, namely fishing.

Keywords: dialectology, fish dishes, food, language picture of the world, Yakut language, dialect vocabulary.

A. T. Bayekeyeva

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan, a_baekeyeva@mail.ru

S. Zh. Tazhibayeva

L. N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan, a_baekeyeva@mail.ru

Development and Use of Thesaurus for Mining Industry in Translation

The article deals with the formation and development of a thesaurus of mining and metal terms for conducting translation; also provides an overview of the standards for the representation of thesauri. The Zthes data scheme has been chosen for the implementation of the thesaurus in the scientific and educational information system for conducting translation in the mining industry. The article focuses on working with dictionaries of key terms in the mining industry, which are used to systematize and classify information resources, and to model the links between them.

Keywords: term, terminology, thesaurus, electronic library, information retrieval thesaurus.

Introduction

It is generally accepted that terminology is an aggregate of terms for a given industry, activity, knowledge, forming a particular branch of lexicology, but industry-based terminology is the core aspect in conducting professional translation. [Leychik 1981: 68-115] At the same time, an increasing number of terms penetrate the commonly used language, and terminological problems have an increasing influence on the language as a whole, therefore, the study of the situation in the field of professional vocabulary is becoming increasingly important for the development of the language. Terminology, as the independent branch of linguistics, concerned with the study and compilation of the terms of specific fields is not a new field for study, but during the recent decades, terminology has been systematically developed, with full consideration of its principles, bases and methodology. Terminology first began to take shape in the 1930s and has only recently moved from amateurism to a truly scientific approach. [Cabrè 1998: 2]

By its nature, the term belongs to two different systems of origin and method of functioning: subject-conceptual and semantic. In terms of language, the term is represented by individual nomina or nominative structures, the semantic center of which are nouns in the nominative case. On the conceptual level, the terms express a scientific concept, its form of existence is a terminological system, and the form of its disclosure is a definition. [Taranova et al 2016: 54]

Today in linguistics, it is established that a term can be not only a single word, but also a phrase, abbreviation, symbol, etc. Thus, terminological vocabulary includes words and phrases, which from the sphere of highly specialized often, get access to the language of mass communication.

The terminology of mining and metallurgy is a topical subject for study, for this field is one of the most competitive and dynamically developing sectors of Kazakhstan's industry. In almost every special area of knowledge, terminology is systematically studied, developed, and unified. In addition to its own terminology within a specific subject area, special terminology contains a part of terms borrowed from other related and remotely related areas.

Scientific and technical terminology for mining industry is an extremely interesting area for conducting industry-based translation. Issues of terminology are becoming especially relevant in our time, when science and technology are intensively developing in all areas of human activity.

As a rule, the process of forming special terms is going through two historically established stages: spontaneous and purposefully organized. [Gvishivani 1986; Reformatsky 1975] If the first is associated with the development of the professional scientific branch, then the second is associated with a high level of its development. However, for both stages it is characteristic that in the act of terminological nomination only those objects are received, to which human activity is directed. Purposeful term formation is a process of secondary nomination, which "in its epistemological outcome is based on the property of concepts to cross over into each other and form on the basis of what was previously known, reflecting all the new signs of reality mastered by man". [Telia 1981]

As in the national English language, the vocabulary of mining terminology has a core of terms expressing the basic concepts of the subject area 'Mining industry'. This core serves as the basis for the formation of

new terms, mainly complex combinations, in which the main component receives a number of definitive components.

Thus, it is possible to distinguish two basic principles of the formation of terms in the mining industry:

- primary formation, in which the term is formed by the direct use of an ordinary word as a term or by creating complex terms and phrases from the elements of ordinary words;
- secondary formation, in which the term is formed from already existing terms by means of word production, a combination of several terms or their rethinking.

Development of Thesaurus of Mining and Metal Terms for Conducting Translation

Translation for mining industry starts from developing special terminological base and in order to solve the systematization of the mining terms, we decided to compile the industry-based thesaurus of mining and metals.

The major purpose of developing thesaurus is related to the information support of scientific research and translation activities in the field of the mining industry of the Republic of Kazakhstan, as well as with the formation and development of its own electronic resources for the translation industry and industry-based terms, with the interoperable management of these resources publications and bibliographic resources.

For ensuring information in industry-based terms, in our case, the mining and metal terms of the Kazakh, Russian and English languages, it was decided to use the universal Integrated Distributed Information System (IRIS) to compile the thesaurus developed by Institute of Computer Technology and Science of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in 1998. [Fedotov et al, 2013]

To date, the most effective way to solve lexicographic problems in the implementation of industry-based translation activities is to organize information about them into information systems exposed in the form of electronic libraries. In the framework of the thesaurus development, digital libraries are considered as a separate specific technology for working with digital information, forming a new class of information systems (IS) designed to manage information resources [Shokin et al, 2010; Lukashevich 2011].

The term electronic library (DL) in our case is understood as a system for managing structured cataloged collections of dissimilar digital resources. DL not only provides a comprehensive search and navigation through catalogs (as opposed to print publications, microfilms and other media), but also provides the user with a directly found resource (publication, document, photo, fact description, etc.), as well as additional information about it. For example, geo-referencing, information about facts, bibliography, list of geological organizations, etc.

The developed model of the information system was implemented in the form of the Digital Library Management System (IRIS) and has been used by Institute of Computer Technology and Science of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences since 2004.

The standard approach to the systematization of information is the classification of documents using taxonomies. Taxonomy is a subject classification that groups terms into a managed thesaurus and organizes the dictionaries into hierarchical structures. To describe a subject area, a certain set of key terms is usually used, each of which means or describes a concept from a given subject area. [Salton 1975, 1979] The basis of the classification is the allocation of concepts (key terms), the establishment of paradigmatic relations (for example, the type of parent – child) between them and the comparison of the analyzed document to the selected concepts. The problem in providing scientific and educational information systems for mining industry is that the technologies for classifying and systematizing information developed by libraries over the past hundred years do not work because of the thematic proximity of the classified documents.

According to the definition of an International Organization for Standardization (ISO), a thesaurus is a dictionary, managed indexing language, formally organized in order to establish explicit a priori relationships between concepts. [ISO 1985; ISO 1986] This definition establishes lexical units and semantic relationships between these units as elements that make up the thesaurus. Thesaurus relations (genus - species, part - whole, etc.) are imposed on the taxonomy structure, i.e. identifies the main taxonomy of the subject area. Historically, the thesaurus was created for manual indexing of documents and when creating them, issues related to automatic indexing were not taken into account.

Thesaurus in the modern applied sciences are considered to be as WordNet, EuroWordNet or Wiktionary linguistic resources, describing the relationship between lexical meanings of natural language as a hierarchical system of synonymic groups, i.e. synsets. [Fedotov et al, 2015; Tazhibayeva et al, 2016]

The difficulty of compiling a thesaurus that corresponds to the whole thematic variety of indexed information is the main reason for its unpopularity in modern information systems. However, the effectiveness of

information retrieval systems to support scientific and educational activities directly depends on the use of specialized thesaurus.

One of the first ever thesauruses (ideographic dictionaries) most widely known today was compiled by the British lexicographer Peter Marc Roger and published in 1852. The original name of the Roger Thesaurus is Thesaurus of English Words and Phrases.

In the field of machine translation for the first time the thesaurus was used by M. Masterman. In 1961, a paper appeared in which it defined the basic vocabulary for 15,000 concepts. With the help of thesauruses, a correspondence was established between the language of user requests and documents in the information system. [Masterman 1961]

Schreider Yu.A. proposed to consider the thesaurus as a system of knowledge reflected in the language, then the thesaurus becomes interesting in itself, and not only as an auxiliary tool. [Schreider 1961]

Among universal automated thesauruses, WORDNET intelligent electronic thesaurus for English, developed at Princeton University, and the analogue RussNet thesaurus for Russian, developed by Mathematic Linguistics Department of St. Petersburg State University, and multilingual UNESCO Thesaurus.

Information retrieval thesaurus is a normative and controlled dictionary of key terms in natural language with explicitly indicated semantic relations between terms, intended to describe the content of documents and search queries. [ISO 2011; ISO 2013] The thesaurus is intended to describe a specific subject area, each term of which denotes or describes a concept from a given subject area.

The terms of mining and metallurgy constituting the thesaurus are divided into descriptors and ascriptors. Descriptors are uniquely consistent with the concepts of the subject area. Relations between descriptors are usually divided into two types: hierarchical and associative. Hierarchical relationships are usually considered as asymmetric and transitive.

In accordance with GOST 7.25-2001 [ГОСТ 2001], hierarchical relations have the properties of transitivity and antisymmetry, which can be used for excessive indexing in the interests of increasing the efficiency of information retrieval.

The hierarchical relations used in information retrieval thesauri can be differentiated into separate types. The main hierarchical relation used in information retrieval thesauri is the generic relation (parent – child). A generic relationship is established between two descriptors, if the scope of the notion of a descriptor is included in the scope of the notion of a higher descriptor. Also, as part of a hierarchical relationship in information retrieval thesauri, a ‘part-whole’ relationship can be established. The relation of association is non-hierarchical and associative. The main purpose of establishing associative relationships between information retrieval thesaurus descriptors is an indication of additional descriptors useful in indexing or searching. [ISO 2013]

The information retrieval thesaurus model described in national and international standards is intended for its use in the process of manual, expert analysis of documents. The main purpose of developing traditional information retrieval thesauri is to use their units (descriptors) to describe the main topics of documents in the process of manual indexing. Therefore, it is important that the set of descriptors of the information retrieval thesaurus makes it possible to describe the subject matter of the domain documents. At the same time, the very process of indexing according to such a thesaurus is based on linguistic, grammatical knowledge, as well as knowledge of the subject area, which is available to professional text indexers. The indexer must first read the text, understand it, and then set out the content of the text, using the descriptors specified in the information retrieval thesaurus. The indexer must have a good understanding of all the terminology used in the text to describe the main topic of the text, he will need a much smaller number of terms.

The thesaurus of terms for mining and metallurgy is developed in correspondence of international (ISO), national and corporate standards and recommendations as shown in Figure 1.

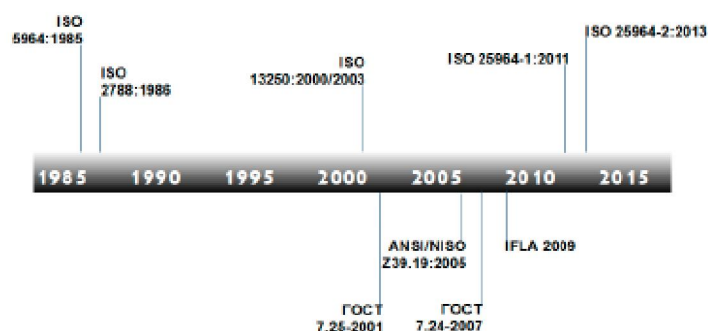

Figure 1. Evolution of the standards and recommendations of thesaurus.

In accordance with the recommendations of the international standards, between the mining and metal terms, the following types of relationships are established:

- BT (broader term) is a connection with the parent term;
- NT (narrower term) is a connection with a child term. BT↔NT communication is mutual and reciprocal;
- USE (use instead) is a link to the term that is used instead;
- UF (used to mean) is reciprocal feedback of USE, USE↔UF;
- RT (related term) is a link defining a related term;
- LE (linguistic equivalent) is a connection between linguistically equivalent terms.

In addition, the type of term is determined in accordance with the recommendations of the standard and the following types of terms are distinguished in the given scheme of the thesaurus for mining and metallurgy:

- TT (term type) is a top level term, i.e. a term that has no related terms of a wider class (terms with the type of BT connections);
- NT (relation type) is not a top-level term, that is, a descriptor that has BT type connections;
- ND is a minor term;
- NL is a fake term, that is, a term not used for indexing documents, but included in the hierarchy to indicate the logical basis of the class section.

Nowadays the most effective way to solve lexicographic problems in implementing industry-based translation activities is to organize information about the industry (in our case, the industry of mining and metallurgy) into information systems exposed in the form of electronic libraries.

To implement the thesaurus for mining industry, the Zthes data scheme was chosen as the most advanced of the standard schemes. Its main advantage is that it corresponds to the model of the network protocol Z39.50, which allows not only to work with its own local thesaurus, but also to connect, if necessary, thesauruses located in the network. [ANSI/NISO 2005]

Three elements have been added to the Zthes datasheet:

- termNormName - the normal form of the term (singular, nominative, etc.);
- termLinkID - algorithmically calculated unique identifier characterizing the term;
- termScopeNote - a brief textual description of a term used to identify texts.

Conclusion

Based on the analysis of standards and various approaches to the implementation of thesaurus, a decision was made to use the Zthes data scheme for creating a thesaurus for mining industry. Currently, within the framework of the thesaurus of mining and metal terms, the major rubrics are formulated and about 10,000 Kazakh terms for mining and metallurgy have been analyzed and constantly updated. The use of the thesaurus in digital libraries is most effective with the continuous modernization of the thesaurus, its integration into the database and the corresponding level of thematic specialization. For the time being, the main use of the thesaurus is navigation through library resources and classification or categorization.

Thus, in order to form the up-to-date and good Information Retrieval Thesaurus for Mining industry, it is necessary to provide the following basic criteria:

- A set of descriptors of the thesaurus should be sufficient to describe an arbitrary domain document, particularly for 'Mining and Metallurgy' industry;
- The number of descriptors should not be too large

So, to achieve professionalism in translating technical data of mining industry, a technical translator for mining industry should master a required number of field-specific terminology, denoting the basic concepts of geology, mining and metallurgy for definite stages of workflow in exploration, production, beneficiation, and enrichment.

Список литературы

- Антопольский А. Б., Вигурский К. В.* Концепция электронных библиотек [Электронный ресурс]. Электронные библиотеки: рос. науч. электронный журн. Т. 2. Вып. 2. 1999.
- Гвишивани Н. Б.* Язык научного общения (вопросы методологии). М., 1986. 279 с.
- Реформатский А. А.* Что такое термин и терминология. М., 1975. 14 с.

Жижимов О. Л., Мазов Н. А., Федотов А. М. Некоторые заметки об эволюции цифровых репозиторий традиционных библиотек к полнофункциональным электронным библиотекам // Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. Территория новых возможностей. Т. 7. № 3. 2010. С. 55–63.

Жижимов О. Л., Федотов А. М., Шокин Ю. И. Технологическая платформа массовой интеграции гетерогенных данных // Вестник Новосибирского гос. университета. Серия: Информационные технологии. 2013. Т. 11. № 1. С. 24–41.

Лейчик В. М. Термины и терминосистемы – пограничная область между естественным и искусственным в языке // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж, 1981. С. 68–115

Лукашевич Н. В. Тезаурусы в задачах информационного поиска. М.: Изд-во МГУ, 2011. 512 с.

Соловьев В. Д., Добров Б. В., Иванов В. В., Лукашевич Н. В. Онтологии и тезаурусы. Казань; Москва, 2006. 157 с.

Таранова Е. Н., Ермакова Л. Р., Таранов А. О. Интернациональные термины как объект лингвистического исследования (на примере терминов ландшафтоведения в русском и немецком языках) // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. №21 (242). Вып. 31. 2016. С. 54–63.

Федотов А. М. Концептуальные подходы к построению распределенных систем // Труды Международной конференции по вычислительной математике (МКВМ-2004): Рабочие совещания. Новосибирск: ИВМиМГ СО РАН, 2004. С.132–143.

Шокин Ю. И., Федотов А. М. Поддержка и развитие распределенных информационно-вычислительных ресурсов в СО РАН // Вычислительные технологии. (Совместный выпуск). Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Серия: Математика, механика, информатика. Ч. 4. 2004. Т.42. Ч.4. № 3. С.324–334.

Шокин Ю. И., Федотов А. М., Жижимов О. Л., Федотова О. А. Эволюция информационных систем: от Web-сайтов до систем управления информационными ресурсами // Вестник НГУ. Серия: Информационные технологии. 2015. Т. 13. №1. С. 117–134.

Шрейдер Ю. А. О количественных характеристиках семантической информации // НТИ. Сер. 2. 1963. № 10. С. 35–39.

Cabrè M. Teresa. Terminology: Theory, Methods and Applications. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam/Philadelphia. 1998. 558 p.

Fedotov A. M., Tussupov J. A., Sambethbayeva M. A., Fedotova O. A., Sagnayeva S. K., Bapanov A. A., Tazhibayeva S. Zh. Classification model and morphological analysis in multilingual scientific and educational information systems // Journal of Theoretical and Applied Information Technology, 2016. Vol. 86. No. 1. ISSN: 1992–8645. E-ISSN: 1817–3195.

Masterman M. Semantic message detection for machine translation, using an interlingua. Proc. International Conf. on Machine Translation. 1961. P. 438–475.

Salton G. Dynamic information and library processing. N.J.: Prentice Hall, 1975 / рус.пер. Дж.Солтон. Динамические библиотечно-информационные системы. М.: Мир, 1979.

Список источников

ANSI/NISO Z39.19: 2005 Guidelines for the construction, format and management of monolingual controlled vocabularies. NISO Press: Bethesda, MD. 2005.

ANSI/NISO Z39.50-2003. Information Retrieval (Z39.50): Application Service Definition and Protocol Specification. NISO Press, Bethesda, Maryland, U.S.A. November 2002.

IFLA. Guidelines for multilingual thesauri. (IFLA professional (IFLA professional reports:115). IFLA. 2009. URL: <http://www.ifap.ru/library/book411.pdf>.

ISO 5964:1985. Documentation – Guidelines for the establishment and development of multilingual thesauri (Документация. Руководство по построению и разработке многоязычных тезаурусов). Geneva: International Organization for Standardization. 1985.

ISO 2788:1986. Documentation – Guidelines for the establishment and development of monolingual thesauri (Документация. Руководство по построению и разработке одноязычных тезаурусов). 2nd ed. Geneva: International Organization for Standardization. 1986.

ISO 25964-1:2011. Information and documentation – Thesauri and interoperability with other vocabularies — Part 1: Thesauri for information retrieval (Информация и документация – Тезаурусы и совместимость с другими словарями. Ч. 1: Тезаурусы для информационного поиска), 2011.

ISO 25964-2:2013. Information and documentation – Thesauri and interoperability with other vocabularies. Part 2: Interoperability with other vocabularies (Информация и документация. Тезаурусы и взаимосвязь с другими словарями. Ч. 2. Взаимосвязь с другими словарями), 2013.

ISO/IEC 13250:2000. Information technology – SGML Applications – Topic Maps (Информационные технологии. Применение типового обобщенного языка разметки (SGML). Тематические планы), 2000.

ISO/IEC 13250:2003. Information technology – SGML Applications – Topic Maps (Информационные технологии. Применение типового обобщенного языка разметки (SGML). Тематические планы), 2003.

ГОСТ 7.25-2001. Тезаурус информационно-поисковый одноязычный. Правила разработки, структура, состав и форма представления (Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу) / Межгосударственный совет по стандартизации, метрологии и сертификации. М.: Стандартинформ, 2002.

**A. T. Bayekeyeva
S. Zh. Tazhibayeva**

Разработка и использование тезауруса горнорудных терминов в переводческой деятельности

В статье рассматриваются вопросы разработки и составления тезауруса горнорудных терминов в переводческой деятельности, а также дается обзор стандартов для представления тезаурусов. Для реализации тезауруса в научно-образовательной информационной системе для проведения переводческой деятельности в горнорудной промышленности, была выбрана схема данных Zthes. В статье внимание уделяется работе со словарями ключевых терминов горнорудной промышленности, которые используются для систематизации и классификации информационных ресурсов, и моделированию связей между ними.

Ключевые слова: термин, терминология, тезаурус, электронная библиотека, информационно-поисковый тезаурус.

Р. Г. Жамсаранова,

Забайкальский государственный университет, Чита, rebecca_zab@mail.ru

Е. Ч. Дыжитова

*Забайкальский государственный университет, Чита, katya8003@yandex.ru***Конвергентные явления в корпусе географической терминологической лексики Восточного Забайкалья**

Статья посвящена описанию выявленных явлений конвергентного характера в корпусе местной географической терминологии монголоязычного языкового происхождения, обнаруживающего типологически сходные черты как в лексике, так и в семантике. Аппеллятивная лексика как детерминирующая лексика самоедоязычного топонимического субстрата Восточного Забайкалья имеет определенное лексико-семантическое сходство с монгольскими языками, прежде всего, с лексемами старописьменного монгольского языка.

Ключевые слова: местная географическая терминология, детерминант, конвергентные процессы, типология, самоедоязычный субстрат.

Обнаруженное типологическое сходство монгольских географических терминов с самодийскими [Жамсаранова, 2011], вероятно, объясняется конвергентными явлениями, неизбежно возникающими при этноязыковой смене населения определённой территории. В частности, изучены процессы языкового контактирования бурят с русскими, при которых наблюдается адаптация субстратной аппеллятивной лексики нормами русского языка на всех его уровнях – фонетическом, морфологическом, семантическом.

Под конвергенцией как лингвистическом явлении подразумевается «сближение или совпадение двух или более лингвистических сущностей» [ЯЗКЗ 1998: 234]. «Одним из аспектов конвергенции является глоттогонический, при котором, как у родственных, так и неродственных языков возникают общие структурные свойства вследствие достаточно длительных и интенсивных языковых контактов, а также на базе конвергирующих языков субстрата. В этом случае различают контактную и субстратную конвергенцию, причем оба вида могут совмещаться» [ЯЗКЗ 1998: 234].

Исследование аппеллятивной лексики, которая связана с лексикой терминологического характера – местной географической терминологией монгольских языков, – позволило определить выявленные лексико-семантические параллели монгольско-самодийских языков как следствие конвергенции. К примеру, монгольские географические термины стп.-монг. *šili* 'плоская возвышенность; низкая и плоская гора, пригорок; холм'; монг. *шил* 'гребень горного хребта', 'плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок; высокое нагорье; верхняя часть хребта горного массива; перешеек, увал; альпийское пастбище, сырт'; бур. *шэлэ* 'плоская возвышенность; плоскогорье; пригорок, холм; (геогр.) хребет' имеют очевидное сходство с самодийским термином сельк. *чял* 'опушка (леса)' [СРДС 2005].

Данные аппеллятивы являют собой детерминанты следующих топонимов Восточного Забайкалья: хр. Хангилай-Шилы (Агн. р-н), ур. Шилин-Торум, ур. Шилы-Худаг (Агн. р-н), с. Шилы (Хлк. р-н), Шилата, Шилотой, Бадинская-чяла, Хотогор Шэлэ, Хотогор-Шила. Особый интерес в научном плане представляет ойконим Бадинская-чяла, зафиксированный в архивных документах 1897 года «Ведомость об инородческом населении Хоринской Степной Думы Верхнеудинского округа с показанием народонаселения и учреждений, в них находящихся» [ГАЗК, ф. 19, оп. 1, д. 86].

Вторая составная часть ойконима Бадинская-чяла – это не вышеприведенные монгольские географические термины *šili* и др., а именно самодийский *чял* 'опушка (леса)', наличие которого документально зафиксировано в названиях улусов Хоринской Степной думы [Жамсаранова 2017].

Другой номенклатурный монгольский термин, который также, на наш взгляд, имеет очевидное лексико-семантическое сходство с самодийским термином, – это стп.-монг. *balčiy* 'грязь, тина'; монг. *балчи* 'топкое болотное место', бур. *балшаг* 'грязь, тина, лужа', от которых образован ряд топонимов: р. Бальджа, р. Бальджиканка, р. Бальжа, с. Бальзай (Улт. р-н.), с. Бальзино, оз. Бальзинское (Длд. р-н), р. Бальзир Верхний, р. Бальзир Нижний, р. Бальзир Средний, п. Бальджик (Блск. р-н.), Онон-Бальджиканский хр. (Крн. р-н). Самодийский термин сельк. *пальця/пальтя* 'вязкая грязь' и лексически, и семантически связан с терминами стп.-монг. *balčiy* 'грязь, тина' и монг. *балчи* 'топкое болотное место', бур. *балшаг* 'грязь, тина, лужа'.

Конвергентные явления в корпусе местной географической терминологии обусловлены переходом сельк. *-ч-*, *-ц/-т* в бур. *-ш-*. Возможный переход самод. *ч-* в монг. *ш-* в терминах *чял*; *šile*, *шил*, *шэлэ* позволяет считать алломорфы монгольских языков возникшими в результате каких-то древних самодийско-монгольских языковых контактов. Наличие и сходство этих терминов обусловлено историей развития монгольских языков, в частности, историческим переходом общемонгольского **č* в бур. *š* [Рассадин 1982: 75–76].

В бурятских терминах наблюдается наличие звонких согласных как следствие возможного ослабления условно исходных глухих фонем селькупского языка: переход анлаутного сельк. *-п-* в бур. *-б-* – *п-||б-*; ауслатного *-ц-* (< *пальця*) || *-ч/-ш-* (< *балчиg*, *балшаg*) [Дыжитова, 2019]. Существенным представляется мнение В. И. Рассадина о том, что «к восточномонгольским тюркизмам можно отнести, например, такие слова, как зап.-бур. *балшаg* ‘грязь, тина; лужа’, х.-монг. *балчиg* ‘болото, трясина’, стп.-м. *balciy* ‘грязь, тина’ [Голстунский II: 206], восходящие к др.-тюрк. *balciq* ‘ил, грязь’» [Рассадин 2002]. Мнение В. И. Рассадина о тюркском языковом происхождении бур. *балшаg* и монг. *балчиg*, полагаем, иллюстрирует естество наличия древнетюркской лексемы как промежуточного звена в цепи заимствований. Наличие лексем др.-тюрк. *balciq* ‘ил, грязь’, стп.-м. *balciy* ‘грязь, тина’, зап.-бур. *балшаg* ‘грязь, тина; лужа’, х.-монг. *балчиg* ‘болото, трясина’ подтверждает «преемственность» заимствования данного термина в алтайских языках.

Исследование показало, что не всегда номенклатурный субстратный термин может иметь рефлекс, что можно проиллюстрировать анализом таких топонимов как оз. Хонхор-Торум, ур. Хонхор-Торум, п. Хунхур, оз. Кункур, с. Кункур (Агн. р-н) и т.д. В основе данных топонимов лежит бурятский термин *хунхэр* ‘лог, низина, впадина’, который посредством старописьменного монгольского *künger* ‘впадина, ложбина, низина, овраг’ имеет сходство с северно-самодийским апеллятивом нен. *хыңгэр* ‘углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)’ [НПС 2003].

Возможные варианты перехода краткого нен. *-ä-* в бур. *-э-*, перехода сельк. *-о-* в бур. *-э-*, сельк. *-я-* в бур. *-э-* [*э*] объяснимы из истории фонологии бурятского языка. Известно, что фонема [*э*] бурятского языка – это мягкорядная фонема, перешедшая в смешаннорядную «*э*» вместо переднеязычного «*е*» *š* [Рассадин 1982: 15].

Переход нен. *-ы-* в бур. *-у-* в терминах нен. *хыңгэр* ‘углубление; внутренняя часть (капюшона, шапки)’ и бур. *хунхэр* ‘лог, низина, впадина’ объясним следующим: фонема [*ы*] ненецкого языка, вероятно, развилась в бурятское *-э-*, появившееся «на месте исконного общемонгольского **e*» *š* [Рассадин, 1982, с. 17, 22] через посредство стп.-монг. гласных *й* или *ö*.

Развитие [*у*] на месте **ö* отмечается, по мнению В. И. Рассадина, в монгольских языках со времени средневековья [Рассадин 1982: 17]. Это позволяет делать выводы об историческом процессе в системе вокализма монгольских языков, начиная с периода создания «Сокровенного сказания монголов». А переход нен. *-н-* в бур. *-нх-* объясним очевидным звуковым совпадением сонантов.

Обнаруженное ранее наличие лексического и семантического сходства апеллятивной лексики терминологического характера внутри монгольских и самодийских языков подтверждается проведённым лингвистическим анализом конвергентных процессов. В результате конвергенции языков, не связанных генетическими отношениями, выявляются языковые факты, которые свидетельствуют об их типологическом и материальном сходстве.

Имеющиеся исследования по субстратной топонимии, терминологии родства в самодийских и монгольских языках, этнонимии монгольских народов, а также параллели в лексическом фонде самодийских языков могут быть объяснимы давними тунгусскими истоками происхождения бурят.

Сравнительно-исторический и типологический анализ апеллятивной лексики терминологического характера позволил постулировать влияние субстратных языков на корпус местной географической терминологии бурятского языка. В ней обнаруживаются следы как родственных алтайских – эвенского, эвенкийского, старописьменно-монгольского, тюркских, древнетюркского, – так и уральских языков, в первую очередь, самодийских – ненецкого, селькупского.

Сравнительно-сопоставительный анализ географической терминологии монгольских и самодийских языков позволил сделать выводы о наличии глоттогонической конвергенции, наблюдаемой в апеллятивной лексике терминологического характера [Дыжитова, 2019]. Данный факт подтверждает гипотезу о диахронном контактировании некоторых монгольских языков и диалектов с некоторыми самодийскими.

Сопоставительный анализ топонимической лексики Восточного Забайкалья даёт основание определить самодийские языки тем субстратом, который и повлиял (в том числе) на историческое развитие бурятского языка, как в области фонологии, так и лексикологии.

Список литературы

- Голстунский К. Ф.* Монгольско-русский словарь. Т. 1–3. Санкт-Петербург, 1893–1895. 491 с.
- Дыжитова Е. Ч.* Топономастическая лексика Восточного Забайкалья: сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический аспекты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2019. 23 с.
- Жамсаранова Р. Г.* Субстрат в топонимии Восточного Забайкалья. Чита: Изд-во ЗабГУ, 2011. 237 с.
- Жамсаранова Р. Г.* Ойконимия Хоринской Степной думы. Чита: ЗабГУ, 2017. 274 с.
- Ненецко-русский словарь* / сост. Н. М. Терещенко. СПб.: Фил. изд-ва «Просвещение», 2003. 942 с.
- Рассадин В. И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 198 с.
- Рассадин В. И.* К характеристике тюрко-монгольских языковых отношений [Электронный ресурс]. 2002. 11 с. Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/286325>. (Дата обращения 10.03.2018 г.).
- Селькупско-русский диалектный словарь* / под ред. В. В. Быконя. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
- Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. М.: Совет. энцикл., 1973. 852 с.
- Языкознание: большой энциклопедический словарь* / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е (репр.) изд. «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. Москва: Большая Рос. энцикл., 1998. 687 с.

Список источников

- ГАЗК – Государственный архив Забайкальского края, ф. 19, оп. 1, д. 86 «Ведомость об инородческом населении Хоринской Степной Думы Верхнеудинского округа с показанием народонаселения и учреждений, в них находящихся» от 1897 года.
- ПМА – Полевые материалы [Жамсаранова Р.Г. 2004 – 2012], [Дыжитова Е.Ч. 2010 – 2013].
- ТКЗ – Топонимическая картотека Забайкалья.

R. G. Zhamsaranova, E. Ch. Dyzhitova

Convergent Phenomena in the Corpus of Geographical Terms of the Eastern Transbaikalia

The article deals with description of the convergent phenomena within the corpus of geographical terms of Mongolian origin, which reveals typologically similar features both in vocabulary and semantics. Appellative vocabulary as the determinant of the Samoyedic substrate of the Eastern Transbaikalian toponymy has a certain lexical and semantic similarity with the Mongolian languages, primarily with the lexemes of the old Mongolian language.

Keywords: geographical terminology, determinant, convergent processes, typology, Samoyedic substrate.

Я. Е. Старостина

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск,
patina-s@mail.ru**Лексика наименований горных ландшафтов якутского языка, имеющие монгольские и тунгусо-маньчжурские параллели**

Целью настоящей статьи является проведение сравнительно-сопоставительного анализа апеллятивных единиц якутского языка, входящих в когнитивную сферу «Горный ландшафт». Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью изучения вопроса исторического развития и происхождения якутского языка.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный анализ, когнитивная сфера, апеллятивные единицы, якутский язык, тюркские языки, монгольские языки, тунгусо-маньчжурские языки, якутско-монгольские параллели, заимствованные слова, лексико-семантические особенности

Наличие в якутском языке пласта монгольской и тунгусо-маньчжурской лексики, а также слов неизвестного происхождения вызывает споры по вопросам происхождения и исторического развития якутского языка.

В рамках данной работы будет проанализирована лексика горных ландшафтов якутского языка в сравнительно-сопоставительном плане с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Как известно, около двух третей территории Якутии занято горными ландшафтами. К областям распространения горных ландшафтов относятся не только горные хребты Северо-Восточной Сибири и нагорья Южной Якутии, к ним относятся плоскогорья и плато, где также развита высотная поясность [Данилов 2016: 40]. Типы горных ландшафтов Якутии разнообразны: горные пустыни, горные тундры, подгольцовые кустарниковые заросли, горные редколесья и горные тайги, что находит свое отражение в богатой лексике якутского языка, обозначающих горные ландшафты. Целью настоящей статьи является проведение сравнительно-сопоставительного анализа апеллятивных единиц якутского языка, входящих в когнитивную сферу «Горный ландшафт».

В работе были использованы следующие основные методы исследования: сравнительно-исторический, описательно-сопоставительный, при выявлении лексико-семантических особенностей использован метод компонентного анализа, предполагающий выявление семантической структуры слова с помощью рассмотрения его лексического значения на три группы: а) устойчивость лексического значения слова; б) частичное совпадение лексического значения слова; в) заметное изменение лексического значения слова.

Фактический материал исследования извлекался путем сплошной выборки наименований горного ландшафта из словаря якутского языка Э. К. Пекарского [Словарь якутского языка I-III 1959], «Большого толкового словаря якутского языка» [2004, 2005, 2006, 2007, 2008, 2009, 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017] (далее – БТСЯЯ), откуда выявлено 12 апеллятивных единиц, имеющих монгольские и тунгусо-маньчжурские параллели.

Монгольские параллели имеют 8 лексем:

1. Як. *дабаан* ‘путь на гору, подъем; гора, пригорок, падь’ [Пек. Т. I: 658], «возвышенность; подъем в гору» [БТСЯЯ Т. III: 70] //ст. калм. *дабаа* ‘горный перевал’ [Номинханов 1975: 266], монг. *даваа(н)* 1) горный перевал; 2) препятствие, трудность; кризис [БАМРС Т. II: 8], бур. *дабаа(н)* 1) возвышенность; 2) горный перевал [БРС 1973: 96]; халх. *даваа/н/* ‘горный перевал’, п. монг. *дабаган*, *дабага* ‘перевал, переход через горный перевал’ [Номинханов 1975: 266].

Как видно из примеров, из монгольских языков по структурному и фонетическому оформлению к якутскому языку более близок бурятский. Что касается семантики апеллятивных единиц, то здесь наблюдается значительное лексическое изменение.

2. Як. *хайа* ‘гора, горы, цепь или хребет гор; высокая гора, утес, скала, каменные горы’ [Пек. Т. III: 3242], ‘значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью, гора’ [БТСЯЯ Т. XIII: 186] // монг. *хад(ан)* 1) скала, утес, каменная гора; 2) каменный; скалистый [МРС 1957: 497], бур. *хада* 1) гора; 2) горный; гористый’ [БРС 1973: 529], ср.-монг. *хада* ‘скала’, м.-п. *qadan* ‘скала,

утес' [Левин 2013: 124], монг. *халдун* 'гора, скала, пик' [БАМРС Т. IV: 26]. Данная лексема имеет параллели как в тюркских, так и в монгольских языках. М. Ряснен считает, что тюркские названия скалы типа *qaja* являются заимствованиями из монгольского *qada* [СИГТЯЛ 2001: 96]. Необходимо отметить, что в данном случае во всех примерах отмечается абсолютное совпадение семантики.

3. Як. *эмээрэ* 'обрыв (горы), яр, крутойр' [Пек. Т. I: 259]. Как отмечают ученые (Э. К. Пекарский, Н. К. Антонов) данная лексема происходит от монгольского глагола *эмээрэх* 'разваливаться, разрушаться, отрываться'.

4. Лексема *мөлдөөгөй* имеет некоторое расхождение в семантике. Если у Э. К. Пекарского это 'холм, пригорок', то в БТСЯЯ идет расширение лексического значения 'отдельная выпуклость на склоне чего-л.'. Г. В. Попов относит происхождение *мөлдөөгөй* к бурятскому *монсогой*, *монсогор* 'круглый, округлый' [Попов 1976: 114].

5. Як. *ыпсалбан* 'ущелье' [Пек. Т. III: 3806], 'тесное, узкое место, проход ущелье' [БТСЯЯ Т. XIV: 458], як. *ыпсылба* 'тесное, узкое место, проход, проезд, горное ущелье' [Пек. Т. III: 3807] // монг. *ибчабу*, халх. *ябцйбуу* 'естественное, тесное (ущелье)' [Пек. Т. III: 3807], п.-монг. *ибиабу* 'тесное (ущелье)' [БТСЯЯ XIV: 458]. Здесь наблюдается частичное совпадение лексического значения слова.

6. Як. *буом* 'все, что препятствует кому-либо; препятствие, преграда; трудный переход; тесное место, ущелье' [Пек. Т. I: 559], 'труднопроходимое ущелье; тропинка в горном ущелье' [БТСЯЯ Т. II: 537] // монг. *боом* 'мыс, выдающаяся скала' [БАМРС Т. I: 263]. В данном случае произошло заметное изменение лексического значения слова.

7. Як. *хапчагай* 'узкий проход, узкое (тесно замкнутое) место, ущелье' [Пек. Т. III: 3325], 'узкое ущелье, расщелина' [БТСЯЯ Т. XIII: 332].

8. Як. *хапчаан* 'узкость, теснота; узкий проход, ущелье, узкое, тесное пространство в горе, горная развалина, теснина' [Пек. Т. III: 3326], 'ущелье' [БТСЯЯ Т. XIII: 331] // монг. *хавцгай* 'утёс, отвесная скала, крутая скала; узкое ущелье, падь' [БАМРС Т. IV: 8]; монг. *хавцал* 'ущелье; теснина, горный проход, глубокое ущелье у подножия горы, балка' [БАМРС Т. IV: 8], ст. калм. *хавцал*, *хавцагай* 'утес, теснина, ущелье'; халх. *хавцал* 'ущелье, теснина'; *хавцгай* 'утес, отвесная скала', п.-монг. *хавчил* 'горная тесный проход' [Номинханов 1975: 268], бур. *хабшал* 1) ущелье; 2) узкий, *хабшалалдаан* 'расщелина, теснина' [БРС 1973: 528].

Из тунгусо-маньчжурского языка заимствовано 4 лексемы:

1) як. *дьугдьур* 'вершина горы' [Пек. Т. I: 855], 'продолговатая вершина горы, возвышенности' [БТСЯЯ Т. III: 387], як. *дьугдьуур* 'вершины каменных гор; горный хребет' [БТСЯЯ Т. III: 433] // тунг.-маньчж. *дьугду* 'водораздел', эвенк. *джугдир* 'Яблоневый и Становой хребет с отрогами' [ССТМЯ Т. I: 269]. В данном случае отмечается значительное лексическое изменение, но при этом сохраняется структурное оформление апеллятивных единиц [CVCCVC=CVCCVC];

2) як. *дьааңы* 'каменная скала (янгы); безлесная гора, «голец»' [Пек. Т. I: 706], 'скала, лишенная растительности; голая поверхность каменной гряды' [БТСЯЯ Т. III: 263] // ср. тунг.-маньчж. *јаң* 'сопка-голец', эвенк. *јаң* 'сопка-голец (с не тающим снегом на вершине), гора (безлесная)', нег. *јаң* 'сопка-голец (с не тающим снегом на вершине), гора (безлесная)', орок. *јаң* 1) гора; 2) хребет (горный), нан. *јаңи* 'гора (с не тающим снегом на вершине)' [ССТМЯ Т. I: 341];

3) як. *хадаба* 'скала, таас хайа' [Пек. Т. III: 3226] // тунг.-маньчж. *кадар* 'скала', эвенк. *кадаба* 1) каменистая россыпь (на крутом склоне); скала; 2) гора, сол. *хадаар* 'скала, гора', эвен. *қадақу* 1) скалистый; 2) утес, нег. *када*, *када(у)а* 'скала, утес, гора', уд. *када* 1) скала, утес; 2) камень, глыба, ульч. *қадали* 'скала, утес', орок. *када* 'скала', ма. *хада* 'скала, пик, вершина' [ССТМЯ Т. II: 360];

4) як. *хадаар* 'скала; то же, что адаар' [Пек. Т. III: 3227], 'каменистое, выдающееся вершиною возвышение, скала, утес' [БТСЯЯ Т. XIII: 178]. Несмотря на то, что тунг.-маньчж. *кадäga*, *кадär* 'скала'

считаются заимствованиями из монгольского языка, якутские формы *xadaɣa*, *xada:r* относят к тунгусизмам [СИГТЯЛ 2001: 96].

Устойчивость лексического значения слова зафиксировано в 3 примерах: *дьааңы*, *хадаҕа*, *хадаар*. Это показывает, что предки якутов освоили северную местность намного позже и восприняли готовую терминологию без изменений.

Таким образом, апеллятивные единицы, входящую в когнитивную сферу «Горный ландшафт» показывают, что предки якутов имели тесный контакт с монгольскими племенами и возможно проживали на территории с горным районом, но при этом северные типы горных ландшафтов были освоены позже.

Список литературы

- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Ө–Ф. 440 с. М.: Academia, 2001; Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- БРС – Бурятско-русский словарь. М., Изд-во: «Советская энциклопедия». 1973, 804 с.
- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка. В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Т. I. Новосибирск: Наука, 2004. 680 с. (Буква А), Т. II. Новосибирск: Наука, 2005. 912 с. (Буква Б), Т. VI: (Буквы Л, М, Н). Новосибирск: Наука, 2009. 519 с., Т. VIII: (Буква С). Новосибирск: Наука, 2011. 572 с.
- Данилов Ю. Г. и др. Ландшафты Якутии: монография. Якутск: Издательский дом СВФУ, 2016. 76 с.
- МРС – Монгол-орос толь (Монгольско-русский словарь) / Под ред. А. Лувсандэндэва. ГИИиНС. Москва, 1957. 715 с.
- Номинханов Ц. Д. Материалы к изучению калмыцкого языка: монография. М.: Наука, 1975. 328 с.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1., 1200 стб.; Т. 2. 2010 стб.; Т. 3. 3858 стб.
- Попов Г. В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (Сравнительно-историческое исследование). Якутск. Кн. изд-во, 1986. 148 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т. Л.: Наука. Т. I. 1975. 672 с; Т. II. 1977. 992 с.

Y. E. Starostina

The Lexis of Mountain Landscape Names in the Yakut Language with Mongolian and Manchu-Tungus Parallels

The relevance of our study concerns the dearth of research of the historical development and origin of the Yakut language. The purpose of this article is to conduct a comparative analysis of the appellative units of the Yakut language, included in the cognitive sphere ‘mountain landscape’.

Keywords: comparative analysis, cognitive sphere, appellative units, Yakut language, Turkic languages, Mongolian languages, Tungusic languages, Yakut-Mongolian parallels, loan words, lexical-semantic features.

А. В. Терещенко

ФГБОУ ВО «Тусур», Томск, anna.v.tereshchenko@tusur.ru

**Ономастическое пространство селькупского и русского прозаического фольклора
в сопоставительном аспекте
(на материале имен персонажей и географических названий)**

В статье рассматривается ономастическое пространство селькупского и русского фольклора. Имена персонажей и географические названия представляют своеобразный «текст в тексте», играют ключевую роль в интерпретации фольклорного произведения. Рассмотрение обширного пласта ономастической лексики в двух разнотипных языках позволяет выявить сходства и отличия в фольклорных традициях регионов, в специфике восприятия человеком окружающего мира.

Ключевые слова: фольклор, ономастическое пространство, селькупский язык, русский язык, семантика, сравнительный анализ, имена фольклорных персонажей, географические названия, картина мира.

Имя собственное – это слово или сочетание слов, служащее для выделения именуемого объекта среди других объектов, его идентификации и индивидуализации. В лексическом составе разных языков имена собственные образуют особый класс, противопоставленный именам нарицательным и обладающий своими специфическими признаками. Совокупность имен собственных, которые употребляются в языке для наименования реальных, гипотетических или фантастических объектов образует именную континуум, ономастическое пространство языка.

Фольклорное ономастическое пространство – сложное и многоаспектное явление, своеобразный «текст в тексте», в котором каждое имя собственное играет значимую роль для понимания и интерпретации фольклорного произведения в целом.

В селькупских сказках представлены следующие типы имен персонажей: 1) наименования родственников (*ira* ‘муж’, *ima* ‘жена’, *tj* ‘сын’, *tja* ‘сын’, *nē* ‘дочь’); 2) имена фольклорных богатырей (*mādur* ‘богатырь’, *mādur šī* ‘богатырь-соболь’, *qorqil’ mātir* ‘медвежий богатырь’); 3) имя общеселькупского фольклорного персонажа, героя-трикстера *Iča* (*Ičča*, *Iže*, *tjekasa*); 4) обозначения людей, стоящих на вершине социальной иерархии (*čelit* (*čelinti*) *šmtil’ qok* ‘царь солнца’, *merqil’ šmtil’ qok* ‘царь ветра’, *temqir* ‘купец’); 5) имена шаманов (*Jompa*, *kāñirsila*, *Ilkil’ tettil’ ira* ‘нижней земли старик’); 6) наименования божеств, злых духов, водяных, леших (*pünä*, *kīsī*, *lō* ‘черт’, ‘злой дух’, *lōsi* ‘черт’, ‘злой дух’, *karrāl’ lōsi* ‘водяной’, ‘нижний черт’, ‘подбережный черт’).

Обозначим отличительные особенности имен персонажей селькупского фольклора: 1) в сказках используются термины родства без отсылки к конкретному имени персонажа (*tj aj nē* ‘сын и дочь’); 2) обилие наименований с диминутивными суффиксами *-k-*, *-ŋ-* (*Jariska*, *Iriska*, *Kitka*, *Itoška*, *tōmnāñka*); 3) диминутивы привносят дополнительные стилистические оттенки, накрадывающиеся на основное значение имени собственного, в результате чего имя персонажа носит пренебрежительный или иронический характер; 4) диминутивные формы имени используются при назывании широкого спектра как главных (*богатыри*, *охотники*), так и второстепенных персонажей (*крестьяне*, *работники*).

В русском фольклоре представлены следующие группы имен персонажей: 1) имена «добрых молодцев», богатырей (*Данила-богатырь*, *Илья Муромец*, *Добрыня Никитич*); 2) имена женских персонажей, «красных девиц» (*Василиса Прекрасная*, *Елена Премудрая*, *Марья Моревна*); 3) имена людей, стоящих на вершине социальной иерархии (*царь Светозар*, *царь Горох*, *купец*); 4) названия отрицательных персонажей, сверхъестественных существ (*Соловей-разбойник*, *Баба-яга*, *Морской царь* (=черт), *водяной*, *леший*).

Проведенный фольклорный анализ позволил выявить следующие характерные особенности имен персонажей в русских народных сказках: 1) патроним – крайне важный компонент имени персонажа, указывающий на принадлежность к роду, династии (*Микула Селянинович*, *Добрыня Никитич*); 2) приложение как значимый компонент имени несет сведения о внешней привлекательности (*Марья-краса*), физической силе (*Емеля-силач*), чертах характера (*Иван-храбрец*) и социальном статусе (*Микула-пахарь*) персонажа.

Географические названия – неотъемлемые элементы ономастического пространства селькупского и русского прозаического фольклора. Зачастую действие фольклорного произведения разворачивается на фоне рек, гор, холмов, возвышенностей.

Анализ фольклорных топонимов и гидронимов видится в тесной связи с рассмотрением представлений о структуре пространства, отраженных в селькупской и славянской мифологии.

В связи с большей разработанностью вертикальной концепции мироздания в селькупском фольклоре, в данной статье акцент сделан на рассмотрение географических наименований *Верхнего*, *Среднего* и *Нижнего миров*.

В фольклоре северных и южных селькупов *Верхний мир* – крайне важная и значимая часть пространства. Исходя из фольклорных и этнографических данных, небо состояло из нескольких (от двух до семи) ярусов и куполом располагалось над поверхностью земли. В фольклорных текстах зафиксированы названия для первого (*nuš šünčī (posukol' nuš šünčī)* ‘первого неба мездра’) и второго (*šittĩmtälil' nuš šünčī* ‘второго неба мездра’) ярусов неба. Первый ярус неба (*nuš šünčī (posukol' nuš šünčī)* ‘первого неба мездра’) ближе всех расположен по отношению к поверхности земли [Дульзон 1956: 29].

Выражение *nūt tičī* ‘теснина неба’, ‘щель’, ‘ущелье’ используется для обозначения узкого входа в первый ярус неба, откуда начинается путешествие селькупского шамана в ирреальный мир [Беккер 1995: 34].

В значительной степени *Верхний мир* для селькупов – это территория бога неба (*Nom*), где расположено его жилище (фольклорный топоним *Nom māt* ‘чум бога Нома’, ‘изба бога Нома’). *Верхний мир* в селькупском прозаическом фольклоре – это сфера сакрального, по представлениям селькупов *qešqasajla* ‘звезды’ – это души покойников, смотрящие на землю [Дульзон 1950: 42].

Фольклорная топонимия *Среднего мира* в селькупских сказках и бытовых рассказах представлена наименованиями различных типов жилищ (*māt* ‘чум’, ‘изба’, *karamo* ‘деревянная бревенчатая конструкция, тип жилища’, *mādur māt* ‘чум богатыря’, ‘изба богатыря’), дорог (*wetti* ‘путь’, ‘дорога’), рек (*Limpil'ki* ‘река Орла’, *Kāssil'ki* ‘река Кедровки’) и озер (*qēlil' tō* ‘рыбное озеро’).

Возникновение различных форм рельефа в селькупском фольклоре (острова, горы, горные хребты) тесно связано с метаморфозами. Так, если в бою погибал богатырь, на месте его падения образовывался *marqi* ‘остров’. Участок территории, где ранее располагался *mādur māt* ‘чум богатыря’, превращался в *tōllaka* ‘хребет’. Если богатырь, спасаясь бегством от преследующего его черта, бросает на своем пути *tĩpsi* ‘гребень’, *šeki* ‘огниво’, *šekit pū* ‘кремень’ или *lista/listan* ‘точило’, на месте их падения образуется *tōllaka* ‘хребет’, ‘горный хребет’ [Ким 1999: 206].

Селькупский этнос – представитель коллективистской культуры, что, несомненно, нашло отражение в фольклорной топонимии. В коллективистской культуре предпочтение отдается так называемому «общественному пространству», которое индивид разделяет с другими членами социума. Фольклорные данные служат тому подтверждением: селькупы разделяют территорию проживания с представителями животного мира (*šūt tū* ‘земля змей’). Кроме того, отдельные участки территории изначально мыслились как не принадлежащие людям (*lōzil tetti* ‘земля духов’, *lōsil' sessan* ‘духов амбар’, *lōzil tō* ‘озеро духа’, ‘озеро черта’, *qaqal' etil' tetti* досл. ‘земля могильного стойбища’, ‘проклятая земля’). Подобные места относятся к «заветным» местам у селькупов, им присущи характеристики сакрального мира [Беккер 1965: 86].

Ономастическое пространство *Нижнего мира* в селькупском прозаическом фольклоре получило более детальную проработку по сравнению с ономастическим пространством *Верхнего* и *Среднего миров*. Анализ путешествия селькупского шамана в *Нижний мир* позволяет получить представление о данной части пространства.

Для славян в целом, и для русских в частности, характерна лишь вертикальная концепция мироздания. Исходя из данной концепции, Вселенная состоит из *Верхнего*, *Среднего* и *Нижнего миров* [Аникин 1977: 121–124].

Ономастическое пространство *Верхнего мира* в русских народных сказках воплощает рай, идеальную часть пространства, куда стремится попасть каждый человек. Топонимы (*дом*, *изба*, *хата*, *царство*), гидронимы (*небесный океан*), оронимы (*горы*) употребляются с прилагательными, несущими исключительно положительные оттенки значения (*дивный*, *красивый*, *прекрасный*, *золотой*, *хрустальный*). *Солнце* и *Луна* в русском прозаическом фольклоре – во многом антропоморфные образы, которые, наряду с прочими фольклорными персонажами, принимают участие в обыденной жизни.

Топонимы *Среднего мира* в русском прозаическом фольклоре создают фон, на котором развивается сюжет сказки. Для ономастического пространства *Среднего мира* в русских народных сказках характерно сосуществование как фольклорных (*путь-дорога*, *царство*, *иное государство*, *дремучий лес*, *чистое поле*, *остров Буян*), так и реальных (*Москва*, *Киев*, *Новгород*, *село Кутузово*) топонимов, еще раз подтверждая идею о том, что ономастическое пространство – единый именной континуум, в котором взаимосвязаны и значимы все имена собственные.

Гидронимы *Среднего мира* в русских народных сказках (*море, синее море, Черное море, Хвалынское море*) крайне важны для понимания и интерпретации сюжета фольклорного произведения (персонажи сидят на берегу моря синего, путешествуют по морю, пересекают море).

Нижний мир в русском прозаическом фольклоре представляет ад, темное, мрачное пространство. Как правило, вход в подземный мир в русских народных сказках преграждает заветный камень (камень), железная дверь (дверь) или стена. Среди фольклорных топонимов *Нижнего мира* в русских народных сказках следует обозначить *избушку на курьих ножках*, которая является типичным жилищем Бабы-яги и связующим звеном между миром живых и миром мертвых. Гидроним *Нижнего мира* – *Огненная река (река Смородина)*. *Калинов мост*, перекинутый через *реку Смородину*, соединяет мир живых и мир мертвых.

Список литературы

- Аникин В. П. Русская народная сказка. Москва, 1977. 208 с.
Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Томск, 1995. 292 с.
Беккер Э. Г. Селькупские топонимы Западной Сибири: дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1965. 272 с.
Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики. Томск, 1950.
Дульзон А. П. Археологические памятники Томской области. Материалы к археологической карте Среднего Приобья. Томск, 1956.
Ким А. А. Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира: дис. ... доктора филол. наук. Томск, 1999. 356 с.

Список источников

- Афанасьев А. Н. Русские народные сказки: в 3-х томах. Москва, 2018.
Селькупы (по данным экспедиций). Северные, центральные и южные диалекты. 1952–2017. Архив кафедры ЯНС ТГПУ.

A. V. Tereshchenko

Comparative Analysis of Selkup and Russian Folklore Onomastic Field (on the Basis of Character Names and Toponyms)

The article deals with the problem of folklore onomastics. Our research is focused on folklore character names and names of geographical objects (toponyms). The aforementioned groups of names play important roles in the interpretation of folklore texts. The peculiarities in the process of giving names to persons and objects are analysed. Comparative analysis gives opportunities to differentiate between Selkup and Russian cultures. Results of research provide data useful for linguocultural and folklore studies.

Keywords: folklore, onomastic field, the Selkup language, the Russian language, semantics, comparative analysis, folklore character names, toponyms, worldview.

О. А. Рыжкина

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет,
Новосибирск, ryzhkinao@inbox.ru

К вопросу об англицизации русского языка

В статье поднимается проблема англицизации современного русского языка и культуры. Большой приток слов в русский язык, так или иначе заимствованных из английского, рассматривается как отражение определенных социокультурных процессов в российском обществе и связанных с этими процессами изменений в менталитете современных русских. В статье утверждается также, что большое количество англицизмов в русском языке стимулирует его собственное словотворчество и креативность.

Ключевые слова: англицизация, русский язык и культура, заимствования, креативность, язык СМИ.

В современном глобализованном и высокотехнологичном мире естественный для любого языка процесс лексических заимствований из других языков порой приобретает идеологический характер и затрагивает вопрос о национальной идентичности заимствующей культуры и ее «экологии». Тем более если речь идет об английском языке, являющемся основным языком международного общения (ЯМО).

В докладе представлены результаты предварительного исследования дискурса русскоязычных СМИ двух последних десятилетий с точки зрения креативности в сфере словообразования, что включало также использование англицизмов. Под креативным словообразованием понимается творческое использование лексических нововведений с целью создания прагматического воздействия на реципиента, сопровождающееся эффектом нарушенного ожидания и многозначностью [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/КРЕАТИВНОСТЬ]. Англицизм в работе определяется как «слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения» [<http://www.vedu.ru/expdic/484/>].

Современный публицистический дискурс характеризуется демократизацией, неустойчивостью, смешением стилей, сокращением дистанции между журналистом (репортером) и его адресатом, что проявляется в раскрепощенности и субъективизации текста, произведенного журналистом.

Цель исследования – показать, что так называемая англицизация русского языка, выражающаяся в заимствовании большого количества слов и морфологических элементов из английского языка, в первую очередь, медийным дискурсом выполняет некоторые важные функции: экономии языковых средств, придания высказыванию большей прагматической силы, а также активизации его собственных словообразовательных ресурсов.

Теоретическую основу исследования составили публикации К. Касьянова, В. Плунгян, И. Левонтина, М. Кронгауз, И. А. Стернин, М. Эпштейн, Е. В. Маринова, А. В. Кравченко и др.

Источником материала послужили современные периодические российские издания и каналы (станции): *Русский Репортер*, *Бизнес ФМ*, *Forbes*, *Московский комсомолец*, *Аргументы и Факты*, *Навигатор*, *Комсомольская правда*, *Литературная газета*, *ТВ Культура*, *Известия*, *радио Вести ФМ*, *радио Бизнес ФМ*, и др.

Выборка составила больше 200 лексических единиц. Полученные данные проверялись по корпусу НКРЯ. Выявлялись и анализировались контексты, отличающиеся новизной (креативностью), что проявлялось в прагматически успешном использовании англицизмов или создании неологизмов на основе средств родного языка.

В ходе исследования мы сделали следующие наблюдения:

1. Современная русская лингвокультура стремится к языковой экономии, что чаще всего находит выражение в процессе универбации. Слова, образованные посредством компрессионного словообразования, ранее употреблялись лишь в разговорной речи, однако сейчас они широко используются и в СМИ, и в политическом дискурсе журналистами и официальными лицами: *гуманитарка*, *нефтянка*, *дочка*, *прослушка*, *нетленка* и др.

2. Источником большинства экономических и политических терминов в современном русском языке является английский язык; их уместное использование образованными носителями русского языка придает речи, особенно профессиональной, весомость, престижность, а главное, отвечает требованию экономии средств, универсальному для всех развитых языков.

3. Некоторые способы словообразования в русском языке стали более продуктивными под влиянием английского словообразования: словослияние или сращение: *рунет*, *невромайдан*, *паркомат*.

4. Все чаще в русском языке, в первую очередь, в медийном дискурсе, встречаются слова – продукты словосложения, как с соединительными элементами, так и без: *толпотворение, всепобедимство, местоблюститель, фото-жаба, Гоголь-центр, бизнес-сотрудничество* и др. Большое количество бинамов типа *Охотник-центр* свидетельствует о тенденции к аналитизму современного русского языка.

5. Гибридизация нашла свое отражение преимущественно в создании слов-прагмонимов; слово приобретает новый смысл, иногда даже подчеркивает особенности описываемого явления: *Актаун, ТехноСити, ВундерKids, MEGАдом* и т.п.

6. Исконно русские аффиксы стали употребляться в таких словообразовательных моделях, которые раньше им были не свойственны, что в значительной степени повышает уровень их экспрессивности, например: *кошмарить, абсурдистский, беспаятники, оффотошопленный* и др.

7. Новые слова (ЛСВ) появляются за счет внутренних возможностей русского языка под влиянием английского. Благодаря семантическому калькированию имеет место семантический сдвиг и, как следствие, изменение в парадигме и частотности в следующих словах: *вызов (вызовы), озабоченность (озабоченности), прорыв (прорывной), внятный* и др. Согласно данным национального корпуса русского языка, появление слов с семантическим сдвигом началось в начале XXI века. Нет оснований утверждать, что широкое использование вышеперечисленных слов влечет за собой утрату культурных ценностей современными русскими, но можно предположить, что они являются в некотором роде маркерами объективных процессов демократизации и становления гражданского общества в нашей стране.

Исследование подтвердило мнение некоторых лингвистов (например, И. А. Стернина [2004]) о том, что поток англицизмов в русский язык уменьшился в последнее время; русский медийный дискурс все чаще предпочитает англицизмам исконные слова или словоформы (например, самозанятые vs. self-employed, посыл vs. месседж, учиться удаленно vs. дистанционно и др.)

Список литературы

Касьянова К. О русском национальном характере // Хронос, 1983. https://www.studmed.ru/view/kasyanova-k-o-russkom-nacionalnom-haraktere_cb0e6e5dc77.html

Кравченко А. В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику // Экология языка и коммуникативная практика. №2. 2014. С. 90–99.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 3D. Москва: Астрель: Corpus, 2013. 480 с.

Левонтина И. Б. Русский со словарем // Бесплатная электронная библиотека Royallib.ru

Маринова Е. В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI вв.: проблемы освоения и функционирования // Автореф. дисс. ... доктора филол. наук. Москва, 2008. 45 с.

Плунгян В. URL: <http://postnauka.ru/author/plungyan>

Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке XX – начала XXI века. Воронеж, 2004. 73 с.

Эштейн М. Русский язык: система и свобода // Культура письменной речи. URL: <http://grammar.ru/RUS/?id=1.40>

Справочная литература

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М., 1997. 944 с.

https://www.google.com/search?q=Национальный+корпус+русского+языка&rlz=1C1A0HY_ruRU708RU708&oq=Национальный+корпус+русского

Источники материала

Периодические издания: *Русский Репортер, Бизнес ФМ, Forbes, Московский комсомолец, Аргументы и Факты, Навигатор, Комсомольская правда, радио Вести ФМ, радио Бизнес ФМ, Литературная газета, ТВ Культура и Известия* за период с конца 90-х гг. XX в. до 2017г.

О. А. Ryzhkina

The paper discusses the process of anglicising of the Russian language and culture. An influx of Anglo borrowings into Russian is viewed primarily as a mirror of certain socio-cultural changes in the Russian society impacting the mentality of modern Russians rather than mere copying. It is also argued that English loan words in Russian are a stimulating factor for its own vocabulary development and creativity.

Keywords: Anglicisation, Russian language and culture, borrowings, creativity, media discourse.

ВОПРОСЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

УДК 811.512.153

И. М. Чебочакова

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан,
irina.chebochakova@mail.ru*

Семантические особенности производных слов, образованных от основ терминов родства, в хакасском языке

В статье анализируются семантические особенности производных, образованных от основ терминов родства, в хакасском языке. Названия родственных отношений являются той частью словарного состава любого языка, которая наиболее явно отражает историю становления и развития родовых отношений. В семантике производных единиц хакасского языка выявляются древние представления об отношениях между родственниками, в том числе и мифическими.

Ключевые слова: хакасский язык, словообразование, производное слово, семантика, термин родства.

Вопросы словообразовательной производности и содержательной стороны словообразовательных отношений в хакасском языке нельзя назвать достаточно изученными. Есть три работы автора статьи, посвященные этой проблематике на материале таких лексико-семантических групп, как соматизмы и колоративы [Чебочакова 2017а, 2017б, 2018]. Особенности семантики производных слов, образованных от основ терминов родства, в хакасском языкознании ранее не рассматривались. Общей характеристике терминов родства и свойства в хакасском языке с сравнительным материалом по шорскому, тувинскому, алтайскому, киргизскому языкам посвящена работа А. С. Кызласова [1996].

Актуальность исследований в этой сфере обусловлена тем, что они своевременны с позиций современной антропоцентрической парадигмы в свете отражения знаний о мире через язык. Изучение особенностей организации групп терминов на основе анализа реализованных в их структуре мотивировочных признаков позволяет установить предпочтительное использование тех или иных признаков в определенном денотативном пространстве, в данном случае – системы родства, выявить важность определенных мотивировочных признаков при языковом моделировании названий тех или иных денотатов.

Целью статьи является анализ семантико-словообразовательных особенностей производных единиц хакасского языка, образованных от основ терминов, называющих семейно-родственные отношения. Под термином понимаем «инвариант (слово или словосочетание), который обозначает научное понятие или специальный предмет, ограниченный дефиницией и местом в определенной терминотерминосистеме» [Васильева 2000: 509]. На формирование и функционирование терминологии оказывают влияние прежде всего экстралингвистические факторы, связанные с потребностью в номинации необходимых для общества денотатов.

Термины-названия родственных отношений являются той частью словарного состава любого языка, которая наиболее явно отражает историю становления и развития родовых отношений. Для тюркских языков характерны обозначение одним термином целого «класса» лиц различных степеней родства, разграничение его по старшинству и полу, отцовской и материнской линиям [Покровская 1961: 12]. Не является исключением и система хакасских терминов родства, которая складывалась на протяжении многих веков и сохранила в себе глубоко архаичные представления об объектах номинации. К примеру, сакральная связь между человеком и медведем нашла отражение в словах *аба саг* ‘отец’ и *аба* ‘медведь’, которые определяются сегодня как омонимы гомогенного происхождения, возникшие в результате распада полисемии. В традиционном мировоззрении хакасов и, шире, сибирских тюрков медведь «воспринимался в качестве священной фигуры, связанной с культом предков. ... для некоторых хакасских сеоков (родов) этот зверь являлся тотемом», что подчеркивают эвфемизмы, употребляющиеся по отношению к нему: «*агаң* ‘дедушка’, *улаба* ‘дедушка’, *улуг ага* ‘прадедушка’, *тайга адазы* ‘таежный отец’, ... *абай* ‘старший брат’ [Бутанаев, 2000. С. 60; Патачаков, 2006. С. 28], ... *тайы* ‘дядя по матери’» [Бурнаков 2012: 326]. На важность

родства по материнской линии указывают термины *тай* ‘родство по материнской линии’, *харындас* ‘брат’ (производящая основа *харын* ‘живот’). Как отмечает Н. П. Дыренкова, последнее слово является «несомненно, пережитком матернитета, когда члены рода действительно были общего происхождения по женской линии» [1926: 260].

В качестве единиц для анализа были выбраны словообразовательные пары с производящей единицей – однокомпонентным термином родства или свойства из хакасско-русских словарей [1953; 2006]. Это такие слова, как: *абаа* ‘старший брат’, *абызын* ‘обращение снох друг к другу’, *ага* ‘дед, дедушка (по отцу)’, *ада* ‘отец’, *апсах* ‘старик’, ‘муж’, *ача* ‘старший брат’, ‘дядя (по отцу)’, *игечи* ‘свояченица’, *иней* ‘старуха’, ‘жена’, *ипчи* ‘женщина’, ‘жена’, *ир* ‘мужчина’, ‘муж’, *иче* ‘мать’, *килін* ‘сноха’, *кизö* ‘зять’, *кум* ‘кум’, *кума* ‘кума’, *ниге* ‘невестка (жена старшего брата)’, *олган* ‘ребенок’, *оол* ‘сын, парень’, *очы* ‘младший (из детей)’, *öкис* ‘сирота’, ‘вдова, вдовец’, *паба* ‘отец’, *пала* ‘ребенок’, *пасты* ‘младшая сестра жены’, *пиче* ‘сестра’, *постаң* ‘холостой, неженатый’, ‘незамужняя’, *пöле* ‘дети двух сестер’, *сват* ‘сват’, *тайы* ‘дядя по матери’, *туңма* ‘младший’, *харындас* ‘брат’, *хасты* ‘свекор’, *хат* ‘баба’, разговорное ‘жена’, *хыс* ‘девушка’, ‘дочь’, *чеен* ‘племянник’, ‘племянница’, *чурчу* ‘шурин’, *аача* ‘бабушка по отцу’, *абый* ‘брат (мужчины одного сеока в системе родственных отношений)’, ‘брат (обращение друг к другу взрослых мужчин одного сеока)’, *агал* сагайское ‘тетя (старшая сестра или старшая родственница матери)’, *ине* ‘мать’, *иней* ‘старуха’, ‘супруга, жена’.

Среди производных слов, образованных от основ терминов родства, выделяются две группы, в какой-то мере противопоставленные друг другу. В первую группу можно отнести производные со значениями, которые выражаются в сочетании с основами других терминов путем словообразовательной аффиксации. Это значения обладания, местонахождения, уменьшительности-ласкательности, собирательности (следует отметить, что термины родства употребляются преимущественно в сочетании с аффиксами принадлежности). Приведем примеры.

1. Производные со значением обладания: *иче=лиг* ‘имеющий мать’, *ипчи=лиг* ‘женатый’, *ир=лиг* ‘замужняя’, *хат=тыг* разговорное ‘женатый’, *хат=тыг-пала=лыг* ‘семейный’ (букв. ‘с женой’, ‘с ребенком’), *пиче-туңма=лыг* ‘имеющий сестер и братьев’.

2. Производные со значением местонахождения: *ача=дагы* ‘находящийся у старшего брата’, *кизö=дегі* ‘находящийся у зятя’, *чеен=ім=дегі* ‘находящийся у моего племянника’, *харындастагы* ‘находящийся у брата’.

3. Производные со значением уменьшительности-ласкательности: *ача=с* ‘ласковое обращение к старшему брату’, *апсаа=чаа=м* ‘мой муженек’, *иче=чек* ‘матушка’, *ипчи=чег=і* ‘его женушка’.

4. Производные со значением собирательности: *харындас-туңма* ‘братья, кровные родственники’ (брат + младший брат), *хасты-хазине* ‘свекор и свекровь’, ‘тесть и теща’ (свекор + свекровь или тесть + теща), *сват-худагай* ‘сваты’ (сват + сват), *пиче-туңма* ‘сестры’ (старшая сестра + младшая сестра), *пала-парха* ‘детвора, дети’ (ребенок + внук), *иче-паба* ‘родители’ (мать + отец).

Вторую группу составляют производные слова со значениями дезидеративности (обобщенное значение – ‘испытывать чувство’), слова, отражающие традиционные представления о действиях, связанных с объектом номинации, слова, показывающие дифференциацию по возрастным, ранговым, родственным критериям.

1. Производные со значением дезидеративности: *ине=зін* ‘признавать матерью кого-л., считать матерью (чужую, но воспитавшую женщину)’, *öкис=сире* ‘чувствовать себя сиротливо, испытывать чувство одиночества’, *постаң=сыра* ‘стараться казаться старше своего возраста’, ‘чувствовать себя старше, взрослее, рано взрослеть (о подростках)’, *постаң=нан* то же, что *постаңсыра* =, *харындас=тас* ‘брататься, родниться на основе восприятия кого-либо как брата’.

2. Производные, отражающие традиционные представления о действиях, связанных с объектом номинации: *ирге пар* = ‘выходить замуж’ (букв. ‘мужу идти’), *тул=ла* = ‘совершать траурный обряд (женщине расплетали косы, и она с распущенными волосами сидела у гроба мужа, оплакивая его)’, *тул=лан* = ‘соблюдать траур, находиться в трауре’ (*тул* ‘вдова’), *хазын=а=ла* = ‘не называть по имени (старших родичей мужа или жены, в присутствии мужчин старшего возраста прикрывать голову платком, не здороваться с ними за руку до определенного срока, избегая старших родственников, снохи или зятя их называли *пабазы* (отец того-то))’ (глагол, возможно, образован от основы *хазын* ‘родство по браку’ при помощи двух аффиксов, это =а, образующий глаголы от имен, и =ла с учащательным значением), *пасты=ла* = ‘жениться на младшей сестре жены’ (*пасты* ‘младшая сестра жены’), *килін=не* = ‘старинный обычай избегания жен младших сородичей’.

3. Производные, отражающие дифференциацию по возрастным, ранговым, родственным критериям: *улуг іҗе* ‘бабушка по отцу’ (старшая + мать), *тай іҗе* ‘бабушка по матери’ (родство по крови + мать), *азыраан іҗе* ‘приемная мать’ (вскормившая+мать), *кіндік іҗе* ‘повивальная бабка’ (пуп+мать), *крѳс іҗе* ‘крестная мать’ (крест + мать), *кічіг килін* ‘младшая невестка’ (младшая + невестка), *улуг килін* ‘старшая невестка’ (старшая + невестка), *ачы тиче* ‘двоюродная сестра’ (двоюродная по линии отца + старшая сестра).

Таким образом, на формирование и функционирование терминологии оказывают влияние прежде всего экстралингвистические факторы, связанные с потребностью в номинации необходимых для общества денотатов. Это отражается и в семантике производных единиц, где выявляются древние представления об отношениях между родственниками, в том числе мифическими. Путем использования разных словообразовательных средств (аффиксации и словосложения) произведены слова со значениями дезидеративности (обобщенное значение – ‘испытывать чувство’), слова, отражающие традиционные представления о действиях, связанных с объектом номинации, слова, показывающие дифференциацию по возрастным, ранговым, родственным критериям. Свободно выражаются значения уменьшительности-ласкательности, местонахождения, собирательности и обладания.

Список литературы

- Анжиганова О. П., Баскаков Н. А., Боргояков М. И., Инкижекова-Грекул А. И., Патачакова Д. Ф., Субракова О. В., Белоглазов П. Е., Каскаракова З. Е., Кызласов А. С., Сунчугашев Р. Д., Чертыкова М. Д. Хакасско-русский словарь. Новосибирск, 2006.
- Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. Хакасско-русский словарь. М., 1953.
- Бурнаков В. А. Медведь в традиционном мировоззрении хакасов // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 3: Археология и этнография. С. 325–339.
- Васильева Н. В. Термин // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М., 2000. С. 508–509.
- Дыренкова Н. П. Родство и психические запреты у шорцев // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Вып. I. Л., 1926. С. 260–265.
- Кызласов А. С. Термины родства и свойства в хакасском языке (Пособие для учителя). Абакан, 1996.
- Покровская Л. А. Термины родства в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.
- Чебочакова И. М. Особенности словообразовательного потенциала колоративов в хакасском языке (на примере прилагательного ах ‘белый’) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2017. № 3 (Вып. 34). С. 51–56.
- Чебочакова И. М. Соматизмы как база для словообразования в хакасском языке // Сибирский филологический журнал. № 4. 2017. С. 271–281.
- Чебочакова И. М. Колоративы в хакасском языке: особенности их словообразовательного потенциала // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2018. № 2 (Вып. 36). С. 74–81.

I. M. Chebochakova

Semantic features of derivative words formed from the basics of kinship terms in the Khakass language

The article analyzes the semantic features of derivatives formed from the basics of kinship terms in the Khakass language. The names of kinship relations are the part of the vocabulary of any language that most clearly reflects the history of the formation and development of ancestral relations. In the semantics of derived units of the Khakass language revealed ancient ideas about the relationship between relatives, including mythical.

Keywords: the Khakas language, word-formation, the derived word, semantics, term of kinship.

А. Ю. Урманчиева

Томский государственный университет, Томск,
Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, *urmanna@yandex.ru*

Модели образования составных числительных в языках Сибири (от мансийского до юкагирского)¹

Статья посвящена моделям образования составных числительных первого и второго десятка в языках Сибири (обско-угорских, самодийских, енисейских, юкагирских). Выделены определенные ареалы распространения той или иной модели образования составных числительных.

Ключевые слова: числительные, системы счисления, обско-угорские языки, самодийские языки, енисейские языки, юкагирские языки.

Составными в рассматриваемых языках (обско-угорских, самодийских, енисейских, юкагирских) являются числительные первого и второго десятков. При этом составной характер числительных первого десятка принципиально отличается от составного характера числительных второго десятка: числительные первого десятка в ряде случаев сохраняют реликты не-десятеричной системы счисления (как правило, такой, где базовым числом является 5), тогда как числительные второго десятка либо представляют собой словосочетания на синхронном уровне, либо легко опознаются как стянувшиеся словосочетания, и их перестройка могла активно происходить под влиянием тех или иных ареальных связей.

1. Числительные первого десятка

1.1. Реликты недесятеричной систем счисления

1.1.1. Юкагирские языки

Можно указать следующие любопытные особенности системы числительных в тундренном юкагирском, колымском юкагирском и чуванском:

‘5’. Во всех трех языках числительное ‘5’ имеет внутреннюю форму ‘вся рука’, однако в колымском *hə-yanbo* и чуванском *em-gangon*, *imo-qanbo* используется основа со значением ‘ладонь’, в тундренном *im-dal'da* – основа со значением ‘рука’.

‘6’. Колымское *malyi-jalo* означает ‘собранные три’, то есть ‘дважды по три’. Близкую внутреннюю форму имеет и тундренное *maalajla* ‘двух сторон три’. В чуванском числительное ‘6’ строится по иной модели: *imo-qanbo-tudole* буквально означает ‘5[и]1’.

‘7’. Числительное ‘7’ совпадает в тундренном и колымском: *pur-ki* означает ‘сверху-2’.

‘8’. В тундренном и колымском юкагирском числительное ‘8’ строится по той же модели, что и числительное ‘6’: колымское *maly-ilek* означает ‘собранные четыре’, то есть ‘дважды по четыре’, тундренное *maalajlakla* ‘двух сторон четыре’.

‘9’. В колымском юкагирском ‘9’ обозначается как *kun-erkil'd'o*, где первый компонент *kun* означает ‘10’, а компонент *erk* рассматривается как идентичный числительному *irk* ‘1’ [Крейнович 1982, 114–116].

В тундренном юкагирском числительное ‘9’ имеет форму *walqərum-*. Первый компонент *wal*, вероятно, можно идентифицировать как основу со значением ‘близкий, другой, противоположный, один из пары’, представленную в тундренном следующим образом: *near* <...> TK*wal'*-, TJ*ual'*, uol'; TD*ol'*, uol, ual';

Tw*al'be* ‘friend; TK*walbe*; TJ*wolbi-*, -*walbe-*; TD*uolbe-*, *wolbe-*, -*wolbie-*;

T*wal'yare* ‘half; collaborator; opponent’; TK *wal'yare*; TD *wolhare*;

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00329) № 19-18-00329 «Интерпретация языковой и культурной истории народа манси: этнографические, фольклорные и лингвистические материалы архива В. Н. Чернецова».

Т *wal'daya* 'quite near'; *walaqad'ii* 'nearest neighbours'; *ni-walienaa-* 'to lie side by side'; *wal'yarii-* 'to be with smb', 'to keep smb company' (TR); *wal'yar* 'part of the world opposite to another'; *wal'yande* 'one of two'; *wal'yar-* 'contrary to' [Nikolaeva 2006: 2578].

Использование компонента со значением 'другой' для образования девятки весьма типично для Сибири.

В чуванском числительное '9' имеет форму *em-ganbagu-njagon*, то есть построено по аддитивной модели '5[и]4'.

Таким образом, в юкагирских языках, а также в чуванском, система счисления ориентирована на ручной счет, где '5' обозначается как 'рука вместе', числительные 6-9 также являются составными. В чуванском они построены по аддитивной модели, ср. '6' как '5[и]1' и '9' как '5[и]4', в юкагирских языках четные числительные свыше 5 построены по мультипликативной модели: ср. '6' как 'дважды три' и '8' как 'дважды 4', '7' обозначается как 'сверху два', в составе девятки в колымском диалекте идентифицируются числительные десять и один, в тундренном диалекте первый компонент числительного девять идентифицируется как 'другой (из двух)'.

Охарактеризуем представленные в тундренном и колымском юкагирском, а также в чуванском системы числительных с точки зрения систем числительных в Сибири и сопредельных регионов.

Вероятно, наиболее древней, палеоазиатской следует признать аддитивную модель образования числительных свыше 5, представленную в чуванском. Настолько же последовательно эта система, как будет показано далее, еще недавно была представлена во всех енисейских языках.

В сравнении с чуванским представленная в двух юкагирских языках система претерпела перестройку. Четные числительные свыше 5 построены по мультипликативной модели ('6' как 'дважды три' и '8' как 'дважды 4'). По той же модели построена восьмерка в самодийских языках. Далее, в обоих юкагирских девятка построена по субтрактивной модели, то есть ведется как бы обратный отсчет от десяти. Колымская юкагирская девятка, включающая 10 и 1, имеет настолько многочисленные параллели, что это сходство, видимо, следует считать типологическим, а не ареальным. Тундренная юкагирская девятка, включающая в свой состав компонент со значением 'другой, (из двух)' имеет параллели в самодийских языках (это совпадение можно признать ареальным).

1.1.2. Енисейские языки

Аналогичная чуванской система счета выше 5, в которой числительные 6-9 построены по аддитивной модели (5+1/2/3/4) была характерна, видимо, и для всех енисейских языков. Как указано в [Werner 2004: 121], родственными во всех енисейских языках являются числительные 1-5, а также 10. Система числительных свыше 9 претерпела изменения и в этой группе родственных языков (ср. аналогичную ситуацию в юкагирских в сравнении с чуванским). Тем не менее, как показывают словарные материалы XVIII века, системы, в которых числительные от 6 до 9 были построены по аддитивному принципу, были характерны как минимум для двух ветвей енисейских языков, кетско-югской и ассанско-котской.

Ниже рассматриваются модели образования числительных, являющихся составными в большинстве языков Сибири

1.2. Составная 'восьмерка' в языках Сибири

- а. 'дважды четыре': все самодийские языки (ненецкий, энецкий, нганасанский, маторский, камасинский), кроме селькупского, возможно, пумпокольский, юкагирские;
- б. 'десять без двух': селькупский, кетский, аринский, мансийский;
- с. 'пять плюс три': ассанский, котский, енисейский камасинский, енисейский койбальский, кетский диалект на р. Бахта и р. Эедт-шеш, чуванский;

Модели восьмерки позволяют выделить следующие возможные ареальные схождения: а) перестройка юкагирской системы под влиянием самодийской; б) перестройка исконной енисейской системы в кетском и аринском под влиянием сопредельных языков.

1.3. Составная 'девятка' в языках Сибири

- а. 'десять без одного/без другого': селькупский, маторский, нганасанский, ассанский, котский, кетский, пумпокольский, аринский;
- б. 'с одним / с другим больше [будет] десять': ваховский хантыйский, казымский хантыйский, энецкий, ненецкий;

Есть также языки, где девятка является явно построенной либо по модели *a*, либо по модели *b*, однако этимологический анализ не позволяет уточнить, по какой именно: мансийский, среднеобской хантыйский, камасинский;

с. 'пять плюс четыре': кетский диалект на р. Бахта и р. Эдт-шеш, чуванский.

Составная 'девятка', построенная по субстрактной модели (отсчет от десяти) является настолько широко распространенной, что здесь, возможно, следует с осторожностью выделять лишь те языки, в которых используется элемент, отличный от числительного 'один' (со значением 'другой'): нганасанский, энецкий, ненецкий, камасинский, мансийский.

2. Составные числительные второго десятка

2.1. 11-...

а. 'десять и один': ассанский, котский, аринский, камасинский, маторский, нганасанский, тундровый энецкий, ваховский хантыйский, тавдинский мансийский;

б. '1 сверх десяти': западные хантыйские диалекты, мансийский (кроме тавдинского), селькупский, кетский, пумпокольский, ненецкий, лесной энецкий.

2.2. Специальное 18 (отличное от модели, представленной в 2.1.)

а. 'двух недостает до 20': селькупский, кетский;

б. 'восемь к двадцати': казымский хантыйский;

с. 'другого десятка восемь': пелымский и кондинский мансийский.

2.3. Специальное 19 (отличное от модели, представленной в 2.1.)

а. 'одного недостает до 20': селькупский, кетский, ассанский;

б. 'с одним больше будет двадцать': казымский хантыйский, ваховский хантыйский;

с. 'другого десятка девять': пелымский и кондинский мансийский.

Рассмотрение числительных второго десятка позволяет выделять более локальные исторические и синхронные ареалы: нганасанский + тундровый энецкий, ненецкий + лесной энецкий, селькупский + кетский, тавдинский мансийский и восточнохантыйские. Кроме того, отчетливо выделяется ареал, в котором особым образом (отсчет от 20) образуются числительные 18 и 19 (эти модели отчасти параллельны тем моделям отсчета от 10, которые используются при образовании числительных 8 и 9).

Список литературы

- Крейнович Е. А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. Ленинград: Наука. 1982. 304 с.
Werner Heinrich. Yeniseic Counting Systems // Edward J. Vajda (ed.) Languages and Prehistory of Central Siberia. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. 2004. Pp. 121–127.
Nikolaeva Irina A. A Historical Dictionary of Yukaghir. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 2006. 500 pp.

A. Yu. Urmanchieva

Models of Composite Numerals in Siberian Languages (from Mansi to Yukaghir)

The article is devoted to the formation of composite numerals of the first and second dozen in the languages of Siberia (Ob-Ugric, Samoyed, Yeniseic, Yukaghir). Specific areas of distribution of particular formation models of composite numerals are identified.

Keywords: numerals, counting systems, Ob-Ugric languages, Samoyed languages, Yeniseic languages, Yukaghir languages

Деминутивное словообразование в тувинском языке

В статье рассматриваются различные способы образования уменьшительно-ласкательных форм имен существительных в тувинском языке, выделяются словообразовательные модели, выявляются наиболее частотные форманты, выражающие значение уменьшительности / ласкательности / почтительности.

Ключевые слова: словообразование, деминутив, синтетический способ, аналитический способ, тувинский язык.

В языкознании деминутив или деминутив определяется как слово, имеющее в своем составе суффикс, придающий целому значение уменьшительности, сопровождающееся различной эмоциональной окраской – ласкательностью, пренебрежением и т.д. [Ахманова 1966: 485]. Категория деминутивности в языках мира представлена по-разному. Наиболее развернуто и системно, например, она представлена в языках славянской группы, в частности в русском языке. Интенсивное функционирование уменьшительно-ласкательных слов в русской разговорной речи исследователи объясняют традицией их употребления в русской крестьянской речи XIX века (*хлебушек, детонька, мужички, лапотки*); условиями современного рынка, с целью привлечения клиентов; в речи продавцов, для установления доверительных отношений (*договорчик, прайс-листочек, упаковочка*) и т.д. [Редькина 2015: 122]. Однако для системы некоторых языков деминутивизация как словообразовательный процесс имеет специфические способы образования и в речи употребляется менее активно. К языкам с менее развернутым деминутивным словообразованием относится и тувинский язык.

В грамматике тувинского языка деминутивы определяются как уменьшительно-ласкательные формы имен существительных. Указывается, что уменьшительно-ласкательные формы образуются не от каждого существительного, тем не менее образуются от большего их количества, чем в других тюркских языках. В этом отношении тувинский язык сходен с хакасским, шорским и алтайским языками [Исхаков, Пальмбах 1961: 147–149]. В тувинском языке деминутивы образуются в основном от имен существительных с конкретно-предметным значением, имена с абстрактным значением этих форм не имеют. Основные способы образования уменьшительных форм тувинского языка представлены в таблице 1. В ней указаны модели, которые отмечают составители тувинской грамматики.

Кроме указанных в таблице аффиксов, Ф. Г. Исхаков и А. А. Пальмбах выделяют аффиксы *-кай/-кей*; *-ыкай/-икей*; *-кы/-ки*; *-ай/-ей*. Они употребляются при обращении, поэтому используются вместе с аффиксами принадлежности, и имеют ласкательное значение: *эжикей* ‘товарищ’, *авакым, авакыжым* ‘мамочка’, *авамай* ‘мамуся’ [Исхаков, Пальмбах 1961: 149].

Наблюдения над разговорной речью позволяют нам выделить и другие способы образования деминутивов в тувинском языке, которые авторы грамматики не упоминают. Так, например, универсальным формантом, образующим категорию деминутива в тувинском языке, следует назвать лексему *бичии*, образующим категорию деминутива в тувинском языке, следует назвать лексему *бичии*, образующим категорию деминутива в тувинском языке, следует назвать лексему *бичии*, образующим категорию деминутива в тувинском языке, следует назвать лексему *бичии* + N является аналитической: *бичии оол* ‘мальчик’, ‘мальчишка’; *бичии уруг* ‘девочка’, ‘девчушка’; *бичии сандай* ‘стульчик’; *бичии балды* ‘топорик’.

Кроме значения «маленький по размеру», для некоторых имен существительных с собирательным значением данная модель придает дополнительный оттенок «маленький по объему»: *бичии кат чыып алдым* ‘собрал немного ягод’.

С точки зрения семантики уменьшительно-ласкательные формы представляют собой способы выражения субъективной оценки и придают основе те или иные смысловые оттенки, сохраняя при этом ее лексическое значение. В тувинском языке очень часто семантическое значение ‘меньше нормы по размеру’ дополняется другими смысловыми оттенками, в частности, «ласкательности» и «почтительности». В некоторых случаях эти значения доминируют. Например, *хун* ‘солнце’ – *хунчугеш* ‘солнышко’ в значении ласкательности, а не размера.

Оттенок ласкательности, почтительности могут иметь практически все имена существительные, относящиеся к терминам родства: *дуңмай* ‘сестра’, ‘брат’ – *дуңмакым* ‘сестренка’, ‘братишка’; *авай* ‘мама (моя)’ – *авакым* ‘мамочка’; *уруум* ‘дочь (моя)’ – *уруунай* ‘доченька’, ‘дочурка’.

Уменьшительно-ласкательные формы имен существительных

	модель	аффиксы	примеры
1	N + глухие согласные и сонорные л, м, н, ң	-чак/-чек, -чык/-чик, -чук/-чук	кулунчак 'жеребеночек' дилгижек 'лиси́чка' дытчык 'лиственничка'
	N + гласные и сонорные р, й, г	-жак/-жэк, -жык/-жик, -жук/-жук	хемчик 'речка', 'речушка' бугажык 'бычок' тейжик 'холмик' хуунчук 'ведерко', 'ведерочко' хөлчук 'озерко'
2	N + глухие согласные и сонорные л, м, н, ң	-чыгаши/-чигеши, -чугаши/-чугеши	аътчыгаши 'лошадка' хемчигеши 'реченька'
	N + гласные и сонорные р, й, г	-жыгаши/-жигеши, -жугаши/-жугеши	оолчугаши 'мальчик', 'паренек' хөлчугеши 'озерко' дагжыгаши 'горка', 'горочка' тейжигеши 'холмик'
3	N + согласные	-ней, -каш, -ак/-ек (редко употребляемые)	дииспей 'кошечка' тенекпей 'дурачок' оолак 'паренек' койгунак 'зайчишка' төжсек 'пенек' кушкаш 'пташка'

Отличительной чертой тувинского, как языка кочевого народа, является наличие отдельных лексем для обозначения детенышей домашних животных в зависимости от их возраста и пола. В русском языке их меньше, в основном названия детенышей животного образуются с помощью суффикса *-онок*: *өшкү* 'коза' – *анай* 'козленок'; *хой* 'овца' – *хураган* 'ягненок'; *аът* 'лошадь' – *кулун* 'жеребенок'; *инек* 'корова' – *бызаа* 'теленка'; *теве* 'верблюд' – *бодаган* 'верблюжонок'.

Названия некоторых домашних животных образуют форму деминутива с помощью лексемы *оглу* 'детеныш': *хаван* 'свинья' – *хаван оглу* 'поросенок'; *дагаа* 'курица' – *дагаа оглу* 'цыпленок'; Эта же лексема может употребляется и для обозначения детенышей диких животных: *адыг* 'медведь' – *адыг оглу* 'медвежонок'; *элик* 'косуля' – *элик оглу* 'косуленок'.

Имена существительные, обозначающие некоторых диких животных образуют форму деминутива с помощью аффикса *-ак/-ек* или имеют отдельные лексемы: *бөрү* 'волк' – *бөрзек* 'волчонок', *сыын* 'марал' – *сыынак* 'детеныш марала', *тарбаган* 'сурок' – *мөндөле* 'детеныш сурка'.

Интересно, что представители фауны с исходным маленьким размером форму деминутива образуют очень редко. Хотя образование деминутива от подобных имен существительных грамматически допустимо. При необходимости в речи чаще всего используется аналитическая модель с лексемой *бичии*, а при использовании синтетической модели с аффиксами *-чыгаши/-чигеши* появляется оттенок «ласкательности»: *бичии кымыскайа* или *кымыскайа кчыгаши* 'муравьишка', *бичии ховаган* или *ховаганчыгаши* 'бабочка', *бичии ээрэмчик* или *ээрэмчигейжигеши* 'паучок'. В разговорной речи вместо *бичии*, *бичиижсек* нередко употребляются лексемы *бичиинай*, *хензиг*, *хензигияң* 'малюсенький', 'мелкий', 'самый маленький': *хензиг холдар* 'ручонки', *бичиинай уруг* 'девочка'.

Часто для обозначения маленьких детей, детенышей животных, мелких трав и растений используется лексема *чаши* 'маленький', 'дитя', 'младенец', 'малыш', 'маленький по возрасту', 'самый первый', 'молодой': *чаши уруг* 'дитя', *чаши амытан* 'детеныш', *чаши хар* 'первый снег', *чаши оът-сиген* 'молодая зелень'.

Деминутивность по-особому проявляется и в тувинских именах собственных. Так, в речи современных тувинцев нередко используется гибридное словообразование, когда к тувинской основе присоединяется уменьшительно-ласкательный суффикс русского языка. В частности, это свойственно неофициальным именам собственным: *Чечек* – *Чечешка*, *Белек* – *Белешка*, *Орлан* – *Орлашка* и т.д. Как видим, данная модель ласкательного названия заимствована из русского. Подобное явление, на наш взгляд, объясняется уровнем билингвизма тувинцев. Пока это характерно только для личных имен. Традиционно в этом случае в зависимости от пола используют онимообразующие суффиксы -

оол для мужских имен или -кыс, -маа для женских, которые присоединяются к основе антропонима: *Өпей-оол, Өпей-кыс, Өпей-маа*. В этом же значении могут использоваться различные аффиксы (-ай/-ей, -жак/-жес и др.), которые широко представлены в тувинском именике: *Чечеккей, Бичеккей, Доржукай, Норбужук, Күскелдей*.

Об особенностях сокращенных и полных форм личных имен тувинцев писал Д. А. Монгуш. По его наблюдениям аффиксы субъективной оценки в тувинском языке утратили оттенок ласкательности и применяются для этой цели очень редко. Имя с таким аффиксом обычно представляется как полное имя, нейтральное в отношении экспрессии. По его мнению, сема «ласкательности» более характерна для сокращенных форм личных имен. Например: *Бичишжик – Бичиш, Дестижес – Дести* и др. [Монгуш 2009: 75–77]. Тем не менее, под влиянием русского языка употребление исконных аффиксов в гипокористическом (ласкательном) значении в современном тувинском языке становится все более распространенным.

В целом в тувинском речевом этикете повсеместное употребление деминутивов считается нежелательным и неуместным. В основном они используются в домашней обстановке, в ситуациях, требующих выражения нежности, любви и ласки к своим близким, детям, младшим по возрасту. Поэтому в деминутивных образованиях тувинского языка ласкательная сема присутствует практически во всех случаях. Эмоциональный компонент отрицательного спектра чаще всего передается другими способами. Деминутивное словообразование также показывает одну из особенностей членения окружающего мира народом. Поэтому избирательность по отношению к употреблению деминутивов в тувинской речи связана и с особым менталитетом тувинцев, их мировоззрением как кочевников, для которых эмоциональность и экспрессивность в речевом этикете считаются излишними.

Таким образом, на примере различных деминутивных аффиксов и образований можно сделать ряд выводов: 1) категория деминутивности в тувинском языке представлена менее развернуто, чем в русском; 2) в тувинском языке используется несколько способов образования деминутивов: синтетический и аналитический; 3) деминутивы являются одним из средств выражения эмоционального значения.

Список литературы

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Изд-во: «Советская энциклопедия», 1966. 608 с.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 471 с.
- Редькина Т. Ю. Деминутивизация как динамический процесс в современной русской речи // Тамбов на карте генеральной: социально-экономический, социокультурный, образовательный, духовно-нравственный аспекты развития региона. Сборник материалов всероссийской научной конференции. Под общ. ред. В. Я. Никульшина. Мичуринск: Изд-во: Мичуринский государственный аграрный университет, 2016. С. 120–122.
- Монгуш Д. А. Тувинский язык и письменность. Избранные труды. Научное издание. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. 248 с.

Ch. S. Tsybenova Formation of Tuvan Diminutives

The article describes the formation models of diminutives and their usage in the Tuvan language. Language materials and observation of Tuvan speech show that diminutives in Tuvan are used less actively than in Russian. Synthetic and analytic models of diminutives formation in Tuvan are considered.

Keywords: word formation, diminutive, synthetic model, analytic model, Tuvan language.

УДК 811.512.31

Ю. Д. Абаева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, julaba@yandex.ru

Вопросы разработки звукового корпуса бурятских диалектов¹

Статья посвящена вопросам разработки звукового корпуса бурятских диалектов, нацеленного на исследования диалектной просодии. Описывается современное состояние бурятских диалектов, рассматриваются принципы сбора звукового материала, способы организации информации о дикторах и массиве звуковых файлов, уровни аннотирования в программе ELAN.

Ключевые слова: бурятский язык, бурятские диалекты, диалектный корпус.

Диалектные корпуса создаются для большинства языков мира, например, английского (Survey of English Dialects), скандинавских языков (The Nordic Dialect Corpus), болгарского (Bulgarian Dialectology as Living Tradition), русского (Диалектный корпус в составе НКРЯ, Кубанский диалектный корпус, Томский диалектный корпус и др.). Имеются разработки по монгольским языкам: в Национальный корпус калмыцкого языка включены записи устной речи калмыков старшего поколения с целью выявления диалектных элементов [Куканова 2013]. Во Внутренней Монголии коллективом ученых под руководством Д. Батора разработан масштабный корпусный проект по монгольским языкам и диалектам Внутренней Монголии (Китай), Монголии и России [Russian news]. Диалектные корпуса отличаются по способу представления материала, это могут быть корпуса устной речи, а также текстовые корпуса.

Имеются специализированные корпуса по исследованию интонации: «Русский интонационный корпус» [Архипов 2012], «Интонационная вариативность в английском» [The IViE Corpus], содержащий информацию об интонации диалектов английского языка, «Звуковой корпус для изучения просодии младописьменных языков на примере диалектов ненецкого языка» [Шерстинова 2006].

Цель настоящего исследования – разработка модели звукового корпуса диалектов бурятского языка, который позволит сохранить просодические характеристики живой бурятской разговорной речи и станет основой для изучения просодической системы языка. Транскрибированные и аннотированные тексты позволят вести исследование диалектов на всех языковых уровнях. На сегодняшний день ведутся подготовительные работы по сбору и систематизации записей бурятской диалектной речи, разрабатываются принципы их оформления в виде звучащего корпуса. Бурятский диалектный материал может войти в качестве диалектного подкорпуса в активно создаваемый ныне Корпус бурятского языка [Бурятский корпус].

Относительно современного состояния бурятских диалектов, можно сказать, что они живы и активно функционируют. О чем, к примеру, свидетельствует популярность среди бурят радио Buryad FM, специализирующегося на продвижении бурятской диалектной речи, пропагандирующем сохранение и поддержание диалектных различий. На этом радио каждому диалекту посвящен один из дней, и в этот день дикторами и участниками радиопередач выступают представители данного диалекта. Некоторое время назад выпускалась газета «Нютаг хэлэн / Диалекты», которая также выступала площадкой для носителей диалектов.

Однако лингвистическая ситуация по диалектам складывается неравномерно. Если говорить о бурятском языке на территории РФ, то в наиболее трудном положении находится нижнеудинский диалект, возможно, в силу своей территориальной отдаленности и изолированности от других бурятских говоров. В результате лингвистической экспедиции 2016 года в Нижнеудинский район Иркутской области было выявлено, что численность носителей этого диалекта составляет немногим более ста человек в с. Кушун и четыре семьи в с. Мунгутубулук. Старшее поколение еще помнит

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», № АААА-А17-117021310266-8).

родной язык, усвоенный в детстве, хотя и редко пользуется им в повседневном общении, а молодежь и дети его практически совсем не знают.

Другие диалекты, носители которых проживают в близком соседстве друг с другом, на территории бурятских округов, и в Республике Бурятия находятся в более благоприятных условиях. Обычно в пример по уровню владения бурятским языком приводится Агинский Бурятский округ Забайкальского края, где жители говорят в большинстве случаев на родном языке, обучая ему своих детей. Однако современные процессы урбанизации и глобализации сделали свое дело и даже, казалось бы, в благополучных в языковом плане регионах ситуация начала меняться не в лучшую сторону. Хотя бурятские диалекты на сегодняшний день достаточно активно используются, особенно в сельской местности, нельзя не отметить тот печальный факт, что снижается количество детей, говорящих на родном языке. Это значит, что язык, пока активно функционирующий, находится перед реальной опасностью быть забытым.

Диалектные особенности стремятся к нивелированию под влиянием различных факторов. С одной стороны, в связи со снижением уровня владения бурятским языком, с другой – в связи с влиянием родственных доминирующих языков: литературный бурятский язык в Бурятии, халха-монгольский в Монголии, близкородственные монгольские языки, в том числе литературный восточно-монгольский язык в Китае. В связи с этим фиксация современного звучания бурятских диалектов является весьма актуальной.

Речевой материал для корпуса записывался в местах проживания носителей диалектов на территории РФ: в Республике Бурятия, Иркутской области и Забайкальском крае. Информанты – носители языка, с детства, владеющие родным языком и использующие его в качестве основного средства общения.

Материал состоит из двух блоков:

- чтение программы, составленной с учетом всех коммуникативных типов высказываний, различным актуальным членением и различной длины;

- разговорная речь – диалоги и монологи на повседневные темы.

Аудиозапись осуществлялась при помощи цифровых диктофонов с использованием микрофонов. Параметры записи 22 kHz, 16 bit, моно.

Информация общего характера о записанном материале (данные об информантах и информация о звуковых файлах) заносится в таблицы, которые имеют следующие поля:

Данные об информантах:

- Порядковый номер
- Фамилия Имя Отчество, или псевдоним
- Код информанта
- Пол
- Возраст (год рождения, точный или приблизительный)
- Место рождения
- Социальное происхождение
- Образование
- Профессия
- Место постоянного проживания
- Родовая принадлежность
- Язык и диалект постоянного общения
- Место записи
- Год записи
- Комментарии (информация относительно типа личности, речевых особенностей и т.п.)
- Информация о звуковых файлах, полученных от информанта

Информация об исходных звуковых файлах:

- Код информанта
- Номер диктофонной записи (полученный при записи файла на диктофон)
- Общее время звучания
- Общая информация о содержании (запись программы, рассказ о себе, диалоги на бытовые темы и т.п.)
- Комментарии к файлу

- Наличие компьютерной обработки

Для аннотирования звуковых файлов используется программа ELAN, которая широко используется в различных проектах по сохранению и документации языков. Эта программа позволяет создавать необходимое количество уровней аннотирования, а также может работать с интонационными графиками, созданными в программе PRAAT.

В Бурятском диалектном корпусе пока планируются следующие уровни аннотирования:

- Орфографическая запись
- Транскрипция
- Текст в орфографической записи с сегментацией на синтагмы
- Текст в орфографической записи с сегментацией на слова
- Просодическая разметка (локализация тональных акцентов, направление движения тона,

Работа по созданию звукового корпуса бурятских диалектов пока находится в начале пути. Уровни аннотирования будут корректироваться, материал расширяться, совершенствоваться методы. Создание такого корпуса позволит расширить спектр исследований в области бурятской диалектологии, сегментной и суперсегментной фонетики, зафиксировать современное состояние бурятских диалектов, проследить основные процессы, происходящие в речи современных бурят.

Список литературы

Архипова А. В., Захаров Л. М., Кодзасов С. В., Лебебдев А. А. Русский интонационный корпус: предварительный отчет // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012г.). Вып. 11 (18). М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 18–27.

Бадмаева Л. Д. Бурятский языковой корпус: создание, проблемы и перспективы // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 2 (10). С. 118–122.

Бурятский корпус. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_%20language=ru (Дата обращения 14.05.2019).

Земичева С. С., Иванцова Е. В. Проект создания Томского диалектного корпуса в свете тенденций развития корпусной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 192–205.

Куканова В. В., Бембеев Е. В., Убушаев Н. Н., Манджиева Б. Б. Устные тексты на калмыцком языке: запись и расшифровка // Вестник Калмыцкого университета. 2013. № 3 (19). С. 56 – 64.

Национальный корпус калмыцкого языка. URL: <http://www.kalmcorpora.ru/subcorpora> (Дата обращения 14.05.2019).

Шерстинова Т. Ю., Люблинская М. Д. Звуковой корпус для изучения просодической системы младописьменных языков // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика-2006». СПб.: 2006. С. 381–388.

The IViE Corpus. URL: <http://www.phon.ox.ac.uk/files/apps/IViE/> (Дата обращения 14.05.2019).

Russian.news.cn URL: http://russian.news.cn/2016-01/22/c_135036519.htm (Дата обращения 14.05.2019).

Y. D. Abaeva

Issues of Creation of the Spoken Corpus of the Buryat Dialects

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS, *Ulan-Ude*,
julaba@yandex.ru

The article is devoted to the creation of a spoken corpus, the aim of which is to study prosodic variation in the Buryat dialects. It describes the current state of the Buryat dialects, discusses the principles of audio material collection and ways of organizing information about speakers and the available array of audio files. Levels of annotation within the ELAN software are also described.

Keywords: Buryat language, Buryat dialects, spoken dialect corpus.

А. А. Бадртдинова

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, Казань, badrtdino-alsu@rambler.ru**Фонетические закономерности в области гласных звуков в говоре чатских татар**

В статье отражены фонетические закономерности в говоре чатских татар, зафиксированные во время экспедиции 2017 году в татарских селах Юрт-Ора и Юрт-Акбалык Колыванского района Новосибирской области, в сравнении с фонетическими закономерностями среднего диалекта татарского языка.

Ключевые слова: чатский говор томского диалекта, средний диалект, гласные, сингармонизм, эпентеза, сандхи.

В 2017 году Институтом языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан была организована комплексная диалектологическая экспедиция в места компактного проживания татар Колыванского района Новосибирской области. В этой статье рассматривается говор чатских татар, проживающих в селах Юрт-Ора и Юрт-Акбалык, а именно некоторые фонетические закономерности в области гласных звуков.

Информацию по этническому составу и истории данных территорий можно найти во многих исследованиях [Бадртдинова, 2019: 1]: «...еще в первом веке II тысячелетия нашей эры начинается процесс слияния народов в новые этнические группы. Они и сегодня живут в этих местах. У реки Обь Новосибирска – чатские татары, в Барабинских степях – барабинские татары, на севере области – северные группы хантов и селькупы» [Чернобай 2011: 75]; «Юрт-Акбалык, Курбес аул. Новосибирская область, Колыванский район, Новотроицкое сельское поселение... В деревне проживают представители обских чатов... Юрт-Оры, Умар аул. Новосибирская область, Колыванский район, Скалинское сельское поселение... В деревне проживают представители обских чатов» [Хисамов 2017: 48] и т. д.

Как известно, татарский язык делится на три основных диалекта: восточный, западный и средний диалекты [Рамазанова 2010: 94]. Д. Г. Тумашева ввела в науку следующую классификацию восточного диалекта татарского языка: тоболо-иртышский диалект, который делится на пять говоров: тюменский, тобольский, заболотный, тевризский, тарский; томский диалект: эуштинско-чатский и калмацкий говоры; барабинский диалект [Татарская лексикология, т. II 2016: 143]. Часто эуштинский и чатский говоры рассматривают как один говор, так как они очень похожи, но мы рассматриваем чатский говор отдельно, потому что в сёлах Юрт-Оры и Юрт-Акбалык живут именно его представители [Бадртдинова, 2019: 1]. Носители эуштинского говора проживают в селе Эушта Кировского района г. Томска (Томская область) [Рамазанова 2016: 81].

Д. Г. Тумашева в XX веке в труде «Язык сибирских татар» пишет: «В 1964 г. один из отрядов экспедиции обследовал также деревни Юрт-Акбалык и Юрт-Оры (Умар) Колыванского района Новосибирской области, которые, по всей вероятности, принадлежат чатам. Материалы не использованы» [Тумашева 1968: 5]. Несмотря на это, характеристики, приведенные ею в книге по эуштинско-чатскому говору совпадают со свойствами говора чатских татар Новосибирской области по вокализму, консонантизму, лексике, морфологии.

Рассмотрим некоторые фонетические закономерности говора исследованных территорий и говоров среднего диалекта татарского языка.

В говоре чатских татар закон гармонии гласных по ряду сохраняется в некоторых словах, например, в Юрт-Акбалык в слове [наурус] – литер *нәүрүз* ‘название традиционного весеннего праздника у татар-мусульман’. В слове [наурус] мы видим произношение звуков переднего ряда парами заднего ряда. Такое явление встречается, например, в дубязском говоре среднего диалекта: [әче] – литер. *ачы* ‘кислый’, [әчек] – литер. *ачык* ‘открытый’ [Татар халык сөйләшләре (здесь и далее о сборнике на татарском языке ‘Татарские народные говоры’), т. I 2008: 24]. Но во многих случаях палатальная гармония искажается: *сәксан* – литер. *сиксән* ‘восемьдесят’, *баради* – литер. *бара* ‘идет’ и др. [Татар халык сөйләшләре, т. II 2008: 429]. В среднем диалекте нарушения палатальной гармонии встречаются в основном в заимствованных, в большинстве случаев в арабо-персидских, словах.

Губная гармония в говорах восточного диалекта является «сильным» явлением: ему подчиняются даже те слова, в которых нет губной гармонии [Сунгатов 2001: 12], например: [озон] в Юрт-Акаблык – литер. *озын* ‘длинный’ или [мончо] в Юрт-Ора – литер. *мунча* ‘баня’. Также звуки [а], [ä] после сло-

гов со звуками [o], [ö] подчиняются губной гармонии: [болгон] – литер. *булган* ‘произошло’, [сөйләшкөллө] – литер. *сөйләшергә* ‘разговаривать’ [Татар халык сөйләшләр, 2-й том, 2008: 429]. В среднем диалекте татарского языка губная гармония сохраняется в большинстве говорах, за исключением дубъязского, пермского, вятского говоров и некоторых говоров астраханских и оренбургских татар и этим говорам свойственна делабиализация звуков [o], [ö] [Сунгатов 2001: 12].

Есть также виды явления сандхи, например, элизия: [йөрәйдек] – *йөри идек* ‘ходили’, [ййбит] в деревне Юрт-Ора – литер. *әйе бит* (*әйеме*) ‘так же’, [тийагында] в селе Юрт-Акбалык – литер. *теге ягында* ‘на той стороне’, там же – аккомодация: [игән] – *икән* ‘оказывается’ (как и в говоре оренбургских татар: согласные *п, т, к, қ* между двумя гласными чередуются со звонкими парами: [чигерткә] – литер. *чикерткә* ‘кузнечик’; [чугын] – литер. *чугын* ‘перекрестись’; [тыгырак] – литер. *тыкырык* ‘переулок, перекресток’ и др.), редукция: [крәшеннәр] – *керәшеннәр* ‘крящены’; эпитеза: [навасибирскига] ‘в Новосибирск’. Следует отметить, что также говорят и представители многих говоров среднего диалекта, например, мензелинского, оренбургского и др. говоров.

В многих словах, заимствованных из русского языка, русские звуки заменяются на собственные, как и в среднем диалекте, по-другому это явление называется эпентезой: [сих] – *цех*, [Илмирә] – *Эльмира*, [пинсы] – *пенсия*, [шкул] – литер. *мәктәп* ‘школа’.

Таким образом, говор чатских татар отличается лабиализацией неогубленных гласных, которая не свойственна среднему диалекту и нормам литературного татарского языка; нарушением палатальной гармонии. В остальных же случаях много общего со средним диалектом татарского языка.

Список литературы

Бадртдинова А. А. Система вокализма говоров татарских сел Колыванского района Новосибирской области (по материалам экспедиции 2017-го года) // Мир науки. Социология, филология, культурология. №1. 2019. <https://sfk-mn.ru/PDF/05FLSK119.pdf>. Дата обращения: 24.05.2019.

Баязитова Ф. С., Рамазанова Д. Б., Хәйретдинова Т. Х., Садыкова З. Р., Барсукова Р. С. Татар халык сөйләшләр. Татарские народные говоры. Т. 1. Казань: изд.-во «Мәгариф», 2008. 461 б.

Баязитова Ф. С., Рамазанова Д. Б., Хәйретдинова Т. Х., Садыкова З. Р., Барсукова Р. С. Татар халык сөйләшләр. Татарские народные говоры. Т. 2. Казань: изд.-во «Мәгариф», 2008. 493 с.

Рамазанова Д. Б. Йөзләре якты, телләре татлы (Актаныш төбәге тел үзенчәлекләре) // Милли-мәдәни мирасыбыз: Актаныш ‘Светлые лица, сладкие уста’ (Языковые особенности Актанышской местности) // Национально-культурное наследие: Актаныш. Казан, 2010. Б. 93–132.

Рамазанова Д. Б. Себер татарларының том диалекты. Томский диалект сибирских татар // Национально-культурное наследие: татары Томской области. Милли-мәдәни мирасыбыз: Томск өлкәсе татарлары. Казан: ТӘҺСИ, 2016. Б. 84–432.

Сунгатов Г. М. Татар теленең фонетик закончалыклары. Фонетические закономерности татарского языка. Казань: Лаб. операт. полиграфии КГУ, 2001. 54 с.

Татар лексикологиясе: Т. II. / проект житәкчесе М. З. Закиев; ред. Г. Р. Галиуллина Татарская лексикология / руководитель проекта М. З. Закиев, ред. Г. Р. Галиуллина. Казань: ИЯЛИ, 2016. 392 с.

Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968, 185 с.

Хисамов О. Р. Тюрко-татарская топонимия Томской области // Национально-культурное наследие: татары Томской области. Милли-мәдәни мирасыбыз: Томск өлкәсе татарлары. Казань: ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, 2016. 432 с.

Чернобай Л. П. Малые реки левобережья Оби. / Л.П. Чернобай. Новосибирск, 2011. Режим доступа: URL: <https://zvezdapovolzhya.ru/obshestvo/sibirskaya-tsivilizatsiya-ch2-01-02-2018.html> (Дата обращения: 14.02.2019).

A. A. Badrtdinova

Phonetic Patterns in Chat Tatar Subdialect Vocalism

In the following article, we describe the phonetic patterns in the Chat Tatar subdialect recorded during the 2017 research trip to Tatar villages Yurt-Ora and Yurt-Akbalyk, Kolyvansky District, Novosibirsk Oblast, in contrast with phonetic patterns observed in the middle dialect of the Tatar language.

Keywords: Chat subdialect of the Tomsk dialect, middle dialects, vowels, vowel harmony, epenthesis, sandhi.

И. Я. Селютина, А. А. Добринина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, *siya_irina@mail.ru; ekinur@mail.ru*

Телеутский консонантизм: малолетние переднеязычные согласные (по инструментальным данным)

В статье рассматриваются артикуляторные параметры консонантных настроек в языке телеутов – одного из южносибирских тюркских этносов. Исследование базируется на инструментальных данных, полученных методом магнитно-резонансного томографирования. Сопоставление результатов с экспериментально-фонетическими материалами, собранными в 1970-е гг. К. В. Меркурьевым, позволило выявить тенденции и динамику фонетических трансформаций в языке телеутов.

Ключевые слова: тюркские языки Южной Сибири, язык телеутов, консонантизм, экспериментальная фонетика, магнитно-резонансное томографирование.

Введение

Телеуты – коренной малочисленный тюркоязычный этнос Южной Сибири, официально считавшийся субэтносом алтайцев. Язык телеутов вместе с языками алтай-кижи и теленгитским традиционно принято относить к южной группе алтайских диалектов. В 1991 г. телеуты вошли в перечень коренных малочисленных народов РФ, а их язык признан самостоятельным языком. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. свою принадлежность к национальности *телеуты* указали 2 643 чел., из них 2 520 чел. проживают в Кемеровской обл., 37 чел. – в Республике Алтай, 19 чел. – в Алтайском крае. Небольшие группы телеутов, обитающие на территории Республики Алтай (сс. Улус-Черга, Мыкота Шебалинского р-на) вдоль реки Катунь и ее притока Семы, – алтайская группа телеутов, и в Алтайском крае (г. Заринск, сс. Крутое, Улус, Тараба и Ясашное Кытмановского р-на) – чумышская группа, или караба, подверглись сильной ассимиляции со стороны соседних народов: в Республике Алтай со стороны алтай-кижи, в Алтайском крае со стороны русских, алтайцев, поволжских татар [Уртегешев 2016: 483]. В настоящее время только бачатские телеуты, проживающие в Кемеровской обл., сохранили свою этническую идентичность [Tybykova 2016: 423].

Язык телеутов был положен в основу письменности, разработанной представителями Алтайской духовной миссии. В «Грамматике ...» [1869] получил краткое освещение звуковой строй языка телеутов. Авторы выделили 19 согласных звуков, поделив их на «жесткие» и «мягкие» (т. е., глухие и звонкие) и приведя краткое описание произношения. В. В. Радлов констатировал в телеутском 22 согласных звука: 8 глухих (Tonlose): q, k, t, j, č, s, š, p; 7 звонких (Tönende): ɣ, g, d, b, z, ž, j; 6 сонантов (Sonore): l, l, r, m, n, ñ; и один гласно-согласный звук (Vocal-Consonant): j [Radloff 1882: 129, 173, 201].

В 1970-е гг. К. В. Меркурьевым было выполнено исследование бачатско-телеутского консонантизма инструментальными методами статического рентгено-, дентопалато- и пневмоосциллографирования; результаты изложены в серии работ [Меркурьев 1971, 1975, 1976 и др.]. К. В. Меркурьев выделил 23 согласных звука: губные p, b, m; переднеязычные t, d, n, s, z, ʃ, ʒ, l, r; среднеязычные h, j, hç, j; заднеязычные k, g, ɣ, ŋ и язычковые q, q, n. Установлено, что 16 согласных фонем языка бачатских телеутов противопоставлены как шумные ([p], [p:], [t], [t:], [s], [ʃ], [h (j)], [hç:], [k], [k:]) и малолетние ([m], [n], [l], [r], [j], [ŋ]); шумные подразделяются на краткие ([p], [t], [s], [ʃ], [h (j)], [k]) и долгие ([p:], [t:], [hç:], [k:]) [Меркурьев 1975: 9–12, 19].

В данной статье рассматриваются артикуляторные настройки реализаций малолетних переднеязычных согласных фонем в языке современных телеутов. Экспериментальные данные получены методом томографирования по трем информантам, носителям бачатско-телеутского языка, результаты сопоставлены с описаниями соответствующих телеутских артикуляций, выполненными в 1970-е гг. по аппаратным данным.

1. Малолетние согласные. Если в сонантах тон преобладает над шумовыми составляющими, то малолетние согласные не во всех позициях реализуются как сонорные, то есть, звучные; в определенных позиционно-комбинаторных условиях они проявляются как глухие, что делает использование термина сонорные для квалифицирования определенных звуков некорректным.

1.1. Латеральнощелевые согласные л «л». Аллофоны малошумной фонемы л [l] описываются по томограммам финально-поствокальных настроек, зафиксированных в твердояркой словоформе ал 'возьми!' и в мягкорядной эл 'народ' (рис. 1–2).

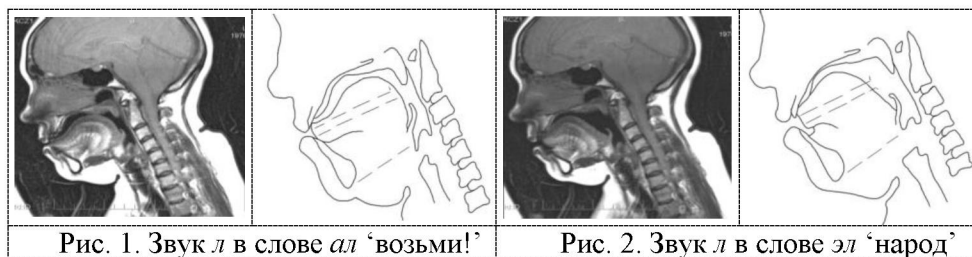

Рис. 1. Звук л в слове ал 'возьми!'

Рис. 2. Звук л в слове эл 'народ'

Реализация в слове ал 'возьми!', продуцируемая медиальной смычкой кончика языка с лингвальным склоном верхних резцов, квалифицируется как переднеязычная апикулярная дентальная, смычная по медиальному участку, латеральнощелевая, одноканально ротовая, умереннонапряженная огулбленная сильновеляризованная, со слабой тенденцией к увуларизации, нефарингализованная согласная; индекс: $\langle \underline{\text{л}}^{\circ} = \text{a}; (2^{1/3})^{1/5} \rangle$.

Мягкорядный вариант в слове эл 'народ', отличающийся большей площадью контакта активных и пассивных органов артикуляции, определяется как переднеязычный умереннодорсальный дентально-альвеолярный медиальносмычный латеральнощелевой ротовый умереннонапряженный огулбленный умереннопалатализованный неувуларизованный нефарингализованный; индекс: $\langle \underline{\text{л}}^{\circ'} = \text{a}^{2/3}; (2^{1/3})^{2/3} 45^{1/5} \rangle$.

К. В. Меркурьев определил фонему л [l] по объективным данным как согласный ротовый малошумный сверхслабый переднеязычный щелиный боковой [Меркурьев 1976: 12–16]. Все анализируемые автором настройки по медиальной смычке являются апикулярными преальвеолярными (индекс: 4), при этом твердояркие артикуляции – умеренновеляризованные, мягкорядные – палатализованные. Рентгенограмма звука «л» в словоформе кел 'иди!' (указ. соч., с. 16, рис. 10) свидетельствует, на наш взгляд, об отсутствии дополнительных настроек лабиализации, увуларизации и фарингализации.

1.2. Вибрантные согласные р «г». Оттенки мгновеннопреградной фонемы р [r] представлены финально-поствокальными репрезентантами – в твердояркой словоформе кар 'снег' и в мягкорядной эр 'муж' (рис. 3–4).

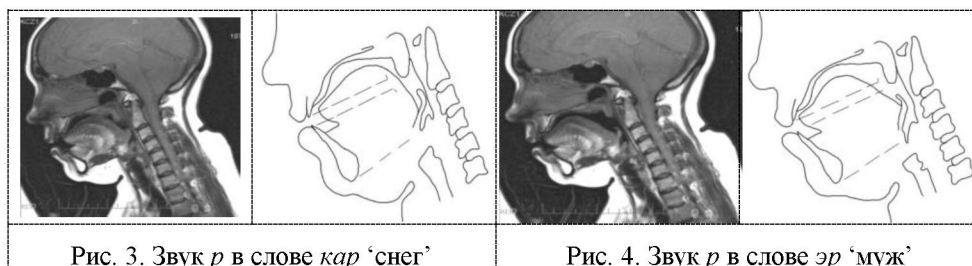

Рис. 3. Звук р в слове кар 'снег'

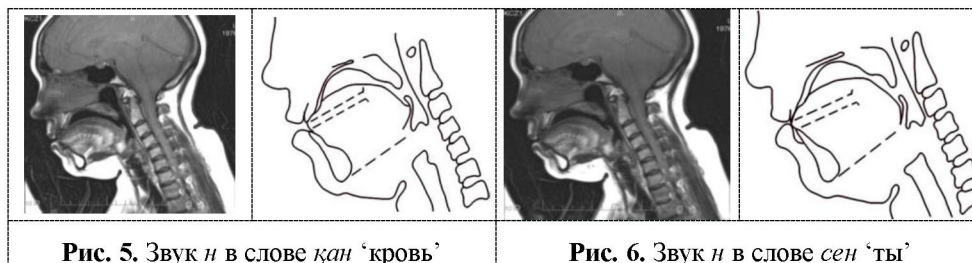
Рис. 4. Звук р в слове эр 'муж'

Обе настройки продуцируются как переднеязычные апикулярные дентальные щелиноударные ротовые сильнонапряженные огулбленные фарингализованные. При этом р в словоформе кар – веляризованный и увуларизованный, мягкорядное соответствие в лексеме эр – умереннопалатализованное, с тенденцией к увуларизации и с более выраженной дополнительной фарингализацией, о чем свидетельствует более значительная оттянутость нижней трети корня языка к задней стенке глотки. Точная индексная характеристика р в слове кар 'снег': $\langle \underline{\text{р}}^{\circ} = \text{a}; 1/2 \underline{34} \rangle$; в слове эр 'муж': $\langle \underline{\text{р}}^{\circ'} = \text{a}; 1/3 (1/2 \underline{34}) \rangle$.

К. В. Меркурьев определил фонему р [r] как согласный ротовый малошумный сверхслабый переднеязычный щелиноударный, реже – смычноударный [Меркурьев 1976: 15–18]. Артикуляция осуществляется колеблющимся в струе выдыхаемого воздуха кончиком языка в апикулярном положении, сближающимся одно-, дву- или трехкратно с гребнем альвеол (индекс: 5) или с их дентальным склоном (индекс: 4) и образующим шумообразующую щель или (реже) смычку. Приведенная автором дентопалатограмма (указ. соч., с. 17, рис. 11) демонстрирует типичную

апикальную альвеолярную щелиноударную артикуляцию, на рентгеносхеме же представлен смычноударный апикальный дентально-альвеолярный вариант (там же, рис. 12). Следует также добавить, что рентгеноснимок свидетельствует о неогубленности фиксируемой настройки, о её веляризованности, умеренной увуларизованности и о слабой фарингализованности.

1.3. Носовые согласные *н* «*n*». Аллофоны телеутской носовой фонемы *н* [n] представлены томограммами финально-поствокальных настроек в твердоярдной словоформе *кан* ‘кровь’ и в мягкорядной *сен* ‘ты’ (рис. 5–6).

Обе настройки квалифицируются как переднеязычные апикально-сильнодорсальные дентально-альвеолярные смычные носовые огубленные, при этом твердоярдный вариант реализуется при сильной напряженности речевого аппарата и с дополнительной фарингализацией, мягкорядный же репрезентант характеризуется как умереннонапряженный, со слабо выраженной палатализацией и с тенденцией к фарингализации. Индекс: в слове *кан* ‘кровь’: «'п° = ab; 36»; в *сен* ‘ты’: «'п° = ab¹/₉; 36¹/₁₂».

По определению К. В. Меркурьева фонема *н* [n] – согласный носовой малолучный сверхслабый переднеязычный, отличающийся от оттенков фонемы *т* [t] более выраженной дорсальностью, а также работой нёбной занавески, отстоящей от задней стенки носоглотки и обеспечивающей одноканальный носовой выход воздушной струи [Меркурьев 1976: 6–10]. Приведенная рентгеносхема (указ. соч., с. 9, рис. 4) позволяет нам сделать заключение об отсутствии лабиализации настройки и о её увуларизованности.

Заключение. Сопоставительный анализ настроек телеутских малолучных переднеязычных согласных, зафиксированных с использованием инструментальных методов в 1970-е гг. и в настоящее время, свидетельствует об активно развивающихся системных преобразованиях артикуляционно-акустической базы телеутов. В рассматриваемой подсистеме констатируются те же трансформации, которые были отмечены при изучении шумных телеутских согласных: расширение зоны активных действующих органов, детерминирующее увеличение площади локализации шумообразующей преграды; усиление параметра артикуляторной напряженности; формирование дополнительных настроек лабиализации и фарингализации одновременно с утратой увуларизации [Селютин 2019]. Осуществляется переход от апикальных преальвеолярных сверхслабонапряженных реализаций фонемы [l] к апикальным ~ умереннодорсальным дентально-альвеолярным умереннонапряженным с дополнительной лабиализацией. Реализации вибрантной фонемы [r], квалифицируемые в 1970-х гг. как сверхслабые, но демонстрирующие наличие умеренной увуларизованности и слабой фарингализованности, в языке современных телеутов проявляются как сильнонапряженные, с выраженной дополнительной увуларизацией и фарингализацией. Носовые консонанты – реализации фонемы [n] – изменились от слабодорсальных сверхслабых к умеренно- и сильнонапряженным огубленным и фарингализованным.

Изменения в артикуляционной базе телеутов, и прежде всего усиление напряженности настроек, указывают на сходство с языком теленгитов, для которого не свойственны слабые артикуляции. Развитие тотальной лабиализации, формирование параметров фарингализации, отсутствие назализации выделяет телеутский и теленгитский идиомы на фоне других южносибирских тюркских языков. Возможной причиной такой общности является генетическое родство этносов, восходящих к древнетюркским племенам *теле*.

Список литературы

- Грамматика алтайского языка. Составлена членами Алтайской миссии. Казань: Университетская типография, 1869.
- Меркурьев К. В.* Шумные консонанты языка бачатских телеутов // Ученые записки Кемеровского гос. пединститута. Вып. 25. Кемерово, 1971. С. 42–46.
- Меркурьев К. В.* Бачатско-телеутский консонантизм: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975. 20 с.
- Меркурьев К. В.* Малошумные согласные языка бачатских телеутов // Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976. С. 3–47.
- Селютин И. Я.* Артикуляторные характеристики шумных переднеязычных согласных в языке телеутов (по данным МРТ) // Сибирский филологический журнал. 2019 (в печати).
- Уртегешев Н. С.* Телеутский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 483–487.
- Radloff W.* Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig: Weigel, 1882.
- Tybykova L. N.* The Teleuts and Their Language // Endangered Turkic Languages. V. 3. Ankara–Astana: International Turkic Academy, 2016. Pp. 421–429.

I. Ya. Selyutina, A. A. Dobrinina

Teleut Consonantism: Low Noise Forelingual Consonants (According to Instrumental Data)

The article deals with the articulatory parameters of the consonant settings in the language of the Teleuts – one of the South Siberian Turkic ethnic groups. The study is based on instrumental data obtained by the means of magnetic resonance imaging. Results are compared to experimental phonetic materials collected in the 1970s and described in the works of K. V. Merkurev, thus demonstrating the tendencies and dynamics of phonetic changes in the language of Teleuts.

Keywords: Turkic Languages of South Siberia, language of Teleuts, consonantism, experimental phonetics, Magnetic Resonance Imaging.

ВОПРОСЫ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ И ДИАЛЕКТОЛОГИИ

УДК 81'27: 130.2

Г. А. Дырхеева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, an5dagl@mail.ru

О некоторых социолингвистических проблемах в современной Монголии

Основное внимание в статье уделено проблеме функционирования русского языка в Монголии. Кратко освещена история становления монгольской русистики, представлены результаты предварительного социолингвистического опроса монгольских учащихся об отношении к русскому языку, его изучению. Отмечено, что в последние десятилетия осуществляются попытки возрождения монгольского письма, перехода ведения делопроизводства на старомонгольской графике, активизация преподавания и обучения письму.

Ключевые слова: Монголия, русский язык, социолингвистический опрос, старомонгольское письмо.

В последние десятилетия образ России за рубежом претерпевает существенные изменения, которые связаны, в том числе, с демократическими и глобализационными преобразованиями, происходящими в мире. Очевидно, что формирование имиджа той или иной страны во многом связано с историей, геополитикой, научно-техническими достижениями, культурой, проявлениями национального характера, личными контактами и т.д. В этом плане интересно рассмотреть особенности трансформации образа России в приграничных с ней государствах, изменений, происходящих в их взаимоотношениях, касающихся, в частности, межъязыковых связей.

Россия и Монголия являются ближайшими соседями, что во многом определяется географической близостью. Данный объективный фактор способствовал развитию политических, военных, торгово-экономических, культурных и прочих двусторонних связей. Многолетние традиционные исторические связи России с Монголией влияли и влияют не только на экономическую, правовую, демографическую и культурно-образовательную ситуацию в приграничном государстве. Соседство с Россией является весомым фактором, влияющим на состояние, перспективы, престиж и динамику развития русского языка в Монголии. Однако очевидно, что в последние десятилетия удельный вес и престиж его изучения во многих соседних государствах, в том числе и в Монголии, претерпели значительные изменения. Общая тенденция в данных регионах заключается в том, что вектор приоритетов в изучении иностранных языков смещается в сторону английского языка.

Монгольская русистика имеет многолетнюю историю. Первая русско-монгольская школа появилась в Урге (ныне Улан-Батор) в 1861 году. В 1914 году при МИДе Монголии открылась школа русского языка, которая сыграла большую роль не только в распространении русского языка, но и в распространении передовых идей в Монголии [Фомин, Эрдэнэмаам 1991: 7]. Позиции русского языка существенно усилились после победы в 1921 году народной революции, значительную помощь в совершении которой Монголии оказала Россия. В послереволюционные годы Монголия остро нуждалась в кадрах национальной интеллигенции, в подготовке которых Россия также приняла активное участие, многие из политических деятелей обучались в российских учебных заведениях. В конце тридцатых годов русский язык стал изучаться во всех средних учебных заведениях, а в конце сороковых во всех монгольских школах. Переход в 1941 году со старомонгольской графики на кириллицу облегчил изучение русского языка. Расцвет монгольской русистики приходится на шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого века, когда были отработаны методики преподавания русского языка, подготовлены педагогические и научные кадры. Можно отметить, что ни в одной из соседних с Россией стран не были достигнуты такие успехи в освоении русского языка как в Монголии. Так, по результатам опроса С. Эрдэнэмаам [Там же: 15], проведенного в конце 80-х годов, 67,5 % опрошенных ответили, что читают и понимают по-русски, 45 % – пишут, 33,7 % – разговаривают.

Особое внимание изучению русского языка первоначально определялось как одному из средств социально-экономического, научно-технического, культурного прогресса, в дальнейшем как одному из главных источников извлечения информации и как средству повышения уровня знаний. Как

отмечал один из наших монгольских респондентов, именно из русских источников в 90-х годах он получал дополнительную необходимую ему информацию о международном положении, социально-экономических изменениях, происходящих в мире.

Однако в конце восьмидесятых – начале девяностых годов наблюдаются существенные изменения в системе образования Монголии, касающиеся, в том числе, и изучения и преподавания русского языка. Стали отменяться государственные экзамены в вузах и школах, сокращалось количество часов на изучение русского языка. С 1996 года он стал необязательным предметом в средней школе и во многих вузах, состоялся переход к изучению иностранного языка по выбору. Несомненно, это привело к изменению мотивационной ориентации учащихся в выборе иностранного языка для обучения. Как показал проведенный нами социолингвистический эксперимент, позиции русского языка, как и во многих других соседних с Россией государствах, в Монголии значительно ослабли.

Опрошены были учащиеся 7–8 классов специализированной школы г. Улан-Батор, в которой преподаются английский и русский языки. В анкету были включены вопросы, касающиеся отношения к монгольскому, русскому, английскому и китайскому языкам. Как показал анализ, английский язык занимает первые позиции почти по всем вариантам ответов на вопросы: «Почему Вы изучаете или хотели бы изучать следующие языки?», «Оцените по указанным параметрам людей, говорящих на разных языках», «Какими словами Вы бы охарактеризовали следующие языки?». Так, человек, говорящий по-английски был признан более успешным, образованным, прогрессивным, добрым, модно одетым и т.д. Только по одной позиции «более агрессивный» русскоговорящий человек опередил англоговорящего. Однако самыми агрессивными были признаны те, кто говорит на монгольском языке. Самой высокочастотной среди характеристик для носителей китайского языка оказалась «более богатый».

Английский язык необходимо знать, потому что это язык высокой культуры, он знакомит с культурой народа, он пригодится для общения с друзьями, знакомыми из других стран, для поступления в ВУЗ, для дальнейшей работы, чтобы жить и учиться в другой стране и т.д. Единственная позиция, по которой русский язык опережает английский, является «его заставляют учить родители».

При этом он был признан среди всех языков самым сложным. Второе место занял китайский язык, затем монгольский и только три человека признали сложным английский язык. Английский язык оказался самым красивым, интересным, необходимым и престижным, а самым непонятным, что неудивительно, оказался китайский язык.

Демократизация системы образования, возрождение национального самосознания поставило перед монгольским руководством также задачу возрождения монгольской письменности, а именно возрождения традиционной старомонгольской графики. Общеизвестно, что проблема графического оформления тесно связана с культурно-религиозной, а иногда и политической ориентацией носителей языка. В частности, вопросы письменности всегда принадлежали к наиболее сложным и болезненным вопросам прошлого не только монголов, но и бурят и калмыков.

В последние годы данная графическая проблема актуализировалась как в отдельных регионах России, так и ближнего зарубежья. Например, в Монголии, начиная с 1991 года, осуществляются попытки по использованию старомонгольского письма в государственном управлении. Для реализации постановлений Народного Хурала и Правительства в первую очередь было принято решение о смене программ общеобразовательных школ, в которых с первого сентября 1991 года с первого класса были введены уроки старомонгольской графики. Мероприятия по реализации постановлений также включили смену графического оформления печатей всех руководящих органов Монголии, Конституции и национальной валюты. Пока, как отмечают многие исследователи, процесс реализации принимаемых решений замедлился по ряду причин.

Как известно, в языке все тесно взаимосвязано и резкая смена письменностей на латиницу, а затем на кириллицу, как это произошло в XX веке во многих языках России, нарушила культурные и языковые традиции. Многие материалы и документы на старомонгольском языке в Монголии, Бурятии и Калмыкии оказались невостребованными, прервалась связь времен, ученые-гуманитарии почувствовали недостаток, нехватку именно этих материалов, а народ оказался лишенным значительного исторического пласта своей прошлой духовной культуры, ценностей восточной философии, науки. Однако прервалась не только связь временная, но и территориальная. Носители монгольских языков (включая шэнэхэнских бурят), проживающие в Китае, до сих пор используют старомонгольскую письменность, что очевидно не способствует тесному общению и взаимодействию монголоязычных народов. В связи с этим в последние годы отмечаются попытки по устранению данных графических разногласий. Помимо решений руководства Монголии по возрождению использования старомонгольской графики, можно отметить попытки по преподаванию старомон-

гольского письма в Бурятии, а также использования кириллического письма при издании некоторых журналов во Внутренней Монголии Китая (журнал «Солонго»).

Таким образом, в настоящее время в языковой ситуации Монголии можно наблюдать значительные перемены, которые обусловлены социально-экономическими и демократическими преобразованиями, возрождением национальных исторических традиций, попыткой ускорить выход Монголии на мировую арену.

Список литературы

Фомин Б. Н., Эрдэнэмаам С. Русистика Монголии. Краткий очерк. Библиография. Документы // Под ред. проф. Э. Равдана. Улан-Батор: филиал ИРЯ имени А. С. Пушкина, 1991.

G. A. Dyrkheeva

On Certain Sociolinguistic Problems of Modern Mongolia

The article's primary focus is the problem of functioning of the Russian language in Mongolia. We offer a brief review of formation history of Mongolian Russian philology, and present the results of preliminary sociolinguistic poll held among Mongolian pupils about their attitude towards the Russian language and its learning. We also note the attempts to revive the old Mongolian writing system, the usage of old Mongolian writing system in official documents, and active teaching and learning of the writing system, that have taken place in recent decades.

Keywords: Mongolia, Russian, sociolinguistic poll, old Mongolian writing system.

Т. Ю. Игнатович

*Забайкальский государственный университет, Чита,
ignatovich_chita@mail.ru***Диалектика процессов трансформации современных
восточно-забайкальских русских говоров¹**

В статье рассматриваются современные процессы, которые протекают в русских диалектах в Восточном Забайкалье как под внешним воздействием литературного языка и просторечия, так и под влиянием внутренних законов развития русской языковой системы, включая сегмент территориальных диалектов. Среди реликтовых диалектных различий имеются относительно устойчивые, которые поддерживаются действием этих законов, и неустойчивые, противоречащие им и потому утрачивающиеся.

Ключевые слова: Восточное Забайкалье, русские диалекты, языковые процессы, фонетика, морфология, языковые законы.

Исходя из постулата, что язык является одной из форм бытия, в современном языкознании на основе диалектической методологии достаточно активно распространяют законы диалектики на развитие центральной формации языка, которой в национальных языках является литературный язык, включая литературную разговорную речь. Территориальные диалекты признаются консервативной и традиционной формой языка и в ракурсе проявлений законов диалектики практически не рассматриваются. Но история языка, в том числе древнерусских диалектов, свидетельствует о том, что в диахронии диалекты не были абсолютно статичны и изменялись, и к ним, безусловно, применимы законы диалектики, частными проявлениями которых являются языковые законы.

Можно ли современные трансформации в русских территориальных идиомах объяснить действием языковых законов? На наш взгляд, да: изменения в современных говорах вызывают как внешние воздействия, так и внутренние законы развития языковой системы.

Мои оппоненты считают, что все современные трансформации в территориальных идиомах вызваны влиянием литературного языка. Несомненно, в условиях современной глобализации на говоры возросло воздействие общерусского стандартного языка, коим является литературный язык. Это проявляется в стирании диалектных различий, которое обусловлено законом аналогии, вызывающем вытеснение нестандартных, в нашем случае диалектных черт, стандартными. Этот закон в данном случае имеет **характер внешнего воздействия**, поскольку проявляется между разными формациями русского национального языка.

Однако в диалектных системах с древнейших времён продолжают идти языковые процессы, обусловленные проявлением **внутренних законов** развития русской языковой системы, одним из сегментов которой являются территориальные идиомы.

Именно внутренние законы объясняют, почему современные диалекты трансформируются через нивелирование неустойчивых, а значит невыгодных для системы, диалектных различий; сохраняют относительно устойчивые, то есть устойчивые на данный момент, так как эти диалектные различия нужны системе территориального идиома. Диалектолог Н. А. Волкова считает, что факты изменения, которые отмечаются в частных диалектных системах, связаны, в первую очередь, с процессом дигрессии, то есть отхода от явлений, вступающих в максимальное противоречие с общенациональными тенденциями языкового развития [Волкова 2004: 32].

Поскольку фонетический и морфологический уровни являются фундаментальными для языковой системы и обеспечивают относительную стабильность её существования, остановимся на характеристике ряда диалектных черт фонетико-фонологической и морфологической подсистем восточно-забайкальских русских говоров севернорусского генезиса.

Известно, что в фонемном составе языка изменения происходят через процессы конвергенции или дивергенции фонем и что большей неустойчивостью элементов обладает диалектный вокализм. Это наблюдается и в современных забайкальских русских говорах. В ударном вокализме утрачены системные диалектные различия, в том числе слабое звено фонем средне-верхнего подъёма «ять» и /ω/-

¹Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 2018 г. № 18-012-00270-а «Русский язык в полиэтническом Забайкалье: динамический аспект».

закрытой, что произошло в диахроническом русле общезыковой тенденции сокращения системы вокализма.

Состав безударного вокализма сокращается за счёт нейтрализации гласных неверхнего подъёма. В диалектах центральной России распространение аканья произошло в XV–XVII вв. Л. Л. Касаткин справедливо полагает, что переход от оканья к аканью в русских диалектах направлен на облегчение произносительных усилий [Касаткин 2010: 86–87], то есть проявляется языковой закон экономии Е. Д. Поливанова – А. Мартине. Гласные нередуцированные в безударных слогах требуют больших произносительных усилий, чем гласные с редукцией. Поэтому говоры идут по пути смены этих типов вокализма, даже севернорусские, например, архангельские, вологодские, вторичные сибирские томские и др.

По типу безударного вокализма забайкальские говоры севернорусского происхождения в XVIII веке, по данным письменных памятников, – окающие. Сейчас мы отмечаем только следы оканья, екающий в прошлом тип вокализма заменяется икающим. Поскольку акающий и икающий типы безударного вокализма литературного языка является образцом для говоров, его внешнее воздействие, а также влияние просторечия и соседствующих среднерусских говоров на забайкальские говоры проявляется законом аналогии.

В говорах смысловозначительная роль гласных в безударных слогах ослабляется в русле общерусской языковой тенденции. Но перестройка вокалической подсистемы не завершена. Сейчас уже страдает звено верхнего подъёма: в заударных, втором предударном гласные верхнего подъёма подвергаются не только количественной, но и качественной редукции, дифференциальный признак лабиализованности / нелабиализованности становится несущественным: [афтóбъс], [къвыркáцъ] и т.д., они нейтрализуются с гласными неверхнего подъёма.

Диалектный консонантизм севернорусского генезиса также перестраивается по общерусскому вектору усиления смысловозначительной роли согласных фонем, постепенно выравнивается под общерусский стандарт, например, происходит отверждение позиционно мягких шипящих, твердый [ч] вытесняется мягким [ч'].

В динамике вариантов долгих шипящих в говорах проявляются две тенденции: приобретение мягкости по вектору литературного языка и утрата долготы с сохранением твёрдости: [jáшшык – jáшык], [вóжжы – вóжы] по вектору диалектной системы. В последнем случае системные отношения обуславливают утрату различий шипящих согласных по долготе/краткости, поскольку он является избыточным.

Языковой закон экономии произносительных усилий сохраняет в забайкальских говорах ряд диалектных различий в фонетической синтагматике, унаследованных из материнских говоров: [св'ин'á, патпáч'ь; ис', ч'ас', жыс'; д'элам, знáт; б'есту́жа д'эфка, такáм'эсть] и др.

В целом в фонетической системе исследуемых забайкальских говоров проявляется общезыковая тенденция к упрощению вокализма и усложнению консонантизма.

Изменения в морфологической системе русских говоров севернорусского генезиса на территории Восточного Забайкалья также обусловлены действием законов развития языка.

Законы системности, аналогии и экономии языковых средств вызывают процессы унификации как внутри частных парадигм, так и между парадигмами по горизонтали и вертикали противопоставленных членов.

На горизонтальной оси парадигмы унификация направлена на единообразное оформление формы, выражающей одно грамматическое значение. Унификация по вертикали парадигмы проявляется в омонимии форм в русле действующей в русском языке тенденции к аналитизму.

В любом идиоме, как отмечают теоретики языка, на одном этапе развития действуют законы разновекторной направленности, которые позволяют языку сохранять относительную стабильность, системность и в то же время эволюционировать.

Так, одновременно на морфологическую систему оказывают воздействие морфологическая аналогия, которая приводит к нейтрализации оппозиций и сокращению рядов парадигмы, и омонимическое отталкивание, направленное на формальную дифференциацию средств, выражающих разные падежные значения.

В морфологических изменениях существенную роль играет и закон антиномии означаемого и означающего языкового знака, который вызывает стремление означаемого (семантики) получить новые средства выражения, а означающее (форма) стремится к выражению новой семантики; проявляет себя и закон антиномии узуса (диалектной нормы) и возможностей системы. Система имеет широкие возможности трансформации, языкового варьирования.

Забайкальские говоры унаследовали из морфологической системы материнских севернорусских говоров рефлексы унификации и других языковых процессов, например, унифицированные формы существительных 3 скл. по 1 скл.: *к печё́, в пече́*. Аналогия с формами литературного языка нивелирует эту архаическую диалектную особенность.

Но забайкальские говоры – живые языковые системы, в них проявляются и внутренние закономерности развития.

Закон аналогии на горизонтальной оси парадигмы, при сохранении конкуренции вариантных окончаний, поддерживает в субстантивной парадигме множественного числа тенденцию к выработке основного варианта окончания. Например, на горизонтальной оси парадигмы в Им. п. – окончания -а, в Р. п. – окончания -ов. В Им. п. конкурируют окончание -ы /и/: *внуча́ты, ребя́ты, калака́лы, ко́льцы, до́чери* – окончание -а /я/: *внуча́та, ребя́та, колокола́, ко́льца, дочеря́, сватовья́, воло́сья*, получившее в последнее время особенно активное распространение: *долга́, груза́, мозга́, знахаря́, механизма́*. Продуктивность в разговорном узусе русского языка, в том числе в говорах, флексии -а в кругу существительных м.р. отражает, с одной стороны, общерусский процесс специализации парадигмы мн. ч. с выработкой единого форманта -а в падежных флексиях, а с другой – тенденцию к нейтрализации противопоставления м. р. / ср. р. [Долгушев 1985: 7]). В целом а-экспансия в парадигме мн. ч., и в частности в Им. п., является общерусским языковым процессом.

В Р. п. мн. ч. из вариантных окончаний -ов (-ев): *у гла́зов, колоколы́цов, зме́ев, гру́здев, радите́леф*, нулевого окончания: *жумбу́р ловил, для ба́ра́н сади́ли* и -ей: *бра́тей, сту́лей, братове́й* наибольшую активность в диалектной речи проявляет флексия -ов (-ев), встречаясь не только у существительных м. р., но и у существительных ср.р.: *блюдо́в, ко́льцо́в, зимовье́в* и ж.р.: *из ного́в, фами́лев, меда́лев*. Законы аналогии на горизонтальной оси парадигмы и омонимического отталкивания на вертикальной оси парадигмы поддерживают активное функционирование этого варианта. Употребление нулевого окончания обеспечивается действием закона аналогии и унификации по вертикали парадигмы в рамках действующих в русском языке тенденции к аналитизму и закона экономии языковых средств.

В исследуемых забайкальских говорах при доминировании общерусских форм встречаются, правда, редко и в речи только диалектоносителей преклонного возраста, архаические материнские рефлексы нейтрализации оппозиций на вертикальной оси падежной парадигмы мн. ч., а именно Р. п. – П. п., Д. п. – Т. п. В настоящее время рефлексы нейтрализации оппозиции Р. п. – П. п. – это ударное окончание -о́х в форме Р. п. мн. ч.: *без зубо́х, старико́х нет*, окончание -аф в П. п. мн. ч.: *в дома́ф, на ко́няф, на лоша́дяф*, когда-то поддерживаемое фонематической нейтрализацией /ф/ – /х/, являются практически утратившимися диалектными чертами. Безударные рефлексы -[ах], -[ьх], -[ьх] в Р.п. мн. ч.: *ва́нах не было, у наших ко́нях, ра́достех было* и -[ьф], -[аф] в П. п. мн. ч.: *в ла́мпаф, на брё́мнаф* употребительны, поскольку поддерживаются общерусским процессом унификации падежных форм Р. п. и П. п. в П. п. мн. ч. [Гловинская 2008: 245].

Севернорусская унифицированная форма существительных в Т. п. мн. ч по форме Д. п. мн. ч.: *рука́м дела́ли, ве́драм таска́ли* утрачивается из-за омонимического отталкивания, сравните: *рука́м волю́ дал, ве́драм приде́лали ручки*, поддерживает утрату общерусская, главным образом, литературная, оппозиция Д. п. – Тв. п.

Унифицированная форма имён прилагательных во мн. ч. П. п. по форме Т. п.: *в Не́рчинском райо́не, в э́том году́* (сравните *Не́рчинским райо́ном, э́тим годо́м*) остаётся относительно устойчивой, поскольку в этом случае падежное различие идёт в основном не по форме прилагательного, а по падежным формам существительного.

Таким образом, утрате подвергаются слабые и поэтому неустойчивые звенья диалектной системы, которые обычно ассиметричны и нарушают языковой закон системности. Относительно устойчивые диалектные различия поддерживаются действием законов развития русского языка, включая забайкальские идиомы.

Список литературы

Волкова Н. А. Фонетика курских говоров в истории и современном состоянии: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 384 с.

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 187–267.

Долгушев В. Г. Динамика развития падежной системы русского языка (на материале вятских говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГПИ, 1985. 16 с.

Касаткин Л. Л. Из истории аканья – яканья в русском языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (20). 2010. С. 77–102.

T. Yu. Ignatovich

The Dialectics of the Transformation Processes of Modern East-Baikal Russian Dialects

The article discusses modern processes that are taking place in Russian dialects in Eastern Transbaikalia, both under the external influence of the literary language and vernacular, and due to manifestation of the internal laws of development of the Russian language system, including the segment of territorial dialects. Among the relict dialectal differences, some are relatively stable, being supported by the effects of these laws, and some are unstable, contradictory to them and therefore gradually disappearing.

Keywords: eastern Transbaikalia, Russian dialects, language processes, phonetics, morphology, language laws.

Т. П. Филистович

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, tatiana-p@inbox.ru

Из истории создания Барнаульской научной диалектологической школы

Статья посвящена истории становления и функционирования диалектологической школы, созданной при Алтайском государственном педагогическом университете. Ее представители проводят исследования островных смешанных верхне- и нижненемецких говоров российских немцев Алтайского края, проводя полное описание уровней языковой системы диалектов.

Ключевые слова: двуязычие, научно-исследовательская лаборатория, научная диалектологическая школа, островные немецкие диалекты, смешанные верхне- и нижненемецкие говоры.

Алтайский край – район компактного проживания этнических немцев. Первым немецким поселением на Алтае стала деревня Шенфельд (Желтенькое), основанная в 1890 г. выходцами из Поволжья. В 1907 г. в Славгородском уезде было уже 14 немецких поселений, основателями которых были выходцы из Поволжья и Украины. Поселения создавались по строго конфессиональному признаку, что способствовало сохранению этнических особенностей жителей каждого населенного пункта, которые стремились сохранить родной язык, культуру и обычаи.

Этнические немцы на Алтае – интересная с этнографической точки зрения национальная группа, сочетающая в себе черты немецкой и русской культур. Они стремятся сохранить свою идентичность – язык, вероисповедание и культуру в условиях другого культурного пространства.

В конце 90-х гг. 20-го века преподаватель кафедры немецкого языка Барнаульского государственного педагогического университета Л. И. Москалюк занялась исследованием языковой ситуации, существовавшей в местах проживания российских немцев. Объектом ее изучения стали островные смешанные верхне- и нижненемецкие говоры, распространенные в Немецком национальном и Табунском районах Алтайского края, а также их использование в разных ситуациях общения в условиях двуязычия [Москалюк 2000: 7]. Немецкий язык сохранился в селах в форме островных диалектов. Они подразделяются на две основные группы: «нижненемецкие говоры и верхненемецкие, объединяющие в себе средне- и южненемецкие» [Москвина, Трубавина 2018: 116]. Результаты исследования были изложены в монографии «Социолингвистические аспекты речевого поведения российских немцев в условиях билингвизма» [Москалюк 2000].

Затем в педагогическом университете была открыта научно-исследовательская лаборатория «Проблемы развития непрерывного национального немецкого образования». Ее основателем стала доктор филологических наук, профессор Л. И. Москалюк. Она руководит работой аспирантов, занимающихся изучением островных немецких говоров. При ее содействии более 20 лет проводятся лингвистические экспедиции в места компактного проживания российских немцев в Алтайском крае. Участники экспедиций собрали обширный корпус материалов, ставших основой для дальнейших исследований. Л. И. Москалюк и возглавляемый ею коллектив исследователей добились больших успехов: с начала 2000-х годов было защищено более 10 диссертаций по островной диалектологии.

Успешная деятельность коллектива привела в 2016 году к официальной регистрации научной школы при Алтайском государственном педагогическом университете. Она получила название «Островная немецкая диалектология». Школу возглавила профессор Л. И. Москалюк. В ее состав входят как кандидаты филологических наук, так и аспиранты, магистранты и студенты лингвистического института АлтГПУ [Москвина, Трубавина 2018: 116].

Дальнейшие исследования привели к созданию фундаментального труда – двухтомного Лингвистического атласа немецких диалектов на Алтае [Москалюк 2010; Москалюк, Трубавина 2011]. Он включает в себя более 300 карт, отражающих диалектные варианты лексики островных немецких говоров Алтайского края, а также их грамматические (как морфологические, так и синтаксические) особенности.

В 2012 году издается монография Н. В. Трубавиной, посвященная исследованию синтаксиса сложного предложения в островных верхненемецких говорах Алтая [Трубавина 2012]. Работа написана на обширном материале, собранном в селах Немецкого национального, Табунского, Благовещенского, Кулундинского и Суетского районов Алтайского края [Трубавина 2012: 9].

В 2014 году вышла в свет коллективная монография трех авторов – Л. И. Москалюк, Т. Н. Москвиной и Н. В. Трубавиной под названием «Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований». В ней изложены основные итоги проекта «Текстовый корпус немецких диалектов на Алтае», выполненного при поддержке РГНФ в 2012–2014 гг.

Результаты исследований, проводимых в лаборатории «Проблемы развития непрерывного национального немецкого образования» и в научной школе «Островная немецкая диалектология», успешно используются преподавателями кафедры немецкого языка лингвистического института АлтГПУ в учебном процессе. Для этой цели было издано учебное пособие «Островная немецкая диалектология» [Москалюк, Трубавина 2014]. В нем рассматриваются теоретические вопросы, касающиеся соотношения современного немецкого литературного языка, разговорной речи и островных диалектов; определяются основные характерные черты диалекта; излагаются основные этапы изменения языковой ситуации, связанные с развитием «координативного билингвизма в образующихся мультидиалектных обществах» [Москалюк, Трубавина 2014: 26–27]. В учебном пособии описаны лексические, фонетические, морфологические и синтаксические особенности островных немецких говоров Алтая. Кроме того, в нем содержатся практические задания по курсу островной немецкой диалектологии.

Сотрудники научно-исследовательской лаборатории и научной школы «Островная немецкая диалектология» активно продолжают изыскания. Они регулярно участвуют в межрегиональных и международных научных конференциях, используют современные методы в исследовании диалектов. Их деятельность поддерживается Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ), Министерством науки и высшего образования Российской Федерации и Министерством образования и науки Алтайского края.

Список литературы

- Москалюк Л. И.* Социолингвистические аспекты речевого поведения российских немцев в условиях билингвизма. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2000. 166 с.
- Москалюк Л. И.* Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае. Барнаул: АлтГПА, 2010.
- Москалюк Л. И., Москвина Т. Н., Трубавина Н. В.* Текстовый корпус островных немецких говоров Алтайского края: основные направления и результаты исследований. Барнаул: АлтГПА, 2014. 198 с.
- Москалюк Л. И., Трубавина Н. В.* Лингвистический атлас немецких диалектов на Алтае. Часть II. Барнаул, 2011.
- Москалюк Л. И., Трубавина Н. В.* Островная немецкая диалектология: учебное пособие. Барнаул: АлтГПА, 2014. 143 с.
- Москвина Т. Н., Трубавина Н. В.* Научная школа АлтГПУ «Островная немецкая диалектология» и ее вклад в исследование немецких диалектов России // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. Барнаул: АлтГПУ, 2018, № 2. С. 114–118.
- Трубавина Н. В.* Особенности развития придаточных предложений в островных верхненемецких говорах Алтая. Барнаул: АлтГПА, 2012. 158 с.

T. P. Filistovich

From the History of Scientific Dialectological School

The article is devoted to the history of formation and functioning of the dialectological school created at the Altai State Pedagogical University. Its representatives are researching the insular mixed upper and lower German dialects of Russian Germans living in the Altai region, creating a full description of language system levels of insular German dialects.

Keywords: bilingualism, research laboratory, scientific dialectological school, insular German dialects, mixed upper and lower German dialects.

УДК 81-24

И. А. Невская, Л. Н. Тыбыкова

*Институт филологии Сибирского отделения РАН (Новосибирск, РФ); Франкфуртский университет
им. Й. В. Гете (Франкфурт, Германия) nevskayairina60@gmail.com
Горно-Алтайский государственный университет (Горно-Алтайск, РФ) lar.tybykova@yandex.ru*

Значение трехмерной документации для исследования древнетюркских рунических надписей Алтая¹

Исследования древнетюркских рунических надписей Алтая нами проводятся в последние три года с применением трёхмерных методов документации, в частности, метода цифровой грамметрии. В ходе экспедиций 2017–2019 гг. была отработана методика и проведена трехмерная документация большинства известных нам надписей. Это позволило уточнить прочтение и интерпретацию ранее известных надписей, а также расшифровать ряд новых, открытых в последние годы. Расшифровки показали, что рунические надписи Алтая являются важным источником информации о языке, традиционной культуре, верованиях и религии древнего тюркоязычного населения Алтая.

Ключевые слова: древнетюркский язык, рунические надписи, Республика Алтай, трёхмерная документация, цифровая фотограмметрия, прочтения, интерпретации.

1. Введение

Древнетюркские рунические надписи Алтая, в отличие от надписей Монголии, Тувы и Хакасии, традиционно считались представителями угасающей рунической традиции. Действительно, большинство известных в двадцатом веке науке алтайских надписей были либо сильно разрушенными, либо написанными на скалах с уже имеющимися или нанесенными позже рисунками, либо очень короткими и во всех этих случаях с большим трудом поддающимися расшифровке.

Рунические памятники Республики Алтай до последнего времени изучались традиционными коонтактными методами, например, см. [Тыбыкова и др. 2012; Васильев 2013; Конкобаев и др. 2015]. Эти методы часто не вели к нужному результату из-за особенностей алтайских надписей: очень тонкие линии рун, знаки маленького размера, частичная разрушенность поверхностей с надписями, наличие на них граффити и петроглифов различного времени создания.

Начиная с 2017 г. мы проводим их изучение трёхмерными методами документации, в частности, метода цифровой грамметрии. Эти работы проводятся сотрудниками Лаборатории цифровой археологии Томского государственного университета (О. В. Зайцевой, Е. В. Водясовым и М. В. Вавулиным, а с 2019 г. только М. В. Вавулиным) в кооперации со специалистами-тюркологами Л. Н. Тыбыковой (к.ф.н., ГАГУ) и И. А. Невской (д.ф.н., Институт филологии СО РАН, Франкфуртский университет). Учитель онгудайской школы искусств Борис Михайлович Киндилов, открыватель многочисленных рунических надписей Алтая, также участвовал в этих экспедициях на разных этапах работы. В ходе экспедиций 2017–2019 гг. была отработана методика и проведена трехмерная документация большинства известных нам надписей, подробнее см. [Vavulin 2017; Vavulin et al. 2019]. Это позволило уточнить состав знаков и прочтение и интерпретацию ранее известных надписей, см. [Вавулин и др. 2018; Nevskaya et al. 2018; Невская и Тыбыкова 2018], а также расшифровать ряд новых, открытых в последние годы, см. [Vavulin et al. 2019; Nevskaya et al. 2019; Невская и Тыбыкова. В печати].

Для того, чтобы правильно понять написанное, необходимо прежде всего распознать, какие буквы написаны. Мы используем термин «прочтение», если имеем в виду определение состава знаков. Из-за того, что первые гласные *a* или *ä* по правилам рунического письма закономерно не пишутся, а многие гласные в слове могут опускаться, а также из-за того, что линия письма обычно не делится на слова,

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (грант № 14.Y26.31.0014 «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур»).

хотя и имеется знак, называемый словоразделителем, но употребляемый нерегулярно, можно одну и ту же последовательность рунических знаков прочесть разными способами. К этому нужно добавить, что некоторые руны очень похожи по своей форме и легко могут быть перепутаны. В результате получаются разные, но возможные, «интерпретации» одной надписи.

В данной статье мы приведем примеры на уточнение состава знаков известных надписей, что привело к корректировке ряда деталей их интерпретации (см. Пункт 2), на уточнение состава знаков известных надписей, приведшее к их первому связному прочтению (см. Пункт 3), на определение состава знаков и расшифровку новых надписей (см. Пункт 4). В Заключении (Пункт 5) мы обобщим полученные результаты и кратко остановимся на значимости алтайских надписей для изучения языка, культуры, традиционных представлений и религии древнего тюркоязычного населения Алтая.

2. Уточнение состава знаков надписи Туекта V

Первая попытка прочесть надпись была сделана Тыбыковой Л. Н., Невской И. А. и Марселем Эрдалом, см. [Тыбыкова и др. 2012]. Авторы к тому времени располагали только фотографией данной надписи невысокого разрешения, опубликованной в Интернете.

Запись текста рунами: : I ✱ H H > 1 Q : Y ✱ D T 3

Транслитерация: k² l y¹ d¹ g¹ : y² p/ s² s¹ U Ü n² m s² :

Транскрипция: (ä)ki y(a)d(a)g : y(e)p/y(i) š (a)šu ün(m)iš :

Перевод: Двое пеших (людей), поев/перевалив (гору), спустились (вниз).

В 2012 г. тюркологи из Киргизии под руководством Кадыралы Конкобаева исследовали эту надпись и предложили следующее прочтение [Конкобаев и др. 2015: 290]:

Запись текста рунами: ^ ✱ H H > Y 4 Q : J ✱ D H ✱ J Q :

Транскрипция: y(e)m k(a)y(a)d(a) y(a)r(i)lu önmiş.

Перевод: Пища (растение) на скале, оказывается, расколов (расколов скалу) выросло.

В данных прочтениях, в целом близких, хотя и по-разному проинтерпретированных, неправильно было прочитано первое слово из-за полустертости первого знака. Только в 2018 г., благодаря технологии цифровой фотограмметрии, обеспечивающей необходимую детализацию фиксации, удалось, как мы надеемся, окончательно установить, как количество, так и состав знаков этой надписи.

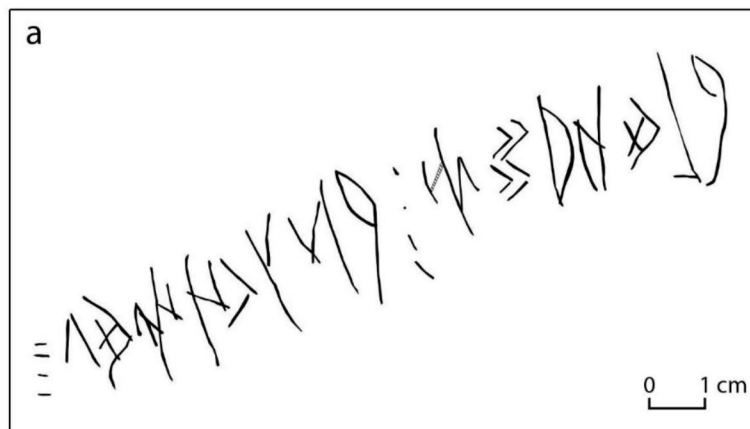

Рис. 1. Прорисовка рунической надписи Туекта V. [Вавулин и др. 2018].

На прорисовке, сделанной на основе анализа ортофото и карты высот (рис. 1), хорошо видно, что второй знак – это J, который был ранее ошибочно прочитан иначе из-за решины на камне. Соответственно, мы можем прочитать первые три знака (✱ J Q) y² l¹ m как y(a)l(i)m. Словосочетание y² l¹ m k¹ y¹ yalim kaya ‘голая скала’ довольно часто встречается в рунических надписях, в том числе и на Алтае.

Новое прочтение [Вавулин и др. 2018]:

Запись текста рунами: ^ ✱ H H > Y 4 Q : H ✱ D H ✱ J Q :

Транслитерация: y² l¹ m k¹ y¹ d¹ n² : y² r¹ l² U Ü n² m š :

Транскрипция надписи: y(a)l(i)m k(a)y(a)d(a)n : y(a)r(i)lu ün(m)iš :

Перевод: С голой скалы, разделившись, поднялись (вверх).

3. Расшифровка надписи Бичиктуу-Боом III

Эта наскальная надпись находится на южной окраине села Бичиктуу-Боом. Она известна тюркологам с 50-х годов прошлого века, имеются многочисленные попытки её прочтения, основанные на различном видении состава рун, но ни одно из них не давало цельного, связного и грамматически возможного текста, см. их обзор в [Тыбыкова и др. 2012].

После экспедиции 2017 г. М. В. Вавулин опубликовал трёхмерный анализ поверхности камня с данной надписью [Vavulin 2017]. Он обнаружил пять типов линий на поверхности камня, в основном отличающиеся своей глубиной и размерами, и идентифицировал линии надписи, представленные на (Рис. 2).

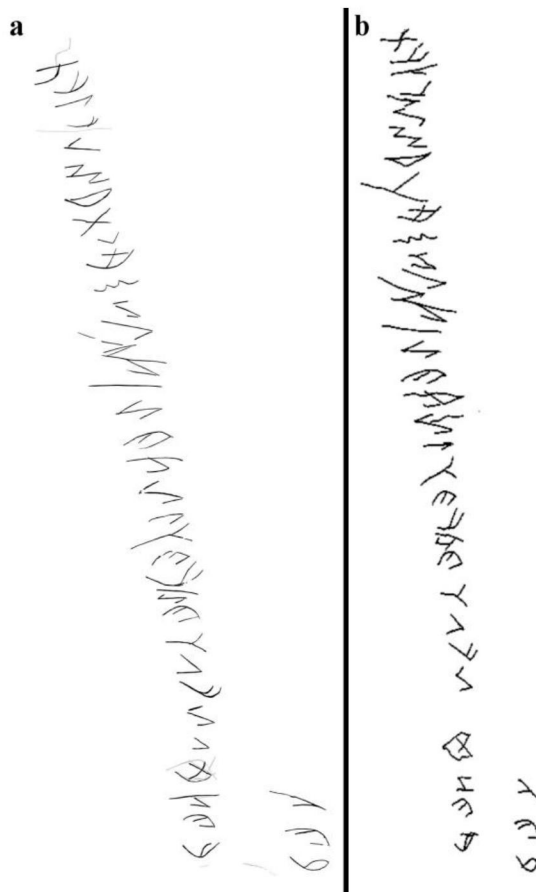

Рис. 2. Прорисовки надписи: 2а [Vavulin 2017], 2b [Вавулин и др. 2018].

Полученная прорисовка стала основой нашего нового прочтения надписи [Невская и Тыбыкова 2018; Nevskaya et al. 2018], а также 2 её возможных интерпретаций.

Запись текста рунами:

[illegible]

Транслитерация:

$$1) y^2 g^2 I$$

2) $s^1/y^2 \ g^2 \ t^2 \ m \ \check{s} \ A \ k^2 \ \check{s} \ l^2 \ g^2 \ A \ s^2 \ \eta \ g^2 \ l^2 \ I \ A \ t^2 \ g^2 \ A \ s^2 \ n^2 \ I \ A \ n\check{c} \ m \ U \ d^2 \ y^1 \ n^2 \ l^1 \ k^2 \ I \ \eta/\check{s} \ z/t^2$

Первая интерпретация.

Транскрипция:

1) y(e)gi

2) (a)s(i)g / y(e)g (e)tm(i)š A k(i)š(i)l(i)g A s(a)ŋ(i)g (e)li A t(ä)g A (ä)s(ä)ni A (a)nč(a)m(a) ud(u)y(u)n

(a)lkñ(ï)z

Перевод:

1) (Это) благо! (досл.: его/её добро)²

² Мы тут уточняем перевод, который был дан в [Невская и Тыбыкова 2018; Nevskaya et al. 2018], где представлен только дословный перевод первого слова.

2) Подобно людям, принадлежащим к монастырскому сообществу, состоящему из индивидуумов (досл.: с людьми), которые делают добро / приносят пользу, так и вы, следуя (им), безмерно благословляйте её благополучие!

Вторая интерпретация.

Транскрипция:

1) y(e)gi

2) (a)s(i)g / y(e)g (e)tm(i)š A k(i)š(i)l(i)g A s(a)ŋ(i)g (e)li A t(ä)g A (ä)s(ä)ni A (a)nč(a)m(a) ud(u)y(u)n (a)lkış (e)t

Перевод:

1) (Это) благо! (досл.: его/её добро)

2) Подобно людям, принадлежащим к монастырскому сообществу, состоящему из индивидуумов (досл.: с людьми), которые делают добро / приносят пользу, так и ты, присоединяясь к их благодати, получи (досл.: сделай) благословение (для себя)!

Основная причина возможности этих интерпретаций, это очень близкое написание рун s^1 , y^2 и η , а также плохо различимый последний знак (это может быть z или t^2). Вторая интерпретация нам представляется более вероятной, так как в первой мы предполагаем аффикс императива 2 л. мн. ч. - $(i)\eta iz$, который используется сегодня только в огузских языках и в других рунических надписях не зафиксирован.

4. Надпись Кутту I

Надпись Кутту I, над прочтением которой мы ещё работаем,³ была найдена Б. М. Киндиковым и А. Г. Чекурашевым в 2016 [Киндинов и Киндинов 2018: 35] у подножия горы Кутту, находящейся вблизи деревни Бичиктуу-Боом. Там же была опубликована копия надписи, содержащая многие неточности.

Трёхмерный анализ этой надписи показал, что она представляет собой надпись – обращение к духам природы. Этот тип надписей был выделен И. Л. Кызласовым для енисейских надписей [Кызласов 1994: 180–203], но на Алтае таких надписей до этого не обнаруживали, или интерпретировали иначе. Уже сейчас ясно, что данная надпись содержит важные контекстные маркеры надписей – молений духам природы, возможно, в рамках определенного ритуала: 1) прямое обращение к священной горе, реке и т.п. (формы императива 2 л.); 2) восхваление и поклонение этим священным объектам природы (присутствие слова *äsän* ‘(быть) благополучным, благословенным’); 3) подчеркивание вечности природы (слова *bäŋkü/bäŋgü* ‘вечный’); 4) просьбы сохранить от бед близких людей и т.п.

5. Заключение

Как показал наш опыт работы в 2017–2019 гг., без трёхмерной документации вышеупомянутых надписей (и многих других) их прочтение и интерпретация были бы невозможны, так как без определения состава знаков, что на Алтае, как впрочем, и в случае наскальных надписей в долине Енисея, в Казахстане, Киргизии и в Монголии, крайне затруднительно, у тюркологов не было бы ни малейшего шанса отличить линии рун от множества других линий на поверхности камня. Это обосновано тем, что эти надписи писались не специально обученными камнетесами, как это было в случае имперских надписей на стелах Монголии, а в большинстве случаев обычным тюркским населением [Nevskaya&Erdal 2015], их знаки отличаются небольшими размерами и часто неглубокими резами. Они в основном сделаны не на стелах, а на скалах, на которых в течение многих тысячелетий наносились рисунки и другие надписи. Однако и трёхмерные исследования сильно разрушенных надписей на стелах, как показывают пока ещё единичные примеры их применения международной командой исследователей в Монголии (см. публикации А. Вовина и Д. Мауэ [Vovin 2019; Maue 2019]), сделали возможными сенсационные открытия.

Можно было бы предположить, что, впрочем, не раз делалось, что значение алтайских древне-тюркских надписей для тюркологических исследований не особенно велико. Мы с этим не можем согласиться. Последние годы наших исследований на Алтае, как и недавние исследования енисейских надписей [Kormushin 2019], показали, что именно в этих надписях мы можем найти формы разговорного языка тюркского населения, а не наддиалектную литературную норму надписей на стелах Монголии. Наличие в надписях Алтая некоторых терминов мировых религий доказало, что эти религии нашли своё распространение и в горах Алтая. Надписи-обращения к духам священных гор, рек, источников и т.п. показывают, что тюркское население в то время сохраняло традиционные

³ Предварительные результаты нашей работы по прочтению этой надписи опубликованы в [Nevskaya et al. 2019].

верования и обряды, что также обогащает наши источники по культуре, языку, традициям и религии древнего тюркоязычного населения Южной Сибири.

В заключение можно сделать вывод, что применение методов трёхмерной фиксации ко всем субкорпусам рунических надписей, в первую очередь к наскальным, является важной и неотложной задачей современных тюркологических исследований.

Список литературы

Вавулин М. В., Зайцева О. В., Водясов Е. В., Тыбыкова Л. Н., Невская И. А. Документирование древнетюркских рунических наскальных надписей Горного Алтая на основе технологии фотограмметрии // Виртуальная археология (с воздуха, на земле, под водой и в музее). Материалы Международного форума, состоявшегося в Государственном Эрмитаже 28–30 мая 2018 года. Санкт-Петербург: Эрмитаж, 2018. С. 29–37.

Васильев Д. Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Том 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. Астана: Международная тюркская академия, 2013. 268 с.

Киндигов Б. М., Киндигов И. Б. Древние письмена Онгудайского района. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 2018.

Конкобаев К., Усеев Н., Шабданалиев Н. Атлас древнетюркских письменных памятников Республики Алтай. Астана: Международная тюркская академия, 2015. 367 с.

Кызласов И. Л. Руническая письменность евразийских степей. М.: Восточная литература, 1994. 327 с.

Невская И. А., Тыбыкова Л. Н. Недавно открытая древнетюркская руническая надпись Жодро-I, её прочтение и интерпретация по данным трёхмерной фиксации. В печати // Сборник докладов Международного форума «Великая степь», 2019 г.

Невская И. А., Тыбыкова Л. Н. Новое прочтение древнетюркской рунической надписи Бичикту-Боом-III по данным трёхмерной фиксации // Российская тюркология. № 2. 2018. С. 11–22.

Тыбыкова Л. Н., Невская И. А., М. Эрдал. Каталог древнетюркских рунических памятников Республики Горный Алтай. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное изд-во, 2012. 146 с.

Kormushin, I. Yenisei runiform inscriptions and Turkic languages in the Yenisei Basin in the 8th–10th centuries // *Turkic Languages*, Volume 23. Number 2. 2019. Pp. 153–162.

Maue, D. Signs and Sounds // *Journal Asiatique*. Vol. 306, issue 2. 2018. С. 291–301.

Nevskaya, I. A. Old Turkic runiform inscriptions of religious content in the Republic Altai: Myths and linguistic evidence / *Kutadgu Nom Bitig. Festschrift für Peter Laut zum 60. Geburtstag* / Raganin, Elisabetta & Wilkens, Jens (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. С. 313–326.

Nevskaya, Irina & Erdal, Marcel. Introduction // *Interpreting Runiform sources and the position of the Altai corpus. (Studien zur Sprache, Geschichte und Kultur der Türkvolker 21.)* / Nevskaya, Irina & Erdal, Marcel (eds.). Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2015. Pp. 8–17.

Nevskaya, Irina & Larisa Tybykova & Mikhail Vavulin & Olga Zaytseva & Evgeniy Vodyasov. 3D documentation of Old Turkic Altai runiform inscriptions and revised readings of the inscriptions Tuekta-V and Bichiktu-Boom-III // *Turkic Languages*. 22. 2018. Pp. 194–216.

Nevskaya, I., Tybykova, L., Vavulin, M. Kuttu-I, a recently discovered Old Turkic Altai runiform inscription and its reading and interpretation // *Turkic languages*. 23. 2019. Pp. 163–177.

Vavulin, Mikhail, Irina Nevskaya and Larisa Tybykova. Digital macro-photogrammetry in documentation of Old Turkic runiform inscriptions in the Altai Mountains // *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. Mediterranean archaeology & archaeometry. Vol. 19, No.2. 2019. С. 81–104. (DOI: 10.5281/zenodo.3239053).

Vavulin, M. V. Documentation of Old Turkic runic inscriptions of the Altai mountains using photogrammetric technology // *International Archives of the Photogrammetry, Remote Sensing and Spatial Information Sciences – ISPRS Archives*. Vol. XLII-2/W8. 2017. С. 257–261.

Vovin, A. An Interpretation of the Hüis Tolgoi Inscription // *Journal Asiatique*. Vol. 306, issue 2. 2018. С. 303–313.

Nevskaya I., Tybykova L.

Significance of 3D documentation for research on Old Turkic Altai runiform inscriptions

Our recent research on Old Turkic runic inscriptions in the Republic of Altai is based on the methods of 3D documentation, in particular, digital photogrammetry. During our field research in 2017-2019, we have refined the applied 3D methods and documented the majority of the inscriptions that we are aware of. This allowed us to correct earlier readings of well-known inscriptions and decipher those discovered recently. These readings showed that runiform inscription in the Altai Mountains are an important source of information on the language, traditional culture, religion and beliefs of the ancient Turkic speaking population of the Altai Mountains.

Keywords: Old Turkic inscriptions, Altai Republic, 3D documentation, digital photogrammetry, reading, interpretation.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Черемисиной Майи Ивановны

1956

Слово как лексическая единица речи // Русский язык. № 2. Пекин (на кит. яз).

О значении слова // Русский язык. № 3. Пекин (на кит. яз).

Программа по лексике русского языка для институтов и факультетов русского языка КНР с методическими указаниями. Пекин (на русск. яз).

Программа по лексике русск. языка для институтов и факультетов русского языка КНР с методическими указаниями. Пекин (на кит. яз.).

Программа теоретического курса лексикологии русского языка. Пекин (на русск. яз.).

Программа теоретического курса лексикологии русского языка. Пекин (на кит. яз.).

1958

Несколько замечаний к разделу «Языковой уголок» // Русский язык. № 10. Прага.

Система иносказаний в очерках «За рубежом» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Ученые записки Тульского ГПИ. Вып. 8. Тула. С. 169–252.

Очерки «За рубежом» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Автореф. ... дисс. канд. филол. наук. Москва. 22 с.

1959

К вопросу о функциях личных имен в очерках «За рубежом» М. Е. Салтыкова-Щедрина //

Ученые записки Тульского ГПИ. Вып. 9. Тула.

Образ рассказчика в очерках «За рубежом» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Ученые записки Московского ГПИ. Т. ХСIV. Москва. С. 359–381.

Реально-символические образы в очерках «За рубежом» М. Е. Салтыкова-Щедрина //

Ученые записки Московского ГПИ. Т. ХСVIII. Москва.

1960

Иностранный язык – малышам // Семья и школа. № 10.

1962

Сравнения в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Толстовский сборник. Вып. 4. Тула.

О связи синтаксической функции лексемы с типом ее лексического значения // Ученые записки Орловского ГПИ. Т. XXI. Вып. VI. Орел (совм. с Ф. А. Литвиным).

1963

Перевод и интерпретация терминов // Вопросы информатики и перевода. Новосибирск.

Использование метода трансформационного анализа при исследовании типов лексического значения слова // Ученые записки Орловского ГПИ. Т. XVII. Вып. 2. Орел (совм. с Ф. А. Литвиным).

1964

Некоторые вопросы типологии лексических значений // Проблемы формализации семантики. Москва (совм. с Ф. А. Литвиным).

К вопросу о логическом субстрате языкового знака // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж. Изд-во Воронежского университета. С. 266–270.

О месте лексемы в языке и языках // Республиканская конференция по вопросам языкознания. Алма-Ата (совм. с Ф. А. Литвиным).

Перевод и перекатегоризация действительности // Материалы конференции по проблемам перевода. Москва (совм. с Ф. А. Литвиным).

1965

Тип лексического значения слова и синтаксический смысл занимаемой им позиции // Вопросы русского языка, диалектологии и методики преподавания. Воронеж. С. 9–13 (совм.

с Ф. А. Литвиным).

Взаимодействие типа лексического значения и функции слова в предложении // Ученые записки Липецкого ГПИ. Вып. IV. Воронеж.

1966

Естественный язык, естественная речь и моделирование этих объектов // Материалы всесоюзной конференции «Основные проблемы эволюции языка». Ч. 1. Самарканд.

О работе над частотным словарем детской речи // Межвузовская конференция по вопросам частотных словарей и автоматизации. Ленинград.

1967

Сравнения-фразеологизмы русского разговорного языка // Русский язык за рубежом». № 2.

С. 72–77.

К вопросу об абстракции слова // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 15–19.

Об одной оппозиции в семантической структуре слова // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 107–109 (совм. с Ф. А. Литвиным).

1968

Предикативные характеристики в позиции обращения // Вопросы языка и литературы. Вып. 2. Ч. 1. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 50–87 (совм. с Ф. А. Литвиным).

О границах сравнительной фразы (тождество фразы и варьирование ее элементов) // Проблемы устойчивости и вариативности фразовых единиц. Тула.

О применении компонентного анализа при изучении терминосистем // Проблемы изучения семантики языка. Днепропетровск.

1969

О социолингвистическом исследовании словарного состава // Актуальные проблемы лексикологии. Вып. 2. Ч. 1. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 8–11.

О семантических функциях слова в языке, речи и тексте // Актуальные проблемы лексикологии. Доклады. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 123–137.

К проблеме формирования терминов и терминосистем в эмпирических науках // Место терминологии в системе современных наук. Москва: изд-во МГУ.

К проблеме упорядочения научных терминов // Место терминологии в системе современных наук. М.: изд-во МГУ (совм. с Р. В. Рывкиной).

Функции естественного и математического языка // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск: изд-во НГУ (совм. с З. М. Зориным).

Лексико-семантическая группа «живое существо» в современном русском и современном французском языках // Актуальные проблемы лексикологии. Доклады. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 210–228 (совм. с Е. А. Гутман).

Перевод и интерпретация терминов // Вопросы информатики и перевода. Новосибирск.

О программе построения словаря социологической терминологии // Измерение и моделирование в социологии. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР (совм. с Р. В. Рывкиной).

1970

О функциях местоимений в придаточной части модальных сравнений // Вопросы языка и литературы. Вып. IV. Ч. 1. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 3–46.

Названия животных в составе сравнений // Вопросы языка и литературы. Вып. IV. Ч. 1. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 253–266. (совм. с Е. А. Гутман).

Синонимия как функциональная эквивалентность языковых знаков // Синонимия в языке и речи. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 14–35.

О семантических отношениях между сравнительными союзами // Синонимия в языке и речи. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 212–233.

Некоторые вопросы перевода социологических терминов // Вопросы перевода и синтаксиса. Новосибирск (совм. с Д. И. Штирмер).

Лекции по лингвистике (Язык. Речь. Текст.). Новосибирск: изд-во НГУ. 124 с.

1971

О специфике языка слов и языка символов в научном описании (на примере физики) // Исследования по русской терминологии. М.: Наука С. 68–77 (совм. с З. М. Зориным).

К вопросу о переводе и перекатегоризация действительности // Вопросы лексикологии русского языка. Вып. 27. Ученые записки НГПИ. Новосибирск (совм. с Ф. А. Литвиным).

О неопределенных терминах и их месте в науке // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы. Новосибирск: изд-во НГУ.

Лингвистика как семиотическая система // Семиотические проблемы языков науки, терминологии, информатики. М.: изд-во МГУ.

О системе терминов и понятий синтаксиса // Семиотические проблемы языков науки, терминологии, информатики. М.: изд-во МГУ.

Некоторые вопросы синтаксиса. Сравнительные конструкции (материалы спецкурса). Новосибирск: изд-во НГУ. 182 с.

1972

Союз как лексическая единица языка (лексема или функция) // Актуальные проблемы лексикологии. Доклады межвузовской конференции. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 36–57.

Зооморфизмы в современном французском языке в сопоставлении с русским // В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск: изд-во «Наука». С. 42–59 (совм. с Е. А. Гутман).

Творительный падеж как средство формирования образа // Грамматика русского языка. Вып. 1. Иркутск. С. 72–92.

Притяжательные прилагательные в детской речи // Актуальные вопросы лексикологии и словообразования. Вып. 1. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 64–73 (совм. с А. В. Захаровой).

Заметки о термине «оборот» // Материалы межвузовской конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 5. Томск. С. 74–78.

Методика исследования окказиональных прилагательных в детской речи // Фонетика и морфология языков народов Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР. С. 142–171 (совм. с А. В. Захаровой).

1973

К вопросу о семантике зоохарактеристик (на материале русского образа «петух») // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 2. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 55–68 (совм. с Н. А. Соппа).

Зоохарактеристика «петух» по данным опроса информантов // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 2. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 69–73 (совм. с А. В. Захаровой).

Элементарное высказывание как единица анализа текста (общие принципы и правила выделения) // Методологические и методические проблемы контент-анализа. Тезисы. Вып. 1. М.-Л. С. 65–71.

Классификатор логико-синтаксических связей и его использование в контент-анализе // Методологические и методические проблемы контент-анализа. Тезисы. Вып. 1. М.-Л. С. 77–83 (совм. с Э. Д. Азарх, Р. В. Рывкиной).

О сложных предложениях с бесподлежащим придаточным // Синтаксис и интонация. Вып. 2. С. 69–74. Уфа.

Сложные сравнительные конструкции русского языка. Автореф. дисс... док. филол. наук. 36 с.

1974

Использование определений для выявления семантики зоохарактеристик // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 82–94 (совм. с Е. А. Гутман).

Понятия «язык», «речь», «текст» в диалектологических исследованиях // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 3. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 130–140 (совм. с Н. А. Лукьяновой).

Структурные типы сравнительных конструкций с союзом like // В помощь преподавателям иностранных языков. Вып. 5. Новосибирск: Наука. С. 3–30 (совм. с Н. К. Размахниной, Т. Г. Стеклёновой).

Сопоставительный анализ зооморфных характеристик (на материале русского, английского, французского языков) // Социолингвистические исследования. Москва (совм. с Ф. А. Литвиным).

Сложность предложения как градуальный признак // Синтаксис и интонация. Уфа: БашГУ.

О методике сопоставительного анализа зооморфизмов // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск (совм. с Е. А. Гутман, Ф. А. Литвиным).

1975

Содержание образа «лошадь» («cheval») в русских и французских текстах // В помощь преподавателям иностранных языков. Вып. 6. Новосибирск: изд-во Наука. С. 56-70 (совм. с Е. А. Гутман).

О лексико-грамматическом статусе местоимений // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 4. Новосибирск. С. 41-71.

Лингвистика: задачи – осознанные и неосознанные // Знание – сила. № 2.

От пиктографии к букве // Знание – сила. № 12.

1976

И первых слов рождение... // Знание – сила. № 12.

Образные значения зоонимов в словарях // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 5. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 21-41 (совм. с Е. А. Гутман).

Сравнительные конструкции русского языка. Новосибирск: Наука. 271 с.

1977

Зооморфизмы в русско-французском словаре К. А. Ганшиной // В помощь преподавателям иностранных языков. Новосибирск: Наука. С. 45-55 (совм. с Е. А. Гутман).

Деепричастие как класс форм глагола в языках разных систем // Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР. С. 3-28.

Экспрессивно-лексический фонд русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 3-24 (совм. с О. А. Рыжкиной).

К вопросу о грамматической структуре глагольной лексемы // Вопросы лексикологии. Новосибирск: Наука. С. 6-50.

1978

О двух типах эксперимента в лингвистике // Известия СО АН СССР. Вып. 3. Новосибирск: Наука. С. 120-125.

О перспективах и первых результатах коллективного сопоставительно-типологического исследования сложного предложения в языках разных систем // Способы выражения полипредикативности. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР. С. 3-18.

1979

Экспрессивный фонд и пути его изучения // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 3-11.

Сложные сравнительные конструкции русского языка. Автореф. ... дисс. доктора филол. наук. Новосибирск.

Некоторые вопросы теории сложного предложения в языках разных систем. Новосибирск: изд-во НГУ. 83 с.

1980

Моносубъектные конструкции. Понятие и типология // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск: Наука. С. 6-33.

О содержании понятия «предикативность» в синтаксисе сложного предложения // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск: Наука. С. 154-180.

Опыт формального описания причастно-послеложных конструкций бурятского языка // Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск: Наука. С. 38-76 (совм. с Е. К. Скрибник).

Контактные сочетания союзов и частиц в русском языке (к постановке проблемы) // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск: Наука (совм. с А. Е. Орловым).

С. 208-223.

1981

О семантической специфике компаративного имени // Языки и фольклор народов Севера. Новосибирск: Наука. С. 195–204.

Сложное предложение как знак языка (об отдельных моделях сложного предложения) // Синтаксис европейских и алтайских языков. Новосибирск: Наука. С. 3–36.

Об «однородных сказуемых» // Вопросы грамматики русского языка. Иркутск. С. 3–14.

К вопросу о системных отношениях между финитными, причастными и деепричастными формами глагольного слова // Теоретические вопросы фонетики и грамматики языков народов СССР. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР. С. 3–18.

Предикативное склонение как база зависимой предикации // Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР. С. 12–38.

1982

Содержание сочинительных отношений в простом и сложном предложении // Вопросы синтаксиса и семантики. Шяуляй: Шяуляйский пед. ин-т. С. 70–72 (совм. с Т. А. Колосовой).

К разработке понятия «причастное предикативное склонение» // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск: Наука. С. 3–20 (совм. с Е. К. Скрибник).

Об изъяснительной конструкции с факультативным управляемым местоимением «то» //

Функциональный анализ синтаксических структур. Иркутск. С. 3–21.

Винительный падеж в системе предикативного склонения причастий бурятского языка //

Структурные и функциональные типы сложных предложений (на материале языков народов Сибири). Новосибирск, 1982 (совм. с М. Р. Сандановой).

Причастие на *-галак (-калак)* в тувинском языке // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск: Наука. С. 57–69 (совм. с Л. А. Шаминой).

О хакасском причастии на *галак/- гелек* в роли зависимого предиката // Грамматические исследования по языкам Сибири. Новосибирск: Наука. С. 70–82 (совм. с Т. Н. Боргояковой).

Структурно-функциональные типы конструкций с падежными формами зависимых предикатов // Структурно-функциональные типы сложных предложений (на материале языков народов Сибири). Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР. С. 3–20.

1983

Уровни и единицы синтаксиса // Строение и функционирование синтаксических единиц. Иркутск. С. 3–12.

Притяжательные формы личных местоимений в роли подлежащего зависимой части в баргузинском говоре эвенкийского языка // Семантико-синтаксические связи в языках разных систем. Кемерово. С. 3–20.

Программа курса «Общее языкознание». Новосибирск: изд-во НГУ. 39 с.

1984

Законы и правила в языкознании // Методологические и философские проблемы языкознания и литературоведения. Новосибирск: Наука. С. 9–21.

Состояние, проблемы и перспективы синтаксических исследований в языках народов Сибири //

Гуманитарные исследования в Сибири: итоги и перспективы. Новосибирск: Наука. С. 249–258.

Специфические функции финитных и инфинитных (зависимых) сказуемых в языках разных систем // Теоретические аспекты лингвистических исследований. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР. С. 3–36.

О принципах классификации сложных предложений // Вопросы языкознания. № 6. С. 69–80 (совм. с Т. А. Колосовой).

Теоретические итоги исследования сложных предложений в алтайских языках Сибири // Известия СО АН СССР. № 14 (389). Вып. 3. С. 15–20.

О подготовке синтаксического описания алтайского языка // Алтайский язык на современном этапе его развития. Горно-Алтайск. С. 104–115.

Конструкции с предикативным подлежащим в их отношении к конструкциям с предикативным дополнением // Синтаксические структуры. Красноярск.

Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука (совм. с Л. М. Бродской, Л. М. Гореловой, Е. К. Скрибник, Т. Н. Боргояковой, Л. А. Шаминой). 192 с.
Программа курса «Методы лингвистических исследований». Новосибирск: изд-во НГУ. 28 с.

1985

Простота и сложность предложений в структурно историческом и коммуникативном аспекте // Межвузовская научная конференция «Деривация и история языка». Тезисы. Пермь: изд-во Пермского ун-та. С. 67–68 (совм. с Т. А. Колосовой).

Сложные предложения временной семантики с причастиями на =ган и =р в местном падеже в роли сказуемого зависимой части (на материале алтайского языка) // Исследования языков народов СССР. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 4–16 (совм. с Т. П. Филистович).

Новое исследование нанайского языка // газета «Красное знамя».

Сопоставительный анализ некоторых причастно-падежных конструкций в алтайских языках //

Лексика и грамматика языков Сибири. Барнаул. С. 128–135 (совм. с Л. М. Бродской, Е. К. Скрибник).

Исследования сложного предложения в алтайских языках Сибири // Урало-Алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука. С. 179–187.

О синтаксических субстанциях // Структурно-функциональный анализ языковых единиц. Иркутск: изд-во Иркутского университета. С. 3–15.

Имена и глаголы в системе лексико-грамматических классов слов // Семантика и системность языковых единиц. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 13–26.

1986

Образность как характеристика значения слова // Синтаксическая и лексическая семантика. Новосибирск: Наука. С. 265–268 (совм. с Н. А. Лукьяновой).

О терминах и понятиях описания семантики синтаксических единиц // Синтаксическая и лексическая семантика. Новосибирск: изд-во Наука. С. 10–32 (совм. с Т. А. Колосовой).

О компрессии на уровне сложного предложения // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск. С. 32–34 (совм. с Т. А. Колосовой).

О системе спряжения хантыйского глагола // Языки народов Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР. С. 3–19.

Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем

Новосибирск: Наука (совм. с Л. М. Бродской, Е. К. Скрибник, Л. А. Шаминой, Н. Н. Коваленко, И. П. Сорокиной, М. В. Оюн). 120 с.

Методические указания к курсу «Общее языкознание» (на материале нганасанского языка).

Новосибирск: изд-во НГУ (совм. с Н. Н. Коваленко).

1987

Служебное слово ДЕП и формируемые им синтаксические конструкции (на материале алтайского языка) // Показатели связи в сложном предложении. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР. С. 4–31.

О союзных и текстовых скрепах русского языка // Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных систем). Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР. С. 104–114 (совм. с Т. А. Колосовой).

Сложное предложение как объект общего языкознания // Предикативность и полипредикативность. Челябинск. С. 5–19.

Парадигматика полипредикативного предложения // Типы языковых парадигм. Тезисы докладов и сообщений кафедр русского языка вузов Урала. Свердловск. С. 124–125.

Некоторые закономерности пополнения фонда скреп // Служебные слова. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 11–25 (совм. с Т. А. Колосовой).

О структурной организации тюркского слова // Тюркология – 88. Тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. 7-9 сентября 1988 г. Фрунзе: изд-во «Илим».

С. 156-157.

Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск: Наука. 198 с. (совм. с Т. А. Колосовой).

Лингвистическая терминология в системе и развитии. Новосибирск: изд-во НГУ. 92 с. (совм. с Н. П. Романовой).

Программа кандидатского экзамена по специальности 10.02.02 «Языки народов СССР» с конкретизацией «Языки Сибири» для аспирантов кафедры общего языкознания НГУ и Отдела филологии ИИФ СО АН СССР. Новосибирск: изд-во НГУ. 37 с.

1988

Системные отношения в сфере сложного предложения (корреляция между формальным и содержательным аспектами) // Системные отношения на разных уровнях языка. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 6–19 (совм. с Е. К. Скрибник).

Общая характеристика сложных предложений алтайского языка // Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск. С. 8–100.

О модальных формах сказуемых алтайского языка // Компоненты предложения. Новосибирск: ИИФ СО АН СССР. С. 3–32 (совм. с А. Т. Тыбыковой).

Парадигматика и деривация моделей предложения // Синтаксические структуры в номинативном и деривационном аспектах. Областная научная конференция: «Проблемы деривации и номинации в русском языке». Тезисы докладов. Омск. С. 34–37 (совм. с Т. А. Колосовой).

Глагольные грамматикализованные конструкции в алтайском языке // Языки народов СССР. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 5–20 (совм. с Е. К. Скрибник).

Программа спецкурса «Алтайские языки Сибири». Вып. 1. Новосибирск: изд-во НГУ. 49 с.

1989

Межфразовые скрепы союзного типа // Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур: (Текст. Коммуникация. Перевод.). Тезисы научно-практической конференции. Казань: Казанский ун-т. С. 48–50 (совм. с Т. А. Колосовой).

Заметки о понятиях «сочинение» и «подчинение» в их соотношении друг с другом // Синтаксические отношения в сложном предложении. Калинин. С. 28–39 (совм. с Т. А. Колосовой).

Типологическое сопоставление русского и казахского сложного предложения в лекционно-практических курсах // Актуальные проблемы национально-русского двуязычия в учебном процессе педвузов Казахстана. Тезисы межвуз. конф. Алма-Ата (совм. с Т. А. Колосовой).

О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск: ИИФ СО АН СССР. С. 3–18.

Хантыйский глагол: методические указания к курсу «Общее языкознание». Новосибирск: изд-во НГУ (совм. с Е. В. Ковган). 50 с.

Программа курса «Общее языкознание». Новосибирск: изд-во НГУ. 61 с.

1990

К проблеме синтаксического статуса не вполне сложных конструкций // Системность на разных уровнях языка. Новосибирск: ИИФ СО АН СССР. С. 3–23.

Социолингвистическая ситуация в Сибири // Вопросы социолингвистики. Материалы к XII Всемирному конгрессу социолингвистов (совм. с Е. К. Скрибник).

О сложном и осложненном предложении в алтайских языках Сибири // Предикативность и полипредикативность. Конструктивный аспект. Киров. С. 239–256.

Предложение в хантыйском языке: методические указания и лабораторные работы к курсу «Общее языкознание». Новосибирск: изд-во НГУ (совм. с В. Н. Соловар). 89 с.

Некоторые трудные вопросы сложного предложения. Новосибирск: изд-во НГУ (совм. с Н. Н. Чайковской). 44 с.

1991

Залоговость, переходность, прямой объект в языках разных систем // Языки народов Сибири. Грамматические исследования. Новосибирск: Наука. С. 66–84 (совм. с В. Н. Соловар).

Принципы составления научной грамматики бурятского языка // Вопросы грамматики монгольских языков. Новосибирск: Наука. С. 3–28.

О состоянии русского языка // О состоянии русского языка современности. Материалы дискуссии. Москва.

Можно ли рассматривать простоту / сложность предложения как синтаксическую категорию? // Языковые категории в лексикологии и синтаксиса. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 119–130 (совм. с

Т. А. Колосовой).

К описанию модальных слов предикатов в алтайском языке // Якутский язык: семантика, фразеология. Якутск. С. 99–115 (совм. с А. Т. Тыбыковой).

Сложное и осложненное предложение в хантыйском языке: методические указания и лабораторные работы к курсу «Общее языкознание». Новосибирск: изд-во НГУ (совм. с Н. Б. Кошкаревой). 100 с.

Селькупский глагол: формы и их синтаксические функции: методические указания и лабораторные работы к курсу «Общее языкознание». Новосибирск: изд-во НГУ (совм. с Е. И. Мартыновой). 80 с.

1992

О системности с сфере моделей предложения // Строеение предложения в языках разных систем. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР.

Die uralischen Sprachen: Zum Forschungsstand in Sibirien // Ural-Fltaische Jahrbucher Fortsetzung der «Ungarischen Jahrbucher». Neue Folge. Band 11. 1992. S. 216-238 (совм. с Е. К. Скрибник, Н. Б. Кошкаревой).

Языки коренных народов Сибири. Новосибирск: изд-во НГУ. Учебное пособие. 92 с.

1993

О работе над новой грамматикой алтайского языка // Язык и культура алтайцев. Горно-Алтайск. С. 42–50.

О структурно-семантических типах простого предложения в тюркских языках Южной Сибири // Языки, духовная культура и будущее народов Арктики. Якутск. С. 11–12.

Современные задачи изучения языков и фольклора народов Сибири // Вопросы тувинского языкознания. Кызыл. С. 3–11 (совм. с Н. А. Алексеевым, И. Я. Селютиной).

О моделировании простых предложений // Актуальные проблемы филологии. Тезисы. Вып. 1. Усть-Каменогорск. С. 64–65.

1994

О структурной модели и семантике предложения // Вопросы грамматики и лексикологии в историческом и синхронном освещении. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 107–119 (совм. с Т. А. Колосовой).

О природе осложненного предложения // Структурно-семантические исследования русского языка (Описание. Сопоставление. Преподавание.). Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та (совм. с Т. А. Колосовой).

The Turkish Category of negation as comared to Russan // The Seventh Internastional Conference in Turkish Linguistics. 3-6 August, 1994. Abstracts. Institut of Oriental Studies, Turkology, Johannes Gutenberg University, Mainz.

Изучение языков малочисленных народов в Секторе языков народов Сибири Института Филологии СО РАН // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск: изд-во СО РАН. С. 22–25. (совм. с Н. Н. Широбоковой).

Выражение отрицания в хантыйском языке // Linguistica uralika. Band XXX. S. 35-46 (совм. с В. Н. Соловар).

Об итогах исследований в области синтаксиса языков коренных народов Сибири // Субъекты Российской Федерации в условиях реформ. Материалы Российской научной конференции. Томск.

Лингвистическая терминология в системе и развитии (на материале раздела «Синтаксис»).

Новосибирск: изд-во НГУ (совм. с Т. П. Романовой, Н. Н. Чайковской, Т. В. Левиной). 105 с.

1995

О системности в сфере моделей предложения (на материале языков Сибири) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 1. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 3–21.

Основные типы аналитических конструкций в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск: ИФЛ СО РАН. С. 3–22.

Исследование предложения в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск: изд-во СО РАН. С. 63–68.

Отрицание как грамматическая категория предложения (на материале тюркских языков Южной

Сибири) // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тезисы Международной научной конференции. Том I. Филология. Новосибирск. С. 27–30.

Структурно-семантические типы сказуемых в языках разных систем // Международная юбилейная сессия, посвященная 100-летию академика В. В. Виноградова. Тезисы докладов. Москва (совм. с Т. А. Колосовой).

1996

Locative constructions in Turkic languages of the Southern Siberia. Abstracts. VIII International Conference on Turkish Linguistics. August 7-9, 1996. Ankara. P.13. (совм. с Е. К. Скрибник).

О лексикографическом описании скреп русского языка // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспекте. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 15–35. (совм. с Т. А. Колосовой).

Заметки о русских и их отношении к другим народам, языкам и культурам нашей страны // Рубежи. № 2. М.: Инфоцентр. С. 130–142.

Аналитические способы выражения отсутствия и отрицания в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 3. Новосибирск: ИФЛ СО РАН. С. 3–40.

Выражение сравнения в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 3. Новосибирск: изд-во СО РАН. С. 65–84 (совм. с Л. А. Шаминой).

О лексикографическом описании скреп русского языка // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Вып. 1. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 15–35 (совм. с Т. А. Колосовой).

О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. № 4. Новосибирск: изд-во СО РАН. С. 46–57 (совм. с Е. К. Скрибник).

Изъяснительные предложения // Подготовка современного специалиста в соответствии с государственным образовательным стандартом. Материалы работы научно-практической конференции. Ч. 8. Тюркология. С. 3-9.

Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: изд-во НГУ. Учебное пособие (совм. с Н. Ч. Серээдар, Е. К. Скрибник). 84 с.

Сборник упражнений по лексикологии тюркских языков Южной Сибири. Новосибирск: изд-во НГУ. (совм. с Л. А. Шаминой). 87 с.

1997

Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. №4. Новосибирск: изд-во СО РАН. С. 56–61.

Языковая «картина мира» в ее отношении к моделям элементарных простых предложений // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Сборник тезисов научной конференции, посвященной 35-летию гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 219–222.

1998

К проблеме моделирования предложений наличия/отсутствия в русском языке // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах. Вып. 2. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 3–9 (совм. с Т. А. Колосовой).

Модель (гипермодель) описания действия {N=1 N=4 (N=7) Vtr} // Языки коренных народов Сибири. Вып. 4. Новосибирск: изд-во СО РАН. С. 35–60.

Модальные компоненты хантыйского предложения // Linguistica Uralica. Band XXXIV. I. Talinn (совм. с В. Н. Соловар).

Структура и типология именных предложений // Гуманитарные науки в Сибири. №4. Новосибирск: изд-во СО РАН. С. 96-104.

Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 4. Новосибирск: изд-во СО РАН. С. 3–30.

Язык как явление действительности и объект лингвистики. Учебное пособие по курсу «Общее языкознание». Новосибирск: изд-во НГУ. 128 с.

1999

Деепричастие как зависимый предикат моносубъектной полипредикативной конструкции (на ма-

териале алтайского языка) // Гуманитарные науки в Сибири. №4. Новосибирск: Изд-во СО РАН. С. 82-88.

Деепричастие как предикат моносубъектной полипредикативной конструкции // Мир языка. Материалы научно-методической конференции, посвященной памяти профессора М.М. Копыленко. Алматы. С. 331-338 (совм. с Т. А. Колосовой).

Ядро микросистемы бивербальных конструкций с аспектуальной семантикой *недлительности* в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 5. Новосибирск. С. 92-119.

О некоторых типах определительных конструкций, не вполне отвечающих понятию сложного предложения // Языки коренных народов Сибири. Вып. 6. Новосибирск. С. 3-19

Чем бы он ни занимался, какие бы задачи ни ставил перед собой, он всегда видел их по-своему масштабно // Вестник Томского педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (филология). Вып. 4 (12). С. 28.

2000

Деепричастие на *=n* // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. Вып.1. Серия языкознание. Абакан. С. 74-78.

Модели полипредикативных конструкций с деепричастными сказуемыми в форме на *=ганча* //

Res Linguistica. К 60-летию доктора филологических наук, профессора В. П. Нерознака. М: Аса-
demia. С. 373-385.

Системное место синтаксиса среди лингвистических дисциплин и проблема выделения его единиц // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Ч. 2. Т. 2. Томск. С. 88-108.

Types of causal relations and means of their expression in Altay // Tenth International Conference on Turkish Linguistics. 16-18 Agustos, 2000. P. 98-99.

О значимости понятий «союзность» и «бессоюзность» в типологии русских сложных предложений // Сложное предложение: традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения. Вып. 1. М.: изд-во «Русский учебный центр». С. 24-32 (совм. с Т. А. Колосовой).

Состояние синтаксических исследований тюркских языков Южной Сибири в последней четверти XX в. // Материалы международной конференции «Становление письменности и развитие науки в Туве». Кызыл.

‘I stood to lie down’ and ‘I sat to leave’: Infinitive constructions of intention in South Siberian Turkic languages // Turkic Languages. Vol. 4. Number 1. 2000. P. 77 – 113 (совм. с И. А. Невской).

2001

К вопросу об осложненном предложении // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. Вып. 2. Серия: языкознание. С. 66-71.

Предложения, осложненные оборотами деепричастного типа темпоральной семантики // Алтайская филология. Горно-Алтайск. С. 8-40.

Осложненные предложения с ведущим компонентом оборота «причастие + служебное слово» // Алтайская филология. Горно-Алтайск. С. 40-52 (совм. с А. Т. Тыбыковой).

2002

Язык и его отражение в науке о языке. Труды гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск: изд-во НГУ. 254 с.

Осложненное предложение в его отношении к сложному и простому // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск. С. 3- 24.

Предложения с деепричастиями в русском и их аналоги в тюркских языках // Вестник НГУ. История, филология. Т.1. Вып. 1. Новосибирск. С. 59-67 (совм. с Т. А. Колосовой).

Структурно-семантические типы изъяснительных предложений с ЗПЕ в функции подлежащего // Теоретические вопросы алтайской грамматики. Горно-Алтайск. С. 75- 88.

Типология предложений: шкала простоты – сложности // Чествуя филолога. К 75-летию Ф. А. Литвина. Орел. С. 209-227.

Аналитические конструкции инфинитивного типа в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 8. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 3-31.

2003

Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 11. Новосибирск: изд-во НГУ. С. 3-29.

2004

Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск: НГАЭиУ, 2004. 228 с.

Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. СО РАН. Избранные труды. Новосибирск: Наука. 896 с.

Создание эзоповских формул в сатире Щедрина (на материале очерков «За рубежом») // Искусство грамматики. Вып. 1. Новосибирск: НГУ. С. 535-551.

О деятельности кафедры языков и фольклора народов Сибири и перспективах изучения языков Сибири // Материалы Международной научной конференции «Формирование образовательных программ, направленных на создание нового типа гуманитарного образования, в условиях полиэтнического сибирского сообщества». Новосибирск. С. 9–18.

2005

Синтаксис тюркских языков Южной Сибири. Простое предложение. Труды гуманитарного факультета. Серия 5: учебно-методические пособия. Новосибирск: НГУ, 2005. 168 с. (совм. с А. А. Озоновой).

Практикум по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. Учебное пособие. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. 92 с. (совм. с А. А. Озоновой).

Простота, сложность и осложненность предложения // О. Н. Бетлингк и тюркское языкознание. Якутск. С. 122-128.

Народы Сибири и их языки // Этносоциальные и культурологические проблемы Центральной Азии и Сибири. Новосибирск. С. 18-25.

2006

Сравнительные конструкции в русском языке. Издание второе, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 272 с.

Языки коренных народов Сибири. Издание второе, переработанное и дополненное. Труды гуманитарного факультета. Серия V. Учебники и учебные пособия. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2006. 149 с. (совм. с А. Р. Тазрановой).

Отношения между простым и сложным предложением: оппозиция или шкала? // Международный лингвистический симпозиум «Грамматика и прагматика сложных предложений в языках Европы и Северной и Центральной Азии». Томск, 27-30 июня 2006 г. С. 11-12.

Аналитические средства связи частей сложного предложения в алтайском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск: изд-во «Любава». С. 3-20 (совм. с А. А. Озоновой).

2008

How the predicate valence forms the basic simple sentence // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 1. № 2. С. 184-192.

Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Отв. редактор Е. К. Скрибник. Новосибирск: изд-во «Любава». 204 с. (совм. с А. А. Озоновой, А. Р. Тазрановой). 204 с.

2009

Осложненное предложение в алтайском языке. Отв. редактор И. А. Невская. Новосибирск: научно-издательский центр «Сова» (совм. с А. Т. Тыбыковой, Л. Н. Тыбыковой). 286 с.

Алтайская языковая общность // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. А-И. Новосибирск. С. 81-82 (совм. с А. Р. Тазрановой).

Алтайский язык // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 1. А-И. Новосибирск. С. 90-91. (совм. с А. Р. Тазрановой).

Кумандинский язык // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 2. К-Р. Новосибирск. С. 232. (совм. с А. Р. Тазрановой).

Уральская языковая общность // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. С-Я. Новосибирск. С. 371-372 (совм. с А. Р. Тазрановой).

Хакасский язык // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. К-Р. Новосибирск. С. 429. (совм. с Р. И. Сунчугашевым, А. Р. Тазрановой).

Челканцев язык // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. К-Р. Новосибирск. С. 475. (совм. с А. Р. Тазрановой).

Эскимосский язык // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. К-Р. Новосибирск. С. 582. (совм. с А. Р. Тазрановой).

2010

Очерки по теории сложного предложения. Издание второе, переработанное и дополненное. Москва: изд-во УРСС. 226 с. (совм. с Т. А. Колосовой).

2012

Предложения с именным сказуемым (на материале тюркских языков Южной Сибири) // *Urbi et Academiae*. Архив гуманитарного знания. Граду и научному сообществу. № 1(3). Санкт-Петербург: «Издательский дом Алет-Пресс». С. 243–255.

2013

Управление как класс синтаксических связей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Вып. 25 (№1). Новосибирск. С. 4-29.

Синтаксис осложненного предложения в алтайском языке. Издание 2-е переработанное. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ. 268 с. (совм. с А. Т. Тыбыковой, Л. Н. Тыбыковой).

Редактирование

Сборники

Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 2. Ч1. Новосибирск: изд-во НГУ, 1969.

Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов 3-й лингвистической конференции. Новосибирск: изд-во НГУ, 1971.

Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 4. Новосибирск: изд-во НГУ, 1975.

Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Вып. 5. Новосибирск: изд-во НГУ, 1976.

Сложное предложение в языках разных систем. Новосибирск: ИИФиФ СО РАН СССР, 1977. Сб. Способы выражения полипредикативности. Новосибирск: ИИФиФ СО РАН СССР, 1978 (совм. с Е. И. Убратовой).

Информация и языковой знак. Тюмень, 1979.

Некоторые вопросы диалектной фразеологии. Новосибирск: изд-во НГУ, 1979.

Аналитические средства связи в ППК. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1980.

Инфинитные формы глагола. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1980.

Функциональный анализ единиц морфолого-синтаксического уровня. Иркутск: Иркутский университет, 1980.

Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск: Наука, 1980.

Подчинение в полипредикативных конструкциях. Новосибирск: Наука, 1980.

Падежи и их эквиваленты в строе сложного предложения в языках народов Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1981.

Синтаксис алтайских и европейских языков. Новосибирск: Наука, 1981.

Вопросы грамматики русского языка. Иркутск: Иркутский университет, 1981.

Структурные и функциональные типы сложных предложений. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1982.

Функциональный анализ синтаксических структур. Иркутск: Иркутский университет, 1982.

Строение и функционирование синтаксических единиц. Иркутск: Иркутский университет, 1983.

Тюркские языки в Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1983.

Теоретические аспекты лингвистических исследований. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1984.

- Структурно-функциональный анализ языковых единиц. Новосибирск, 1985.
- Полипредикативные конструкции в языках разных систем. Новосибирск: Наука, 1985.
- Морфология тюркских языков Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1985.
- Языки народов севера Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1986.
- Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Южной Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1986.
- Синтаксическая и лексическая семантика: на материале языков разных систем. Новосибирск: изд-во «Наука». 267 с. (совм. с Л. Г. Паниным).
- Морфология сибирских языков. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1987.
- Показатели связи в сложном предложении (на материале разных систем). Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1987 (совм. с Ф. А. Литвиным).
- Предикативность и полипредикативность. Челябинск, 1987.
- Языки народов СССР. Новосибирск: НГУ, 1988.
- Вопросы алтайского языкознания. Горно-Алтайск, 1988.
- Компоненты предложения. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1988 (совм. с Е. К. Скрибник).
- Предложение в языках Сибири. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1989 (совм. с Е. К. Скрибник).
- Системность на разных уровнях языка. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990 (совм. с Е. И. Убрятовой).
- Морфология глагола и структура предложения. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990. (совм. с Е. К. Скрибник).
- Языки народов Сибири: Грамматические исследования. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990.
- Языки коренных народов Сибири. Вып. 1. Новосибирск: НГУ, 1994.
- Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1995 (совм. с Н. Н. Ширококовой).
- Языки коренных народов Сибири. Вып. 3. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1996.
- Языки коренных народов Сибири. Вып. 4. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1998 (совм. с Е. К. Скрибник).
- Языки коренных народов Сибири. Вып. 8. Новосибирск: НГУ, 2002 (совм. с Н. Н. Ширококовой).

Монографии

- Фролова О. П. Фразеология японского языка. Новосибирск: НГУ, 1978. 87 с.
- Шамина Л. А. Темпоральные полипредикативные предложения тувинского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 140 с.
- Бродская Л. М. Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке. Новосибирск: Наука, 1988. 134 с.
- Скрибник Е. К. Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке. Новосибирск: Наука, 1988. 195 с.
- Филистович Т. П. Темпоральные полипредикативные конструкции алтайского языка. Новосибирск: НГУ, 1991. 172 с.
- Тыбыкова А. Т. Исследования по синтаксису алтайского языка. Постое предложение. Новосибирск: НГУ, 1991. 228 с.
- Белимов Э. И. Кетский синтаксис. Ситуация. Пропозиция. Предложение. Новосибирск: НГУ, 1991 (совм. с Н. М. Гришиной). 164 с.
- Коваленко Н. Н. Инфинитные формы глагола в нганасанском языке. Новосибирск: НГУ, 1992.
- Есипова А. В. Определительная функция причастий в шорском языке. Новосибирск: НГУ, 1992. 129 с.
- Невская И. А. Формы деепричастного типа в шорском языке. Новосибирск: НГУ, 1993. 119 с.
- Убрятова Е. И., Петров Н. Е., Неустроев Н. Н. и др. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 2. Синтаксис. Новосибирск: «Наука». Сибирская издательская фирма РАН, 1995. 336 с.
- Мальцева А. А. Морфология алуторского глагола. Новосибирск: изд-во «Сибирский хронограф», 1998. 252 с.
- Шамина Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск:

изд-во «Сибирский хронограф», 2001. 250 с.

Тажибаева С. Ж. Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка (сопоставительный аспект). Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2001 (совм. с Т. А. Колосовой). 271 с.

Боргоякова Т. Н. Способы выражения временных отношений между двумя событиями. Москва, 2002. 174 с.

Гальчук Л. М. Лексико-семантическое и функциональное освоение русизмов в алтайском языке. Новосибирск, 2004. 231 с.

Кокошникова О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск: изд-во «Сова», 2004. 139 с.

Байжанова Н. Р. Модели элементарных простых предложений в алтайском языке. Структурная схема N1Vf. Новосибирск: изд-во «Наука», 2004. 176 с.

Тазранова А. Р. Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск, 2005. 228 с.

Алмадакова Н. Д. Грамматическая категория залога в алтайском языке. Горно-Алтайск, 2005. 120 с.

Чертыкова М. Д. Глаголы говорения в хакасском языке (системно-семантический аспект). Абакан, 2005. 180 с.

Озонова А. А. Модальные аналитические конструкции в алтайском языке. Новосибирск: изд-во «Любава», 2006. 216 с.

Саналова Б. Б. Глаголы интеллектуальной деятельности в алтайском языке (в сопоставлении с киргизским языком). Горно-Алтайск: ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», 2007. 168 с.

Альчикова О. М. Лексико-семантическая группа параметрических имен прилагательных зрительного восприятия в алтайском языке (в сопоставлении с киргизским языком). Горно-Алтайск: ГНУ РА «НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова», 2010. 173 с.

Добринина А. А. Прилагательные современного алтайского языка, обозначающие черты характера человека (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 2012. 214 с.

Абумова О. Д. Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и ее семантическая реализация в хакасском языке. Абакан: Сервисный пункт, 2013. 186 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Черемисина М. И.</i>	Состояние языка как показатель состояния духовной культуры народности	4–11
<i>Горелова Л. М.</i>	Майя Ивановна Черемисина	12–20
<i>Озонова А. А.</i>	Вклад профессора М. И. Черемисиной в изучение синтаксиса алтайского языка	21–25

Вопросы синтаксиса простого и сложного предложения

<i>Gorelova L. M., Wu T.</i>	A typological comparison of information structures in Classical Mongolian and Manchu	26–45
<i>Абдуллаев С. Н.</i>	Устойчивые синтаксические структуры в уйгурском языке	46–48
<i>Серээдар Н. Ч.</i>	Фразеологизированные предложения в тувинском языке	49–52
<i>Тажиббаева С. Ж., Невская И. А.</i>	Исследование сравнительных конструкций в современной казахской лингвистике	53–59
<i>Ефремов Н. Н.</i>	Пространственные конструкции якутского языка, формирующиеся образными глаголами	60–62
<i>Чугунекова А. Н.</i>	Модели элементарного простого предложения с семантикой обладания в хакасском языке	63–66
<i>Кадырова Н.</i>	Модели простого предложения в русском и киргизском языках	67–69
<i>Телякова В. М.</i>	Грамматические особенности пассивных конструкций в шорском языке	70–72
<i>Камалова Ш. Н.</i>	Способы выражения обстоятельства места в языке древнетюркских рунических памятников	73–75
<i>Озолина Л. В.</i>	Прямое дополнение в тунгусо-маньчжурских языках: структурно-семантический аспект	76–78
<i>Давидюк Т. И.</i>	Маркеры причинных отношений в финно-угорских языках	79–81
<i>Даржаева Н. Б.</i>	Лингвистический эксперимент в дифференциации бурятских квазисинонимических бипредикативных конструкций общего следования	82–84

Вопросы глагольной и именной морфологии

<i>Боргоякова Т. Н.</i>	Система временных форм глагола в тюркских языках Южной Сибири (на материале хакасского языка)	85–88
<i>Ильина Л. А.</i>	Сенсорно-эвиденциальные глагольные формы и грамемы в диахронии самодийских и юкагирских языков	89–91
<i>Шарина С. И.</i>	Функционирование причастий в ламунхинском говоре эвенского языка	92–94
<i>Бурькин А. А.</i>	Особенности системы личных местоимений 3 лица в тунгусских языках в контексте исторической морфологии и синтаксиса тунгусо-маньчжурских языков	95–97

<i>Воробьева В. В.</i>		
<i>Новицкая И. В.</i>	Система именных маркеров в восточных диалектах хантыйского языка	98–99
<i>Останина М. А.</i>	О случаях употребления аффикса притяжательности <i>-ныңкы</i> в функции родительного падежа в языке барабинских татар	100–102
<i>Кашкин Е. В.</i>	Памятник хантыйской письменности «Священная история»: некоторые морфологические особенности	103–105

Вопросы лексикологии и исследования языковой картины мира

<i>Каксин А. Д.</i>	Толоконный лоб, пас пулғас, сяртаң хә: языковые единицы и элементы для характеристики / оценки человека	106–108
<i>Динисламова О. Ю.</i>	Особенности национально-культурных представлений о старости в мансийской и хантыйской языковых картинах мира	109–112
<i>Кузьмина Р. П.</i>	Соматический код культуры в паремиологическом дискурсе эвенов	113–115
<i>Шенцова И. В.</i>	Концептуальная база и денотативная структура поля «Музыка» в шорском языке	116–119
<i>Соловар В. Н.</i>	Семантические особенности глаголов хантыйского и мансийского языков с превербом кәтна/катәш/ китүи/киттыг	120–122
<i>Чертыкова М. Д.</i>	Семантико-когнитивная характеристика хакасских глаголов со значением вкусового восприятия (в сравнении с другими тюркскими языками)	123–125
<i>Нахрачева Г. Л.</i>	Глаголы поведения в хантыйском языке: лексико-типологический аспект	126–129
<i>Бардаханова З. Д.</i>	Диалектная лексика закаменского говора бурятского языка: постановка проблемы	130–132
<i>Булатова А. К.</i>	Полисемия диалектной лексики татарского языка	133–135
<i>Николаев Е. Р.</i>	Диалектные наименования рыбных блюд якутского языка как фрагмент языковой картины мира	136–138
<i>Бакеева А. Т., Тажиева С. Ж.</i>	Разработка и использование тезауруса горнорудных терминов в переводческой деятельности	139–144
<i>Жамсаранова Р. Г., Дыжитова Е. Ч.</i>	Конвергентные явления в корпусе географической терминологической лексики Восточного Забайкалья	145–147
<i>Старостина Я. Е.</i>	Наименования горных ландшафтов якутского языка, имеющие монгольские и тунгусо-маньчжурские параллели	148–150
<i>Терещенко А. В.</i>	Ономастическое пространство селькупского и русского прозаического фольклора в сопоставительном аспекте (на материале имен персонажей и географических названий)	151–153
<i>Рыжкина О. А.</i>	К вопросу об англицизации русского языка	154–155

Вопросы словообразования

<i>Чебочакова И. М.</i>	Семантические особенности производных слов, образованных от основ терминов родства, в хакасском языке	156–158
<i>Урманчиева А. Ю.</i>	Модели образования составных числительных в языках Сибири (от мансийского до юкагирского)	159–161
<i>Цыбенова Ч. С.</i>	Деминутивное словообразование в тувинском языке	162–164

Вопросы фонетики

<i>Абаева Ю. Д.</i>	Вопросы разработки звукового корпуса бурятских диалектов	165–167
<i>Бадртдинова А. А.</i>	Фонетические закономерности в области гласных звуков в говоре чатских татар	168–169
<i>Селютина И. Я., Добринина А. А.</i>	Телеутский консонантизм: малолшумные переднеязычные согласные (по инструментальным данным)	170–173

Вопросы социолнгвистики и диалектологии

<i>Дырхеева Г. А.</i>	О некоторых социолнгвистических проблемах в современной Монголии	174–176
<i>Игнатович Т. Ю.</i>	Диалектика процессов трансформации современных восточно-забайкальских русских говоров	177–180
<i>Филистович Т.П.</i>	Из истории создания Барнаульской научной диалектологической школы	181–182

Вопросы корпусной лнгвистики

<i>Невская И. А., Тыбыкова Л. Н.</i>	Значение трехмерной документации для исследования древнетюркских рунических надписей Алтая	183–187
--	--	---------

Список научных работ Майи Ивановны Черемисиной		188–201
---	--	---------

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Предложение как единица языка и речи

Материалы Всероссийского научного симпозиума
с международным участием «Предложение как единица языка и речи»,
посвященного 95-летию со дня рождения М. И. Черемисиной.

(Новосибирск, 8-11 октября 2019 г.)

Редактор Е. В. Тюнтешева
Компьютерная верстка Н. С. Уртегешев

В оформлении обложки использован рисунок
М. И. Черемисиной «Моя жизнь в искусстве»

Подписано к печати 2.10.2019 г. Формат 60х84/8
Бумага офсетн. Гарнитура Таймс. Печать цифровая.
Печ. л. 25,25. Тираж 100 экз.
Заказ № 139
Отпечатано ООО «Академиздат».
630090, Новосибирск, пр-т ак. Лаврентьева, 6/1
Тел. (383) 380-65-20
www.academizdat.com